

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение  
высшего профессионального образования  
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

*На правах рукописи*

ВОЛКОВА Яна Александровна

**ДЕСТРУКТИВНОЕ ОБЩЕНИЕ  
В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ**

10.02.19 – теория языка

Диссертация  
на соискание ученой степени  
доктора филологических наук

**Научный консультант:**  
доктор филологических наук,  
профессор В.И. Шаховский

Волгоград 2014

## ОГЛАВЛЕНИЕ

<b>Введение</b>	4
<b>ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО ОБЩЕНИЯ</b>	16
1.1. Деструктивность в системе знания	16
1.1.1. Деструктивность как предмет исследования в философии	16
1.1.2. Биологические и нейрофизиологические основания деструктивности	21
1.1.3. Агрессия vs деструктивность. Основные психологические концепции агрессии	29
1.2. Деструктивное общение как часть межличностной коммуникации	45
1.2.1. Определение деструктивного общения. Место деструктивного общения в ряду смежных понятий	45
1.2.2. Классификация ситуаций деструктивного общения	72
<b>Выводы по первой главе</b>	90
<b>ГЛАВА II. КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЕСТРУКТИВНОСТИ</b>	94
2.1. Деструктивность: концепт или концептуальное пространство?	94
2.2. Методологические основы моделирования концептов эмоций (на примере моделирования эмоционального концепта «гнев»)	103
2.3. Концептуализация эмоций-стимулов деструктивного поведения	118
2.3.1. Концептуализация ненависти	119
2.3.2. Концептуализация зависти	138
2.3.3. Концептуализация ревности	157
2.4. Невербальная концептуализация деструктивных эмоций	176
2.4.1. Мимика	177
2.4.2. Жесты	199
2.4.3. Пантомимика	218

2.4.4. Проксемика	227
2.4.5. Паралингвистика	235
2.4.6. Деструктивность смеха	242
2.5. Факторы, способствующие эскалации деструктивности в общении	252
<b>Выводы по второй главе</b>	<b>259</b>

## **ГЛАВА III. КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ**

<b>В ДЕСТРУКТИВНОМ ОБЩЕНИИ</b>	<b>265</b>
3.1. Понятие деструктивной коммуникативной личности	265
3.2. Стратегии и тактики деструктивной коммуникативной личности в ситуациях деструктивного общения	282
3.2.1. Коммуникативный садизм	286
3.2.2. Хамство	296
3.3. Коммуникативные типажи как примеры типизируемой деструктивной коммуникативной личности	305
3.3.1. Коммуникативные типажи, практикующие преимущественно открытое деструктивное поведение: «хам»	305
3.3.2. Коммуникативные типажи, практикующие преимущественно скрытое деструктивное поведение: «завистник»	317
3.3.3. Коммуникативные типажи, практикующие различные виды деструктивного поведения: «ревнивец»	330
3.4. Деструктивное общение в аспекте эмотивной лингвоэкологии	351
<b>Выводы по третьей главе</b>	<b>363</b>
<b>Заключение</b>	<b>367</b>
<b>Библиография</b>	<b>379</b>
<b>Лексикографические источники и принятые сокращения</b>	<b>425</b>
<b>Источники примеров</b>	<b>428</b>

## ВВЕДЕНИЕ

Антропологическая ориентация гуманитарной и естественнонаучной мысли открыла новые перспективы для лингвистики, расширив сферу ее интересов вопросами лингвокогнитивного и коммуникативного характера. Рассмотрение языка как феномена, способного не только фиксировать познавательный опыт человечества, но и в значительной мере определять ценностные ориентиры социума, дало начало изучению концептуализации различных психических процессов, к которым относятся и эмоции.

Не подлежит сомнению, что общение есть доминантная форма человеческого существования: «человек необщающийся» представляет собой явное отклонение от нормы, медицинскую патологию. Однако в последнее время расширяется сфера функционирования особого типа человеческого общения, где эмоционально-смысловой доминантой выступают эмоции, кластеры эмоций или эмоционально-когнитивные комплексы, стимулирующие агрессию коммуниканта(ов) (как вербальную, так и невербальную). В интервью «Российской газете» заместитель директора института психологии РАН А.В. Юревич, сославшись на масштабное исследование оценки изменения типового психологического облика наших сограждан с 1981 по 2011 гг., сказал, что «россияне стали конфликтнее, злее, наглее и во многом потеряли способность к самоконтролю» [Владыкина, www]. Это страшный вывод, означающий, что агрессия в обществе вышла за естественные биологические рамки и перешла в разряд деструктивности — сферы, ответственность за которую несет не некий врожденный инстинкт, а сам человек. Неслучайно, что в последние десятилетия вопросы межличностной и социальной агрессии попали в круг интересов не только психологов, но и лингвистов (специалистов по теории коммуникации), которые занялись изучением в первую очередь вербальных средств ее выражения (см. Агрессия в языке и речи, 2004; Воронцова, 2006; Горбаневский, 2003; Жельвис, 1988, 1991, 1995, 2000, 2001, 2004; Карякин, 2010; Колосов, 2004; Кусов, 2004; Речевая агрессия ... , 1997;

Рудкова, 2004; Сидорова, 2009; Смирнова, 1993; Хохлова, 2004, Щербинина, 2008 и др.). В многочисленных исследованиях вербальной агрессии показывается, как язык, призванный служить инструментом коммуникации, становится инструментом агрессии. Относясь к невербальным по своей сути явлениям, агрессия и деструктивность человека находят выражение прежде всего в невербальных компонентах коммуникации. Значимость невербальной составляющей нельзя недооценивать, ибо язык представляет собой, возможно, и единственное, но не всегда достаточное средство выражения мысли. Хотя исследований собственно по невербальной коммуникации великое множество [Беликов, 1991; Вайман, 1980; Галичев, 1987; Глаголев, 1977; Горелов, 1977; 1980; 1985; Давыдов, 1965; Железанова, 1982; Кедрова, 1980; Колшанский, 1974; Крейдлин, 2004; Мудрая, 1995; Накашидзе, 1981; Николаева, 1966; Пиз, 1992; Романов, 2004; Смирнова, 1973; 1977; Argyle, 1977; Birdwhistell, 1965; 1973; Critchley, 1975; Fast, 1975; 1977; Hall, 1969; Key, 1975; 1995; Leathers, 1976; 1986; Mehrabian, 1972; Sanders, 1985 и др.], ни одно из них не раскрывает полностью взаимоотношения языковой агрессии и языка агрессии с учетом экстралингвистических и невербальных компонентов общения.

Эмоции выступают в качестве главного регулятора процессов восприятия и порождения речи, коммуникативного поведения в целом, т.к. именно эмоции задают интерпретацию индивидом окружающей действительности, а базовые эмоции образуют основные структуры сознания [Ортони, 1995; Izard, 1979]. Отражение эмоций в коммуникации составляет важнейший аспект в решении таких проблем современного общего языкознания, как язык и мышление, язык и сознание, язык и познание, язык и общество и многих других. Бурное развитие лингвистики эмоций (эмотиологии) [см. работы Бабенко, 1989; Быдина, 1994; Вежбицкая, 1996; Витт, 1965; Воркачев, 1992, 1996; Жельвис, 1988, 1991, 1995; Маслова, 1992; Панченко, 2010; Пиотровская, 1995; Ренц, 2011; Шаховский, 1987, 1995, 1996, и др.; Чесноков, 2009; Aitchison, 1992; Fisher, 1992; Jacobsen, 1979; Korte, 1992, 1993; Kövecses, 1986, 1990; 2005 и др.] лишний раз подтверждает значимость этого направления в современной науке.

**Актуальность** темы диссертационного исследования определяется следующими факторами: 1) усилением агрессивности в современном российском обществе и, соответственно, необходимостью расширения и углубления знаний о деструктивном коммуникативном поведении личности с целью выработки стратегий и тактик противодействия росту деструктивности в общении; 2) отсутствием комплексных исследований деструктивного общения в теории межличностной коммуникации; 3) необходимостью углубленного изучения средств и способов репрезентации эмоций в коммуникации и связанными с ней вопросами соотношения вербального и невербального в эмоциональной коммуникации; 4) растущим интересом исследователей к различным аспектам экологии языка, в частности к проблеме влияния эмоций на степень экологичности / неэкологичности различных текстов.

Настоящее исследование выполнено в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики. **Объектом** исследования является деструктивное общение как тип межличностного общения. **Предметом** работы являются общие и специфические характеристики различных типов деструктивного общения, а также языковая репрезентация деструктивности в межличностном общении в когнитивном и коммуникативном аспектах.

Мы определяем **цель** исследования как выявление когнитивных и коммуникативных параметров деструктивного общения, а также языковых средств, репрезентирующих деструктивность в реальной и художественной коммуникации на материале русского языка.

В основу выполненного исследования положена следующая **гипотеза**: в структуре межличностного взаимодействия выделяется особый тип эмоционально-окрашенного общения — деструктивное общение, базовой целеустановкой которого является возвышение за счет унижения / морального уничтожения партнера. Деструктивное общение характеризуется набором конститутивных признаков, которые предопределяют основные пути его реализации.

Достижение цели и доказательство гипотезы предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

1) рассмотреть деструктивность как многомерный междисциплинарный феномен в философском, биологическом, психологическом контексте;

2) определить содержание понятия «деструктивное общение»;

3) выявить и описать конститутивные признаки деструктивного общения;

4) выявить и описать структуру концептуального пространства деструктивности, проанализировать структуру ядерных эмоциональных концептов, входящих в него;

5) определить и рассмотреть основные компоненты невербальной концептуализации эмоций, входящих в концептуальное пространство деструктивности;

6) выявить и описать тактики, специфичные для коммуникативного поведения деструктивной коммуникативной личности;

7) определить и описать коммуникативные типажи деструктивного общения и установить специфику их коммуникативного поведения;

8) рассмотреть деструктивное общение с позиций адресата и адресанта в аспекте эмотивной лингвоэкологии.

В работе использовались следующие **методы исследования**:

1) общенаучный гипотетико-дедуктивный метод; 2) интроспекция;

3) описательный метод, включающий анализ, сопоставление и классификацию языковых фактов; 4) метод контекстуального анализа; 5) метод наблюдения, включающий «полевые» наблюдения, т.е. наблюдения за коммуникативным поведением людей в естественных условиях с последующей вербальной регистрацией, а также прием стимулирования межличностной конфронтации, подразумевающий намеренную провокацию агрессии в ситуации общения;

6) концептуальный анализ, включающий в себя понятийное моделирование и этимологический анализ имени концепта, опрос информантов, позволяющий уточнить дифференциальные признаки понятия, анализ средств лексико-фразеологической объективации концепта и анализ корпуса контекстов, в

которых данный концепт актуализируется; в рамках данного метода для моделирования эмоциональных концептов использовался частный метод концептуальной метафоры; 7) анкетирование и интервьюирование, а также прием количественного подсчета.

**Материал исследования.** В качестве материала исследования использованы примеры из художественной и публицистической литературы, устные высказывания, публикации в Интернете, тексты Интернет-форумов, стенограммы и видеозаписи передач СМИ на русском языке, видеофрагменты записей реальной коммуникации, выложенные на портале YouTube, материалы Национального корпуса русского языка, данные толковых, энциклопедических, этимологических словарей и словарей синонимов, сборников афоризмов, материалы анкет и опросов. Обработке подвергся массив более 100 тысяч контекстов, из которых было выделено и проанализировано около 8000 контекстов, включая паремии и афоризмы.

**Научная новизна** исследования заключается в первую очередь в выборе объекта исследования и введении в научный обиход понятий «деструктивное общение» и «деструктивная коммуникативная личность». Впервые в лингвистической практике диссертация посвящена комплексному исследованию деструктивности в общении. Кроме того, научная новизна настоящей работы состоит в том, что впервые: 1) деструктивность в общении проанализирована как сложное когнитивно-дискурсивное образование; 2) описаны основные конститутивные параметры деструктивного общения; 3) определено место деструктивного общения в системе смежных понятий; 4) с учетом средств не только вербальной, но и невербальной репрезентации проведено моделирование концептов эмоций, являющихся мотивационной основой деструктивного общения; 5) проанализирована и описана специфика коммуникативного поведения коммуникативных типажей, практикующих деструктивное общение; 6) выявлены и описаны специфические коммуникативные тактики деструктивного общения; 7) проведен анализ



ситуаций деструктивного общения с позиций новейшей языковедческой дисциплины — эмотивной лингвоэкологии.

**Теоретическая значимость** результатов исследования состоит в существенном переосмыслении содержания понятия «деструктивное общение» в понятийном аппарате современной коммуникативной лингвистики. Выдвинуто и обосновано его новое определение, установлено его место в ряду смежных понятий, выделены основные конститутивные признаки с позиций теории коммуникации. Уточнение методики исследования эмоциональных концептов вносит определенный вклад в развитие методологии когнитивных исследований. Уточнение и развитие методики исследования коммуникативных типажей, а также выделенные и проанализированные примеры типизируемой коммуникативной личности представляют интерес для лингвоперсонологии.

**Практическая ценность** работы обусловлена возможностью применения выводов и материалов исследования в целях совершенствования понимания текста и его адекватной интерпретации. Результаты работы могут найти применение в учебных курсах по языкознанию, стилистике, лекционных курсах и спецкурсах по теории и практике эффективной коммуникации, лингвоперсонологии, прагмалингвистике, а также при разработке лекционных курсов и спецкурсов по общему и сопоставительному языкознанию, стилистике, лингвоконцептологии. Материалы диссертации используются в научно-исследовательской работе студентов, магистрантов и соискателей и могут представлять интерес для практикующих психологов.

**Методологическую основу исследования** составляют научные концепции, разработанные в рамках следующих научных направлений:

1) лингвоконцептологии и когнитивной лингвистики (А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, А. Вежбицкая, Е.Н. Винарская, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков, Дж. Динсмор, А.А. Залевская, В.И. Карасик, Н.А. Красавский, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, С.Х. Ляпин, М. Минский, Н.Н. Панченко, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Е.Е. Стефанский, В.Н. Телия,

А. Ченки, А.П. Чудинов, J. Aitchison, G. Fauconnier, P. Gärdernfors, G. Lakoff, Z. Kövecses и др.);

2) лингвистики эмоций (В.Ю. Апресян, Л.Г. Бабенко, Ш. Балли, Н.В. Витт, Е.М. Вольф, В.Г. Гак, В.Д. Девкин, М.Д. Городникова, В.В. Гуревич, В.И. Жельвис, К.Э. Изард, С.В. Ионова, Н.А. Красавский, Н.А. Лукьянова, В.А. Маслова, Л.А. Пиотровская, В.А. Пищальникова, Н.К. Рябцева, В.Н. Телия, О.Е. Филимонова, В.И. Шаховский, С.С. Янелюкайте и др.)

3) теории коммуникации и теории дискурса (М.М. Бахтин, Н.Д. Арутюнова, Н.А. Белоус, Ю.К. Волошин, В.В. Дементьев, Н.Д. Голев, Г.П. Грайс, Т. ван Дейк, О.С. Иссерс, М.С. Каган, Н.В. Казаринова, В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, В.В. Красных, В.Н. Куницына, О.А. Леонтович, М.Л. Макаров, Г.Г. Матвеева, О.И. Матьяш, А.В. Олянич, В.А. Пищальникова, В.М. Погольша, И.А. Стернин, Е.И. Шейгал и др.);

4) семиотике (Р. Барт, М.М. Бахтин, И.Н. Горелов, Г.Е. Крейдлин, Г.В. Колшанский, Ю.М. Лотман, А. Пиз, А.А. Романов, Н.И. Смирнова, Ю.А. Сорокин, Ю.С. Степанов, M. Argyle, R. Birdwhistell, M. Critchley, J. Fast, E.T. Hall, M.R. Key, D. Leathers, A. Mehrabian и др.);

5) языковой личности и лингвоперсонологии (Г.И. Богин, О.А. Дмитриева, Е.В. Иванцова, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, И.Э. Ключанов, В.П. Нерознак, Н.Н. Панченко, К.Ф. Седов, Л.Б. Сиротинина, В.И. Шаховский и др.);

б) лингвистической экологии (Н.Д. Голев, М.В. Горбаневский, Е.С. Карамурза, Е.Ю. Ильинова, А.П. Сковородников, С.В. Ионова, Д.С. Лихачев, В.И. Шаховский, Е. Naugen и др.)

**Апробация результатов исследования.** Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность» Волгоградского государственного социально-педагогического университета (2011, 2012, 2013, 2014), заседаниях кафедры языкознания Волгоградского государственного педагогического университета (2012—2014), а также были представлены в виде докладов на конференциях:

*международных* — «Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики» (Волгоград, 2008, 2010, 2011), «Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы» (Волгоград, 2008, 2012, 2013), «Язык. Культура. Коммуникация» (Ульяновск, 2008), «Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире — 2» (Волгоград, 2008), «Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире — 5» (Волгоград, 2010), «Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире — 6» (Волгоград, 2012), «Экология языка и речи» (Тамбов, 2011), «Язык как система и деятельность — 4» (Ростов-на-Дону, 2013), *всероссийских и региональных* — «Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики» (Волгоград, 2009), «Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности» (Иркутск, 2011), общероссийском научно-теоретическом семинаре «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве» (Волгоград, 2012), Интернет-конференции Сибирской ассоциации лингвистов-экспертов (Сибалтэкс) «Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридиколо-лингвистическая герменевтика» (Кемерово—Новосибирск—Барнаул, 2012).

Основное содержание исследования представлено в монографии «Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте» и 43 публикациях, из которых 15 в журналах, рекомендованных ВАК.

**На защиту выносятся следующие положения:**

1. Деструктивное общение представляет собой тип эмоционального общения, направленного на сознательное и преднамеренное причинение собеседнику морального и/или физического вреда и характеризуемого чувством удовлетворения от страданий жертвы и/или сознанием собственной правоты. Стремление личности возвыситься за счет унижения / морального уничтожения собеседника составляет интенциональную базу деструктивного общения, что предопределяет основные пути его реализации.

2. Ситуация деструктивного общения характеризуется обязательным наличием в ней пяти конститутивных признаков: а) деструктивная интенция,

б) отрицательный эмоциональный стимул, в) индикаторы вербальной агрессии и/или невербальные маркеры враждебности/агрессии, г) отрицательная реакция адресата, д) положительная реакция адресанта.

3. Исходя из различных форм проявления агрессии в коммуникации, возможности объективного наблюдения за проявлениями агрессивности и учета причинно-следственных связей между задачами общения и стратегиями, тактиками поведения коммуникантов, мы выделяем три типа ситуаций деструктивного общения: а) ситуации открытого деструктивного общения, б) ситуации скрытого деструктивного общения, в) ситуации пассивно-деструктивного общения. Данные типы ситуаций деструктивного общения характеризуются преобладанием в них определенной речевой стратегии, а также набором невербальных компонентов, выступающих основным критерием / признаком при отнесении той или иной ситуации общения к конкретному деструктивному типу.

4. Деструктивность — это концептуальное пространство, состоящее из совокупности разнородных концептов, в число которых входят концепты эмоций, вызывающие и поддерживающие деструктивное поведение индивида, представления о факторах и ситуациях, способствующих актуализации и эскалации агрессивного поведения человека, концепты эмоций, возникающие в результате совершения деструктивного акта, прототипические и парапрототипические сценарии деструктивного поведения человека.

5. Концептуальное пространство деструктивности имеет достаточно четко организованную полевую структуру. К ядерным концептам концептуального пространства деструктивности относятся эмоциональные концепты «гнев», «злоба», «ярость», «ненависть», «презрение»; эмоционально-поведенческие концепты «месть», «ревность», «черная зависть», прототипические когнитивные сценарии деструктивного поведения; к ближней периферии — эмоциональные концепты «раздражение», «неприязнь», «обида», «страх», т.е. находящиеся в причинно-следственной связи с эмоциями-стимулами деструктивного поведения, все парапрототипические сценарии

развития «агрессивных» эмоций; дальнюю периферию формируют концепты, содержание которых имеет опосредованное отношение к феномену деструктивности.

6. Концепты эмоций, входящие в ядро концептуального пространства деструктивности, обладают значительными когнитивными сходствами, что свидетельствует о наличии у данных эмоций общей концептуальной основы. Эти эмоции характеризуются кластерностью, и их концептуализация материализует представления человека об агрессии как о некой спонтанной силе, с трудом поддающейся сознательному контролю человеком. Вербальная концептуализация деструктивных эмоций представляет собой в первую очередь их знаковую соматическую фиксацию. В языковой картине мира данных эмоций представлено в основном отражение невербальных процессов: физиологических процессов, сопровождающих переживание эмоции и сопряженных с ними физических проявлений эмоций.

7. Коммуникативное поведение личности в ситуациях деструктивного общения связано с выбором базовой целеустановки, стратегии и тактики. В зависимости от того, какими доминирующими эмоциями мотивируется коммуникативное поведение и в какой форме оно реализуется, возможно выделение коммуникативных типажей, ориентированных на открытое деструктивное поведение (коммуникативный типаж «хам»), коммуникативных типажей, ориентированных на скрытое деструктивное поведение («завистник»), и коммуникативных типажей, практикующих различные виды деструктивного поведения («ревнивец»).

8. В аспекте эмотивной лингвоэкологии деструктивное общение может рассматриваться как амбивалентно-экологичное с позиции адресанта, т.к., с одной стороны, оказывает негативное воздействие на личность субъекта деструктивной коммуникации, а с другой — вызывает у него катарсис деструктивных эмоций и/или положительную эмоциональную реакцию. Однако с позиции адресата деструктивное общение квалифицируется как однозначно

неэкологичное, ибо оказывает разрушительное действие на его психоэмоциональное состояние и личность в целом.

**Структура работы.** Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, списка лексикографических источников и принятых сокращений, а также списка источников примеров.

Во введении содержится обоснование актуальности темы, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, указываются его методы и методологическая база, раскрываются научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Теоретические основы исследования деструктивного общения» обсуждаются и уточняются теоретические положения, служащие методологической базой диссертационного исследования, рассматривается деструктивность в системе научного знания, формулируется определение деструктивного общения, выделяются и описываются его параметры, определяется место деструктивного общения в ряду смежных понятий, предлагается классификация ситуаций деструктивного общения.

Во второй главе «Концептуальное пространство деструктивности» обсуждается понятие концептуального пространства, выделяются и анализируются концепты эмоций, входящих в ядро концептуального пространства деструктивности. Отдельно рассматривается невербальная концептуализация этих эмоций, а также факторы, способствующие эскалации деструктивности в общении.

В третьей главе «Коммуникативная личность в деструктивном общении» выделяются и описываются коммуникативные стратегии и тактики деструктивного общения, анализируются тактики, специфичные для данного типа общения, рассматриваются коммуникативные типажи, практикующие различные виды деструктивного общения, а также проводится анализ деструктивного общения с позиций адресата и адресанта в аспекте эмотивной лингвоэкологии.

Каждая глава завершается выводами, суммирующими доказываемые в главах положения работы.

В заключении подводятся итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшей разработки его положений.

# ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО ОБЩЕНИЯ

## 1. Деструктивность в системе знания

Проблема человеческой деструктивности возникает в связи с глубоким кризисом человечности и упадком культуры, который переживает сейчас общество. Утрата нравственных ценностей, испокон веков составлявших основу нашей цивилизации, приводит к тому, что человек, созданный для созидания, становится разрушителем. Прежде чем обратиться к анализу деструктивности в коммуникации, необходимо увидеть истоки осмысления данного феномена в науке.

### 1.1.1. Деструктивность как предмет исследования в философии

В философии предпринималось немало попыток создать единую концепцию человеческой деструктивности, выяснить ее природу и классифицировать проявления. Полный и детальный анализ генезиса философского осмысления деструктивности проведен в работе Е.В. Сатыбаловой [Сатыбалова, 2002]. Мы же кратко остановимся на основных философских воззрениях на деструктивность с целью уточнения общенаучного значения данного термина. В философских исследованиях чаще всего используются термины *разрушительность*, *деструкция*. Хотя представления о деструктивности восходят к категории негативности Г.В.Ф. Гегеля, сам термин «деструктивность» был введен в науку немецким социологом, философом, социальным психологом и психоаналитиком Эрихом Фроммом, анализ концепции которого будет проведен в дальнейшем. В современной философии человеческая деструктивность является предметом рассмотрения двух основных течений — метафизики и постмодернизма. К метафизическим относится широкий спектр философских направлений XX в., основными из которых являются *философская антропология*, *русская религиозная философия*,



*экзистенциализм*. Именно в рамках данного течения были осознаны многие важные аспекты феномена человеческой деструктивности.

*Философская антропология* представлена работами классиков — М. Шелера, Г. Плеснера, А. Гелена. М. Шелер рассматривает человеческую разрушительность как явление, проистекающее из концепции принципиального бессилия духа, основанной на признании человека в качестве «встречи», «порыва», как витального ядра и «духа», как единства разума и переживаний [Шелер, 1994]. Г. Плеснер в своей теории позициональности человека утверждает, что положение человека в мире, в отличие от растения и животного как ступеней органического, эксцентрично (т.е. находится вне центра). Г. Плеснер различает растительную, животную и человеческую организацию. Например, животное, в отличие от растения, опосредованно включено в окружающую среду. У него есть органы для контакта с ней и сугубо внутренние органы, для взаимоопосредования которых нужен центр. Таким образом, позициональность животного — центрическая. Центр как бы дистанцирован от живого тела, которое воспринимается центром как плоть. Но этот центр не осознает себя как центр. Чтобы это было возможно, нужно «зашедшее за себя Я» человека, «необъективируемый полюс субъекта». Эта эксцентрическая, т.е. внецентрическая позициональность — главная характеристика человека. Таким образом, человеческое укоренено вне мира, при этом у него нет божественной первоосновы. Человек, по Г. Плеснеру, неизбежно находится в борьбе со своей рефлексией и имманентностью всех своих определений, борьбе, возобновляемой с той же необходимостью, с какой каждая следующая попытка терпит провал, и в этом есть основа человеческой разрушительности [Плеснер, www]. Философия А. Гелена так же опирается на представление об «ущербности», т.е. биологической неспециализированности и непригодности человека. Человек, в противоположность всем высшим млекопитающим, определяется, главным образом, недостатками, что лишает его возможности выжить во внешней среде. Человек способен творить свой собственный мир, но это лишь обратная сторона его «недостаточности».

Существование человека всегда «рискованно», «небезопасно», ибо животное от природы гармонично, а человек должен сам создавать гармонию и преодолевать угрозу хаоса. Обеспечивают выживание человека, по Гелену, не только язык и понятийное мышление, но и социальные институты. Если по какой-то причине они вдруг ослабевают, то человеческое поведение становится примитивным, человек начинает следовать непосредственным стимулам и впечатлениям. Различные группы потребностей автономизируются и вступают в противоречие с другими, завладевая сознанием человека как некое слепое влечение. Человек не знает предела в проявлении своих стремлений, в том числе и агрессивности. В обществе, где рушатся институты, сразу же заявляет о себе «атомарная агрессивность», приобретающая характер «борьбы всех против всех» [Гелен, 1988].

В *русской религиозной философии*, особенно в персонализме, «наиболее ценной для осмысления феномена человеческой деструктивности является идея соразмерности микро- и макрокосмоса, являющаяся основой возникновения человеческого мироотношения, и формирование на этой основе цельного характера индивидуального бытия в его подлинности. Нарушение же соразмерности влечет за собой деструкцию отношения «человек — мир», приводит к искажению подлинно человеческого бытия, утрате человеком своего места в мире. Человеческое бытие приобретает черты разорванности и неполноты, подчиняется внешним по отношению к личности факторам: религии, науке, морали, отчужденной социальности, дегуманизированному производству и потреблению» [Немчинова, 2005, с. 23].

Русские религиозные философы (Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С. Л. Франк, Л.И. Шестов и др.), рассматривая вопрос о природе и сущности человека, признавали изначальную противоречивость человека, проявляющуюся в дуализме души и тела, свободы и необходимости, добра и зла, божественного и земного. Так, Ф.М. Достоевский верил, что человек в своей глубинной сущности содержит два полярных начала — Бога и дьявола, добро и зло, которые проявляются особенно сильно, когда человек, говоря

словами Н.А. Бердяева, «отпущен на свободу» [Бердяев, 1991, с. 56—57]. В.С. Соловьев полагал, что человек совмещает в себе всевозможные противоположности, которые сводятся в конечном счете к одной великой противоположности — между безусловным и условным, абсолютной вечной сущностью и преходящим явлением и видимостью, а человек есть вместе и божество и ничтожество [Соловьев, 1988]. Н.А. Бердяев говорил о двойственности человека и рассматривал его как точку пересечения двух миров — высшего, связанного с духовным миром и Богом, и низшего, природного и ограниченного [Бердяев, 1991, с. 20—21].

Философия *экзистенциализма* также осмысливает разрушительное начало, скрытое в человеке. Наиболее яркие представители данного течения К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, А. Камю поднимают вопросы, непосредственно связанные с основой человеческой разрушительности (свобода, возникающая из «ничто», страх перед неизвестным будущим, когда человек узнает, что он не вечен т.п.).

В основу теории М. Хайдеггера положено особое, отличное от предыдущих, понимание деструкции [Хайдеггер, www]. М. Хайдеггер противопоставил деструкцию методу феноменологической редукции Э. Гуссерля и выделил три соответствующих операции деструкции: редукцию, или возвращение от сущего к бытию; деструкцию традиции; конструкцию бытия. Метод деструкции М. Хайдеггера, по мнению Е.В. Сатыбаловой, предполагает «заклучение в скобки» самого характера понимания бытия, что позволяет «пробиться» к самой его сути благодаря всматриванию в существование, не принося его в жертву сущности» [Сатыбалова, 2002, с. 5].

Центральным аспектом философии *постмодернизма* как второго важнейшего источника анализа человеческой деструктивности является сосредоточение на анализе разорванности, тоталитарности, безумия, «машинерии бессознательного» (М. Фуко, Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Бодрийяр), «негативной субъективности» (М. Бланшо, А. Кожев, П. Клоссовски и др.) как форм личностной деструктивности. В современной отечественной

философской литературе эта проблематика находится в центре внимания А.А. Горелова, М.Л. Лившица, В.В. Минеева, В.П. Кедрова, В.М. Овчаренко, Г. Почепцова, Ю. Рыклина. Деструкция как этап методологической стратегии деконструкции, а также позитивные аспекты деструктивности разрабатываются Ж. Дерридой [Приводится по: Сатыбалова, 2002, с. 5—6].

Несмотря на противоположность базовых установок и выводов метафизики и постмодернизма, Е.В. Сатыбалова считает необходимым и возможным мировоззренчески и методологически объединить данные подходы, находит точки их соприкосновения с целью построения концепции оснований и форм проявления человеческой деструктивности. Согласно мнению ученого, специфика человеческой деструктивности состоит в ее «пограничности — нахождении одновременно вовне человеческого (как деструктивность она внеположена человеческому, определяет, пред-определяет его) и внутри человеческого (как человеческое она всегда имманентна, идентична ему, самоидентична). Понимание человеческой деструктивности как пограничного состояния человеческого объясняет специфику человеческого вообще — и место (положение), и сущность человека всегда “между”: небом и землей, высоким и низким, честным и подлым, прекрасным и безобразным» [Сатыбалова, 2002, с.110—111]. Автор данной «синергетической» концепции человеческой деструктивности предлагает следующее философское определение рассматриваемому понятию: «Человеческая деструктивность — это пограничное со-стояние («процесс деятельного стояния на границе») человеческого между очеловеченным и внечеловеческим, позволяющее ему выходить за собственные пределы и самоутверждаться в бытии в качестве самостоятельно действующей силы» [Там же, с. 11].

Данное определение акцентирует амбивалентную природу и сущность деструктивности, выделяя особым образом ее созидательный компонент. Деструктивность является характеристикой особого типа человеческой деятельности, получившей название деструктивной деятельности, которая проявлялась на всех этапах развития человечества. Деструктивная деятельность

определяется как «специфически человеческая форма активного отношения к миру, основное содержание которой составляет разрушение существующих объектов и систем. Деструктивная деятельность может быть направлена человеком как во вне — на других людей или на общество в целом, на природную среду, архитектурные памятники, различные предметы — так и обращена на самого себя (разрушение личности, суицид). Деструкция является проявлением хаоса, неизбежно присутствующего в самой природе человека, и может являться как конечной целью деятельности, так и сопутствовать деятельности, имеющей созидательную цель» [Лысак, 1999, с. 5]. Мы видим, что в философии деструкция, деструктивность и деструктивная деятельность рассматриваются как явления, амбивалентные по своей сути: там, где есть разрушение, всегда есть и созидание. Однако, к сожалению, в реальности у человечества не всегда есть время и возможность искать созидательное в глубинах разрушительного и ждать, когда одно превратится в другое. Последние события даже в самых социально развитых странах, обеспечивающих своим гражданам самые комфортные условия существования, показали, что деструктивная деятельность расширяется и представляет угрозу не только для отдельных стран или социальных групп, но и для всего человечества. Попытки понять сущность деструктивности подводят нас к необходимости определить ее место среди смежных понятий путем анализа ее биологических, нейрофизиологических и психических оснований.

### **1.1.2. Биологические и нейрофизиологические основания деструктивности**

Для того чтобы дать определение деструктивному общению, нужно определить само понятие деструктивности, что возможно только путем нахождения его места в ряду смежных понятий. Последнее, в свою очередь, невозможно без выделения биопсихических и нейрофизиологических оснований изучаемого явления.

Многие ученые, изучающие человеческую агрессию и деструктивность, пытаются ответить на следующие основные вопросы: является ли

деструктивность качеством, свойственным только человеку или же она наблюдается у других животных, существует ли генетическая предрасположенность к деструктивному поведению, какие гормональные и/или психические особенности индивида обуславливают его склонность к деструктивности. Ниже мы предлагаем краткий обзор исследований, проливающий свет на эти проблемы.

Анализ работ, представляющих результаты исследований этологов по агрессивности, показывает, что деструктивность не характерна для представителей животного мира [Дьюсбери, 1981; Лоренц, 1998; Меннинг, 1982; Шовен, 2009]. Для животного мира применимо понятие популяционного инстинкта, который не позволяет уничтожать себе подобных. Межвидовая агрессия животных не может рассматриваться как деструктивность, так как она служит сохранению вида. Агрессия внутри одного вида также служит его сохранению, ибо способствует улучшению генетического фонда за счет естественного отбора (оставить потомство могут только сильные особи, они также лучше обеспечивают выживание своему потомству), а также распространению животных на широком географическом пространстве.

В 1963 году в Германии была опубликована книга австрийского этолога Конрада Лоренца «Агрессия: Так называемое зло» (“Das sogenannte Böse: zur Naturgeschichte der Agression”)\*, получившая огромную популярность благодаря ясному стилю и доступному изложению. Эту книгу можно назвать «гимном агрессии», т.к. в ней раскрывается положительная роль агрессии в эволюции, и агрессивное поведение объясняется посредством инстинктивных сил. Агрессия, по К. Лоренцу, является первичным, направленным на сохранение вида, спонтанным инстинктом, который помогает животному отстоять свое право на существование в окружающей среде [Лоренц, 1994, с. 56]. Но агрессия внутри одного вида наблюдается сравнительно редко, т.к. существуют биологические механизмы, блокирующие ее уже на ранних этапах взаимодействия особей.

---

\* Переведена на русский язык в 1994 г.

Выявлены различные блокаторы агрессии, к которым относятся запах, вид партнера, его поведение [Там же].

В целом у этологов крайне редко зафиксированы наблюдения, которые можно считать аналогом деструктивной деятельности. Так, например, некоторые насекомые — пчелы, муравьи, термиты — определяют членов своей колонии по запаху и убивают любого чужака, вторгшегося на их территорию [Дьюсбери, 1991, с. 109]. У млекопитающих нечто подобное ученые наблюдали только у крыс и некоторых видов приматов. У данных видов млекопитающих наблюдается организованная коллективная борьба одного сообщества против другого. К. Лоренц приводит примеры из наблюдений И. Эйбл-Эйбесфельда и Ф. Штейнигера за крысами, отмечая, что, несмотря на то, что крысы миролюбивы по отношению к членам своего сообщества, они ведут себя как настоящие убийцы по отношению к любому чужаку. К. Лоренц приходит к выводу о том, что борьба между кланами крыс не выполняет видосохраняющих функций внутривидовой агрессии, не служит ни пространственному распределению, ни отбору сильнейших защитников семьи [Лоренц, 1994]. Подобное поведение было зафиксировано у шимпанзе [Бутовская, 1998, с. 152]. К сожалению, современная наука не позволяет сделать точные выводы о целесообразности такого поведения крыс и шимпанзе, поэтому мы так же с определенной осторожностью будем говорить об агрессивности крыс и шимпанзе как о некоем аналоге деструктивности.

Таким образом, этологи пришли к выводу о том, что у большинства животных, кроме общественных насекомых, крыс и шимпанзе, популяционный инстинкт не допускает уничтожение себе подобных. У большинства животных существуют особые механизмы, не допускающие проявлений агрессии по отношению к представителям своего вида. Однако был отмечен очень важный факт: драки, приводящие к гибели более слабого соперника, ведутся только в том случае, если размеры популяции превышают ресурсы среды, т.е. при определенных обстоятельствах происходит ослабление вышеупомянутого инстинкта [Лоренц, 1994].

Резюмируя сказанное, отметим, что у большинства животных агрессия по отношению к особям своего вида, а также стремление к их уничтожению сильно подавлены благодаря популяционному инстинкту. Поведение, которое можно описать как деструктивное, наблюдается только у некоторых видов общественных насекомых и млекопитающих (крыс, шимпанзе), что, однако, не позволяет сделать вывод о том, что деструктивность человека обусловлена биологически.

Обратимся к краткому анализу *нейрофизиологических оснований деструктивности* человека. В последние десятилетия нейрофизиология совершила серьезный скачок в своем развитии, были сделаны крупные открытия, дающие возможность понять или, по крайней мере, приблизиться к пониманию механизма многих психических процессов и их роли в организации поведения человека. Психология постепенно начинает превращаться в науку, опирающуюся в первую очередь на точные экспериментальные данные. Уместно вспомнить знаменитое высказывание Ж. Пиаже: «Все теории аффективности, существующие на данный момент, кажутся мне временными, дающими время физиологам, которые предоставят нам точные эндокринологические объяснения» [Беседы с Жаном Пиаже, [www](http://www)]. Как показывает анализ теоретической литературы, различного рода физиологические нарушения (нейроанатомические, нейрофизиологические, эндокринные) могут оказывать влияние на агрессивность. Однако нет достаточно данных для того, чтобы считать, что именно эти факторы являются непосредственной причиной агрессии, т.к. сочетание биологических различий между людьми и социального окружения (т.е. биосоциальные взаимодействия), в конечном итоге, ответственны за формирование индивидуальных различий в социальном поведении.

По мнению И.В. Лысак, существенное влияние на осуществление деструктивной деятельности оказывают два основных образования головного мозга: *лимбическая система*, состоящая из разнообразных структур, функция которых заключается в контроле основных влечений и эмоций, и *кора*



головного мозга, ответственная за целый комплекс когнитивных функций, которые имеют существенное значение в процессах научения, прогнозирования последствий и выбора реакции [Лысак, 1999, с. 9]. Автор приводит многочисленные данные, свидетельствующие о взаимосвязи поражений головного мозга со склонностью к деструктивным действиям. Повреждения лобной доли коры головного мозга, вероятно, приводят к усилению реакции человека на мгновенные воздействия окружающей среды. В этом случае обыкновенные раздражители вызывают неадекватные реакции. Лица, имеющие повреждения лобной доли неокортекса, скорее всего, будут реагировать на провокацию импульсивно и агрессивно, а также проявлять раздражительность и дурное настроение. Американские ученые Брайэн, Скотт, Голден и Тори сообщают, что заключенные, у которых диагностировались повреждения мозга, были более склонны к совершению преступлений с применением насилия, нежели те, у кого таких повреждений не было. В.П. Эфроимсон приводит данные, позволяющие сделать вывод о том, что часто причиной деструктивных действий являются наследственные, травматические и алкоголические выключения задерживающих центров головного мозга. Обследование группы немотивированных убийц, проведенное в Англии Д. Уайльдом и Д. Пондом, показало, что большинство из них имело аномальную электроэнцефалограмму (ЭЭГ). Аномальные ЭЭГ обнаружались почти у двух третей убийц в возрасте до 30 лет. Давно известно, что немотивированные вспышки бешенства характерны для височной эпилепсии. Так, Г. Гасто указывает на то, что вспышки бешенства, часто по самым ничтожным поводам, обнаруживаются почти у 50 % больных височной эпилепсией [Приводится по: Лысак, 1999, с. 9—10].

Анализ теоретической литературы показывает, что можно выделить три основных группы нейрофизиологических факторов агрессии. Во-первых, на степень агрессивности влияет множество нейроанатомических различий. В отношении связи эмоциональной сферы с межполушарной асимметрией мозга можно считать, что существуют функциональные корреляции повышенной

тревожности и агрессивности с правополушарным тонусом, а положительно эмоционального состояния — с левополушарным. Физиологи установили, что наряду с корой префронтальной области особенно важными участками, анатомические особенности которых влияют на агрессивное поведение, представляются гипоталамус и архипалеокортекс. Далее было установлено, что изменения эмоциональной реактивности возникают вследствие выпадения функций амигдал и гиппокампа (работы Smith, 1950; Tompson, Walker, 1951; King, 1958) [Приводится по: Алейникова, www].

Во-вторых, высокую эмоциональность (независимо от того, об эмоции какого знака идет речь) на нейрохимическом уровне обеспечивают катехоламины: гормон дофамин стимулирует положительные эмоции, а серотонин, норадреналин и адреналин — отрицательные (серотонин отвечает за так называемую «депрессию тревоги», норадреналин и адреналин — за агрессию, дефицит гормона норадреналина провоцирует «депрессию тоски»). Поведенческим результатом этих гормональных сдвигов является деструктивность, направленная либо на себя в форме тревоги и тоски, либо на других в форме агрессии. Были проведены исследования, доказывающие, что люди, в нервной системе которых понижено содержание «гормона счастья» — серотонина, «ответственного» за торможение спонтанных реакций на фрустрацию, — имеют бóльшую склонность к агрессии [Knoblich, 1992].

В-третьих, исследования последних десятилетий продемонстрировали определенную зависимость между повышенным уровнем тестостерона в период внутриматочного развития и в раннем детстве и развитием агрессивности. Райниш (Reinisch) обнаружил, что девочки, чьи матери во время беременности принимали гормоны, подобные тестостерону, выросли более агрессивными по сравнению с контрольными испытуемыми. Аналогично юноши с большим уровнем тестостерона в ответ на провокацию ведут себя агрессивнее (Olweus et al., 1988) [Приводится по: Аткинсон, www]. Существуют доказательства того, что тестостерон необходим для внутривидовой агрессии. Известно, что введение тестостерона восстанавливает агрессию

кастрированных животных. У дзюдоистов было обнаружено, что чем выше уровень тестостерона, тем больше атак по отношению к своему партнеру проявляет спортсмен [Гордон, www]. С другой стороны, исследование с участием 120 человек, проведенное неврологом Кристофом Эйзенеггером и экономистом Эрнстом Фером из Университета Цюриха в сотрудничестве с экономистом Майклом Нэфом из Королевского колледжа Холлоуэй Лондонского университета, показало, что гормон тестостерон, напротив, поощряет справедливое поведение, заставляя человека ощущать, что он обладает более высоким статусом. Вопреки расхожим представлениям, высокий уровень тестостерона не является причиной агрессии, а также эгоцентричного и рискованного поведения. Люди с повышенным уровнем тестостерона в крови, наоборот, ведут себя более корректно и справедливо. Исследование также показывало, что предрассудок о «гормоне агрессии» укоренился очень глубоко: те испытуемые, которые считали, что они получили тестостерон (на самом деле это было плацебо), выделялись своими явно несправедливыми предложениями, пытаясь таким образом доказать свое превосходство. Иными словами, агрессию вызывал миф об этом гормоне [Высокий уровень ... , www].

Рассматривая нейрофизиологические основания деструктивности, нельзя не упомянуть о генетическом подходе, пик популярности которого пришелся на последние десятилетия прошлого века. Рядом исследователей были высказаны предположения о том, что люди с хромосомным типом ХУУ имеют более выраженную склонность к деструктивности. Британский генетик Патриция Джейкобс и ее коллеги [Jacobs, 1965] обнаружили, что необычный набор хромосом наиболее характерен для лиц, находящихся в тюремном заключении. Они также описали синдром ХУУ, который выражается в неадекватной агрессии, внезапных вспышках насилия, а также задержками в умственном развитии. Несмотря на то, что результаты последующих исследований несколько отличались от первоначальных [Jacobs, 1971], все-таки в большинстве из них подтвердились выводы, полученные в результате первого

исследования, а именно то, что набор хромосом ХУУ встречается значительно чаще среди преступников, чем среди представителей других групп населения. В 1973 г., Рональд Рейган, находившийся тогда на посту губернатора штата Калифорния, одобрил идею создания специального центра по изучению и предотвращению насилия, одной из главных задач которого должно было стать выявление связи между агрессивностью и нарушениями комбинаций половых хромосом. К числу важнейших факторов, определяющих высокое распространение насилия, был отнесен, прежде всего, мужской пол индивида. Однако уже тогда эта теория подверглась критике, т.к. в результате тестирования с использованием проективных методик и методик самоанализа выяснилось, что фактически нет никаких различий в агрессивном поведении мужчин с ХУУ- и ХУ-хромосомами [Румянцева, www].

Подведем итоги. Нейрофизиологические факторы, включающие в себя характер процессов, протекающий в различных структурах нервной системы, существенным образом влияют на поведение человека. Доказано, что в основе деструктивных действий часто лежат повреждения головного мозга. На деструктивные склонности индивида влияют такие факторы, как концентрация серотонина в ткани мозга, повышенное содержание тестостерона и др. Однако их влияние изучено недостаточно для того, чтобы можно было с определенностью утверждать наличие прямой связи между ними и агрессией. Что касается генетических исследований, то, несмотря на существование некоторых весьма убедительных доводов в пользу наличия связи между склонностью к агрессии и набором половых хромосом, решающая роль половых хромосом в склонности к агрессивным действиям также до сих пор не доказана. Таким образом, необходимо признать, что данные о влиянии нейрофизиологических факторов на деструктивную деятельность человека пока еще спорны и нуждаются в дальнейшем изучении. На наш взгляд, мы не можем говорить о том, что деструктивность в человеке обусловлена чисто биологически и физиологически. К сожалению, вопрос, поставленный классиком мировой физиологии Ч. Шеррингтоном в 1947 г., как

осуществляется связь физиологического и психического, остается нерешенным: «Он остался там же, где Аристотель оставил его более 2000 лет тому назад... Какое право мы имеем увязывать опыт разума с физиологическим? Никакого научного права...» [Цит. по: Алейникова, www]. Таким образом, мы согласны с выводом И.В. Лысак о том, что деструкция скорее биологически потенциальна, а не биологически детерминирована [Лысак, 1999, с. 10], и основную роль в формировании деструктивности в человеке играют социо-психологические и социокультурные факторы, анализу которых посвящен следующий параграф нашей работы.

### **1.1.3. Агрессия vs. деструктивность.**

#### **Основные психологические концепции агрессии**

Термин «агрессия» неоднозначен, несмотря на прозрачную этимологию. В русскоязычных толковых и энциклопедических словарях агрессия рассматривается в основном как политический термин. Например:

**Агрессия** (от лат. *aggressio* — нападение), понятие современного международного права, которое охватывает любое незаконное с точки зрения Устава ООН применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости др. государства или народа (нации). Считается тягчайшим международным преступлением против мира и безопасности человечества. Понятие агрессии включает в качестве обязательного признак первенства или инициативы (применение каким-либо государством вооруженной силы первым). 29-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН (1974) приняла определение агрессии [БЭС].

**Агрессия** — вооруженное нападение одного или нескольких государств на другие страны с целью захвата их территорий и насильственного подчинения своей власти [СО].

«Большой психологический словарь» предлагает определение, отражающее не только психологическое, но и обыденное понимание данного

феномена: «мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт» [БПС].

Таким образом, в словарных определениях отражены два общих подхода к толкованию агрессии: агрессии как политического / социально-политического феномена (вторжение, уничтожение, нападение, захват и т.д.) и агрессии как психологического и медицинского феномена (враждебность, жестокость, девиантное поведение, садизм и т.д.). Но все существующие определения так или иначе фиксируют общее представление об агрессии как о поведении, причиняющем жертве боль в самом широком смысле слова. Данное понимание характерно и для взглядов представителя бихевиоризма Арнольда Басса, который предложил следующее общее определение агрессии: «это реакция, посылающая болевые раздражители против другого организма (reaction that sends hurtful stimuli against another organism)» [Цит. по: Eibl-Eibesfeldt, 1979, p. 29]. Однако в таком случае под понятие агрессии попадают и действия, совершенные с целью защиты (убийство напавшего на человека преступника), и действия, сознательно направленные на разрушение и уничтожение (убийство с целью наживы), и действия, в конечном итоге созидательные (активное поведение молодой развивающейся фирмы на рынке). На самом деле, речь идет о «совершенно разнородных явлениях» [Фромм, 1994, с. 17], и, следовательно, представляется крайне сложным найти одну, общую причину / мотив агрессии.

Важнейшие психологические теории агрессии можно разделить на две группы: инстинктивистские и бихевиористские. Двумя крупнейшими представителями инстинктивизма являются основатель психоанализа Зигмунд Фрейд и этолог Конрад Лоренц.

Теоретическое и экспериментальное изучение агрессии началось относительно недавно, в середине XX в., хотя уже в 20-е годы З. Фрейд выдвинул теорию о том, что инстинктивные, врожденные «влечение к смерти»

и «влечение к жизни» являются главными силами в человеке. Собственно, именно З. Фрейду принадлежит заслуга обращения к проблеме агрессии человека как к объекту научного анализа. Первоначально считая преобладающими силами в человеке сексуальность (либидо) и инстинкт самосохранения, З.Фрейд постепенно приходит к противопоставлению двух фундаментальных понятий: влечения к жизни / инстинкта жизни – созидательного, связанного с любовью, заботой, и влечения к смерти / инстинкта смерти, или танатоса, — разрушительного, «приводящего все органически живущее к состоянию безжизненности» [Фрейд, 1991, с. 375]. Агрессия берет свое начало в инстинкте смерти; в сущности, агрессия — это тот же самый инстинкт смерти, только спроецированный вовне и нацеленный на внешние объекты. Основной тезис З. Фрейда звучит достаточно пессимистично: человек одержим одной лишь страстью — жаждой разрушить либо себя либо других людей, и этой трагической альтернативы ему вряд ли удастся избежать [Цит. по: Фромм, 1994, с. 32]. В целом приверженцы взглядов З. Фрейда полагают, что ни материальное благополучие, ни какие бы то ни было социальные улучшения не могут изменить уровень агрессивности в обществе, хотя её интенсивность и формы выражения могут варьироваться. Контроль над уровнем агрессии в обществе может быть осуществлен посредством нахождения разрядки агрессивных влечений. Такой разрядкой могут быть наблюдения за жестокими действиями (в том числе и в кино), разрушения неодушевленных предметов, спорт, успехи в конкурентной борьбе и т.п. Таким образом, З. Фрейд свел все виды агрессии к одной единственной причине — к инстинкту смерти, наличие которого, по справедливому замечанию таких критиков фрейдизма, как Э. Фромм и А. Бандура, невозможно проверить эмпирически.

Однако бум теорий агрессии пришелся на 60-70-е гг., когда на свет появились труды выдающихся специалистов по этологии (К. Лоренца, И. Эйбл-Эйбесфельдта, Н. Тинбергена и др.) и бихевиоризму (А. Басс, Л. Берковиц, А. Бандура и др.) и продолжается до сих пор. Особую (негативную, на наш

взгляд) роль в отношении общества к агрессии сыграла уже упомянутая нами книга Конрада Лоренца «Агрессия: Так называемое зло», вышедшая в свет в 1963 г., переведенная почти сразу же на многие языки и многократно переиздаваемая до настоящего времени. Эта отрицательная роль заключается, на наш взгляд, в том, что агрессия у К. Лоренца трактуется как первичный и *спонтанный инстинкт* (Курсив наш. Я.В.) [Лоренц, 1994, с. 59], т.е. инстинкт, который невозможно сдержать или подавить, за который невозможно нести ответственность. «При определенных обстоятельствах соответствующее инстинктивное действие может “прорваться” без какого-либо внешнего стимула» [Лоренц, 1994, с. 59]. Таким образом, теории З. Фрейда и К. Лоренца демонстрируют схожие взгляды на сущность человеческой агрессии: индивиду нет необходимости искать причину своего раздраженного состояния; зло можно выместить на любом подходящем внешнем объекте / субъекте, и это освободит индивида от накопившейся энергетической напряженности. Работа К. Лоренца оказала большое влияние на популяризацию данного подхода к агрессии и «узаконила» позиции агрессии в обществе.

Модель агрессии, выдвинутая К.Лоренцем, схожа с той, что была выдвинута до него психологом У. Мак-Дугаллом (частично разделявшим взгляды З. Фрейда) и З. Фрейдом. Она получила название «гидравлической» (термин Э. Фромма): «Специфическая энергия, необходимая для инстинктивных действий, постоянно накапливается в нервных центрах, и, когда накапливается достаточное количество этой энергии, может произойти взрыв, даже при полном отсутствии раздражителя» [Фромм, 1994, с. 33]. Агрессию можно «переориентировать», т.е. перенаправить на другие, более безопасные действия (битье посуды, размахивание руками, порча мебели). И. Эйбл-Эйбесфельд также утверждал, что агрессия свойственна всем сообществам и социальным группам. Естественно, что в ее проявлениях будут наблюдаться существенные культурные различия, но нет такого социума, где агрессия отсутствовала бы полностью. Представители и примитивных сообществ, и высокоразвитых цивилизаций не имеют фундаментальных различий в



«склонности к агрессии», т.е. человеческая агрессия имеет филогенетические корни [Eibl-Eibesfeldt, 1972, p. 79].

Противоположную инстинктивистам позицию занимают представители бихевиоризма — теории, утверждающей, что человеческое поведение определяется не врожденными, а исключительно социальными и культурными факторами. В основе бихевиористских концепций агрессии лежит модель поведения Б.Ф. Скиннера «стимул — реакция».

А. Басс и Л. Берковиц независимо друг от друга пришли к мысли об особой роли внешней стимуляции в порождении агрессивных действий [Buss, 1971; Berkowitz, 1962; 1964]. А. Басс впервые выделил три дихотомии агрессивного поведения индивида: физическая — вербальная, активная — пассивная, прямая — косвенная агрессия [Buss, 1971, p. 8]. Полная типология агрессивных действий, по А. Бассу, включает следующие виды агрессии: физическая — активная — прямая (нанесение побоев человеку); физическая — активная-косвенная (сговор с наемным убийцей); физическая — пассивная — прямая (сидячая забастовка); физическая — пассивная — косвенная (отказ в выполнении приказа); вербальная — активная — прямая (оскорбление словом); вербальная — активная — косвенная (распространение клеветы, злобных сплетен); вербальная — пассивная — прямая (отказ разговаривать); вербальная — пассивная — косвенная (отказ защитить незаслуженно критикуемого человека) [Ibid.]. Агрессия может быть направлена против индивида или группы, ее причины могут быть различны. Но все виды агрессии объединяет то, что с их помощью человек или группа людей подвергается давлению, которое в конечном счете приводит либо к его / их уходу со сцены, либо к подчинению другому человеку, группе людей или же групповой норме.

Многие агрессивные действия стимулируются эмоцией гнева, и это дает повод обыденному сознанию рассматривать агрессию и гнев как взаимозависимые понятия: гнев как обязательную причину агрессии, а агрессию как обязательное следствие гнева. На самом деле все обстоит гораздо сложнее. Гнев может перейти в ряд абсолютно неагрессивных эмоций /

действий, например, в беспокойство, депрессию, в переключение на другой вид деятельности и т.д. С другой стороны, агрессия вовсе не обязательно является производной от эмоции гнева. Наемный убийца может не испытывать никаких отрицательных эмоций по отношению к жертве — фраза «ничего личного» давно стала классикой жанра. Видя столь явную разницу в типах агрессивных действий, А. Басс ввел понятие «намерение» (intent) и выделил два основных «намерения» агрессии: намерение получить какое-либо «поощрение» (reinforcer) и намерение заставить жертву страдать [Buss, 1971, p. 10]. А. Басс выдвинул тезис о наличии двух типов человеческой агрессии: «гневной» и «инструментальной». «Гневную» агрессию запускают оскорбление, физическое нападение или присутствие раздражителя. Эти стимулы вызывают гнев, который стимулирует агрессию, намерение которой — причинить жертве боль и заставить ее страдать. «Инструментальная» агрессия является результатом некоего безэмоционального соревнования или стремления заполучить нечто, чем обладает другой индивид, что дает повод говорить о «хладнокровной» агрессии [Buss, 1971, p. 10]. Цель «хладнокровной» агрессии — получить приз / награду / поощрение, добиться более высокого социального статуса, заработать деньги и т.п.

Анализируя феномен агрессии и деструктивности и его место в психической жизни человека, нельзя не остановиться на теории фрустрации Дж. Долларда и Н.Э. Миллера, так как она до сих пор играет важнейшую роль в объяснении агрессивного поведения.

В самом общем виде гипотеза фрустрационной агрессии гласит, что фрустрация всегда влечет за собой агрессивность, и наоборот — агрессивное поведение всегда вызвано наличием фрустрации [Bandura, 1973, p. 5]. Однако многие индивиды на протяжении жизни постоянно сталкиваются с фрустрациями, не проявляя при этом агрессивности. Этот факт относится к труднообъяснимым с точки зрения теории фрустрационной агрессии. Уже А. Басс обратил внимание на то, что фрустрация — «это лишь одна из многих antecedentий агрессивности, и притом не самая сильная» [Цит. по Фромм,

1994, с. 79]. Э. Фромм, опираясь на анализ эмпирических фактов, доказывает, что агрессия вызывается не фрустрацией как таковой, а ситуацией, в которой присутствует элемент несправедливости, а также делает вывод о том, что от характера человека зависит, во-первых, что вызывает в нем фрустрацию, и во-вторых, насколько интенсивно он будет на нее реагировать [Фромм, 1994, с. 74].

Обобщая и анализируя все имеющиеся теории агрессии и деструктивности, известный австрийский психоаналитик Р. Велдер отмечал, что проявления агрессивности не могут быть втиснуты в схему «стимул — реакция» по причине своего разнообразия, а, следовательно, их нельзя рассматривать как реакцию на раздражающий фактор. Проявления агрессивности так же нельзя рассматривать как часть сексуальных влечений, потому что они напрямую не связаны с сексуальным удовольствием [Waelder, 1960, p. 142].

Особую роль как в инстинктивистских, так и бихевиористских концепциях агрессии играет понятие катарсиса или очистительной разрядки. Катарсис — очищение через обращение к низшему, вульгарному началу [Бахтин, 1965]. С точки зрения современной психологии, катарсис это «ослабление мотивации совершения новых агрессивных действий вследствие того, что данный человек уже совершил агрессивные поступки» [Налчаджян, 2007, с. 313]. Известно, что сам термин «катарсис» был введен в науку Аристотелем, который, определяя трагедию как жанр, писал, что она совершает «благодаря состраданию и страху очищение (катарсис) подобных аффектов» [Аристотель, www], т.е. страх и сострадание, воспроизводимые на сцене, должны были освобождать сопереживающих действию зрителей от этих аффектов. Исследователи Аристотеля полагают, что катарсис следует понимать именно в медицинском смысле, т.е. в результате катарсиса душа очищается от накопленных болезненных аффектов. Спустя века этот термин взяли на вооружение З. Фрейд и Д. Брейер, занимавшиеся исследованиями истерии. По мнению этих ученых, причиной данного заболевания являются

нереализованные травмирующие переживания. Если пациенту удастся вспомнить и снова пережить их, находясь в состоянии гипноза, то травмирующее переживание будет преодолено. Таким образом, разработанная Фрейдом и Брейером «энергетическая» модель накопления и разрядки напряжения со временем превратилась в психоаналитическую концепцию катарсиса. Согласно данной концепции, тревога и страх пациента ослабляются, если он рассказывает о них внимательному и сочувствующему слушателю. Задолго до отцов-основателей психоанализа данная концепция нашла отражение в семантике глагола «выговориться» и идиомы «излить душу».

Таким образом, основная идея катарсиса заключается в том, что выплеск эмоции наружу ослабляет эту эмоцию «изнутри» и улучшает самочувствие индивида, испытывающего данную эмоцию. Впоследствии, данные представления о катарсисе были перенесены на понимание агрессии и эмоций, ее вызывающих, они прекрасно согласуются с рассмотренными нами теориями агрессии и агрессивного поведения человека — психоаналитической и инстинктивистской. Обе эти концепции утверждают, что человеку необходимо освободиться от энергетической напряженности, накопленной вследствие раздражения, гнева и других подобных эмоций. При этом интересен вывод психологов Х. Томэ и Х. Кэхеле: «Удовлетворение от агрессии несравнимо с удовлетворением голода или удовольствием от оргазма. После словесных споров возникает чувство: “Наконец-то я сказал ему, что я о нем думаю!”» Таким образом, удовлетворение агрессивно-деструктивных импульсов служит восстановлению ущемленного чувства собственного достоинства. Тот факт, что человек лучше себя чувствует после эмоциональной разрядки, чем до нее, очевидно, связан с освобождением от напряжения. Но это напряжение тоже возникает реактивно и основано на фантазиях в самом широком смысле слова» [Томэ, 1996, с. 191].

Однако все изложенные теории, так или иначе сталкиваясь с многообразием форм и причин агрессии, не смогли внести полную ясность в толкование данного понятия. Впервые это сделал немецкий психолог и

психоаналитик Э. Фромм, которому и принадлежит заслуга введения в научный обиход термина «деструктивность». Прежде чем подробно остановиться на основных моментах его теории, хотелось бы сказать несколько слов о концепции Э. Дюркгейма, который обратил особое внимание на социальные и культурные детерминанты деструктивности. Он отмечает, что человеку как общественному существу присущи такие социальные потребности, как потребности в идеалах, ценностях, в объектах поклонения. Именно потому тенденция к деструкции особенно усиливается в условиях ценностно-нормативного кризиса в обществе, названного Э. Дюркгеймом аномией (букв. «разрегулированность»). Э. Дюркгейм указывает на то, что социальные и культурные нормы играют важную роль в регуляции жизни людей. Когда вся сеть социальных отношений хорошо интегрирована, тогда существует высокая степень социального сцепления; люди ощущают себя жизненными частями общества, к которому они принадлежат; они свободны от чувств психосоциальной изоляции, одиночества или забытости. Такой тип социальной организации сдерживает деструктивные тенденции, присущие природе человека. Культура такого общества действует в том же направлении. Поскольку общество интегрировано и поскольку это единство ощущается его членами, его культура также является единой. Его ценности принимаются и разделяются всеми его членами, рассматриваются как надындивидуальные, бесспорные и священные. Такая культура не поощряет совершение деструктивных действий вообще и самоубийств в частности. Напротив, общество с низкой степенью сцепления, члены которого слабо связаны между собой и с референтной группой, общество с запутанной сетью социальных норм, с «атомизированными», «релятивизированными» культурными ценностями, не пользующимися всеобщим признанием и являющимися делом простого личного предпочтения, является мощным генератором деструкции. Человеку как общественному существу важно ощущать принадлежность к определенной группе, чувствовать себя частью целого, ему необходимы четкие ценностно-нормативные ориентиры. Если общество не может дать индивиду

регулирующих норм или наоборот система норм является слишком жесткой и ограничивает свободу индивида, то у человека усиливаются деструктивные проявления [Цит. по: Лысак, с. 25—26]. Мы позволили себе столь подробный экскурс в теорию Э. Дюркгейма, потому что его идеи перекликаются с основными положениями Э. Фромма о влиянии социокультурных аспектов на проявления деструктивности.

Главная идея Э. Фромма состоит в том, что объяснение жестокости и деструктивности человека следует искать не в унаследованном от животного разрушительном инстинкте, а в тех факторах, которые отличают человека от его животных предков. Основная проблема заключается в том, чтобы выяснить, насколько специфические условия существования человека ответственны за возникновение у него жажды мучить и убивать, а также от чего зависит характер и интенсивность удовольствия от этого.

Основное положение Э. Фромма заключается в том, что необходимо строго различать доброкачественную агрессию, т.е. агрессию «биологически адаптивную, способствующую поддержанию жизни», от «злокачественной агрессии, не связанной с сохранением жизни» [Фромм, 1994, с. 163]. Если доброкачественная агрессия есть реакция на угрозу витальным интересам индивида, которая заложена в филогенезе, свойственна как животным, так и людям и возникает спонтанно как реакция на угрозу, то деструктивность характеризуется полностью противоположными качествами, т.е. *не* является защитой от нападения или угрозы, *не* заложена в филогенезе, *не* свойственна животным, носит осознанный характер. «В основе злокачественной агрессивности не инстинкт, а некий человеческий потенциал, уходящий корнями в условия самого существования человека» [Фромм, 1994, с. 21].

Очевидно, что различия между агрессией и деструктивностью значительны. Агрессия, реализуемая на пути удовлетворения человеком своих потребностей, исчезает, как только цель достигнута. Деструктивность же ненасытна. Мы целиком и полностью разделяем точку зрения Э. Фромма, что деструктивность не является врожденным человеческим инстинктом и теория

врожденной агрессивности и деструктивности избавляет человечество от задачи поиска причин роста деструктивности в современной мире, «успокаивает нас и заявляет, что даже если все мы должны погибнуть, то мы, по меньшей мере, можем утешать себя тем, что судьба наша обусловлена самой «природой» человека и что все идет именно так, как и должно было идти» [Там же, с. 21]. Действительно, говоря, например, о межличностной коммуникации, проще и легче объяснить / рационализировать деструктивное коммуникативное поведение природной вспыльчивостью, филогенетически заложенным агрессивным инстинктом, нежели неумением контролировать свои эмоции и/или нежеланием руководствоваться в общении принципом эмпатии.

«Доброкачественная» (оборонительная) агрессия, нейрофизиологический механизм которой сходен у животных и человека, является фактором биологической адаптации. Однако Э. Фромм отмечает важнейший факт: у человека агрессия проявляется гораздо сильнее, чем у животного. Ученый видит несколько тому причин:

«1. Животное воспринимает как угрозу только явную опасность, существующую в данный момент... <...> Человек, обладающий даром предвидения и фантазией, реагирует не только на сиюминутную угрозу, но и на возможную опасность в будущем, на свое представление о вероятности угрозы. <...> Механизм оборонительной агрессии у человека мобилизуется не только тогда, когда он чувствует непосредственную угрозу, но и тогда, когда явной угрозы нет. То есть чаще всего человек выдает агрессивную реакцию на свой собственный прогноз.

2. Человек обладает не только способностью предвидеть реальную опасность в будущем, но еще позволяет себя уговорить, допускает, чтобы им манипулировали, руководили, убеждали. Он готов увидеть опасность там, где ее в действительности нет. <...> Только у человека можно вызвать оборонительную агрессию методом “промывания мозгов”. Чтобы внушить человеку, что ему грозит опасность, нужно прежде всего такое средство как язык; без языка подобное внушение чаще всего невозможно. <...>

3. <...> Человек, как и зверь, защищается, когда что-либо угрожает его витальным интересам. Однако сфера витальных интересов у человека значительно шире, чем у зверя. Человеку для выживания необходимы не только физические, но и психические условия. Он должен поддерживать некоторое психическое равновесие, чтобы сохранить способность выполнять свои функции. Для человека все, что способствует психическому комфорту, столь же важно в жизненном смысле, как и то, что служит телесному комфорту. <...> Любое покушение на объект почитания вызывает такой же точно гнев со стороны индивида или группы, как если бы речь шла о покушении на жизнь [Фромм, 1994, с. 170—173].

Отсюда вытекают такие стимулы агрессивного поведения, как унижение или оскорбление, противоречия во взглядах, покушение на объект почитания. Следует принять во внимание и экономические стимулы, рост потребительства в современном обществе. Ни для кого не секрет, что производители при помощи рекламы успешно манипулируют сознанием миллионов людей, внушая, что им обязательно нужно купить то, что, в принципе, не очень-то и нужно. Желание иметь больше, больше и больше рождает жадность и зависть, а жадность и зависть порождают агрессивность. «В нашей культуре жадность значительно усиливается теми мероприятиями, которые призваны содействовать росту потребления. <...> Но алчущий, у которого нет достаточных средств для удовлетворения своих желаний, становится нападающим» [Фромм, 1994, с. 182].

Мы позволили себе столь подробно остановиться на описании проявлений вроде бы доброкачественной агрессии у человека, потому что в реальной коммуникации они являются мощнейшими стимулами деструктивности в общении. Мы разделяем мнение В.И. Добренькова о том, что современная гуманитарная наука не дает бесспорного перечня витальных интересов человека. Это чрезвычайно важный вопрос, так как «защита витальных интересов» есть критерий различения доброкачественной и злокачественной агрессии. Например, потребности в свободе и



самоактуализации, в психическом комфорте и социальном успехе, в уважении, признании, любви и в сохранении своей системы ценностей относятся к витальным интересам личности, а значит, их защита является примером доброкачественной агрессии [Добреньков, 2006, с. 94]. С другой стороны, человеку нет жизненной необходимости иметь три квартиры или машины, видеть врага в каждом, кто исповедует отличные от него взгляды, оскорблять того, кто чем-то ему не понравился, но он это делает с завидной регулярностью, рассматривая свои действия как защиту своих витальных интересов. Мы полагаем, что часть изначально доброкачественных агрессивных проявлений в человеческом обществе трансформируется в деструктивные, и именно на этих, изначально доброкачественных проявлениях агрессии, лежит ответственность за большинство деструктивных действий в современном обществе. «Без решения проблемы объективизации сферы витальных интересов человека практическое разведение доброкачественной и злокачественной агрессии невозможно» [Добреньков, 2006, с. 94—95].

Как уже говорилось выше, Э. Фромм считает, что злокачественная агрессия свойственна исключительно человеку, является важной частью его психики и не порождается животными инстинктами. Суть идей Фромма заключается в том, что деструктивность есть результат взаимодействия различных социальных условий и экзистенциальных потребностей человека [Фромм, 1994, с. 287]. К формам деструктивности Э. Фромм относит садизм и некрофилию. В отличие от традиционного понимания данных явлений как сексуально-психических аномалий, Э. Фромм предлагает рассматривать их намного шире и показывает, что они берут начало в социальном характере человека и в экзистенциальной ситуации — основных понятиях теории деструктивности. Э. Фромм считает, что деструктивность — результат взаимодействия различных социальных условий и экзистенциальных потребностей человека.

Согласно комментариям В.И. Добренькова, то, как личность удовлетворяет экзистенциальные потребности, зависит от двух уровней.

Первый уровень относится к собственному личностному эмоциональному опыту, второй уровень — особенности социума и культуры, в которых живет человек. Эти два уровня диктуют стратегию индивидуального выбора — конструктивную или деструктивную. Злокачественная агрессия возможна только тогда, когда стратегия с очевидностью деструктивна. Для Э. Фромма злокачественная агрессия «всегда возможность, но не внутренняя, несмотря на укорененность в человеческом существовании. Когда люди не способны удовлетворить свои экзистенциальные потребности позитивно — в любви, стремлении к справедливости, добру и правде, они уходят в деструктивность, рождая ненависть, садизм, нарциссизм и некрофилию. Поэтому центральное место во фроммовской концепции агрессивности и деструктивности занимают экзистенциальные потребности» [Добреневков, 2006, с. 85].

Э. Фромм предлагает широкое толкование основным проявлениям деструктивности — понятиям «садизм» и «некрофилия», выделяя несексуальную сферу этих явлений. Во многих работах Э. Фромм обосновывает мнение о том, что подлинные корни садизма заключаются отнюдь не в деформации полового чувства. Человек оказывается садистом вовсе не потому, что его любовное чувство подверглось деформации. Он таков по природе и за пределами любви. Человек хочет контролировать, мучить, унижать другого: «Сущность садизма составляет наслаждение своим полным господством над другим человеком (или иным живым существом)» [Фромм, 2008, с. 136]. Знаменитый вывод Э. Фромма гласит: «Садизм (и мазохизм) как сексуальные извращения представляют собой только малую долю той огромной сферы, где эти явления никак не связаны с сексом. Несексуальное садистское поведение проявляется в следующем: найти беспомощное и беззащитное существо (человека или животное) и доставить ему физические страдания вплоть до лишения его жизни» [Фромм, 1994, с. 247]. Как правильно замечает В.И. Добреневков, «садизм есть превращение немоги в иллюзию всемогущества» [Добреневков, 2006, с. 87].

Некрофилия как любовь к мертвому носит онтологический, социально-философский характер. Некрофилия в чистом виде как психическая патология встречается редко. Но «некрофильские тенденции отчетливо просматриваются в обезличивающих межличностных отношениях, характерных для современного общества. Явное свидетельство некрофильской патологичности — привязанность современного человека к вещам в ущерб привязанности к людям. Некрофильские тенденции демонстрируются не только отдельными людьми, но и деперсонализирующим укладом повседневной жизни. Эти тенденции глубочайшим образом внедрились во внутренний строй индустриальной культуры, для которой характерно патологическое «низкопоклонство» перед вещами» [Там же, с. 89].

Проведя анализ различных общественных систем, Э. Фромм пришел к принципиально важному выводу о том, что характер человека — это *субъективное отражение культуры социума*. В жизнеутверждающем социуме нет деструктивности, нет садистов и некрофилов, их продуцирует культура деструктивного социума. Отчуждение человека от природы и мира в целом выливается в то, что человек противопоставляет себя другим людям, социальным группам и миру в целом, теряет чувство принадлежности, утрачивает способность к идентификации [Лысак, 1999, с. 24]. Именно тотальное отчуждение порождает деструктивность во всех видах деятельности.

Таким образом, проанализировав основные психологические концепции агрессии и деструктивности, мы приходим к выводу о том, что агрессия, несомненно, выступает как гипероним по отношению к деструктивности, ибо термин «агрессия» по определению покрывает все виды вредоносных действий, тогда как деструктивность — только ту их часть, которая связана с преднамеренным, осознанным причинением морального или физического вреда и получением удовлетворения от страданий жертвы и сознания собственной правоты. Рассматривая деструктивность в общении, мы будем опираться именно на это, несколько расширенное, по сравнению с позицией Э. Фромма, определение понятия.

Анализируя психологические подходы к трактовке деструктивности, необходимо также кратко остановиться на понятии деструктивного мышления, ибо, определяя мышление как деятельность, мы приходим к пониманию, что деструктивное мышление представляет собой разновидность деструктивной деятельности человека.

В науке существует дихотомия конструктивного и деструктивного мышления, нашедшая отражение в многочисленных работах отечественных и зарубежных психологов (см. исследования таких ученых, как Дж. Джампольски, М. Раттер, З. Фрейд, К. Хорни, Э.М. Александровская, А.Л. Гройсман, А.Б. Добрович, А.И. Захаров, Ю.М. Орлов и др.). По мнению Я.О. Макаровой, основная цель конструктивного мышления — это эффективная трудовая деятельность, создание условий для достижения целей самоусовершенствования, куда входят согласие с самим собой и окружением, устранение плохих привычек, управление своими эмоциями, контроль своих потребностей. Под деструктивным мышлением автор понимает «ограниченное мышление, находящееся во власти привычного и автоматизмов, программируемых требованиями культуры, мышление, лишенное здравого смысла, тормозящее трудовую деятельность, порождающее болезнь» [Макарова, 2009, с. 8]. Несмотря на некоторую расплывчатость данного определения, оно согласуется с пониманием деструктивности, изложенным нами выше. Деструктивное мышление приводит к патологиям, разрушает человеческую жизнь. Достаточно вспомнить многочисленные литературные примеры, когда деструктивные эмоции овладевали персонажем настолько, что начинали контролировать его жизнь (А. Болконский в «Войне и мире» Л.Н. Толстого, Отелло в одноименной трагедии У. Шекспира, Н. Кавалеров в романе Ю.К. Олеси «Зависть», М. Ромашов в романе В.А. Каверина «Два капитана» и многие другие).

Подведем итоги. Анализ психологических и психоаналитических теорий агрессии выявил тот факт, что, несмотря на схожесть внешних проявлений, агрессия и деструктивность представляют собой явления разной природы. В

отличие от естественной, «доброкачественной» агрессии, которая свойственна всем представителям животного мира, деструктивность есть сложный феномен, свойственный только человеку. Одним из возможных каналов проявления деструктивности является общение — самый распространенный вид человеческой деятельности. Рассмотрению феномена деструктивного общения, а также определению его места среди смежных понятий посвящен следующий раздел работы.

## **1.2. ДЕСТРУКТИВНОЕ ОБЩЕНИЕ КАК ЧАСТЬ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

### **1.2.1. Определение деструктивного общения.**

#### **Место деструктивного общения в ряду смежных понятий**

Человеческое общение многими учеными рассматривается в соотношении с деятельностью: с одной стороны, оно определяется как один из видов деятельности, как «деятельность общения», «коммуникативная деятельность» и т.п., с другой — его рассматривают не как деятельность, а как «условие деятельности» или как ее «сторону». Здесь целесообразно упомянуть точку зрения А.А. Леонтьева [1974; 1979], который считал, что общение — это особый вид деятельности и выступает как компонент, составная часть (и одновременно условие) другой, некоммуникативной деятельности. В то же время он оговаривал, что это не означает, что общение выступает как самостоятельная деятельность. В настоящее время трактовка общения как особого вида деятельности также популярна. Например, В.М. Целуйко определяет общение как сложный, многоплановый процесс, который включает в себя не только обмен значимой для собеседников информацией, мыслями и чувствами, но и восприятие, понимание другого человека, выработку единой стратегии взаимодействия в процессе совместной деятельности [Целуйко, 2007, с. 5]. Несмотря на то, что против понимания общения как деятельности выступили некоторые авторы (Л.М. Архангельский [1974], Л.П. Бужева [1978], Д.И. Дубровский [2002]), мы можем говорить о том, что в современной науке

деятельностный подход к общению является преобладающим. В современной теории коммуникации «преобладает акцент на понимании, прежде всего, созидающе-конституирующей роли коммуникации, или на понимании коммуникации как процесса социального конструирования» [Матьяш, 2011, с. 43—44]. Основная идея данного научно-теоретического направления заключается в том, что люди коллективно создают свое понимание мира в процессе координирования множественных усилий. Один из постулатов подхода социального конструирования гласит, что коммуникация «имеет этическую природу, имеет этические и нравственные последствия. Любое коммуникативное действие оказывает влияние на ход событий, ведет к тем или иным результатам и, как таковое, способно изменить социальные отношения и социальную реальность — к лучшему или наоборот» [Там же, с. 44]. Таким образом, становится очевидным тот факт, что мы живем в мире, который сконструировали сами и имеем дело с последствиями собственного творчества на всех уровнях деятельности, в том числе и в общении. Однако последнее время расширяется сфера человеческого общения, противоречащего самой идее социального конструирования и долгое время сдерживаемого этикетными и общечеловеческими нормами. Речь идет об общении деструктивном. Основной постулат деструктивного общения — «я хозяин положения, а мой собеседник — жертва, и причинить ей боль любыми способами — доблесть». Несмотря на циничность такого заявления, именно такой тип общения поощряется новыми социальными нормами в современной «жизненной философии», и есть все основания полагать, что деструктивное общение отвоевывает все более значительные позиции во всех без исключения сферах человеческой коммуникации. В теории коммуникации термин «деструктивное общение» трактуется весьма широко: это «формы и особенности контактов, которые пагубно сказываются на личности партнера и осложняют взаимоотношения» [Куницына, 2001, с. 271]. В качестве примеров приводятся манипулятивное общение, авторитарный стиль, распад и осложнение отношений по вине партнера вследствие патологической ревности, зависти, нарциссизма.

Деструктивным характером может обладать даже молчание, если оно принимает форму наказания партнера, а также умолчание. В основе деструктивного общения, по мнению авторов, может лежать немало личностных черт: лицемерие, хитрость, склонность к клевете, мстительность, язвительность, цинизм, ханжество и т.д. Такое общение не обязательно преследует личную материальную выгоду. Личность в таком общении может руководствоваться неосознаваемыми мотивами самоутверждения, злорадства, мести, соперничества и т. д. К деструктивному общению относят не только агрессивно-конфликтное и криминогенное общение, но и ложь, обман, манипулирование и «другие формы воздействия, направляемые корыстными мотивами» [Куницына и др., 2001, с. 280]. На наш взгляд, само понимание корыстности мотивов допускает неоднозначное толкование, манипулирование же охватывает широкий круг понятий (в том числе и ложь / обман) и является скорее общей стратегией поведения, нежели конкретным проявлением разрушительности. Изучение языка лжи представляет собой отдельное исследование [Панченко, 2010], в котором вранье, обман не всегда деструктивны. Известные выражения «ложь во благо», «ложь во спасение» служат небольшой иллюстрацией к данному тезису.

Если брать за основу вышеописанное понимание деструктивного общения, то оно охватывает чрезвычайно широкий круг ситуаций общения, объединенных лишь одним общим признаком — «корыстной мотивацией». Исходя из данного понимания, практически любую ситуацию общения можно отнести к деструктивному, ведь кто-то из речевых партнеров может извлечь выгоду из ситуации общения.

Итак, что же мы вкладываем в понятие деструктивного общения? Прежде всего, необходимо вернуться к пониманию деструктивности Э. Фромма. Деструктивный — это не просто синоним слова «разрушительный». В драке за свою жизнь можно разрушить много окружающих объектов, но это не будет проявлением деструктивности. «Деструктивный», по нашему мнению, означает «сознательно совершающий агрессивные действия с целью причинить

страдания другому индивиду, при этом не чувствуя угрызений совести и получая удовлетворения от совершенных деяний». Отсюда вытекает следующее рабочее определение деструктивного общения, которое в дальнейшем мы надеемся расширить и дополнить. **Деструктивное общение представляет собой тип общения, направленного на сознательное преднамеренное причинение собеседнику морального и физического вреда и характеризуемого чувством удовлетворения от страданий жертвы и сознанием собственной правоты.** В качестве основной единицы анализа принята ситуация деструктивного общения. В основе данного выбора лежит базовый постулат коммуникативной лингвистики о ситуативности коммуникативного поведения [Карасик, Слышкин, 2007, с. 102]. «Важнейшей характеристикой языка как коммуникативного феномена является его органическая встроенность в ситуацию общения. Коммуникативное поведение аксиоматично ситуативно. Речевое поведение является разновидностью поведения как такового, т.е. проявления мотивированной и отчасти немотивированной символически опосредованной активности, направленной на поддержание контакта, эмоционального взаимовлияния, обмена информацией и самовыражения» [Карасик, 2009, с. 264—265]. Анализ ситуации деструктивного общения предполагает рассмотрение следующих ее компонентов: субъект / объект коммуникативного поведения, деструктивная мотивация, цель и коммуникативная стратегия ее реализации, вербальное и невербальное оформление, результат деструктивного воздействия.

В нашей работе деструктивное общение рассматривается как один из типов межличностной коммуникации, методологией и терминологическим аппаратом которой мы будем пользоваться. Ключевым в данном контексте является понятие «межличностная» по отношению к коммуникации, ибо мы ни в коей мере не против утверждения о том, что деструктивность может быть присуща, например, массовой коммуникации, что должно явиться предметом отдельного исследования.



Кратко выделим основные существенные характеристики межличностной коммуникации, отличающие ее от других видов человеческой коммуникации. Основными характеристиками межличностной коммуникации признаны следующие: отношенческая природа (МЛК — это вид социального взаимодействия; кроме устойчивых связей МЛК включает и межличностные контакты — одноразовые встречи, не обязательно ведущие к продолжению отношений); диадность / парность (взаимодействие между как минимум двумя индивидуальными субъектами, в малой группе их может быть несколько); обратная связь (активная, носящая зачастую непосредственный характер); психологичность и субъективность (каждый из партнеров привносит в межличностное взаимодействие свои личностные смыслы); многоконтекстность. Последняя характеристика особенно важна, т.к. означает, что МЛК осуществляется «в самых разных средах и контекстах: в семейных отношениях, в профессиональной среде (включая отношения с сослуживцами, начальством, подчиненными), в общественных местах (на улице, в транспорте, в кафе, в церкви, в поликлинике), в ситуациях обслуживания (покупатель — продавец, пациент — врач), в педагогической среде (учитель — ученик, преподаватель — студент, воспитатель — воспитанник). Межличностный аспект несут в себе и умело спланированные маркетинговые, рекламные, медиа- и PR-кампании» [Матьяш, 2011, с. 101]. Таким образом, многоконтекстность МЛК подразумевает включение в нее многочисленных ситуаций институциональной коммуникации, позволяя максимально расширить поле исследований. Матьяш и ее коллеги предлагают следующее развернутое определение МЛК, на которое мы опираемся в нашей работе: МЛК — это «трансактное социальное взаимодействие посредством вербальных и невербальных символов как минимум двух индивидов, личностно ориентированных друг на друга, выступающих как субъектом, так и объектом по отношению друг к другу и к самим себе и создающих в ходе взаимодействия единое (до некоторой степени) смысловое пространство. Межличностная

коммуникация осуществляется в разных социальных средах и контекстах» [Там же, с. 103].

Необходимо оговориться, что в настоящей работе мы рассматриваем термины «общение» и «коммуникация» как эквивалентные, несмотря на то, что они до сих пор не получили в науке однозначного толкования (см.: М.С. Каган [1988]; В.Б. Кашкин [2000] и др.). М.С. Каган акцентирует внимание на различиях между общением и коммуникацией, подчеркивая идею симметричности межсубъектного взаимодействия в общении, где собеседники являются партнерами общего дела. Коммуникация рассматривается ученым как некий однонаправленный процесс, регулируемый законами, установленными теорией коммуникации [Каган, 1988, с. 144—163]. Но в более поздних работах по теории коммуникации (см. Кашкин, 2000; Куницына, 2001; Матьяш, 2011 и др.) указывается, что коммуникация — это значительно более сложный процесс, чем просто прием и передача информации или обмен мыслями и чувствами. В рамках деятельностного подхода коммуникация рассматривается как совместная деятельность участников общения, в ходе которой вырабатывается общий (до определенного предела) взгляд на вещи и действия с ними [Кашкин, 2000]. Таким образом, очевидно, что деятельностный подход, в рамках которого и ведется наше исследование, позволяет рассматривать понятия «общение» и «коммуникация» как синонимичные.

Выделение деструктивного общения как типа общения предполагает определение ряда параметров [Ренц, 2011, с. 16], на которых необходимо остановиться подробно. Важнейшим параметром любого типа общения является коммуникативная цель. В нашем случае коммуникативная цель заключается в стремлении травмировать собеседника, причинить ему психологический или даже физический вред, всячески умалить его личностную значимость. Подобная коммуникативная цель выводит деструктивное общение за рамки подлинно межличностного взаимодействия, которое подразумевает индивидуализированное отношение одного коммуниканта к другому, подтверждение и возвышение его «Я». Деструктивные интенции далеко не

всегда «лежат на поверхности»: не каждый человек способен признаться даже самому себе, что он сознательно и целенаправленно задевает чувства, унижает либо оскорбляет собеседника.

Анализ практического материала показал, что деструктивное общение может быть названо инициативным, т.к. оно предполагает наличие возможности выбора партнера по общению. В отличие от оборонительной агрессивной реакции, когда собеседник вынужден действовать реактивно, отвечая на обиды и оскорбления, инициатива в деструктивном общении принадлежит обидчику, который в большинстве случаев действует с нарушением этических норм. Обидчик априори не учитывает мнение партнера, любая попытка сопротивления обычно вызывает усиление негативной реакции.

С точки зрения продолжительности деструктивное общение не имеет четких границ. Это может быть и кратковременная ситуация (ссора в транспорте), после чего коммуникативные партнеры никогда больше не увидят друг друга. Но это также может быть и длительное конфликтное взаимодействие в семье, которое можно представить в виде континуума бесконечных ситуаций деструктивного общения, перетекающих одна в другую.

По соотношению формы и содержания деструктивное общение может быть прямым и косвенным. С одной стороны, говоря словами И.А. Стернина, «содержание высказываний вытекает непосредственно из содержания употребленных в них слов; содержание фраз полностью соответствует их формам, а смысл интерпретируется однозначно» [Стернин, 2001, с. 20]. Но, с другой стороны, в деструктивном общении велика доля так называемых косвенных и скрытых проявлений агрессии, о которых речь пойдет ниже. Восприятие и интерпретация высказываний, содержащих такого рода информацию, требует от собеседника навыков декодирования вербальных и невербальных проявлений агрессии и деструктивности.

Деструктивное общение может протекать как непосредственно (лицом к лицу) со всеми вытекающими отсюда последствиями, так и опосредованно

(путем использования косвенных приемов агрессии, таких как распространение заведомо ложной информации об объекте — слухов, клеветы).

Установка на восприятие партнера по общению как недочеловека обуславливает особенности коммуникативного поведения личности в деструктивном общении, о которых речь пойдет в третьей главе настоящей работы.

Важнейшей особенностью исследуемого типа общения является его эмоциональный аспект. О роли эмоций в человеческом общении написано и сказано немало. Долгое время изучением эмоций занимались философия, физиология и психология. Недостаточная разработка основных проблем, связанных с эмоциями (их параметризация, классификация, определение и т.п.), явилась основанием для появления многочисленных теорий эмоций, среди которых можно назвать биологическую теорию, разработанную П.К. Анохиным (эмоции рассматриваются как фактор приспособления организма к окружающей среде), потребностно-информационную теорию П.В. Симонова (эмоция является отражением мозгом человека какой-либо актуальной потребности и вероятности ее удовлетворения, которую мозг оценивает на основе генетического и ранее приобретенного индивидуального опыта), дифференциальную теорию К. Изарда и многие другие [Анохин, 1984; Симонов, 1966; 1970; 1981; Изард, 1980]. Лишь в последние десятилетия в лингвистике появилось новое направление — эмотиология, и эмотивная функция стала по праву считаться одной из основных функций языка.

В нашем исследовании деструктивной коммуникации мы опираемся на положение о том, что эмоции есть не только особая форма отражения действительности [Изард, 1980; Рейковский, 1979; Рубинштейн, 1984; Шингаров, 1971 и др.], но и особая форма интерпретации действительности, т.к. эмоции отражают отношение человека к ней, восприятие человеком окружающего мира, а само восприятие является интерпретирующим. Несмотря на существование двух входов в сознание (посредством восприятия и извлечения из памяти), в процессе речи человек обращается к вещам и

событиям, извлеченным из памяти [Чейф, 1988, с. 37—38]. Существование эмоциональной памяти и эмоционального интеллекта доказывается не только практическим опытом (К.С. Станиславский), но и рядом исследований (К. Изард, А.А. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, А. Ортони, Д. Гоулман и др.). Основным положением когнитивной теории эмоций является тезис о том, что базовые эмоции образуют основные структуры сознания. В.И. Шаховским было убедительно доказано, что эмоции не просто зафиксированы в языковых средствах и находят отражение в человеческой коммуникации, но и определяют процесс коммуникации и являются одной из довербальных информационных структур и в конечном итоге мотивационной основой человеческого сознания [Шаховский, 2003; 2008].

Положение о том, что деструктивное общение мотивировано эмоциями, вступает в противоречие с известной классификацией агрессивных действий А. Басса. Напомним, что А. Бассом был выдвинут тезис о наличии двух типов человеческой агрессии — «гневной» (вызываемой оскорблением, физической атакой или присутствием раздражителей, что соотносится с понятием «доброкачественной агрессии у Э. Фромма) и «инструментальной» (цель которой — выиграть соревнование или получить «приз») [Buss, 1971, p.10]. Многие случаи деструктивности попадают под вторую категорию. Таким образом, можно предположить, что инструментальная агрессия не мотивирована «деструктивными» эмоциями или что она вообще мотивирована не эмоциями, а лишь жадой получить вознаграждение.

На самом деле, грань между рассматриваемыми видами агрессии настолько тонка, что ее едва ли можно провести вообще. В человеке *все* мотивировано эмоциями, «рассматривать человеческую природу, не учитывая силу эмоций, значит проявлять прискорбную близорукость» [Гоулман, 2008, с. 18]. Роль эмоционального стимула в деструктивном общении велика: эмоции определяют степень деструктивности в коммуникации и координируют процесс деструктивного общения. Эмоции наблюдаются и непосредственно, через язык тела, и опосредовано, через язык слов. Обе эти семиотические системы

эксплицируют не только непосредственное эмоциональное состояние коммуниканта, но и его эмоциональный ментальный стиль и его эмоциональный дейксис [Шаховский, Жура, 2002]. Традиционно основными эмоциями, стимулирующими агрессивное поведение вообще и деструктивное поведение в частности, считаются три эмоции, составляющие так называемую «триаду враждебности» К. Изарда — гнев, отвращение, и презрение [Изард, 1980, с. 293]. Враждебность состоит из совокупности различных взаимодействующих эмоций, влечений и аффективно-когнитивных структур; она также включает в себя те мысли и образы, «которые обычно связаны с желанием причинить вред объекту враждебности, что вовсе не означает реального причинения вреда» [Изард, 1980, с. 302]. Таким образом, враждебность не есть агрессия, это как бы преагрессия, т.к. агрессия определяется как физическое действие, отдельное от эмоции.

Гнев и его разновидности представляют собой главный эмоциональный стимул агрессии, т.к. именно в контексте гнева совершаются многие агрессивные / деструктивные действия. В работе Д. Гоулмана цитируются выводы американского психолога Д. Цилльманна, экспериментально изучавшего гнев и ярость. Д. Цилльманн нашел универсальный пусковой механизм гнева — чувство опасности, сигналом которой может быть не только прямая угроза нападения, но и символическая угроза самоуважению или чувству собственного достоинства [Гоулман, 2008, с. 102]. Д. Цилльманн также экспериментально доказал существование «волны» ярости — последовательного ряда провокаций, где каждая запускает возбудительную реакцию, которая затухает очень медленно [Цит. по: Гоулман, 2008, с. 104]. На практике это означает, что люди, которые уже были рассержены чем-то, гораздо более подвержены вспышкам ярости, которую становится трудно или невозможно контролировать. В такие моменты «люди неумолимы и не доступны доводам разума; все их мысли вращаются вокруг мести и ответных действий, и они полностью забывают о возможных последствиях» [Там же,

с. 105]. То, что происходит далее, есть деструктивность в действии, вербальном и/или невербальном, и мы все знакомы с ее последствиями.

Здесь уместно будет вспомнить слова Аристотеля о том, что не так-то просто уметь разгневаться на именно того человека, кто этого заслуживает, разгневаться до известных пределов, в надлежащее время, с надлежащей целью и надлежащим образом [Аристотель, www]. Данное высказывание содержит ключ к пониманию деструктивного характера этой эмоции: умение рассердиться вовремя и на нужного человека, умение контролировать силу гнева подразумевает *осозанный*, а не чисто биологический характер гнева и его производных. «Обдуманый» гнев опасен вдвойне, ибо он имеет под собой «уважительную» причину, оправдывающую последующие деструктивные действия.

Эмоциональным стимулом деструктивного общения могут выступать не только эмоции триады враждебности (гнев (раздражение, злоба, ярость), отвращение, презрение), но и сложные эмоционально-когнитивные комплексы, такие как ненависть, зависть, ревность, а также сложные кластерные эмоционально-когнитивные комплексы (любовь-ревность, любовь-ненависть, зависть-ревность) и т.п. (Подробно о концептуальном пространстве деструктивности см. глава 2 настоящей работы.) Эмоциональная мотивация не всегда просматривается непосредственно в ситуации деструктивного общения. Приведем пример из романа на ветхозаветный сюжет А. Диамант «Красный шатер» (“The Red Tent”). Одна из четырех дочерей Лавана, Зелфа, не любит «хорошенькую Рахиль» (“the lovely Rachel”), завидуя ее красоте и ревнуя к Иакову. Используя страх Рахили перед первой брачной ночью с Иаковом, Зелфа уговаривает девушку послать вместо себя на брачное ложе старшую сестру Лию. В речи Зелфы нет никаких вербальных ключей, указывающих на ее глубоко скрытое негативное отношение к Рахили и ее деструктивные намерения — единственным ключом к пониманию ситуации выступает описание просодемы “*Ah, here comes the lovely Rachel,*” *she would say, vinegar in her voice.* (A. Diamant. The Red Tent) (дословно «с уксусом в голосе»).

Таким образом, важнейшей характеристикой деструктивного общения является наличие эмоционального стимула: деструктивное общение всегда мотивировано эмоциональной составляющей, ибо эмоциональное сознание является способом деятельности индивида. Каковы бы ни были деструктивные коммуникативные интенции, их движущими мотивами, несомненно, являются эмоции.

Семиотическое пространство деструктивного общения формируется вербальными и невербальными знаками. Вербальная семиотическая система представлена, прежде всего, инвективной, грубой и вульгарной лексикой. Однако далеко не всегда использование подобного рода лексики является показателем агрессии / деструктивности в общении [Жельвис, 1991; 1995; 2001; Щербинина, 2008]. Как справедливо отмечает Ю.В. Щербинина, «классифицировать то или иное высказывание с точки зрения наличия в нем проявлений вербальной агрессии представляется возможным только в контексте целостной речевой ситуации, т.е. в каждом конкретном случае необходимо устанавливать связь высказывания с реальными условиями общения — временем, местом, целями и характером общения, предметом речи, составом коммуникантов» [Щербинина, 2008, с. 42]. Действительно, можем ли мы говорить о деструктивном общении, если все усилия обидчика пропадают впустую — оппонент не задет, не обижен, не уязвлен? С другой стороны, возможны ситуации, когда адресат оценивает слова партнера как обидные, в то время как тот «не хотел никого обидеть» и отрицает любые агрессивные / деструктивные намерения. Говоря словами К. Бурке, «слова, будучи связкой между вербальным и невербальным, одновременно являются экраном, отделяющим нас от невербального» (Перевод наш. – Я.В.) [Цит. по: Korte, 1992, p. 205]. Широко известен тот факт, что грубая лексика может не иметь в речи оскорбительного значения, если сопровождается соответствующими невербальными компонентами коммуникации – она может использоваться рефлекторно, для выброса эмоций [Стернин, www], и наоборот, стилистически нейтральные слова могут стать инвективами в определенном невербальном



контексте. Таким образом, мы подходим к определению роли невербальных знаков в деструктивном общении. Американский исследователь невербальной коммуникации Д. Лэтерс привел следующие доводы в пользу огромной функциональной значимости невербальной коммуникации в целом:

1. Невербальные средства раскрывают истинное значение и намерение высказывания. Вербальные ключи являются продуктом тщательного обдумывания; невербальное же поведение представляет собой уровень, на котором обычно отсутствует сознательный контроль, столь характерный для речи.

2. Невербальные средства выполняют метакоммуникативную функцию, без которой невозможно эффективное общение. Существует ряд слов и выражений, метакоммуникативных по своей природе: «честно говоря», «а если серьезно, то» и т.п. Теплая улыбка, похлопывание рукой по плечу могут выполнять ту же самую функцию. Д. Лэтерс экспериментально доказал, что при одновременном употреблении вербальных и невербальных средств в метакоммуникативной функции, адресат в первую очередь обращает внимание на невербальные средства [Leathers, 1976, p. 4—7].

3. Именно с помощью невербальных факторов определяется значение слова в контексте межличностного общения. Один из основателей паралингвистики Рэй Бердвистелл утверждал, что словами передается не более 30—35% социального значения разговора [Birdwhistell, 1965]. Известный исследователь невербальной коммуникации А. Мехрабиан полагал, что 93 % прагматического воздействия высказывания приходится на невербальные средства [Mehrabian, 1972]. Но если с последним утверждением многие могут не согласиться, то тот факт, что эмоции более точно и быстро передаются невербальными, нежели вербальными средствами, не подлежит сомнению. Во всем, что касается выражения эмоций (как положительных, так и отрицательных), язык представляет собой в высочайшей степени неэффективное средство коммуникации. Признанием значимости невербального аспекта коммуникации является формирование новой отрасли

лингвистической науки — невербальной семиотики, занимающейся изучением невербального взаимодействия людей путем выявления особенностей совместного функционирования вербальных и невербальных знаковых единиц в коммуникативном акте [Крейдлин, 2004]. В процессе деструктивного общения удельный вес невербальных компонентов возрастает: на них ложится максимальная смысловая нагрузка, они являются важнейшей составляющей любой ситуации деструктивного общения. Невербальным компонентам принадлежит также особая роль в построении концептуальной картины деструктивности.

Чтобы предложить развернутую характеристику деструктивного общения с точки зрения теории коммуникации, необходимо также последовательно отграничить понятие деструктивного общения от таких смежных явлений, как конфликтное речевое взаимодействие, инвективное словоупотребление, вербальная агрессия, языковое насилие, языковое преступление.

**Конфликтное речевое взаимодействие.** Взаимодействие людей часто порождает столкновения (лат. *conflictus* — столкновение), вызванные противоречиями целей, взглядов, интересов, точек зрения двух сторон и носящие конфликтный характер. Понятие «конфликт» используется во многих областях знания: в психологии, педагогике, социологии, философии, юриспруденции, лингвистике, юрислингвистике, — поскольку противоречия и столкновения возникают практически во всех сферах человеческой жизни. Наука о закономерностях зарождения, возникновения, развития, разрешения и завершения конфликтов любого уровня получила название конфликтологии, а лингвистическим исследованием конфликтов занимается лингвистическая конфликтология. Сама личность внутренне противоречива и подвержена постоянным внутренним конфликтам и стрессам. В психологии под конфликтом чаще всего понимается «актуализированное противоречие, столкновение противоположно направленных интересов, целей, позиций, мнений, взглядов субъектов взаимодействия или оппонентов и даже столкновения самих оппонентов» [ПС].

На основании проведенных исследований В.С. Третьякова выделяет следующие конститутивные характеристики конфликта: 1) столкновение 2) двух сторон (участников конфликта) 3) по поводу разногласия интересов, целей, взглядов, 4) в результате которого одна из сторон (S) сознательно и активно действует в ущерб другой (физически или вербально), а 5) вторая сторона (A), осознавая, что указанные действия направлены против ее интересов, предпринимает ответные действия против первого участника [Третьякова, 2000, с. 127]. Мы разделяем мнение автора о том, что конфликт может возникнуть только на базе коммуникативного контакта. «Противоположность позиций или мысленное действие, никак не выраженное вовне, не являются элементом начавшегося конфликта, и нет конфликта, если действует только один участник» [Там же, с. 128].

Существуют типологии конфликтов, в основу которых положены различные основания: количество участников, мотивы, длительность, степень выраженности, и т.п. Самая общая дихотомия вычленяет 2 группы конфликтов: интрасубъектные, или интрапсихические (конфликты с самим собой), и интерсубъектные (конфликты всегда происходят между субъектами — как представителями групп или как отдельными индивидами). Практически все области психологии так или иначе соприкасаются с проблемами конфликта: интрапсихическими конфликтами в большей степени занимаются общая, возрастная, клиническая психология, психоанализ; интерсубъектными — социальная, возрастная, организационная, экстремальная, спортивная, психология труда и т.д. В соответствии с другой типологией — по дифференцирующему критерию субъекта взаимодействия — выделяют конфликты внутриличностные, межличностные и межгрупповые, а также конфликты типа «личность — группа». По временному критерию конфликты подразделяются на кратковременные и затяжные; по характеру протекания — на острые и вялотекущие; по форме проявления — на явные и латентные. Выделяют также целый ряд конфликтов по признакам «субъекта и сферы»:

семейные, производственные, школьные, этнические, религиозные, генерационные, а также в вооруженных силах [ПС].

С обыденной точки зрения, конфликт всегда отрицательно маркирован, ассоциируется с агрессией, негативными эмоциями, враждебностью, ссорами и т.п. Существует мнение, что конфликт — явление всегда нежелательное и его необходимо по возможности избегать и, уж если он возник, немедленно разрешать. Однако современная наука рассматривает конфликт не только в негативном, но и в позитивном аспекте (как способ развития организации, группы и отдельной личности), выделяя в противоречивости конфликтных ситуаций позитивные моменты, связанные с развитием и субъективным осмыслением жизненных ситуаций [ПС].

В лингвистике существует понятие «конфликтный дискурс», под которым, например, Н.А. Белоус, автор солидного исследования по конфликтам в коммуникативном пространстве, понимает «парный поведенческий акт, которому присуще такое специфическое взаимодействие, как конфронтация: ее составляющими являются одностороннее или обоюдное неподтверждение ролевых ожиданий коммуникантов, расхождение языковых личностей в понимании или оценке ситуации» [Белоус, 2008, с. 17]. Конфликтному дискурсу «свойственна реализация антиэтикетных целей, противоречащих позитивной направленности общения и ведущих к дестабилизации отношений участников коммуникации» [Каразия, www]. Таким образом, очевидно, что понятие конфликта и конфликтного речевого взаимодействия гораздо шире, чем понятие деструктивного общения. Данные понятия не тождественны друг другу: конфликтное взаимодействие может быть как конструктивным, так и деструктивным, в то время как деструктивное общение представляет собой один из способов коммуникативного поведения в ситуации конфликта.

**Вербальная агрессия.** Одним из первых определение вербальной агрессии предложил А. Басс, полагающий, что вербальная агрессия есть «выражение негативных чувств как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание словесных ответов (угроза, проклятие, ругань)» [Buss, 1971]

А. Басс выделил, таким образом, два аспекта вербальной агрессии — внешний (языковые и параязыковые средства выражения агрессии) и внутренний (интенции, конкретное содержание и контекст агрессивных высказываний). Однако в настоящее время термин «вербальная агрессия» употребляется очень широко: «применительно к самым разнообразным действиям, весьма неоднородным по мотивации, ситуациям проявления, формам словесного воплощения, интенциональной направленности» [Щербинина, 2008, с. 14], что дало возможность Ю.В. Щербининой сформулировать определение вербальной агрессии и провести ее типологизацию. Ученый определяет вербальную (словесную, речевую) агрессию как «словесное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [Там же, с. 15]. В соответствии с классическими четырьмя разновидностями вербальных агрессивных действий А. Басса [Buss, 1971] (см. стр. 27), Ю.В. Щербинина предлагает классифицировать вербальную агрессию по следующим признакам:

- 1) по степени выраженности (от слабых проявлений к самым сильным);
- 2) по степени осознанности (рефлексированности) говорящим и целенаправленности речевого воздействия (осознанная, целенаправленная, инициативная и неосознанная, нецеленанправленная, реактивная речевая агрессия);
- 3) по характеру, способу выраженности (открытая (явная, прямая) и скрытая (неявная, непрямая) вербальная агрессия);
- 4) по отношению к объекту (переходная и непереходная (смещенная) речевая агрессия);
- 5) по числу участников ситуации общения (массовая и социально замкнутая (групповая, межличностная) речевая агрессия) [Щербинина, 2008, с. 133—150].

Данная классификация позволяет четко увидеть соотношение вербальной агрессии и деструктивного общения. С одной стороны, деструктивное общение включает только часть агрессивных вербальных действий, а именно ту, которая

касается намеренного, целенаправленного, инициативного деструктивного воздействия. С другой стороны, одних проявлений вербальной агрессии может быть и недостаточно, чтобы квалифицировать общение как деструктивное. Всегда необходимо учитывать интенциональную, эмоциональную и невербальную составляющие конкретной ситуации общения.

Разновидностью вербальной агрессии можно считать так называемый «язык вражды», или «язык ненависти» (hate speech), — понятие, пришедшее из западной социологии в 1950-х гг. Американские и европейские социологи стали приходить к выводу о том, что для поддержания стабильного баланса в обществе необходимо постоянно отслеживать язык политиков, СМИ и общественно открытых каналов на предмет выявления маркеров агрессивности. В настоящее время этот термин постепенно переходит в сферу межличностной коммуникации и включает в себя вербальные формы крайнего унижения и враждебного отношения к другому [Матьяш, 2011, с. 250; Дубровский, 2003]. К вербальным тактикам языка ненависти относятся деструктивные тактики оскорбления и унижения другого, а также тактика приклеивания ярлыков или стигматизации. Цель последней — «указать на предполагаемую ущербность, неполноценность, запятнанность репутации человека (или социальной группы) и тем самым дискредитировать его» [Матьяш, 2011, с. 249]. Таким образом, «язык вражды» может быть рассмотрен как элемент деструктивного общения, т.к. установки на оскорбление и унижение оппонента являются базовыми для деструктивного общения.

**Языковое насилие.** Представления о насилии как о действиях, опирающихся на силу, власть лежат в основе понятия языкового насилия, которое в последнее время используется для обозначения определенного круга агрессивных коммуникативных действий и зачастую употребляется как синоним вербальной агрессии. Насилие, по А. Гусейнову, «разрывает общественную коммуникацию, разрушает ее общепризнанные основания, получившие выражение в традициях, обычаях, праве, иных формах культуры. <...> Совершающий насилие в отношении с теми, на кого направлены его

насильственные действия, преступает некую черту, которую они ранее обязались не преступать <...>; насилие есть преступление. Осуществляемое в форме насилия разрушение человеческой коммуникации не является тотальным. В процессе насилия одни индивиды (группы людей, сообщества) навязывают себя, свои цели и нормы другим, стремятся подчинить их себе. При этом предполагается, что первые лучше вторых, что они имеют право так поступать. Насилие — не просто разрыв интересубъективной коммуникации, а такой разрыв, который осуществляется как бы по ее собственным законам; оно оправдывает себя тем, что якобы задает более высокую коммуникативную основу» [Гусейнов, www]. Данное определение насилия актуально тем, что оно не отождествляется с понятием власти и отличает насильственное принуждение от добровольного; оно также отождествляется с агрессией как психологической (тип поведения) или политико-правовой (акт военной агрессии) характеристикой.

Немецкий лингвист К. Франк уточнил понятие насилия применительно к речевому общению. Расширение понятия насилия он объяснял тем, что взаимодействие в языке есть форма социального взаимодействия (интеракции). Соответственно, акт межличностного насилия может быть совершен и в языке. К примеру, некое лицо может игнорировать право собеседника на слово, резко прерывать его речь или немотивированно менять тему разговора. Согласно К. Франку, такие действия редуцируют не только шансы участника разговора на его позитивное самоутверждение. Гораздо важнее (с политологической точки зрения) то, что тем самым уменьшается влияние другого участника на социальное конструирование реальности, как оно совершается в разговоре. И, по мнению К. Франка, «эти ограничения серьезны, поскольку особенно в современных индустриальных обществах человеческие действия во многих сферах являются речевыми актами. Ярким тому примером может служить область институциональных политических действий, которая — если война как политическое средство исключается — буквально растворяется в речевых действиях» [Цит. по: Поцелуев, 2008, с. 66—67].

Идея К. Франка о редукции прав и возможностей «языковой личности» получила развитие в практике конверсационного анализа (conversational analysis — CA), т.е. в лингвистическом анализе разговора, происходящего в естественных условиях.. Швейцарский языковед Гаральд Бергер определяет конверсационное насилие (conversational violence) как ситуацию, в которой «один из участников общения препятствует другому воспринимать и понимать его конверсационные права и возможности» [Цит. по: Поцелуев, 2008, с. 67].

К «конверсационному насилию» немецкий лингвист М. Лугинбюль относит такие элементы, как прерывания, угрозы имиджу, выдвижение себя на передний план за счет противника, некооперативное изменение темы разговора, парадоксальная логика, попытки заставить замолчать других участников, уничижительные оценки, псевдоаргументы, резкий переход от уровня содержания на уровень личных отношений, а также комбинации всех этих приемов [Luginbühl, 2007].

А.П. Сквородников в статье «Языковое насилие в современной российской прессе» определяет его как «не аргументированное вовсе или недостаточно аргументированное открытое или скрытое (латентное) вербальное воздействие на адресата, имеющее целью изменение его личностных установок (ментальных, идеологических, оценочных и т.д.) или его поражение в полемике — в пользу адресанта [Сквородников, 1997, с. 10]. Важнейшим проявлением языкового насилия является скрытая словесная манипуляция общественным сознанием [Кара-Мурза С.Г., 2009]. Таким образом, при подобной трактовке языкового насилия очевидно, что оно не обязательно сопряжено с деструктивным воздействием на адресата, в том числе, с деструктивными интенциями. По мнению С.П. Поцелуева, в отличие от языкового насилия, вербальная агрессия представляет собой вид *противозаконного* поведения в коммуникативном пространстве [Поцелуев, 2008].

Несмотря на то, что изначально понятие языкового насилия было сформулировано применительно к СМИ, в последние годы его начали



употреблять по отношению ко всем видам коммуникации, например, в сфере юрислингвистики, где данный термин приобрел несколько иное значение. Так, например, Б.Я. Шарифуллин рассматривает языковое насилие как «форму психического деструктивного воздействия на личность адресата с помощью вербальных действий (например, угрозы)» [Шарифуллин, 2004, с. 127]. Подобная интерпретация сводит до минимума различия между языковой агрессией и языковым насилием. Сам же автор предполагает соотношение этих понятий следующим образом. С одной стороны, любое насилие, в том числе и языковое, агрессивно, поскольку подразумевает именно деструктивное воздействие на личность, выраженное в яркой агрессивной форме. С другой стороны, не во всех случаях языковая агрессия, по мнению исследователя, может осуществляться в насильственной форме, хотя психическое деструктивное воздействие на личность адресата сохраняется. «Представляется, <...> что языковое насилие всегда направлено против отдельной личности, а языковая агрессия может иметь своим объектом кого и что угодно. Выскаться агрессивно, например, в инвективной форме можно, в принципе, и по поводу неодушевленного объекта (*Ненавижу эти проклятые американские гамбургеры!*), хотя при этом часто внутренне агрессия направлена все же на какую-то личность» [Там же, с. 129—130]. Таким образом, Б.Я. Шарифуллин практически полностью отождествляет вербальную агрессию и языковое насилие, ставя в один ряд с ними языковое манипулирование и языковую демагогию. На наш взгляд, целесообразнее было бы оставить наименование «языковое насилие» для сферы СМИ и юрислингвистики, т.к. выражения «применил языковое насилие» или «изнасиловал кого-то языком» не совсем удобоваримы для сферы межличностной коммуникации.

Из сказанного очевидно, что, несмотря на то, что между понятиями языкового насилия, вербальной агрессии и деструктивного общения существует предметно-понятийная связь, они все же не тождественны друг другу. Деструктивное общение по определению включает в себя все виды вредоносных вербальных действий, сознательно направленных против

личности, таким образом, включая в себя языковое насилие (даже законное), проявленное против личности.

**Языковое преступление.** Данное понятие относительно недавно вошло в лингвистический обиход, но уже получило достаточно полное определение и четкие критерии. Языковое преступление — это «ложь, а) носящая разрушительный характер; б) распространяемая политической системой социума (власти или оппозиции) и в) тиражируемая в средствах массовой информации данного социума» [Золотарева, www]. Очевидно, что подобно языковому насилию, языковые преступления тесно связаны с манипулированием общественным сознанием. Языковые преступления появились вместе с появлением СМИ, что относит данный феномен к сфере массовой коммуникации. На наш взгляд, языковое преступление в его современном понимании, хотя и характеризуется деструктивностью воздействия, не может рассматриваться как собственно деструктивное общение. Во-первых, его коммуникативной целью не является унижение / уничтожение адресата, во-вторых, оно может не содержать признаков агрессивного воздействия (вербальных или невербальных), в-третьих, «преступник» вовсе не обязательно испытывает положительные эмоции от совершенного деяния. Наконец, тот факт, что языковые преступления возможны в сфере СМИ, позволяет не рассматривать данный языковой феномен в рамках настоящего исследования.

**Инвективное словоупотребление.** Изучение проблем инвективы, инвективного употребления и инвективности в языке началось примерно в конце 70-х — начале 80-х гг. прошлого века. Особое место в работах по данному направлению занимает труд немецкого лингвиста Ф. Кинера [Kiener, 1983], рассматривающий сущность инвективной коммуникации. Одним из самых известных исследований инвективы на материале русского языка является диссертационное исследование и монография В.И. Жельвиса, в которых с позиций психолингвистики описаны различные аспекты и функции инвективной лексики, а также инвективные стратегии и тактики. Инвективная

коммуникация рассматривается в работах Т.А. Воронцовой [2006], Г.В. Кусова [2004], А.В. Позолотина [2005], О.П. Королевой [2002], О.В. Саржиной [2005], И.В. Заложной [2011] и др. Отдельным аспектам инвективного словоупотребления посвящены многочисленные статьи в отечественной и зарубежной лингвистике (см., напр. Бельчиков, 2002; Даньковский, 1995; Доронина, 2002; Жельвис, 2000; 2004; Шарифуллин, 1997; 2000; 2004, Burgen, 1998; Graber, 1991; Schumann, 1990 и др.).

Как отмечает А.Ю. Позолотин, можно выделить по меньшей мере три разных подхода к дефиниции лингвистического феномена инвективы [Позолотин, 2005, с. 14—15].

- отождествление инвективы с ругательством, которое рассматривается как закрепленный в языковом узусе знак, имеющий табуированный характер (т.е. лежит за пределами нормативного языка и носит преимущественно устный характер) и устойчивые стилистические маркеры, такие как «вульг.», «груб.», «бран.», «презрит.» [Саржина, 2002, с. 37];

- инвективой является любое слово, употребленное с целью нанесения оскорбления адресату. В языковой системе это слово зафиксировано как потенциальная инвектива, т.е. оно содержит в своем значении критические характеристики человека [Королева, 2002, с. 7]. С этой точки зрения в разряд инвектив попадают все слова, которые в силу своей пейоративной семантики могут потенциально оскорбить адресата. Фактически инвектива признается единицей речи, а не языка. В таком случае инвективой можно назвать любое, даже самое безобидное слово, которое может оскорбить (потенциально) того или иного человека;

- инвективой признается оскорбительное слово в наиболее резкой форме, ругательства в функции оскорбления [Стернин, 2000, с. 11].

Последнего подхода придерживается и В.И. Жельвис, согласно которому оскорбление лишь одна из функций ругательств. Ученый признает наличие двух принципиальных трактовок термина «инвектива». «В узком смысле инвектива представляется как способ существования словесной агрессии,

воспринимаемый в данной социальной группе как резкий и табуированный <...> Инвектива — это вербальное нарушение этического табу, осуществленное неcodифицированными средствами. В широком смысле инвектива — любое словесно выраженное проявление агрессивного отношения к оппоненту» [Жельвис, 2001, с. 13]. В своих исследованиях по инвективному словоупотреблению В.И. Жельвис убедительно доказывает, что во многих случаях грубого, вульгарного словоупотребления отсутствует интенциональная направленность на оскорбление и унижение адресата. (Многих людей, конечно, раздражает, оскорбляет и унижает, когда в их присутствии общаются матом, но речь идет именно о сознательном унижении. Те, кто «разговаривает» матом, как правило, этого не осознают.) Коммуникативные функции инвективы, не реализующей агрессивную установку, по В.И. Жельвису, заключаются в следующем:

– контактоустанавливающая и криптолалическая функции инвективы, т.е. инвектива как средство установления контакта и узнавания друг друга членами данной микрогруппы, установление корпоративного духа общающихся [Жельвис, 2001, с. 100];

– инвектива как средство дружеского подтрунивания или подбадривания.

– инвектива как искусство («виртуозная брань») - катартическая функция инвективы. Катарсис, по В.И. Жельвису, наступает в результате взламывания табу, т.к. «авторов подобных текстов интересует в значительной мере не цель добиться унижения реципиента ... важнее сам процесс творчества, блеск демонстрируемых стилистических приемов *per se*» [Там же, с. 40—41].

В современную лингвистическую науку введено также понятие инвективности, которая рассматривается как языковая категория, связанная с исполнением соответствующей функции естественного языка. «Инвактивность как языковая категория отражает и воплощает естественную инвективную функцию языка как речевую реализацию его общей экспрессивной функции, тесно связанной с коммуникативной и когнитивной функциями. То, что подобная функция действительно присуща естественному языку, кажется, не

вызывает уже сомнений» [Шарифуллин, 2004, с.138—139]. Сходное мнение высказывает и Н.Д. Голев: «Инвективная функция языка является одной из его естественных функций, которая неразрывно связана с возможностью (и жизненной необходимостью) творческого использования слова» [Голев, 1999, с. 44].

Мы, несомненно, согласны с мнением Ю.В. Щербининой о том, что «неконтролируемое использование инвективы в повседневном бытовом общении демонстрирует низкий уровень речемыслительной культуры, бедность словарного запаса, невоспитанность, бестактность, отсутствие умения выражать мысли и чувства литературным языком» [Щербинина, 2008, с. 31], но очевиден и тот факт, что грубая тональность общения, инвективное словоупотребление сами по себе не олицетворяют деструктивное общение, хотя в определенных ситуациях могут стимулировать и провоцировать его (например, ответная грубость дает повод необоснованным оскорблениям и унижениям и т.п.). Таким образом, инвективное словоупотребление может рассматриваться в рамках деструктивного общения, если оно реализует агрессивную установку, т.е. сознательно направлено на оскорбление и унижение адресата. Однако неприемлемая с точки зрения этических и литературных норм тональность общения не относит ситуацию общения к деструктивному типу, если отсутствует интенция унижить или оскорбить адресата и сам адресат принимает такой стиль общения.

Таким образом, проведенный анализ содержания понятий, смежных с понятием деструктивного общения, позволяет сделать вывод о том, что классифицировать ту или иную ситуацию общения как деструктивную можно только в связи с реальными условиями общения — целями, временем, местом, характером общения, составом коммуникантов. Квалифицируя ту или иную ситуацию как ситуацию деструктивного общения, необходимо, на наш взгляд, учитывать следующие условия коммуникации:

- 1) коммуникативное намерение говорящего (намерение причинить вред адресату);

- 2) характер общения (формальное / неформальное);
- 3) общая коммуникативная установка (наличие отрицательного эмоционального стимула);
- 4) определенный набор вербальных и/или невербальных средств (средств вербальной агрессии / невербальных маркеров враждебности, агрессии);
- 5) реакция адресата (отрицательная);
- б) реакция адресанта (положительная).

Таким образом, основываясь на понимании деструктивности как «злокачественной формы агрессии» Э. Фромма, мы относим ситуацию общения к деструктивному типу, если в ней наличествуют следующие конститутивные признаки:

1. Деструктивная интенция: в основе деструктивного общения всегда лежит намерение причинить объекту физический или моральный вред любым способом. Деструктивные интенции далеко не всегда «лежат на поверхности» - не каждый человек способен признаться даже самому себе в том, что он сознательно и целенаправленно задевает чувства, унижает либо оскорбляет собеседника.

2. Эмоциональный стимул: деструктивное общение *per se* стимулируется эмоциями «триады враждебности» [Изард, 1980, с. 290—312] и их производными.

3. Реализация: деструктивность реализуется в ситуациях деструктивного общения, в которых присутствуют вербальные / невербальные ключи — показатели проявлений прямой или косвенной агрессии.

4. «Фактор адресата»: адресат негативно реагирует на коммуникативное поведение адресанта, в ситуации общения наличествуют отрицательные эмоциональные (вербальные и/или невербальные) реакции адресата на коммуникативное поведение адресанта.

5. После завершения деструктивного события субъект испытывает чувство удовлетворения / превосходства, положительно оценивая себя и свои вербальные / невербальные действия.

Необходимо оговориться, что последний признак, а именно положительная реакция обидчика на свои действия, отсутствие эмпатии или угрызений совести, крайне трудно поддается фиксации в ситуациях реального общения. К сожалению, работая с реальными ситуациями общения, мы вынуждены довольствоваться достаточно субъективной оценкой: в случаях интервью оценку поведения обидчика дает сам «пострадавший», в наблюдаемых ситуациях мы вынуждены полагаться на свой эмоциональный опыт по декодированию различных невербальных сигналов для определения реакции обидчика на развитие событий. Эти проблемы снимаются при анализе художественного описания ситуаций деструктивного общения, где автор выступает в качестве наблюдающей стороны, и мы можем полностью положиться на его суждения.

Что касается фактора адресата в деструктивном общении, то здесь также необходимо отметить, что бывают ситуации, когда адресат оценивает высказывание как оскорбительное, унижающее его достоинство, в то время как «обидчик» отрицает какую-либо деструктивную интенцию. В таких случаях можно говорить о различных типах коммуникативных помех оценки высказывания как агрессивного. По справедливому утверждению Ю.В. Щербининой, к таким помехам следует отнести:

- субъективность восприятия адресатом речи говорящего;
- различия в языковых картинах мира коммуникантов, типах языковых личностей, типах мышления, особенностях образования и воспитания адресанта и адресата;
- прогностические особенности говорящего, т.е. ложное предвосхищение ответной реакции адресата [Щербинина, 2008, с. 46].

Практический материал исследования показывает, что к данному списку следует добавить предыдущий отрицательный коммуникативный опыт в общении: в одном из интервью молодая женщина сказала, что после 5 лет крайне негативного опыта жизни в одной квартире со свекровью она

воспринимает любое высказывание свекрови как агрессивное и всегда готова «дать отпор».

Подведем итог. Систематизация существующих точек зрения на проблемы межличностной коммуникации, анализ основных философских, нейрофизиологических и социопсихологических концепций агрессии и деструктивности позволила выделить деструктивное общение как особый тип межличностной коммуникации и предложить следующее его определение. **Деструктивное общение представляет собой тип эмоционального общения, направленного на сознательное и преднамеренное причинение собеседнику морального и/или физического вреда, характеризуемого негативной реакцией со стороны адресата и чувством удовлетворения от страданий жертвы и/или сознанием собственной правоты со стороны адресанта.** Стремление личности возвыситься за счет унижения / морального уничтожения собеседника составляет интенциональную базу деструктивного общения, что предопределяет основные пути его реализации, о которых речь пойдет в следующем параграфе работы.

### **1.2.2. Классификация ситуаций деструктивного общения**

Исследование деструктивной коммуникации предполагает возможность построения нескольких классификаций ситуаций деструктивного общения, например, по признаку эмоции, доминирующей в процессе деструктивного общения (например, эмоция ярости / презрения и т.п.), по набору категориальных эмоциональных ситуаций, представленных в ситуации агрессивного общения (КЭС «оскорбление» / «обида» и пр.). Такие классификации применимы для изучения художественной репрезентации деструктивного общения, однако в ситуациях реального общения они могут оказаться чрезмерно субъективными, т.к. не всегда можно категоризировать эмоцию по вербальным и невербальным ключам со стопроцентной точностью в реальной коммуникации. Наиболее удобной и универсальной для исследуемого типа общения, на наш взгляд, является классификация по признаку



доступности / недоступности агрессивных и деструктивных проявлений для объективного восприятия. Во-первых, она согласуется с уже упомянутыми нами дихотомиями агрессивного поведения человека (физическая — вербальная, активная — пассивная, прямая — косвенная агрессия) [Buss, 1971, p. 8]; во-вторых, мы можем объективно фиксировать определенные признаки (вербальные и невербальные), позволяющие отнести ситуацию к деструктивному общению согласно вышеуказанным критериям. Таким образом, выделяются три основных типа ситуаций деструктивного общения: ситуации открытого, скрытого деструктивного общения, а также пассивно-деструктивного общения.

К ситуациям открытого деструктивного общения мы относим такие ситуации, которые непосредственно доступны для внешнего наблюдения через невербальные / вербальные ключи, мотивированы интенцией причинить вред объекту агрессии, который при этом совпадает с истинным фрустратором. Мы относим сюда также ситуации прямой вербальной агрессии, имеющей намерение оскорбить, унижить, дискредитировать человека. Ситуации открытого деструктивного общения — это всегда коммуникативные конфликты с пиковым эмоциональным напряжением, психологический механизм которых связан со статусно-ролевой структурой поведения людей [Седов, 2004, с. 91]. Бытовые конфликты и способы их предотвращения и разрешения проанализированы в работах М.Е. Литвака [Литвак, 1997], катарсический эффект вербальной агрессии детально рассматривается в трудах В.И. Жельвиса [1991; 1997 и др.], речевые стратегии в коммуникативном конфликте охарактеризованы К.Ф. Седовым [2004]. К последним относятся инвективная, куртуазная и рационально-эвристическая стратегии [Седов, 2004, с. 93]. Согласно К.Ф. Седову, в инвективной стратегии семиотичность речевого поведения снижена; при реализации куртуазной стратегии, характеризующейся повышенной степенью семиотичности речевого поведения, говорящий склонен использовать этикетные формы взаимодействия; рационально-эвристическая стратегия стремится выразить негативные эмоции косвенным способом [Седов,

2004, с. 93]. Однако, говоря о речевых стратегиях, необходимо принимать во внимание невербальные компоненты общения, которые, как уже говорилось выше, не только сопровождают коммуникацию, но и зачастую определяют ее характер. Приведем следующий пример ситуации агрессивного общения, записанный в отделении Сбербанка (ручная запись). Комментарии, касающиеся невербальных компонентов общения, наши.

В отделении Сбербанка в кассу по приему платежей стоит длинная очередь. Очередная женщина протягивает кассиру квитанцию на оплату услуг связи. Кассир бросает на квитанцию взгляд и молча возвращает ее женщине.

*Женщина: В чем дело?*

*Кассир: Услуги связи оплачиваются через терминал. Я это не приму.*

*Женщина: То есть вы хотите сказать, что я почти час простояла в очереди, чтобы заплатить за телефон, а теперь должна стоять в очереди к терминалу, которым не умею пользоваться и который не даст мне сдачи?! (Брови слегка сдвигаются, в голосе появляется напряженная дрожь, на лице проступают красноватые пятна)*

*Кассир (грубо): Я же вам сказала, я это не приму.*

*Женщина: А как же я в прошлый раз платила? (Краснота лица усиливается, голос вибрирует, звучит отрывисто, крылья носа приподнимаются)*

*Кассир (разражаясь, повышая голос): Прошлый раз приняли, а сейчас такие услуги оплачиваются через терминал. Идите и оплачивайте и не задерживайте очередь!*

*Женщина: Хорошо, но раз я простояла в очереди к вам, примите у меня оплату.*

*Кассир: Не приму. Не задерживайте очередь.*

*Женщина (вытаскивает из сумочки ручку и готовится записывать на квитанции): Скажите мне Вашу фамилию, чтобы я могла сообщить Вашему начальству, что Вы отказали мне в услуге, будьте любезны.*

Кассир (повышая голос): *Я сама схожу к начальству и спрошу!* (Уходит. Возвращается через несколько минут, красная, губы поджаты, руки дрожат. Ни на кого не глядя, садится за компьютер, хватая квитанцию, пробивает оплату и швыряет женщине чек вместе со сдачей): *Следующий раз, Ольга Владимировна, платите через терминал.*

Женщина (напряженно-спокойным голосом): *Я буду оплачивать так, как мне удобно.*

В вышеописанной ситуации отсутствуют вербальные проявления агрессивного состояния участников общения — ни клиентка банка, ни кассир не используют сниженной или бранной лексики в течение всего конфликта, но невербальное поведение (просодические, кинетические компоненты коммуникации) безошибочно позволяет отнести всю ситуацию к ситуациям открытого деструктивного общения. После того, как кассир вторично отказывается принять оплату у женщины, та оказывается в ситуации выбора речевой стратегии. Сила ее невербальной реакции (покраснение лица, напряжение и дрожание голоса, дрожание рук) такова, что инвективная стратегия ее речевого поведения становится весьма вероятной. Однако, по всей видимости, сама клиентка не рассматривает ее как эффективную в данной коммуникативной ситуации, поэтому отдает предпочтение куртуазной стратегии, не выходя за рамки этикетного общения, и, действуя полностью «в своем праве», доводит кассира буквально до состояния бешенства. Кассир также находится в чрезвычайно раздраженном состоянии, что подтверждается невербальными проявлениями испытываемых ею эмоций. Тем не менее она тоже *почти* не переступает границ этикетного общения, хотя подчеркнуто вежливое обращение к клиентке по имени и отчеству, сопровождаемое всеми вышеупомянутыми невербальными ключами и жестом швыряния квитанции, может быть приравнено к инвективе.

В рассмотренной нами ситуации невербальный компонент является превалирующим при отнесении ее к ситуациям открытого деструктивного общения. Однако нередки случаи, когда в ситуациях открытого деструктивного

общения вербальный компонент может отсутствовать вообще. Примером может послужить банальная уличная драка, стимулируемая каким-либо враждебными эмоциями или так называемым «свободно плавающим гневом» [Налчаджян, 2007, с. 107—109], которую можно отнести к коммуникации в широком смысле, но которую мы бы, скорее, обозначили как агрессивное взаимодействие. Большой интерес, на наш взгляд, представляют те ситуации открытого агрессивного общения, когда вербальный ряд по каким-либо причинам отсутствует и заменяется невербальными компонентами коммуникации. Хорошим примером такого агрессивного общения является возникновение конфликтных ситуаций на автодорогах. Спровоцировать их очень легко: достаточно чуть задержать старт на светофоре или повороте или двигаться со средней скоростью по левому ряду. Если при этом водителем является женщина, то реакция (по большей части невербальная) проявляется очень быстро: в самом простом случае вам начинают интенсивно сигналить, затем пытаются объехать, «подрезать» и жестами выразить свое отрицательное к вам отношение. Стратегия коммуникантов в подобных ситуациях тяготеет к инвективной, но является по своей форме невербальной.

Рассмотрим еще один пример ситуации открытого агрессивного общения. Это ручная запись телефонного разговора (по громкой связи) между двумя родственницами, испытывающими друг к другу многолетнюю глубокую неприязнь и в повседневном общении соблюдающих «до зубов вооруженный нейтралитет».

*А: День добрый, а К. можно попросить к телефону?*

*Б: Здравствуйте, ее нет, они с мамой уехали.*

*А: Опять потащила куда-то!!! Бедный ребенок!!!*

*Б: Не понимаю, о чем Вы говорите. Ребенок вполне счастлив.*

*А (громко, с надрывом): Да ладно Вам! Вы меня прошлый раз обманули — вы вообще лгунья, и ваша дочь такая же.*

*Б (переходит на крик): Да как вы смеете со мной так разговаривать?! Я вам ничем не обязана! И не смейте оскорблять мою дочь!*

*А (переходит на визг): Можно подумать! Интеллигентка нашлась! Вы — дура! Даром, что столько лет прожили!*

*Б: А вы — просто кошелка и сынок ваш — боров! (Швыряет трубку.)*

Данный пример иллюстрирует открытую инвективную стратегию деструктивного общения. В начале разговора оба участника общения придерживаются этикетных норм телефонного разговора, Б. даже пытается придержать нарастающую агрессию со стороны А («не понимаю, о чем вы говорите»), но сила их взаимной неприязни такова, что стилистически и просодически нейтральная фраза «они уехали» мгновенно разрушает хрупкую иллюзию вежливости и вызывает бурную отрицательную реакцию и последующий поток оскорблений с обеих сторон. При этом в функции инвективы выступает и лексема «интеллигентка», в которой эмотивный компонент не входит в структуру значения.

Обратимся к художественной репрезентации ситуаций открытого агрессивного общения. В художественном произведении автор создает «иллюзию» реальной жизни, и речь персонажей играет здесь особую роль, т.к. именно она максимально имитирует реальность. Прямая речь персонажей получает свою значимость во многом благодаря ситуации, т.е. при помощи экстралингвистических компонентов, которые в художественном тексте сознательно и эксплицитно показываются автором. В тексте художественного произведения прямая речь часто сопровождается «сценическими указаниями» [Page, 1973, с. 3], т.е. описаниями тех невербальных компонентов, которые сопровождают живую речь и помогают нам в декодировании значений тех или иных эмоциональных состояний. Таким образом, языковое описание невербальных компонентов коммуникации играет ключевую роль в текстовом отображении ситуаций деструктивного общения. Рассмотрим следующий пример:

*Они столкнулись на первом балконе. Принс держался за оба поручня лестницы, задыхаясь от злости.*

*— Принс, что, черт побери, случилось?*

*Принс ударил Лока. Перила зазвенели от удара серебряной перчатки, где только что стоял Лок. Медный брус прогнулся и треснул.*

*— Вор! Мародер! — шипел в бешенстве Принс. — Убийца! Подонок!..*

*— О чем ты говоришь?..*

*— Грязное отродье! Если ты только тронешь мою... — его рука снова мелькнула в воздухе.*

...

*— Ты?.. — начал Лок. Прерывистое дыхание мешало ему говорить. — Ты и Руби, вы что, ненормальные?*

*Принс опустился на колени. Злоба и ненависть перекосили его лицо, губы прыгали, обнажая мелкие зубы, бирюзовые глаза сузились.*

*— Ты клоун! Ты свинья! <...>*

*— Вор! — спазмы сжимали узкую грудь Принса. <...> — Ты мразь, Лок фон Рей! Ты хуже, чем...*

*Теперь уже ударил Лок.*

*Ярость была в его груди, в его глазах, в его руках. (С. Дэлани. Нова.)*

Данный эпизод является ярким примером художественного описания ситуации открытого деструктивного общения, в которой реализуется открытая инвективная стратегия взаимодействия. Описание насыщено разнообразными языковыми средствами отражения эмоций: употребление инвектив *вор, мародер, убийца, подонок, грязное отродье, клоун, свинья, мразь*, эмотивного синтаксиса, описаний невербальных компонентов агрессивного общения (просодем *шипел от злобы*; кинем *злоба и ненависть перекосили его лицо, губы прыгали, глаза сузились*; физиологических проявлений агрессивных эмоций *задыхаясь от злобы, спазмы сжимали грудь, ярость била в груди, глазах, руках*). Все перечисленное плюс описание самих агрессивных действий (*Принс ударил, ударил Лок*) указывает на чрезвычайно высокую степень интенсивности испытываемых персонажами эмоций злобы, гнева, ненависти, презрения.

Рассмотренные выше примеры ситуаций открытого деструктивного общения показывают, что коммуникативное поведение участников общения

реализует две основные речевые стратегии — инвективную и куртуазную, следуя терминологии К.Ф. Седова. Вербальная составляющая представлена разнотипной инвективной лексикой, включая обценную лексику (мат), ругательную нелитературную лексику (*хабалка, падла, обалдуй* и др.), ненормативную разговорную лексику (*подонок, грязное отродье, стерва, сволочь, сукин сын* и др.), литературную лексику с ингерентным инвективным компонентом (*вор, убийца, клоун, свинья, козел, кобыла, мародер, гадина* и др.), литературную лексику с адгерентным инвективным компонентом (*интеллигент / интеллигентка, профессор, академик* и др.), уничижительное значение которой реализуется только в определенных контекстах. Однако, рассматривая коммуникативное поведение языковой личности в ситуациях деструктивного общения, невозможно оторвать невербальный компонент от вербального, поэтому мы включаем сюда наблюдаемые невербальные проявления агрессивных состояний языковой личности (для ситуаций устного общения) и языковые описания невербальных проявлений таких состояний (для художественного текста). При этом невербальная составляющая коммуникативного поведения является определяющей для отнесения той или иной ситуации деструктивного общения к открытому типу.

Определение скрытой агрессии — одно из наиболее широких в современной психологической науке. М.Е. Литвак понимает скрытую агрессию как поведение, «которое не осознается как агрессивное ни самим агрессором, ни его жертвой, вызывает эмоциональное напряжение, вначале неосознаваемое, приводящее впоследствии к болезням, асоциальному, а иногда и преступному поведению» [Литвак, 1996, с. 101]. В современной психологии и конфликтологии выделен ряд признаков скрытой агрессии, к которым относятся, например, преподнесение фактов в искаженном виде, дискредитация объекта и его достижений, выражение ложного сочувствия, различного рода провокационные действия и высказывания и т.п. «Предложение своих услуг партнеру, когда он этого не просил, чрезмерная опека детей, блокирующая их развитие, оберегание любимого ученика от сложной работы под предлогом

заботы о нем и т. п. (“избавительство”). Подбадривания типа “Не трусь!”, “Возьми себя в руки!” (их истинный смысл — возвеличивание самого говорящего). Казалось бы, безобидные реплики типа “Вы меня неправильно поняли”, “Я с вами категорически не согласен”, “Вам давно уже пора знать, что...”. Перечисление своих, пусть даже истинных, заслуг и достижений в присутствии неудачника. Скрытая агрессия прячется за иронией, подшучиваниями и “дружеской” критикой» [Там же, с. 101–102].

Перед тем, как проанализировать ситуации скрытого деструктивного общения, необходимо во избежание путаницы развести в рамках данной работы понятия скрытой и пассивной агрессии. Особое место в ряду ситуаций деструктивного общения занимают ситуации пассивно-деструктивного общения. В основе отнесения ситуации общения к пассивно-деструктивному подтипу лежит понятие пассивной агрессии. Несмотря на то, что словосочетание «пассивная агрессия» звучит как оксюморон, противореча самой семантике слова «агрессия», оно широко распространено в современной психологии благодаря работам С. Вецлера [1993] и М. Кантора [2002]<sup>1</sup>. В психологии пассивными называют такие виды агрессии, которые не направлены непосредственно на объект, не нацелены на его прямое разрушение и выражаются в других видах деятельности [Налчаджян 2007, с. 122—123]. Пассивная агрессия чаще всего подсознательна, это скрытая форма манипулирования кем-либо ради достижения своих эмоциональных или инструментальных целей. Она характерна, прежде всего, для межличностной коммуникации, т.к. диагностируется в первую очередь в семейных отношениях, а также между коллегами [Wetzler, 1993]. Скотт Вецлер подробно описывает симптомы пассивной агрессии в межличностных отношениях, особо выделяя следующие:

1. Откладывание дел на потом, пока не станет слишком поздно. Данный признак часто встречается как на бытовом, так и на профессиональном уровне.

---

<sup>1</sup> Впервые сам термин был введен американским военным психологом полковником Уильямом Меннингером во время Второй мировой войны. У. Меннингер заметил, что некоторые солдаты бунтуют открыто, но есть и такие, которые уходят в себя, игнорируют приказы и дезертируют, т.е. проявляют «пассивную агрессию».



Например, подчиненный берется за важное для начальника дело, но выполняет поручение медленно и/или из рук вон плохо. Уличить в преднамеренном причинении вреда бывает чрезвычайно трудно: пассивный агрессор никогда не признает вины, а наоборот, зачастую предстает в виде невинного свидетеля или жертвы. Иногда ему удается дать жертве почувствовать себя виноватым за то, что он / она плохо о них подумали. Если же жертва все-таки каким-то образом выражает свое недовольство, то именно на нее падают обвинения в агрессивности, жестокосердности и прочее.

2. Невыполнение обещаний, «забывание» о договоренностях, избегание эмоциональной близости.

3. Отрицание своей вины, перекладывание ее на других / на обстоятельства и т.п.

4. Нечеткое формулирование своего мнения, своей позиции; дезинформирование: пассивный агрессор непоследователен в своих суждениях, неясно выражает свои мысли, чувства, ожидая, что его партнер прочтет его мысли и поймет, что ему нужно. Если партнер не догадывается, то агрессор заставляет его испытывать чувство вины.

5. Отсутствие внимания к партнеру: пассивный агрессор будет постоянно делать небольшие неприятные вещи, такие как, например, опоздание к ужину или «забывание» дня рождения партнера. При этом, он никогда не признает за собой злого умысла, а зачастую использует приемы газлайтинга (gaslighting) — особого вида тонкого психологического насилия, цель которого — посеять у другого человека сомнения в реальности происходящего и собственном восприятии реальности. Агрессор пытается убедить жертву в том, что она заблуждается в мыслях и чувствах о нем и о себе самой, слишком бурно на все реагирует, что негативные эмоции вызваны усталостью, магнитными бурями, непониманием его добрых намерений, скрытым психическим расстройством и т.п.

6. «Наказание» партнера молчанием [Ibid.].

Необходимо отметить, что в рассмотренных нами работах по пассивной агрессии не всегда прослеживается четкая грань между скрытой и пассивной агрессией. Про сути дела, под понятия скрытой и пассивной агрессии попадают все ее не прямые формы, а различные авторы разводят рассматриваемые понятия по разным критериям (см. Бэрн, Ричардсон, 1997; Колосов, 1996; Литвак, 1996; Налчаджян, 2007; Wetzler, 1993 и др.). Такая путаница объясняется в первую очередь трудностью поставленной задачи и многообразием проявления не прямых форм агрессии и деструктивности. **Поэтому для целей нашей работы считаем необходимым понимать под скрытым деструктивным общением такой способ коммуникативного поведения, когда субъект не может выразить свою враждебность в форме открытой агрессии и прибегает к использованию косвенных форм агрессии, а также к переориентации агрессии на другие объекты. Под пассивно-деструктивным общением мы понимаем способ коммуникативного поведения, при котором враждебное отношение субъекта реализуется в разнообразных видах деятельности, не направленных непосредственно на объект агрессии.**

Приведем пример ситуации скрытого агрессивного общения в быту (ручная запись).

*Свекровь (рассматривая женский свитер, купленный невесткой): Очень, очень милый. И цвет тебе очень идет... (Смотрит на ценник.) Дорогой, конечно, но сейчас все дорого... (Вздыхает.) А я вот, как на пенсию вышла, никаких новых нарядов себе не позволяю — хожу в том, что успела до пенсии пошить.*

*Невестка (оправдывающимся тоном): Да это я на распродаже взяла, 50 % скидка...*

*Свекровь (не слыша ее слов): А вот я, когда Петенька был маленький, чулки штопала, хотя муж и хорошо получал, сама себя обшивала, в одной беретке ходила, ничего лишнего себе не позволяла. И сейчас вот... все вам, каждую копейку вам.*

*Невестка: И я себе ничего лишнего не позволяю – в одном платье по три года хожу!*

*Свекровь: Да ладно, ладно уж...(Уходит.)*

В данной ситуации нет каких-либо вербальных или невербальных ключей, демонстрирующих агрессивный характер общения свекрови и невестки: ни свекровь, ни невестка не наносят друг другу вербальных оскорблений, просодический рисунок их высказываний не маркирован «агрессивной» эмотивностью, отсутствуют кинетические компоненты невербальной репрезентации агрессивных эмоций, но реализуемая стратегия общения позволяет отнести рассматриваемую ситуацию к ситуациям скрытого деструктивного общения. В данном случае мы имеем дело со стратегией скрытой агрессии, в процессе реализации которой агрессор принуждает объекта оправдываться, вторгаясь в личное жизненное пространство последнего, казалось бы, самым невинным образом (в нашем случае, *как бы* восхищаясь покупкой). Интересен тот факт, что, каким бы ни был ответ объекта агрессии (в данной ситуации, невестки), агрессор всегда может использовать его против жертвы: если невестка избрала бы наступательную стратегию (*она имеет право покупать себе вещи и хорошо одеваться, и ей дела нет до проблем свекрови*), то ситуация общения могла бы перерасти в эмоциональный конфликт, виновником которого оказалась бы все та же невестка, а истинный агрессор предстал бы в роли жертвы, которая «не хотела никого обидеть».

Продолжение описанной ситуации представляет собой особую разновидность скрытого агрессивного общения, а именно ситуацию переориентированной или замещающей агрессии. Как только свекровь уходит, невестка швыряет свитер в шкаф, резко захлопывает дверцу и негромко, но очень выразительно сообщает: «*Достала, стерва старая!*» Ее агрессивный «заряд», таким образом, достается свитеру и шкафу, а инвективное словоупотребление не доходит до ушей свекрови. В подобных ситуациях объект агрессивного действия заменяется другим (более безопасным или доступным) объектом. Механизмы данного явления изучались и изучаются в

этологии (на примерах поведения животных), в социальной психологии, исследуются также факторы, определяющие выбор «козла отпущения» в тех случаях, когда речь идет об одушевленном объекте переноса агрессии. Основным фактором при этом становится оценка способности потенциального «козла отпущения» к возмездию: на эту роль выбираются или слабые и беззащитные люди, или же те, с которыми повторные встречи маловероятны [Налчаджян, 2007, с. 134—141]. Согласно К. Лоренцу, переориентация агрессии является результатом взаимодействия между агрессивностью субъекта агрессии и тормозящим механизмом объекта агрессии: «Человек, рассердившийся на другого, скорее ударит кулаком по столу, чем того по лицу, — как раз потому, что такое действие тормозится определенными запретами, а ярость требует выхода, как лава в вулкане» [Лоренц, 1994, с. 173]. Переориентированная агрессия такого рода (удар по столу вместо удара по лицу) тесно связана с понятием агрессивного катарсиса, основная идея которого состоит в том, что выплеск эмоции наружу ослабляет эту эмоцию «изнутри» и улучшает самочувствие субъекта эмоции. Переориентация агрессии как форма агрессивного поведения закреплена в ряде языковых единиц:

*выместить зло — удовлетворить свою обиду, неудовольствие, причинив зло кому-н. [СО];*

*сорвать злость / гнев на ком-либо / чем-либо — выместить, излить на ком-н. злое чувство [СО];*

*отвести душу — высказать все, что накопилось [СО].*

Приведем примеры употребления данных языковых единиц.

*С самого верха шла манера орать на подчиненных, и нередко Громыко возвращался из Кремля разгневанный и, получив там втык, в свою очередь срывал злость на том, кто попадал под руку (О. Гриневский. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. НКРЯ.)*

*К сожалению, бандиты, которые вас преследовали, не застав вас, выместили свою злость на женщине... (В. Громов. Компромат для олигарха. НКРЯ.)*

*И отлично понимал, что ее и на свете-то нету, к сожалению, этой воображаемой морды, которую так часто хочется набить, чтобы **отвести душу**; можно только **срывать обиды и злость на тех, кто послабее или беззащитнее тебя** (Ф. Кнорре. Орехов. НКРЯ.)*

Синонимичными вышеуказанным языковым единицам являются просторечные выражения «оттянуться на ком-либо», «оторваться на ком-либо». Несмотря на то, что толковые словари не дают соответствующих толкований, контекст безошибочно указывает на то, что данными выражениями может обозначаться способ переориентации агрессии.

*Позднее, в восьмидесятые, когда диаспора еще не была диаспорой, а только околачивала пороги ОВИРов, многие из тех, кому типа отказали в визе по фальшивому вызову, искали **оттянуться на Шафаревиче** (В. Баранов. Малый народ как малый параметр. НКРЯ.)*

*Тетка наверняка не удовлетворена мужем, своими детьми (или не имеет своих, как истинный педагог советской формации), **почему бы не оторваться на ребенке?** (Сегодня в топе блогов история учительницы. НКРЯ.)*

Формально ситуации переориентированной агрессии обладают всеми признаками ситуаций открытого агрессивного общения, т.е. для «срывания злости» используются вербальные и невербальные средства выражения агрессивных состояний человека. Так, в первом из приведенных нами примеров жесты швыряния свитера и захлопывания дверцы, а также инвектива «стерва старая» свидетельствуют об испытываемых женщиной некоторых «агрессивных» эмоциях по отношению к свекрови. Невестка не номинирует свои эмоциональные переживания, поэтому мы не можем точно судить, ненависть это или накопленное за годы раздражение.

Приведем примеры художественного описания ситуаций переориентированной агрессии.

*Только сейчас Никитин вернулся от командира полка после солидной головомойки и не знал, на ком **сорвать злость**. А начитаба сидит себе и крестики рисует.*

*Никитин набросился на меня: «Тоже инженер называется... В газетах про вас, саперов, всякие чудеса пишут — то взорвали и то подорвали, а на деле что? Землянки начальству копаете».*

*Он встал, выругался и зашагал по блиндажу (В. Некрасов. Рядовой Лютиков. НКРЯ.)*

*В прежние времена тут бы и лезть на рожон... Он даже зажмурился, скрипнув зубами. Нельзя!.. Он пошел к воротам и бешено ударил кулаком в калитку. (А.Н. Толстой. Хождение по мукам.)*

В данных примерах присутствуют описания невербальных проявлений агрессивных эмоций — бешенства и злобы. Эти проявления направлены как на одушевленный (рассказчик в первом случае), так и на неодушевленный (калитка во втором случае) объекты. Но во всех приведенных примерах факт агрессивной реакции (вербальной и невербальной) оказывается скрытым от реального фрустратора — желаемого объекта совершенных агрессивных действий, что позволяет нам отнести их к ситуациям скрытого агрессивного общения по содержательному компоненту.

Возникает вопрос, возможны ли контексты, в которых ситуации переориентированной агрессии могут быть классифицированы как ситуации открытого агрессивного общения? Вопрос этот решается положительно. В нашей картотеке есть примеры коммуникативных ситуаций, в которых агрессия по разным причинам переориентируется на другой объект в присутствии самого фрустратора, становясь, таким образом, доступной для его объективного восприятия.

*— Так как же ты, отец, фантастические события хочешь объяснить без фантастических гипотез?*

*— А я про это ничего не знаю, — сказал Малянов. — Это у вас события фантастические. А вы, может, вторую неделю запоем пьете... У меня никаких фантастических событий не было. Я непьющий...*

*Тут Вайнгартен налился кровью, ударил кулаком по столу и заорал, что Малянов, черт возьми, должен им верить, что если мы, черт возьми, друг*

*другу не будем верить, тогда вообще все к черту пойдет! У этих гадов, может быть, весь расчет на то, что мы друг другу не будем верить, что мы с ними окажемся каждый сам по себе, и они будут из нас веревки вить как захотят!*

*Он так бешено орал и брызгался, что Малянов даже перепугался.  
(А и Б. Стругацкие. За миллион лет до конца света.)*

В приведенном примере персонаж переориентирует свою агрессию на неодушевленный объект в присутствии партнера по общению, реплика которого, собственно, и вызвала столь бурную негативную реакцию. Это не влияет на формальные характеристики агрессивного действия, но полностью изменяет содержание коммуникативного акта: наряду с катарсическим эффектом в нем реализуется интенция угрозы. Психолог Д. Моррис выделял переориентированные жесты в отдельную группу эмоциональных жестов угрозы [Morris, 1977, p. 195—196]. Однако, несмотря на это, большинство ситуаций переориентированной агрессии представляет собой подтип ситуаций скрытого агрессивного общения, т.к., эксплицируя (вербально или невербально) агрессивные эмоциональные состояния личности, они скрывают эти состояния от истинного фрустратора, что соответствует психологии исследуемого явления.

К ситуациям скрытого деструктивного общения следует также отнести коммуникативные ситуации вручения партнеру по общению неприятного подарка, который может иметь и некий дополнительный символический характер. А. Налчаджян приводит пример из Геродота о вручении скифскими царями даров персидскому царю Дарию. Скифские цари отправили в дар Дарию птицу, мышь, лягушку и пять стрел, что было истолковано следующим образом: «Если вы, персы, как птицы, не улетите в небо, или, как мыши, не зароетесь в землю, или, как лягушки, не поскачете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами» [Цит. по: Налчаджян, 2007, с. 120]. Невербальная угроза была истолкована правильно, и Дарий приказал своим войскам отступить. В современном обществе символические «агрессивные»

подарки тоже встречаются. Например, в канун 2010 г. один французский фермер выпустил за 8,5 евро специальный экологически чистый подарок для врагов. В изящной деревянной коробочке, на которой изображена улыбающаяся корова, был упакован обычный коровий навоз. Подарок сопровождала надпись «fumier!», что в переводе с французского означает и «навоз», и «подонок», и «негодяй» [Самый оскорбительный ... , www].

Мы провели опрос информантов (50 человек возраст от 19 до 47 лет, 37 информантов — женщины) о том, какие подарки унижают и/или оскорбляют их больше всего. Почти 40 % опрошенных ответили, что их больше всего задевают и унижают либо дешевые ненужные, либо слишком дорогие подарки. Интересно, что только 10 % опрошенных упомянули подарки, сознательно направленные на унижение и/или оскорбление — «подарки с намеком». Например, в течение 6 лет супружеской жизни женщина регулярно получала от свекрови в подарок предметы для уборки дома. По мнению информанта, это делалось специально с целью унижить и оскорбить ее, т.к. свекровь считала ее неряхой. Еще 10 % опрошенных заявили, что все зависит от ситуации и от человека, дарящего или принимающего подарок, что лишний раз подтверждает тот факт, что классифицировать ту или иную ситуацию общения с точки зрения наличия в ней проявлений человеческой агрессии и деструктивности можно только с учетом реальных условий общения.

Что касается ситуаций пассивно-деструктивного общения, то как в реальной, так и в художественной коммуникации такую форму деструктивного общения крайне сложно отследить только по вербальным ключам. Единственная возможность истолковать ту или иную ситуацию общения как пассивно-деструктивную заключается в проведении детального контекстуального и смыслового анализа широкого контекста. В качестве примера можно привести роман А. Нин «Соблазнение Минотавра», главная героиня которого, недовольная своей молчаливой супружеской жизнью, уезжает в Мексику под предлогом заработать денег как бы ради семьи. Изменяя мужу, разрушая взаимоотношения, испытывая при этом чувство вины перед



супругом и детьми, героиня романа А. Нин несомненно питает к ним некоторую, пусть и не совсем осознанную, враждебность, относя ситуацию общения в романе в целом к пассивно-деструктивному типу. В реальной коммуникации фиксация ситуаций пассивно-деструктивного общения также возможна в процессе наблюдения за близкими или хорошо знакомыми людьми, т.е. в ситуациях достаточно длительного взаимодействия. Приведем пример. Придя в гости к своей знакомой, автор стала свидетелем ситуации общения, которую можно квалифицировать как пассивно-деструктивную. Муж женщины не вышел поздороваться, а, проходя по коридору, буркнул что-то типа приветствия и ушел в другую комнату. В течение полутора часов, пока мы общались, он несколько раз заходил в комнату, но на комментарии и обращения своей жены не реагировал. Когда, наконец, хлопнула входная дверь, я осмелилась спросить, что произошло, на что подруга ответила, что они *вчера* поссорились, и теперь муж ее так *наказывает*, и что он всегда так делает после размолвок. Она также призналась, что ее это «страшно раздражает», но она никак не может изменить ситуацию, а все ее попытки поговорить лишь «удлиняют период игнора». Меньше чем через год после этого случая супруги развелись по причине несходства характеров. Еще одна женщина рассказывала, что самые страшные скандалы в ее семье происходили, когда она пыталась отмалчиваться на замечания мужа или игнорировать его. В целом тактика игнорирования общения в семейной коммуникации рассматривается нами как в высшей степени деструктивная, несмотря на то, что в подобных ситуациях полностью отсутствуют элементы открытого агрессивного поведения.

Подведем итоги. Психологические особенности различных форм проявления агрессии в коммуникации, фактор доступности агрессивных проявлений для объективного наблюдения, а также учет причинно-следственных связей между целями / задачами общения и стратегиями и тактиками поведения коммуникантов позволил выделить три типа ситуаций деструктивного общения: ситуации открытого, скрытого деструктивного общения, а также ситуации пассивно-деструктивного общения. К ситуациям

открытого деструктивного общения относятся такие ситуации, которые непосредственно доступны для внешнего наблюдения через невербальные / вербальные ключи, мотивированы интенцией причинить вред объекту агрессии, который при этом совпадает с истинным фрустратором. Под скрытым деструктивным общением понимается такой способ коммуникативного поведения, когда субъект не может выразить свою враждебность в форме открытой агрессии и прибегает к использованию косвенных форм агрессии, а также к переориентации агрессии на другие объекты. Под пассивно-деструктивным общением понимается способ коммуникативного поведения, при котором враждебное отношение субъекта реализуется в разнообразных видах деятельности, не направленных непосредственно на объект агрессии. Каждый тип характеризуется преобладанием определенной речевой стратегии, а также набором невербальных компонентов коммуникации, на которые ложится основная смысловая нагрузка при отнесении той или иной ситуации общения к деструктивному типу (сюда относятся наблюдаемые невербальные проявления агрессивных состояний языковой личности (для реальной коммуникации) и языковые описания невербальных проявлений таких состояний (для художественной коммуникации)).

### **Выводы по первой главе**

Систематизация существующих точек зрения на проблемы межличностной коммуникации, анализ основных философских, нейрофизиологических и социопсихологических концепций агрессии и деструктивности позволили выделить деструктивное общение как особый тип межличностной коммуникации и предложить следующее его определение. **Деструктивное общение представляет собой тип эмоционального общения, направленного на сознательное и преднамеренное причинение собеседнику морального и/или физического вреда, характеризуемого негативной реакцией со стороны адресата и чувством удовлетворения от страданий жертвы и/или сознанием собственной правоты со стороны адресанта.**

Стремление личности возвыситься за счет унижения / морального уничтожения собеседника составляет интенциональную базу деструктивного общения, что предопределяет основные пути его реализации. В качестве основной единицы анализа принята ситуация деструктивного общения. Анализ ситуации деструктивного общения предполагает рассмотрение следующих ее компонентов: субъект / объект коммуникативного поведения, деструктивная мотивация, цель и коммуникативная стратегия / тактика ее реализации, вербальное и невербальное оформление, результат деструктивного воздействия.

Важнейшим параметром деструктивного общения является коммуникативная цель, заключающаяся в стремлении травмировать собеседника, причинить ему психологический или даже физический вред, всячески умалить его личностную значимость. Деструктивное общение может быть квалифицировано как инициативное, а также не имеющее четких границ с точки зрения продолжительности. По соотношению формы и содержания деструктивное общение может быть прямым и косвенным, т.е. протекать как непосредственно (лицом к лицу), так и опосредованно (путем использования косвенных приемов агрессии, таких как распространение заведомо ложной информации об объекте — слухов, клеветы).

Важнейшей особенностью исследуемого типа общения признан его эмоциональный аспект. Эмоциональным стимулом деструктивного общения могут выступать не только эмоции триады враждебности (гнев (раздражение, злоба, ярость), отвращение, презрение), но и сложные эмоционально-когнитивные комплексы, такие как ненависть, зависть, ревность, а также сложные кластерные эмоционально-когнитивные комплексы (любовь-ревность, любовь-ненависть, зависть-ревность) и т.п. Таким образом, важнейшей характеристикой деструктивного общения является наличие эмоционального стимула. Каковы бы ни были деструктивные коммуникативные интенции, именно эмоции рассматриваются в качестве их движущих мотивов.

Проведенный анализ содержания понятий, смежных с понятием деструктивного общения, позволил сделать вывод о том, что, несмотря на то,

что между понятиями конфликтного речевого взаимодействия, вербальной агрессии, инвективного словоупотребления, языкового насилия и деструктивного общения существует предметно-понятийная связь, они все же не тождественны друг другу. Классифицировать ту или иную ситуацию общения как деструктивную можно только с учетом следующих условий коммуникации: 1) коммуникативное намерение говорящего (намерение причинить вред адресату); 2) характер общения (формальное / неформальное); 3) общая коммуникативная установка (наличие отрицательного эмоционального стимула); 4) определенный набор вербальных и/или невербальных средств (средств вербальной агрессии / невербальных маркеров враждебности, агрессии); 5) реакция адресата (отрицательная); 6) реакция адресанта (положительная).

Таким образом, основываясь на понимании деструктивности как «злокачественной формы агрессии» Э. Фромма, мы относим ситуацию общения к деструктивному типу по наличию в ней следующих конститутивных признаков: а) деструктивная интенция; б) эмоциональный стимул; в) реализация: деструктивность реализуется в ситуациях деструктивного общения, в которых присутствуют вербальные / невербальные ключи — показатели проявлений прямой или косвенной агрессии; г) негативная эмоциональная реакция адресата; д) положительная оценка адресантом своих коммуникативных действий.

Психологические особенности различных форм проявления агрессии в коммуникации, фактор доступности агрессивных проявлений для объективного наблюдения, а также учет причинно-следственных связей между целями / задачами общения и стратегиями и тактиками поведения коммуникантов позволили выделить три типа ситуаций деструктивного общения: ситуации открытого, скрытого деструктивного общения, а также ситуации пассивно-деструктивного общения. Под скрытым деструктивным общением понимается такой способ коммуникативного поведения, когда субъект не может выразить свою враждебность в форме открытой агрессии и прибегает к использованию

косвенных форм агрессии, а также к переориентации агрессии на другие объекты. Под пассивно-деструктивным общением понимается способ коммуникативного поведения, при котором враждебное отношение субъекта реализуется в разнообразных видах деятельности, не направленных непосредственно на объект агрессии. Каждый тип характеризуется преобладанием определенной речевой стратегии, а также набором невербальных компонентов коммуникации, на которые ложится основная смысловая нагрузка при отнесении той или иной ситуации общения к деструктивному типу (сюда относятся наблюдаемые невербальные проявления агрессивных состояний языковой личности (для реальной коммуникации) и языковые описания невербальных проявлений таких состояний (для художественной коммуникации)).

## **ГЛАВА II. КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЕСТРУКТИВНОСТИ**

В первой главе мы рассмотрели особенности деструктивного типа общения, предложили его определение, а также один из вариантов классификации ситуаций деструктивного общения, которым мы будем пользоваться в работе. Очевидно, что когнитивное исследование деструктивности в общении представляет не только теоретическую, но и исключительную практическую ценность. Центральной проблемой выступает вопрос концептуализации деструктивности, т.е. процесс образования и формирования концептов в сознании, осмысления информации, ведущей к образованию концептов [Болдырев, 2004]. Задача данной главы – охарактеризовать деструктивность как сложное когнитивное образование и рассмотреть основные концепты, входящие в концептуальное пространство деструктивности, что послужит для достижения общей цели комплексного, системного изучения деструктивного общения.

### **2.1. Деструктивность: концепт или концептуальное пространство?**

Центральным понятием деструктивного общения выступает понятие деструктивности. С точки зрения лингвистического исследования важно определить, является ли деструктивность концептом — ментальным образованием, «имеющим множественные и несводимые друг к другу измерения, отражающим интерпретируемый мир и находящимся в системных динамических связях с однопорядковыми и разнопорядковыми знаковыми образованиями» [Карасик, 2012, с. 133]. Или же деструктивность необходимо рассматривать как нечто большее, выходящее за рамки общепринятой концептуальной систематики?

Известно, что концепт как ментальное образование имеет по меньшей мере три основных составляющих — три измерения: понятийное, ценностное и образное [Карасик, 2002]. Данная трехмерная модель положена в основу

лингвистического описания концепта, традиционно начинающегося с исследования его языковой оболочки, его признаков и выведением ценностных ориентиров, определяющих существование данного концепта. Допуская возможность трактовки деструктивности как концепта, проведем его пошаговое исследование согласно указанной методике. Однако уже на первом этапе нам не удалось найти определение деструктивности ни в одном из толковых словарей русского языка, включая онлайн-словари. Авторитетный «Большой психологический словарь» Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко (2002) также не предоставляет какого-либо определения деструктивности. «Словарь-справочник по психоанализу» предлагает трактовку деструктивности как разрушения, исходящего от человека и направленного вовне, на внешние объекты или вовнутрь, на самого себя [ССП]. Анализ теоретической литературы также показал, что данная лексическая единица используется в основном в специальной литературе по психологии, философии, экологии и в некоторых других отраслях знания, обозначая специфическую разрушительность. Таким образом, лексема «деструктивность» является термином в его классическом понимании и выполняет номинативную и дефинитивную функции [Реформатский, 1967, с. 122]. Составленная по словообразовательной модели и с использованием терминологии латинского языка, данная лексическая единица не вызывает трудностей в толковании у неспециалистов в вышеупомянутых областях. Опрос (50 информантам, имеющим законченное среднее и высшее образование, было предложено дать определение деструктивности) показал, что деструктивность понимается как «разрушительность / желание / стремление разрушить / уничтожить что-либо / кого-либо» (по аналогии с лексемой «конструктивный») и прочно ассоциируется с понятием «зло», которое в свою очередь относится к так называемым телеономным концептам, т.е. концептам, содержанием которых являются высшие ценности и ориентиры поведения [Воркачев, 2001]. Сфера употребления указанной лексемы также расширяется — термин «проникает» в общеупотребительную лексику: в публицистических текстах

часто фигурируют словосочетания «деструктивное воздействие», «деструктивное влияние», «деструктивная критика», «деструктивная секта», «деструктивное поведение», «деструктивный культ», «деструктивная позиция», «деструктивный элемент» и т.д. Допуская, что деструктивность может быть концептом индивидуального сознания (см. амбивалентность деструктивности, например, в представлении некоторых мыслителей), мы полагаем, что говорить о деструктивности как о единице национального менталитета на данном этапе нельзя именно из-за явной терминологичности рассматриваемой лексической единицы.

Однако за термином «деструктивность» стоит нечто большее, чем простой его перевод на русский язык как «разрушительность». Данное понятие эмоционально нагружено, т.к. относится к сфере эмоционального человеческого взаимодействия. За ним стоит целая система представлений о разрушительных действиях, о порождающих их эмоциях, о разновидностях таких действий, сценариях их протекания, возможных / невозможных последствиях и смежных явлениях. Все это абсолютно несводимо к одной-единственной концептуализации и позволят говорить о структуре более сложного порядка, чем концепт. Представляется, что для описания подобной структуры возможно использование термина «концептуальное пространство».

В современной лингвистике это словосочетание употребляется довольно часто, однако в нескольких различных значениях: во-первых, как синоним термина «концептосфера», под которым вслед за Д.С. Лихачевым понимают совокупность концептов в сознании народа: концептосфера образована всеми потенциями концептов носителей языка [Лихачев, 1993, с. 5]; во-вторых, для обозначения специфического методологического ракурса изучения языка разнообразными когнитивными средствами (см. название межвузовского сборника «Концептуальное пространство языка» (2005 г.)); в-третьих, как весь методологический и терминологический аппарат когнитивной лингвистики [Болдырев, 2004]. Наиболее полный анализ понятия коммуникативного пространства в современной лингвистике проведен в работе О.В. Николаевой



[Николаева, 2011]. Принимая во внимание различные существующие трактовки концептуального пространства в когнитивной лингвистике, автор предлагает провести методологическое разграничение между толкованием концептуального пространства как чисто когнитивного явления, то есть результата деятельности сознания (когнитивного сознания, по И.А. Стернину [2002]), потенциально способного к объективации в естественном языке, с одной стороны, и признанием его в качестве непосредственного порождения языкового сознания [Тарасов, 2004], то есть ментальным продуктом, создаваемым языковыми средствами, с другой. В первом случае категория концептуального пространства применительно к языковому материалу выполняет объяснительную функцию, а во втором – конструирующую. По справедливому замечанию автора, каждый из выделенных широких подходов стал теоретической платформой для ряда конкретных исследований [Николаева, 2011, с. 189—190].

Первое из названных направлений сформировало понимание концептуального пространства как чисто когнитивной категории: мыслительная среда (создаваемая сознанием познающего субъекта при его взаимодействии с действительностью), в которой происходит синтез нового знания на основе мотивированной или ассоциативной интеграции уже известных концептов или концептуальных смыслов [Там же, с. 190]. У истоков такого понимания лежит понятие ментального пространства (*mental space*) Жюль Фоконье. Как замечает Ж. Фоконье, человек наивно полагает, что значение передается при помощи слов: мы «говорим то, что думаем по тому или иному поводу», «вкладываем смысл в слова» и т.д. На самом деле помимо слов, образующих доступную наблюдению «верхушку айсберга», в высказывании имплицитно присутствуют огромные массивы информации, необходимые для понимания его содержания. Сам человек не осознает, каким именно образом идет процесс истолкования смысла высказывания, - подобно тому, как он не отдает себе отчета в химических реакциях, протекающих у него в мозгу [Fauconnier, 1994, xviii]. На самом деле понимание высказывания

оказывается возможным благодаря тому, что языковые выражения выполняют функцию своеобразных инструкций, в соответствии с которыми осуществляется ментальное конструирование на когнитивном уровне [Fauconnier, 1988, p. 62]. В качестве теоретического конструкта, призванного отразить то, что происходит «за кадром» (так называемый когнитивный фон повседневного общения), автор предлагает использовать термин «*ментальное пространство*». В своей программной работе “*Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*” ученый определяет ментальные пространства как упорядоченные множества с элементами (*a, b, c...*) и отношениями между ними ( $R_{1ab}, R_{2ad}, R_{3cbf}...$ ), открытые для пополнения их новыми элементами и отношениями соответственно [Fauconnier, 1994, p. 16]. Таким образом, ментальные пространства представляют собой модели ситуаций (реальных / гипотетических) в том виде, как они концептуализируются человеком. В основу теории ментальных пространств Ж. Фоконье легли положения теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа, который уже в 1987 г. предложил правила построения и примеры ментальных пространств. Так, примерами ментальных пространств, по Дж. Лакоффу, будут 1) непосредственно данная нам реальность (так, как мы ее понимаем); 2) различные гипотетические ситуации; 3) ситуации, относящиеся к прошлому и будущему (так, мы их понимаем); 4) вымышленные ситуации, например, живописные кинематографические сюжеты; 5) предметные области (такие как экономика, политика, математика и др.) [Lakoff, 1987, p. 281]. Процесс же построения ментальных пространств предполагает соблюдение следующих правил [Ibid., p. 282]:

- стремление избегать противоречий внутри пространства;
- стремление расширять общую платформу фоновых знаний на возможно большее количество сопредельных пространств;
- передвижение элементов, находящихся в том или ином пространстве на переднем плане, на задний план в последующих пространствах.

Данные принципы построения ментальных пространств, с точки зрения Ж. Фоконье, являются едиными для всех языков и культур [Fauconnier, 1994, xvii-xviii].

Ж. Фоконье также подчеркивает, что ментальные пространства не являются отражением действительности или какого-либо из возможных миров. На самом деле они воплощают в себе образ того, как мы думаем и говорим о тех или иных вещах, при этом не заключая в себе никакой информации об этих вещах. Так, пространство, вводимое конструкцией типа «Макс полагает...» представляет не собственно мысли Макса по тому или иному поводу, а всего лишь способ говорить о позициях, занимаемых теми или иными людьми по тем или иным вопросам [Скребцова, 2000, с. 144].

Особое внимание следует уделить теории концептуальных пространств (conceptual spaces) Питера Гарденфорса, которая является на настоящий момент наиболее общей логической теорией описания законов построения концептуальных пространств. Основная идея концепции П. Гарденфорса заключается в применении принципов топологии к структурированию концептов, при этом топология задана некоторым множеством «естественных измерений» (температура, яркость, вес, высота, масса, длина, ширина и т.д.). Топологии, представленные в работе П. Гарденфорса, характеризуются областями (regions), содержащими некие точки (points). Ученый описывает два качества, которыми в идеале должна обладать область: связанность / связность (connectedness) и выпуклость (convexity). Область является связанной, если ее нельзя разложить на две или более непересекающиеся части. Она является выпуклой, если каждая линия, соединяющая любые две точки, проходит только через эту область. Такое концептуальное пространство является чисто когнитивным явлением, имеющим «досимволическую», «долингвистическую» природу, однако с его помощью становится возможным объяснение и языковых явлений [Gärdenfors, 2000].

Второй из разграничиваемых О.В. Николаевой подходов предлагает толкование концептуального пространства как категории не только

мыслительной, но и языковой. В таком ракурсе концептуальное пространство является продуктом языкового сознания. С концептуальными пространствами соотносимо понятие возможных миров, под которыми в самом общем смысле понимают «преломленное» сознанием людей отражение реального мира и формирование нового выводного знания [Николаева, 2011, с. 191]. В рамках данного подхода упоминаются работы Ю.С. Степанова [1985; 1997; 2001], А.П. Бабушкина [2001]. Мы же можем добавить к этому работы С.В. Плотниковой в области теории «множественности миров» [Плотникова, 2008], а также многочисленные исследования последних лет по различным видам концептуальных пространств: концептуальному пространству английской народной сказки [Еремеева, 1997], концептуальному пространству художественного текста [Немец, 2002], поэтическому когнитивному пространству [Вычужанина, 2009], концептуальному пространству кубанских заговоров [Меркулова, 2006], концептуальному пространству брачных объявлений [Шибанова, 2004].

В русле данного подхода В.В. Красных использует словосочетание «когнитивное пространство» и разграничивает индивидуальное когнитивное пространство, под которым понимается определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает любая языковая личность, и коллективное когнитивное пространство, представляющее собой определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений, которыми необходимо обладают все личности, входящие в тот или иной социум [Красных, 2003, с. 61]. Особый взгляд на «концептуальное пространство» представил В.А. Ефремов, понимающий под данным термином специфический тип структурирования концептов в человеческом сознании и языковой картине мира, осуществляемый по принципу контрадикторных отношений, т.е. отношений «между противоречивыми понятиями, которые вместе не могут быть ни истинными, ни ложными; из двух контрадикторных понятий одно и только одно истинно, а другое непременно ложно» [Ефремов, 2009, с. 103]. Данное положение

раскрывается на примере концептуального пространства «мужчина — женщина», в котором отдельные концепты «мужчина» и «женщина» вступают в комплементарные отношения, создавая в сознании носителя языка некую целостность, которая определяется тем, что актуализация одного из концептов неминуемо предполагает актуализацию второго; одновременно номинация одним из слов не допускает использования для обозначения того же предмета второго слова. При этом концептуальное пространство включает в себя все окружение того или иного концепта, сферу его существования как в отдельном языковом сознании, так и в границах языковой картины мира [Там же].

Принимая данную точку зрения во внимание, мы придерживаемся «тематического» подхода к пониманию концептуального пространства, представленного в работах А.В. Стародубцевой [Стародубцева, 2004], М.С. Аверкиевой [Аверкиева, 2009], Н.Н. Панченко [Панченко, 2010], и предлагаем рассматривать концептуальное пространство как определенным образом структурированную совокупность концептов с общим понятийным признаком, которыми обладает любая языковая личность, входящая в тот или иной социум. Что касается структурирования концептуальных пространств, то единства во взглядах здесь также не наблюдается. Структура концептуального пространства, определяемая наличием двух и более уровней, может складываться:

- из смысловых составляющих в пределах одного концепта;
- из двух самостоятельных концептов — концептуального бинорма, образующего интегрированное единство: структурирование по принципу бинарных контрадикторных оппозиций, поскольку большинство концептуальных категорий полярны по своей природе, т.к. достались нам от архаического сознания, которое таким образом упорядочивало мир («добро — зло», «любовь — ненависть», «истина — ложь» и др.);
- из группы концептов;
- из группы малых концептосфер;

- комбинации таких единиц, как, например, концептосфера и концептуальный фон;
- из комбинации событийных фреймов;
- из совокупности фрейм-структур (как клише сознания), составляющих когнитивную базу, являющуюся ядром когнитивного пространства [Николаева, 2011, с. 192].

Деструктивность представляется нам именно концептуальным пространством, состоящим из совокупности различных концептов. В первую очередь в него входят концепты эмоций, вызывающих и поддерживающих деструктивное поведение (прежде всего сюда включены эмоции группы гнева (раздражение, злоба, гнев, ярость, ненависть), а также концепты других враждебных эмоций (отвращение, презрение)), эмоционально-поведенческие (следуя терминологии И.И. Чеснокова) концепты (например, месть, зависть, ревность), представления о факторах и ситуациях, способствующих актуализации и эскалации агрессивного поведения (вербальное оскорбление, а также ряд невербальных факторов, куда можно включить присутствие оружия, высокую температуру окружающей среды, внешний вид жертвы, страх жертвы, «заражение агрессией» через кино и телевидение и др.), концепты эмоций, возникающих в результате совершения деструктивного акта (вербального или невербального) (страх, отвращение, ответная ненависть, презрение и т.п.). В концептуальное пространство деструктивности входят также прототипические и парапрототипические сценарии деструктивного поведения (вербального и невербального). Данные единицы концептуального пространства основаны на социально-культурной информации, которую человек приобретает в течение жизни в обществе. Они представляют собой глубинный слой когнитивного устройства человека, когнитивную пропозициональную модель организации знаний о стереотипной ситуации, реализующей деструктивное поведение.

Очевидно, что не все концепты и когнитивные сценарии, входящие в концептуальное пространство деструктивности, имеют одинаковую значимость. Как показали анализ теоретической литературы и практический

материал исследования, к ядерным концептам концептуального пространства деструктивности можно отнести эмоциональные концепты злобы, ярости, ненависти, презрения, эмоционально-поведенческие концепты «мечь», «ревность», «черная зависть», прототипические когнитивные сценарии деструктивного поведения; к ближней периферии — эмоциональные концепты раздражения, неприязни, обиды, страха, т.е. находящиеся в причинно-следственной связи с эмоциями-стимулами деструктивного поведения, фтакже все парипрототипические сценарии развития «агрессивных» эмоций; к дальней периферии — концепты, имеющие опосредованное отношение к деструктивности, например, «ложь», «любовь», «свобода» и др.

Подведем итоги. Изучение деструктивной коммуникации основано на достижениях ряда наук, включая нейрофизиологию, психологию, философию, антропологию. Деструктивность представляет собой концептуальное пространство, имеющее полевою структуру, ядерными концептами которого являются концепты эмоций, вызывающих и стимулирующих агрессию коммуникантов. Структура эмоциональных концептов, в свою очередь, имеет свою специфику, о которой речь пойдет ниже. Эмоции как психическая сущность всегда противопоставлялись логике, поэтому изучение эмоциональных концептов строится не столько на логическом, сколько на образно-схематическом знании. Следовательно, при изучении и структурировании концептуального пространства деструктивности особое внимание должно быть уделено анализу лингвистической репрезентации эмоционального аспекта исследуемого явления.

## **2.2. Методологические основы моделирования концептов эмоций (на примере моделирования эмоционального концепта «гнев»)**

Термин «концепт» широко используется в современной когнитивной лингвистике, несмотря на то, что единого определения данному термину до сих пор не дано. С момента официального начала когитологии в 1975 г. было предложено немало трактовок концепта как базового понятия данного

направления лингвистической мысли, и этот процесс продолжается до сих пор, что свидетельствует о неугасающем интересе к концептам и процессу концептуализации человеческим сознанием явлений внешнего и внутреннего мира.

Основные положения теории концептов и подходы к их изучению и типологизации детально описаны в многочисленных исследованиях [Антология концептов, 2005; 2006; 2007 и др.; А. Вежбицкая; С.Г. Воркачев; В.И. Карасик; В.В. Красных; Е.С. Кубрякова; Г.Г. Слышкин; Ю.С. Степанов; И.А. Стернин; В.Н. Телия и т.д.], поэтому мы лишь тезисно остановимся на основных моментах, которые являются базовыми для нашей работы. В самом общем смысле под концептом в современной лингвистике принято понимать сложное ментальное образование, в структуре которого выделяются взаимосвязанные между собой когнитивная и образно-оценочная части. В настоящее время исследования концептов проводятся в рамках двух фундаментальных лингвистических направлений: когнитивной лингвистики (лингвокогнитивный подход) и лингвокультурологии.

С позиций когнитивной лингвистики концепт рассматривается как единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, 1996, с. 90]. Концепт может иметь языковую оформленность, а может и не иметь ее. Так, например, С.Х. Ляпин [Ляпин, 1997, с. 18] указывает на то, что концепты могут опираться как на понятийный (или псевдо-, или предпонятийный) базис, закрепленный в значении какого-либо знака: научного термина, или слова (словосочетания) обыденного языка, или более сложной лексико-грамматико-семантической структуры, так и на невербальный предметный (квазипредметный) образ или предметное (квазипредметное) действие.



С позиций лингвокультурологии концепт рассматривается как единица коллективного знания (сознания), связанная с обыденной философией, которая, в свою очередь, является результатом взаимодействия таких факторов, как «национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей» [Арутюнова, 1993, с. 3]. В.И. Карасик определяет концепт как многомерное ментальное образование, имеющее образную, понятийную и ценностную составляющие [Карасик, 2002], как обладающую ценностью для данной лингвокультуры константу, диахронически укоренившуюся в языке и получившую объективацию в значительном количестве лексико-фразеологических средств [Карасик, 2012]. Данный подход акцентирует в качестве обязательной составляющей наличие средств вербальной объективации концепта [Степанов, 1997; Нерознак, 1998 и др.]. Чаще всего концепт репрезентируется в языке посредством лексем, значения которых формируют наивную картину мира его носителей [Воркачев, 2001; Карасик, 2002 и др.].

Мы разделяем мнение И.И. Чеснокова о том, что «различия в направлении исследовательских процедур (лингвокогнитивный — от персонального сознания к культуре, а лингвокультурологический — от культуры к персональному сознанию) <...> не только не противоречат друг другу, но и создают базу для их комплексного использования в описании когнитивных структур, имея в виду диалектику части и целого применительно к индивидуальному и коллективному человеческому опыту» [Чесноков, 2009, с. 41].

Ставшая классической трехступенчатая модель концепта, однако, представляется нам недостаточно объемной в тех случаях, когда речь идет о концептуализации эмоций. Ряд ученых обратил внимание на тот факт, что языковой знак представляет концепт не полностью, а передает лишь часть релевантных для сообщения признаков [Попова, Стернин, 2001, с. 38]. В таком случае наиболее полное описание концепта предполагает изучение совокупности репрезентирующих его средств языка, организованных на основе

синтагматических и парадигматических связей ключевого слова (или его лексико-семантического варианта) и представляющих собой некое функционально-семантическое единство [Чесноков, 2009, с. 38].

Концепты эмоций представляют в плане изучения особую трудность: человек, концептуализируя явления окружающего мира, опирается на свои знания о нем, в первую очередь на объективные знания. Но концептуализация эмоций, как, впрочем, и концептуализация других психических процессов, — явление совершенно иного порядка: мы не можем не согласиться с утверждением, что в человеческой психике вряд ли можно найти явление более сложное, расплывчатое, неопределенное и в то же время более значимое для личностного мироощущения и миропонимания, чем эмоции. Здесь уместно провести параллель с известным рассуждением Р. Хайнлайна о семантическом эталоне слова «справедливость»: *«При семантическом изучении слова «справедливость» оказалось, что у него нет эталона — не существует какого-либо явления в среде, имеющей параметры времени и пространства, на которое можно было бы указать и заявить: «Это есть справедливость»* [Хайнлайн, www]. Действительно, сложно представить себе эталон какой-либо конкретной эмоции, ибо существенной характеристикой человеческих эмоций является их кластерность. Возможно ли выразить эмоцию, например, мимически так, чтобы собеседник четко мог сказать: «Это гнев. Именно гнев, не ярость, не ненависть, не крайняя степень раздражения»? Возможно ли вообще выделить эталон отдельной эмоции?

Невербальные показатели проявления испытываемых эмоций можно оценить объективно. Например, если речь идет о физиологических показателях эмоции, то у субъекта, испытывающего гнев / ярость / бешенство, повышаются кровяное давление, увеличивается температура тела, усиливается сердцебиение, учащается пульс. В зависимости от интенсивности испытываемой эмоции может нарушиться точность восприятия. Это объективная физиологическая картина эмоций группы гнева, но она далеко не полная. Наивное сознание не может, да и не должно располагать точными

физиологическими данными каждого из возможных эмоциональных состояний. Объективные физиологические показатели эмоций составляют лишь вершину айсберга — небольшую часть той общей картины, с которой каждый отдельный кластер эмоций связан в человеческом сознании.

В недалеком прошлом эмоции зачастую рассматривались как явления, не обладающие концептуальным содержанием и структурой. В связи с этим к изучению эмоциональных концептов в лингвистике наметился особый подход. Основы лингвистического изучения эмоций были заложены В.И. Шаховским и его школой в конце 80-х гг. прошлого века. С тех пор многие последователи ученого проявляли интерес к исследованию эмоциональных концептов. Здесь необходимо особо отметить фундаментальное исследование Н.А. Красавского «Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах», где впервые в отечественной лингвистике дается развернутое определение эмоционального концепта как «этнически, культурно обусловленного сложного структурно-смыслового, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованного образования, базирующегося на понятийной основе, включающего в себя помимо понятия образ, оценку и культурную ценность и функционально замещающего человеку в процессе рефлексии и коммуникации однопорядковые предметы (в широком смысле слова), вызывающие пристрастное отношение к ним человека» [Красавский, 2001, с. 29]. Из исследований последних лет следует отметить работу И.И. Чеснокова, выделяющего особый тип концепта – эмоционально-поведенческий концепт как единицу психического уровня организации знания, характеризующуюся биологической детерминированностью, социальной обработанностью и знаковой (в том числе и лингвистической) оформленностью. «Языковая семантика при этом выступает как арена диалектического взаимодействия бессознательного и ценностно-нормативных установок культуры» [Чесноков, 2009, с. 52]. Приведенные дефиниции отражают структуру эмоционального концепта, а именно его понятийную, образную, оценочную и культурную составляющие, что в целом совпадает с дифференциальным пониманием

концепта [Карасик, 1996, с. 7]. Однако, соглашаясь с данными определениями, мы полагаем, что есть необходимость в более детальном подходе к моделированию концептов эмоций, который бы более полно отражал специфику объекта изучения. Обратимся к существующей методике изучения концепта: лингвистическое изучение концепта начинается, как правило, с рассмотрения его понятийной составляющей, что в плане эмоций само по себе уже представляет некоторую трудность. В качестве примера моделирования эмоционального концепта рассмотрим эмоциональный концепт «гнев». Причины для обращения к данному концепту несколько. Во-первых, большинство агрессивных / деструктивных действий стимулируется гневом и смежными с ним эмоциональными состояниями (негодование, ярость, бешенство). Гнев включен в качестве базовой эмоциональной составляющей — первичного аффекта — в структуру таких ядерных эмоциональных комплексов деструктивного общения как ненависть, зависть, ревность. Во-вторых, гнев входит в число универсальных человеческих эмоций, число которых варьируется, согласно разным исследованиям, от 5 до 10 [Ekman, Friesen, 1972; 1975; Ekman, 1984; Izard, 1979]. В-третьих, гнев имеет богатую концептуальную структуру и его концептуализация хорошо изучена на материале различных языков и культур [Kövecses, 1986; 1990; 2005; Кадачиева, Омарова, 2009; Никишина, 2003; 2006; Пак, 2009; Стефанский, 2008; Тронева, 2009; Яровикова, 2013 и др.], в том числе и в наших предыдущих исследованиях [Покровская, 1998]. Обратившись для анализа понятийного ядра концепта «гнев / ярость» к толковым словарям, мы получим такие определения, как, например:

(1) *Гнев — чувство сильного возмущения, негодования* [СО].

(2) *Гнев — чувство сильного негодования или возмущения, состояние крайнего раздражения или недовольства кем-л., чем-л. (обычно бурно проявляющееся)* [НТСС1].

Определения такого рода мало дают для понимания того, как исследуемая эмоция концептуализируется в языке, ибо одно эмоциональное состояние определяется через другое, в свою очередь требующее толкования. Если, с

другой стороны, мы начнем рассматривать слова-сигналы гнева / ярости, то можем получить либо набор междометий, традиционно обозначающих «животные» звуки, сопровождающие действия человека в гневе / ярости, либо перечень бранных слов и выражений, отражающих соответствующее эмоциональное состояние говорящего, что свидетельствует лишь о том, что данная эмоция плохо поддается контролю и предоставляет мало данных для построения ее концептуальной картины.

Мысль о том, что изучение эмоциональных концептов нельзя свести к изучению значений слов-номинантов эмоций и слов-сигналов эмоций, впервые прозвучала в работе З. Кёвечеса «Эмоциональные концепты» (“Emotion Concepts”) [Kövecses, 1990] и получила развитие в многочисленных трудах по эмотиологии в России и за рубежом. Говоря о методологии изучения эмоциональных концептов, отметим, что в анализ понятийного ядра концепта эмоции кроме анализа словарных дефиниций следует включить анализ концептуальных метонимий, относящихся к внутренним физиологическим реакциям (физиологические проявления эмоции отображают саму эмоцию) и относящихся к произвольным поведенческим реакциям (произвольное невербальное поведение человека в гневе метонимически обозначает гнев). В случае гнева, физиологическими симптомами данной эмоции являются: повышение температуры тела, повышение кровяного давления, увеличение мускульного напряжения, возбуждение, нарушение точности восприятия [Kövecses, 199, p. 51; Изард, 1980, с. 291]. Именно данная симптоматика формирует основы обыденного представления о гневе: зная эту модель, мы можем не только догадаться, что собеседник испытывает гнев, но и симитировать его. Используя метонимический принцип, впервые использованный З. Кёвечесом, «физиологические проявления эмоции обозначают саму эмоцию», мы описали систему концептуальных метонимий гнева, включающую следующие концептуальные метонимии: ПОКРАСНЕНИЕ В ОБЛАСТИ ЛИЦА И ШЕИ, ВОЗБУЖДЕНИЕ И НАРУШЕНИЕ ТОЧНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ обозначают гнев [Покровская, 1998, с. 122—125]. Был, однако,

отмечен тот факт, что индивидуальные физиологические особенности организма могут привести не к покраснению, а, наоборот, к резкому побледнению лица:

*Виктор обнаружил, что у него побелели щеки и кончик носа. Вот таким я и был тогда, на такого орать сам бог велел. Он ведь не знал, бедняга, что это я не от страха, что бледнею я от злости, как Людовик XIV ... (А. и Б. Стругацкие. Хромая судьба).*

Тот факт, что совершенно противоположные внешние проявления могут обозначать одну и ту же эмоцию, говорит о том, что для любой эмоции (см. также пример с эмоцией страха: [Эйчисон, 1995, с. 88]) возможно несколько физиологических и поведенческих путей, но язык / культура отдает предпочтение одному из них. В настоящей работе нами было отобрано 300 примеров художественного описания гнева и его производных посредством концептуальных метонимий. В нашем случае 54 % примеров описания гнева через покраснение лица и только 12 % примеров — через побледнение свидетельствуют о том, что концептуализация гнева связана в русской лингвокультуре с физиологическим симптомом повышения температуры и кровяного давления и, как следствие, с покраснением лица и шеи, что и отражается в художественных текстах.

К физиологическим проявлениям агрессии относятся также врожденные компоненты мимики, возникающие при этом состоянии, хотя значительную роль играют и обучение, и так называемое умение скрывать свои чувства [Налчаджян, 2007, с. 20]. В случае гнева врожденная нейропрограмма выражения данной эмоции на лице предполагает оскаливание зубов как приготовление к драке, многие стискивают зубы и сжимают губы, как будто хотят скрыть или смягчить данное выражение эмоции. Приведем полное научное описание мимических компонентов гнева: «Для мимики гнева характерно сближение и опущение головок бровей с образованием продольных складок кожи между ними; расширение глазных щелей и «сверкание глаз», связанное с быстрым движением глазных яблок; расширение ноздрей —

следствие приподнимания крыльев носа; плотное смыкание рта с подворачиванием губ внутрь; сморщивание кожи подбородка. У худощавых людей контурируют передние края жевательных мышц. Характерно набухание височных и лобной подкожных вен, чаще справа» [Кахиани и др., 1978, с. 81]. Но в художественном тексте детальные описания невербальных проявлений эмоций – явление достаточно редкое. Анализ языковых описаний мимического стереотипа гнева в русской лигвокультуре выявил следующее: представлена дескрипция таких признаков как покраснение (иногда резкое побледнение) лица, «горящие» глаза, нахмуренные брови, сжатые губы и зубы, расширение ноздрей, сморщивание кожи лица, набухание височных и лобных подкожных вен – *шея и щеки побурели, лицо сморщилось / побагровело / исказилось, ноздри побелели, зубы оскалены, брови нахмурены, ощеренные зубы, раздутые ноздри* — вот далеко не полный список вербализаций мимического выражения «гневной» агрессии.

Культурная составляющая эмоциональных концептов является областью, наиболее изучаемой в настоящее время [Components of emotional meaning, 2013; Wierzbicka, 1999; 2006; и др.] Проводимые исследования подводят к пониманию того, что универсальный и культурный компоненты эмоциональных концептов находятся в сложных взаимоотношениях. Несмотря на то, что в человеке исходно заложена единая биологическая основа базовых эмоций, каждая конкретная культура выбирает свои лингвистические пути ее вербализации. В работах А. Вежбицкой убедительно показано, что «каждый язык налагает на эмоциональный опыт людей свою собственную классификационную сетку», а следовательно, «такие английские слова, как “anger” или “sadness”, представляют собой культурные артефакты английского языка, а не независимые от конкретной культуры инструменты анализа... Эмоции не могут быть идентифицированы при помощи слов, а слова принадлежат какой-то одной культуре и приносят с собой культуроспецифическую точку зрения» [Вежбицкая, 1999, с. 507, 523]. Поэтому ответить на вопрос о соотношении универсальных и культурно-специфических

компонентов эмоционального концепта можно только проведя сопоставительные исследования на материале ряда генетически и типологически различных языков и культур.

На следующем этапе моделирования эмоционального концепта необходимо остановиться на рассмотрении его образного компонента, основу которого составляет система концептуальных метафор. Интерес к метафоре как к скрытому сравнению возник еще у Аристотеля, и в настоящее время библиография по метафоре насчитывает десятки исследований [Апресян, 1993; Арутюнова, 1979; 1990; 1990а; 1993; Блэк, 1990; Вовк, 1986; Гак, 1988; Гудков, 1994; Москвин, 1997; Опарина, 1988; Ортега-и-Гассет, 1990; Складневская, 1993; Чудинов, 2001; 1990; Buchowski, 1996; Cienki, 2008; Cooper, 1993; Danto, 1993; Kövecses, 1986; 1990; 2005; Lakoff, 1980; 1987; 1991; Levin, 1993 и др.]. Однако необходимо отметить, что исследования метафоры давно вышли за рамки филологических дисциплин: использование метафоры как любого способа косвенного или образного выражения смысла рассматривается не только в художественном тексте, живописи, театре, кинематографе [Wollheim, 1993], но и в экономике [Pen, 1993], медицине [Berbera, 1993], политологии [Ankersmit, 1993]. Метафора проникает в научный дискурс и становится «посланцем значения» между наукой и обществом [Maasen, 1995, p. 9]. Огромное количество работ по метафоре, появившееся в последние десятилетия, подтверждает слова Р. Хофмана, что «метафора исключительно практична... Она может быть применена в качестве орудия объяснения и описания в любой сфере...» [Цит. по: Арутюнова, 1990, с. 6].

В своих исследованиях мы придерживаемся антропологического подхода к метафоре, который базируется на представлении метафоры как «орудия мысли, при помощи которого нам удастся достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля» [Ортега-и-Гассет, 1990, с. 72].<sup>2</sup> Использование метода концептуальной метафоры при изучении концептов

---

<sup>2</sup> Данный подход наиболее полно представлен в работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, Johnson, 1980]



эмоций дает возможность не только описать и исследовать образный компонент концепта, но и прояснить сложные абстрактные модели, каковыми являются эмоции. Например, сравнительные исследования эмоционального концепта «гнев» на материале русского и английского языков показали, что образный компонент концепта «гнев» представлен в обоих языках концептуальными метафорами ГНЕВ ЕСТЬ ЖАР (ОГОНЬ), ГНЕВ ЕСТЬ БЕЗУМИЕ, ГНЕВ ЕСТЬ ОПАСНОЕ ЖИВОТНОЕ, ГНЕВ ЕСТЬ ПРОТИВНИК В БОРЬБЕ [Покровская, 1998, с. 121—139]. В качестве примера первой из перечисленных метафор можно привести ряд метафорических выражений гнева в русском языке: *(за)кипеть, накопиться, кипятиться, взрывать(ся), бурлить, вспылить, выпускать пар* и др. Данная метафора показывает, что гнев может быть интенсивным (*напирать, переполнять*), что это может привести к потере контроля и что потеря контроля может быть опасна как для окружающих, так и для самого субъекта эмоции. В данной метафоре опасность потери контроля над собой соотносится с опасностью взрыва. В метафоре ГНЕВ ЕСТЬ ЖАР (ОГОНЬ) внимание акцентируется на причинах гнева (*довести до белого каления*), его интенсивности и продолжительности (*разгораться, накаляться, подливать масла в огонь*), а также опасности гнева для окружающих (*вспыхнуть, метать молнии, метать искры*).

Интересен тот факт, что недавние обширные исследования концептуализации гнева в различных неродственных языках (английский, венгерский, японский, зулусский, польский, китайский, волоф) показали, что метафора контейнера присутствует в каждом из них [Kövecses, 2005, p. 197—209]. Это позволило З. Кёвечесу сделать вывод об универсальности данной концептуальной метафоры и, что особенно важно, о том, что данная метафора присуща человеку как виду [Ibid., p. 209].

Как уже говорилось выше, важным симптомом гнева является волнение / возбуждение, которое, в свою очередь, является частью культурной модели безумия [Kövecses, 1990, p. 59], что дает основание для концептуальной метафоры ГНЕВ ЕСТЬ БЕЗУМИЕ. Данная метафора отражает два базовых

представления о влиянии эмоции гнева на человека: человек в состоянии сильного гнева не может функционировать нормально, подобно сумасшедшему человеку (*обезуметь, белены объесться*), человек в состоянии сильного гнева ведет себя подобно сумасшедшему человеку (*взбелениться, рвать и метать, бесноваться*), что представляет опасность для окружающих.

Концептуальная метафора ГНЕВ КАК ОПАСНОЕ ЖИВОТНОЕ показывает, что животные и агрессивное поведение животных представляют собой весьма богатую сферу-источник (source domain) для осмысления агрессивного поведения людей. Данная метафора отражает не только представления о «звериной» части природы человека (*озвереть, будить в ком-то зверя*), но и то, как именно агрессивное поведение опасного животного соотносится с поведением человека в гневе (*взъерошиться, показывать зубы / когти, ощетиниться, оскалиться, рычать, шипеть* и т.д.).

Оценка гнева как в целом отрицательной эмоции, приводящей к нежелательным физиологическим и поведенческим реакциям, которые, в свою очередь, препятствуют нормальному функционированию организма, дает основание для концептуальной метафоры ГНЕВ ЕСТЬ ПРОТИВНИК В БОРЬБЕ, представленной в русском языке выражениями *гнев / бешенство душил(о) / овладел(о) / охватил(о), подавлять / сдерживать гнев / ярость / бешенство*,

В дальнейшем будет интересно проследить, в какой степени метафоры гнева как базовой эмоции для различных деструктивных эмоциональных комплексов находят отражение в их концептуализации.

Следующим компонентом структуры эмоционального концепта, требующим рассмотрения, выступает система когнитивных моделей / сценариев / скриптов рассматриваемой эмоции, центральным в которой является прототипический сценарий эмоции. Понятие когнитивной модели, или сценария, связано с понятием фрейма [Минский, 1979, с. 7]. С фреймом у индивида ассоциируется информация общего характера: что входит в конкретный фрейм; что делать, если реальная ситуация становится отличной от

фреймовой, и т.д. В случае когнитивного сценария, или модели, акцент делается на развитии ситуации – это как бы алгоритм действия в рамках фрейма. Прототипы в системе когнитивных моделей представляют концепт так, как он обычно, *типично*, существует в обыденном сознании, т.е. это есть воспроизведение культурно обусловленной «народной» модели эмоции [Kövecses, 1990, p. 200]. Как уже упоминалось, эмоции являются столь сложным объектом для лингвистического исследования именно потому, что сказать, какая конкретная эмоция является прототипом эмоции вообще, так же невозможно, как и невозможно сказать, какое конкретное чувство гнева, например, является прототипичным для эмоции гнева. По мнению А. Вежбицкой, человек действительно интерпретирует свое эмоциональное состояние посредством когнитивных сценариев, а *существующие термины эмоций являются сокращенными обозначениями соответствующих прототипических ситуаций* (Курсив наш. — Я.В.) [Вежбицкая, 1996, с. 337]. А. Вежбицкой был предложен прием сценарного построения на языке семантических примитивов, с помощью которого были созданы модели многих эмоциональных концептов, в том числе и концепта «гнев» [Там же, с. 361].

В нашей работе мы придерживаемся понимания прототипа как схематической репрезентации ядра, сущности категории, что обусловлено спецификой самого понятия «эмоциональный концепт», и вслед за З. Кёвечесом воспользуемся термином «прототипический сценарий», дабы избежать путаницы с классическим пониманием прототипа как самого яркого примера категории.

Прототипический сценарий гнева по З. Кёвечесу включает пять стадий, которые гнев проходит в своей эволюции: этап оскорбительного действия, собственно гнева, попытки контроля над гневом, потери контроля над гневом, и этап возмездия, заканчивающийся достижением определенного эмоционального баланса и падением интенсивности гнева до нуля [Kövecses, 1990, p. 67—68].

Очевидно, что данный сценарий гнева не является единственным. Речь идет именно о прототипическом сценарии, что означает: согласно наивному

представлению о гневе, это нормальное развитие данной эмоции. Однако язык фиксирует и отступления от прототипа, т.е. так называемые парапрототипические сценарии рассматриваемой эмоции.

Так, например, поведение человека, который «подставляет другую щеку» в ответ на оскорбление, т.е. не ищет возмездия, высоко оценивается в христианстве, хотя с точки зрения наивной картины гнева противоречит нормальному ходу развития данной эмоции. С другой стороны, словосочетание «горячая голова» о человеке означает, что человек вспыльчив и несдержан [СО], т.е. обладает более низким порогом раздражительности, чем среднестатистический индивидуум. Сила актов возмездия такого человека, как правило, не пропорциональна силе нанесенного оскорбления, что позволяет рассматривать его линию поведения в гневе как аномальную.

Нами были также описаны разновидности гнева, в числе которых «сердитость» (наименее глубокая эмоция группы гнева, возникающая под действием любого факта, способного вызвать недовольство [НОСС]), «накопленный гнев» (реализуемый в языке посредством выражений *затаить зло, держать камень за пазухой* и являющийся собой образец деструктивности отмщения); «холодный гнев» (физиологические симптомы гнева полностью или частично отсутствуют, и эмоция остается под контролем); «негодование» (причиной является какое-либо глобальное оскорбление морального характера, менее всего связано с личной вовлеченностью в ситуацию общения); «ярость, бешенство» (сила оскорбления настолько велика, что для восстановления нарушенного эмоционального баланса требуется не один, а несколько актов возмездия). Все они представляют собой отступления от прототипа. К парапрототипическим сценариям гнева относятся также ситуации переориентированного гнева (обидчик и объект агрессивного поведения не совпадают), фрустрационного гнева (совершение акта возмездия по каким-либо причинам невозможно, что влечет за собой состояние фрустрации от собственного бессилия), непреходящего гнева (чувство гнева не исчезает после

совершения агрессивного действия), подавляемого гнева (гнев не выливается в агрессивное действие) [Покровская, 1998, с. 143—146].

Наличие парапрототипических сценариев гнева свидетельствует о том, что в русской лингвокультуре не существует единой когнитивного сценария гнева. Можно вести речь о наборе когнитивных сценариев с инвариантной, прототипической моделью в центре: разновидности гнева являются при этом вариантами прототипического сценария.

При моделировании концептов эмоций следует учитывать и так называемые родственные концепты, которые составляют минимальное концептуальное содержание некоторых эмоциональных категорий [Kövecses, 1990]. Например, гнев / ярость сопряжены с желанием нанести обидчику какой-нибудь ущерб, причем чаще всего возникает речь идет именно о физическом ущербе. Концепт желания является родственным не только для гнева, но и для многих других эмоций (например, презрения, отвращения, страха и др.). «Желание» относится к так называемым ментальным концептам и в современной науке исследуется в рамках теории оптативности, где является ядром данной языковой категории, которая, в свою очередь, представляет собой «систему организованных по ядерно-периферийному принципу разноуровневых (морфологических, синтаксических, словообразовательных, просодических) языковых средств представления желательной семантики» [Алтыбаева, 2002, с. 5].

Моделирование эмоционального концепта не будет полным без учета факторов, вызывающих ту или иную эмоцию. Для деструктивного поведения эти факторы особенно важны, т.к. в них часто ищут оправдания агрессивным действиям. Инстинктивистский и фрустрационный подходы к изучению концептуализации деструктивности отвечают нашим «ненаучным», наивным представлениям об агрессии как о результате действия неких инстинктивных сил, которые мы не в силах контролировать полностью и которые, даже при хорошем контроле с нашей стороны, могут прорваться наружу при появлении определенных условий. Эти условия весьма разнообразны и в большинстве

своем (за исключением вербального оскорбления) относятся к категории невербальных. Они вплетены в общую концептуальную картину деструктивности и будут рассмотрены отдельно.

Подведем итоги. Эмоции — это та психическая сущность, которая всегда противопоставлялась логике, поэтому изучение эмоциональных концептов должно строиться не столько на логическом, сколько на образно-схематическом знании. Несмотря на то, что при работе с эмоциональными концептами в целом соблюдается процедура трехступенчатого анализа концепта, моделирование эмоциональных концептов имеет свою специфику. В определение понятийного компонента эмоционального концепта кроме анализа словарных дефиниций следует включить анализ концептуальных метонимий, относящихся к внутренним физиологическим реакциям (физиологические проявления эмоции отображают саму эмоцию) и относящихся к произвольным поведенческим реакциям (произвольное невербальное поведение человека в гневе метонимически обозначает гнев). Моделирование концепта эмоции проводится по следующей схеме: устойчивые выражения, используемые для описания изучаемой эмоции в конкретном языке, систематизируются в классы концептуальных метонимий, метафор, родственных концептов, т.е. в так называемые концептуальные категории (термин З. Кёвечеса); затем концептуальные категории систематизируются в когнитивные модели, или сценарии, среди которых, одна (один), как правило, является прототипом, а остальные — отступлениями от прототипа. Таким образом, очевидно, что основой для изучения и моделирования концептов эмоций является анализ лингвистического описания эмоций.

### **2.3. Концептуализация эмоций — стимулов деструктивного поведения**

«Минимальные составляющие» концептуального пространства деструктивности (концепты эмоций комплекса враждебности — гнева, отвращения, презрения) были детально рассмотрены в нашем предыдущем исследовании [Покровская, 1998]; настоящий раздел нашей работы посвящен

рассмотрению трех ядерных концептов концептуального пространства деструктивности, а именно эмоциональным концептам «ненависть», «зависть», «ревность».

### **2.3.1. Концептуализация ненависти**

Одним из наиболее ярких психологических факторов, порождающих деструктивное поведение любого рода, является эмоция ненависти. Однако, когда произносятся фразы: «Я тебя ненавижу», «Я ненавижу крепкий кофе» и «Я ненавижу, когда жестоко обращаются с животными», не всегда можно распознать, о какой именно эмоции идет речь. В настоящем разделе с позиций когнитивной лингвистики анализируется современное состояние представлений о ненависти.

Можно выделить несколько подходов к изучению ненависти и определению ее места в обществе. В современной философии интересная трактовка ненависти как единства разрушающего и созидательного начал принадлежит Ж. Бодрийяру: «Мы все ненавидим. <...> Мы все испытываем двойственное чувство ностальгии по поводу конца мира, иными словами, нам хочется сделать его конечным, придать ему цель, причем любой ценой, даже ценой озлобления и полного неприятия мира как он есть. К ненависти примешивается ощущение настоятельной необходимости ускорить ход вещей, чтобы покончить с системой, освободить дорогу для чего-то иного, для какого-то события, наступающего извне. <...> В этом холодном фанатизме содержится милленарная форма вызова и (кто знает?) надежды» [Бодрийяр, www]. В современной когнитивно-дискурсивной парадигме языкознания ненависть рассматривается с позиции теории множественности миров [Плотникова, 2008]. В психологии ненависть относится к однозначно отрицательным эмоциям, непосредственно стимулирующим агрессивные действия и разрушающим личность субъекта эмоции. Неприязнь к определенному индивиду является длительным чувством, которое зачастую может перерасти в ненависть. Ненависть не является базовым, или первичным, аффектом, как, например,

гнев / ярость. Доказано, что первоначальной функцией раздражения, гнева, злости, ярости является «отстаивание автономии, удаление препятствий или барьеров на пути желаемого уровня удовлетворения либо удаление или разрушение источника глубокой боли или фрустрации» [Кернберг, 1998, с. 37]. Но ненависть представляет собой доминирующий и наиболее сложный из аффектов, которые образуют влечение к агрессии и деструктивности. Анализируя ненависть, известный современный психиатр и психоаналитик Отто Кернберг относит ее к сложным производным аффектам, показывая, что ненависть не является, в отличие от ярости, непосредственной, спонтанной реакцией на раздражитель<sup>3</sup>. Ненависть представляет собой опосредованную, пропущенную через *ratio*, сформированную и относительно постоянную реакцию на какой-либо объект. Эмоциональный аспект ненависти включает в себя гнев / ярость в качестве первичного аффекта: ненависть возникает из ярости и снова и снова заставляет индивида переживать эмоцию ярости. Когнитивный аспект ненависти включает планирование агрессивных действий против объекта ненависти вплоть до его физического уничтожения. Признавая тот факт, что ненависть может быть нормальной производной ярости, направленной на устранение реальной опасности, О. Кернберг подчеркивает, что за счет бессознательных мотиваций, вторгающихся в этот естественный процесс, происходит усиление ненависти, и она превращается в черту характера личности [Кернберг, 1998, с. 37—42]. Крайняя форма ненависти требует физического устранения объекта и может найти свое выражение в убийстве или самоубийстве. Ненависть выражается в садистских наклонностях и желаниях, в страстном желании доминировать над объектом, в более мягких формах — в жесткости по отношению к другим и самому себе. Существует патологическая ненависть, проявляющаяся в расовой, этнической, религиозной

---

<sup>3</sup> О. Кернберг рассматривает аффекты как «сложные психические структуры, имеющие нерасторжимую связь с когнитивной оценкой текущей ситуации, которую делает индивид, и содержащие позитивную или негативную валентность отношений субъекта и объекта в конкретном переживании» [Кернберг, 1998, с. 24]. Таким образом, в рамках анализируемого подхода «аффект» соответствует пониманию эмоции или эмоционально-когнитивного комплекса.



ненависти, «человеконенавистничестве». Таким образом, О. Кернберг выделяет три аспекта ненависти: мотивационный, эмоциональный и когнитивный.

П. Куттер пишет о типе людей, страдающих от ненависти: «Существуют люди, которые сеют повсюду раздоры, никого не переносят, лелеют в своем сердце ненависть. <...> Складывается впечатление, что они готовы затеять непримиримый спор без всякого повода. Они не только упорствуют в своей ненависти, но и пестуют ее, не принимая во внимание никакие разумные доводы. Ослепшие от ярости, они упрямо преследуют противника, унизив которого, тотчас обращают свой гнев на кого-нибудь другого» [Куттер, 1989, с. 60]. Блестящим литературным примером описания патологической ненависти является Тимон Афинский — легендарный мизантроп из одноименной пьесы У. Шекспира. Поначалу Тимон заявлял о своей любви к людям, стремился помогать им, одаривал щедрыми подарками друзей и незнакомых людей, но затем разорился и, обратившись за помощью к тем, кого любил и одаривал, получил отказ. Все человеколюбие Тимона в одно мгновение превращается в жгучую ненависть: он в последний раз приглашает гостей к роскошно сервированному столу, на котором стоят лишь миски с кипятком, а затем с проклятиями гонит бывших друзей прочь, заканчивая свою речь словами: «Расти и крепни, ненависть моя! Отныне враг людского рода я». Ненависть Тимона явилась реакцией на предательство и оскорбление, она неумолима, мотивирована желанием отомстить за несправедливое, по мнению Тимона, отношение. Тимон покидает Афины и становится отшельником. Отметим, что весь четвертый акт пьесы пропитан такой ненавистью и злобой ко всем и вся, что его местами очень трудно читать. Тимон призывает к хаосу и анархии:

*Матроны, станьте шлюхами; вы, дети,*

*Почтение к родителям забудьте.*

*Рабы и дураки, с постов свергайте*

*Сенаторов морщинистых и важных*

*И принимайтесь править вместо них.*

*Цветущая невинность, окунись*

*В грязь и разврат, распутничай бесстыдно  
В присутствии отцов и матерей.  
Банкрот, держись, не возвращай долгов,  
Хватай свой нож — режь глотку кредитору!  
Слуга надежный, грабь своих господ;  
Хозяин твой сановный — тоже вор,  
Но покрупней и грабит по закону!  
Ложись в постель к хозяину, служанка:  
Его жена распутничать пошла.  
Ты, сын любимый, вырви у отца  
Увечного и дряхлого костыль,  
И голову ему разбей. Пусть правда,  
Мир, благочестье, страх перед грехом,  
Религия, законы, справедливость,  
Очаг домашний, уважение к ближним,  
Приличья, просвещение, родство,  
Обычаи, торговля превратятся  
В свою прямую противоположность!  
Пусть воцарится хаос! Пусть несчастья,  
Заразные и страшные болезни  
Падут на обреченные Афины!  
Подагра злая, скрючь седых вельмож;  
Пусть, как их честность, и они хромают!  
Блуд, похоть, проникайте в плоть и кровь  
Афинской молодежи! Пусть она,  
Теченью добродетели противясь,  
В распутстве захлебнется! Семена  
Чесотки, язвы гнойной, прорастайте  
В груди людей, проказой расцветая!  
Одно дыханье, заражай другое,*

*Вливай отраву в дружбу и любовь! (У. Шекспир. Тимон Афинский. Акт 4, сцена 1.)*

Мы привели монолог Тимона в качестве примера того, к чему может привести бесконтрольная, всепоглощающая ненависть. Нет нужды говорить о том, что общение Тимона с людьми, которые приходят к нему в пещеру, деструктивно по своей сути, ибо главная коммуникативная цель Тимона — выразить свою ненависть и презрение к людям, оскорбить, унижить их, его главное напутствие — превратить жизнь в ад. Тимон не раскаивается в своих действиях, он выбирает проклятие даже в качестве своей эпитафии.

Все вышеизложенное демонстрирует основополагающую роль ненависти в проявлении деструктивности вообще и межличностной агрессии в частности. Мы согласны с П. Куттером, что история человечества свидетельствует о том, что ненависть нам нужна, но на самом деле важно то, *что* человек ненавидит. Чтобы понять место ненависти в концептуальном пространстве деструктивности, нужно рассмотреть структуру эмоционального концепта ненависти и выяснить, является ли данный концепт единственным для носителей русского языка, или же существует несколько концептов ненависти, принципиально отличных друг от друга.

Опираясь на предложенную в предыдущем параграфе схему, попытаемся структурировать концепт анализируемой эмоции.

Толковые словари русского языка предлагают следующие определения ненависти:

**Ненависть** — отвращение, омерзенье; зложелательство, сильная нелюбовь, вражда, злонамеренность [СД2]; чувство сильнейшей вражды, неприязни [БАС; БТС]; чувство сильнейшей вражды, злобы [СО].

Таким образом, мы можем выделить следующие компоненты лексемы ненависть:

- 1) ненависть является очень сильной эмоцией;
- 2) ненависть когнитивно связана с враждой;
- 3) ненависть предполагает желание зла объекту;

4) в основе ненависти может лежать отвращение / омерзение, т.е. физиологические эмоции, не связанные напрямую с понятием злобы и вражды.

Как видно из приведенных дефиниций, ненависть чаще всего определяется через понятие вражды — вражды высокой степени интенсивности. И, посмотрев определение последней в тех же словарях, мы вступаем в замкнутый круг, потому что вражда определяется как «отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью» [СО], «неприязнь, взаимная ненависть, недоброжелательные отношения» [СУ], а неприязнь — как «недоброжелательность, недружелюбие» [СО] или «нерасположение, недоброжелательное, скрыто враждебное отношение к кому/чему-н.» [СУ]. Определенный вклад в размытость дефиниции ненависти вносит и этимология данного слова: глагол «ненавидеть» считается образованным от *навидѣти*, что означает «охотно смотреть, навещать» [СФ]. Таким образом, очевидно, что ненависть в бытовом значении трактуется очень широко: это, по сути дела, гипероним «деструктивных» эмоций, начиная с недоброжелательности и заканчивая отвращением и злобой. Интересен тот факт, что ни в одной из дефиниций ненависть не определяется через гнев / ярость, хотя клинически доказано, что именно эти эмоции (аффекты) лежат в основе собственно ненависти. Но к этому вопросу необходимо будет вернуться при дальнейшем анализе понятийного ядра исследуемого концепта. Столь широкое толкование данной лексической единицы предоставляет столь же широкие возможности ее употребления. Обратимся к примерам.

Для иллюстрации данного положения в качестве примеров было использовано 250 высказываний посетителей различных Интернет-сайтов по поводу объектов своей ненависти. Заметим, что цель некоторых подобных сайтов — вызвать катарсис ненависти у посетителей. Некоторые высказывания представляют собой просто констатацию факта ненависти и ее объекта, некоторые — развернутые описания возможных мотиваций и испытываемых переживаний. Диапазон объектов ненависти, представленный в выборке,

потрясает воображение: кроме таких классических с точки зрения психоанализа объектов ненависти, как мать, отец, сестра, брат, мужчины, женщины, несправедливость, правительство, в сферу ненависти попадают кофе, сосиски, сфера услуг, сало, холод, собаки, жара, хвосты крыс, хамство, жирные бабы, дети, малолетки, люди в транспорте, бессилие, прыщи, мораль, пыль, мусороуборочные машины, безденежье, долги, старые «Жигули», медленный Интернет, дни рождения, Новый год, день Святого Валентина. И список можно продолжать еще очень долго. Содержательный анализ данных высказываний позволил также выделить три типа мотивационных основ ненависти: эмоциональную, когнитивную и бессознательную / неосознаваемую. Эмоциональная мотивация ненависти представлена высказываниями типа *«Я ненавижу его, потому что он омерзителен»*, *«Ненавижу мужчин, которые ненавидят женщин»* и т.п. Говорящий в данном случае понимает причину своей ненависти и связывает ее со своей отрицательной эмоциональной реакцией на объект ненависти. В случае когнитивной мотивации говорящий четко осознает, что именно в объекте вызывает его ненависть. Данный тип мотивации представлен высказываниями *«Я ненавижу своего мужа, потому что он неряха»*, *«Я ненавижу детей, потому что они все время орут»*, *«Я ненавижу сестру, потому что она меня обижает»* и т.п. В случаях, когда мотивационная основа ненависти не осознается самим говорящим, можно говорить о бессознательной, либо неосознаваемой, мотивационной основе ненависти: *«Она не сделала мне ничего плохого, но я все равно ее ненавижу»*. Однако необходимо помнить, что разграничение данных типов мотивационных основ условно, т.к. у истоков ненависти (какой бы она ни была) всегда стоит эмоция — первичный аффект.

Определяя понятийное ядро ненависти, необходимо также принять во внимание тот факт, что наивное сознание способно объективно оценить лишь физиологические проявления испытываемых эмоциональных состояний, и то не в полном объеме. В случае «нормальной» (термин О. Кернберга) ненависти объективными физиологическими показателями будут усиление сердцебиения,

учащение пульса, повышение температуры тела и кровяного давления и, как результат, нарушение точности восприятия. Это то, что «человек эмоциональный» способен ощутить и описать в качестве физиологии ненависти, но эти проявления полностью совпадают с физиологией гнева высокой степени интенсивности, т.е. ярости, подробный анализ концептуализации которой был проведен в предыдущем разделе. Данное положение подтверждается рядом концептуальных метонимий ненависти, а также описаниями мимического выражения ненависти. Приведем примеры таких описаний из художественной литературы, в которой, как известно, отражаются веками сложившиеся представления о связи внешних проявлений с эмоциональными переживаниями личности.

*Хотя тело его дрожало от возбуждения и ненависти, он все же старался придать своему голосу доброжелательность, дабы не спугнуть слависта. (Д. Липскеров. Сорок лет Чанчжоэ. НКРЯ.)*

*Они смотрели друг на друга, сталкивались взглядами. И Жеку прямо трясло от ненависти. — А вы не знаете, да?! (Э. Шим. Ребята с нашего двора. НКРЯ.)*

*И он в быстрой пляске пронесется мимо пирующего, и руки его дрожат. Багровый туман ненависти застилает его глаза. (Ф.К. Сологуб. Соединяющий души. НКРЯ.)*

*Такой же щеголеватый, с тем же самодовольно извивающимся, большим ртом и с видом победителя. Катя покраснела от ненависти. (В.В. Вересаев. В тупике. НКРЯ.)*

Таким образом, основными концептуальными метонимиями ненависти выступают ПОКРАСНЕНИЕ В ОБЛАСТИ ЛИЦА И ШЕИ, ВОЗБУЖДЕНИЕ И НАРУШЕНИЕ ТОЧНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ.

В пользу того, что ненависть стимулируется и подогревается эмоциями гнева / ярости, свидетельствует также ряд концептуальных метафор ненависти, составляющих основу образного компонента рассматриваемого концепта:

НЕНАВИСТЬ КАК ПРОТИВНИК В БОРЬБЕ (*ненависть обессилила, истерзала, овладела; преодолеть, одолеть, укротить, победить ненависть; неукротимая ненависть*):

*Пока невзрачный, веснушчатый секретарь, со звучной фамилией «Карузо», монотонно, глотая слова, читал обвинительный акт, Болотов не смотрел на судей. **Ненависть овладела им.** Было не важно, кто судит, за что и какой приговор и что скажет защитник. (Б.В. Савинков (В. Ропшин). То, чего не было. НКРЯ.)*

*Теракты в Нью-Йорке не похоронили демократию, ибо **пещерной ненавистью невозможно победить** другую **пещерную ненависть** и остаться при этом людьми. (С. Новопрудский. Бен Ладенами не рождаются. «Известия», 12.09.2002.)*

*Я хочу, но чувство страха и **ненависти не могу преодолеть.** (В. Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО. НКРЯ)*

НЕНАВИСТЬ КАК СТИХИЯ (*ненависть захлестывает, обволакивает*):

*Задвигались потные мускулы на плечах Дмитрия Пальцева, **ненависть**, тугая, как ружейная пружина, **обволакивала тело.** (В. Липатов. Деревенский детектив. НКРЯ.)*

*Юра никогда не видел до сих пор, как слепая, нерассуждающая **ненависть захлестывает** людей, и ему не по себе становилось, когда он понимал, что это чувство пришло в повседневную жизнь всерьез и надолго. (А. Берсенева. Возраст третьей любви. НКРЯ.)*

НЕНАВИСТЬ КАК ЖАР: (*ненависть накапливается, распирает, взорвалась; ненависть полыхает, накаляет душу; жгучая, горячая ненависть; горящий ненавистью (взгляд); полный ненависти; огонь / пожар ненависти; потушить ненависть*). Жар, накапливается в сосуде (контейнере), вызывая постоянное нарастание давления, что, в конце концов, заканчивается каким-либо взрывом:

Надо было уходить, но он вдруг заколебался: из его противника **била** такая **ненависть**, что он мог не пойти за ним... (С. Бабаян. Ротмистр Неженцев. НКРЯ.)

В нем виделось проявление **разжигаемой** в народе **ненависти** к преуспевающему соседу. (О.В. Волков. Рождество в старом Петербурге. НКРЯ.)

Виктор тяжело дышал, на шее вспухли вены, в расширившихся безумных глазах черным огнем **поыхала ненависть**. (Э. Володарский. Дневник самоубийцы.)

**НЕНАВИСТЬ КАК ЗВЕРЬ ВНУТРИ ЧЕЛОВЕКА** (лютая, звериная ненависть):

И вообще о чем мы говорим? Он меня ненавидит **лютой ненавистью**. Он душем после меня не пользовался! (М. Петросян. Дом, в котором... НКРЯ.)

Зарывав и оскалив свои зубы, он мотнул шеей и попытался вцепиться Артему в руку, и тогда Артем в панике отшвырнул его прочь, а тот, вскочив с колен, задрал вдруг голову вверх и протяжно вывел тот самый жуткий вой, от которого Артем бежал с ВДНХ... И дети, беспорядочно носившиеся вокруг него, стали останавливаться и медленно, бочком, не глядя на него, приближаться, а за их спинами возвышались совсем теперь уже черные громады зданий, и они словно тоже придвигались ближе... А потом дети, теперь уже заполнявшие все небольшое оставшееся свободное место между гигантскими тушами строений, подхватили Ванечкин вой, наполняя его **звериной ненавистью** и леденящей тоской, и они наконец стали поворачиваться к Артему; у них не было лиц, только черные кожаные маски с выщербленными ртами и маслянистыми темными шарами глаз без белков и зрачков. (Д. Глуховский. Метро 2033. НКРЯ.)

**НЕНАВИСТЬ КАК ТЯЖКОЕ БРЕМЯ** (груз ненависти, освободиться от ненависти):



*Нельзя сказать, чтобы отец и сын воспылали друг ко другу любовью. Но груз ненависти, сковывающий Алешу всю жизнь, постепенно **рассыпался**. (Г.В. Манукян. Без боя не сдамся.)*

*Дай мне силу **освободиться от ненависти** к нему, которая мешает мне жить в квартире, душит злобой, перебивает мысли... (А. Бобров. Февраль в царстве тьмы. НКРЯ.)*

**НЕНАВИСТЬ КАК БОЛЕЗНЬ** (болен ненавистью, излечиться от ненависти, избавиться от ненависти):

*Главному чувству — неполноценности, — которое гложет всех, кто болен **ненавистью**, сообщество одержимых этим чувством предлагает и другие действенные лекарства. (В. Гавел. Ненависть: обида на весь мир. НКРЯ.)*

*Но пытаться **справиться с ненавистью, излечиться от неё** — это наша обязанность. Я говорю «излечиться», потому что в каком-то роде ненависть — это болезнь, словно раковая опухоль, пожирающая нас изнутри. (Ненависть к ненависти. <http://www.myjane.ru/articles/text/?id=1701> (дата обращения — 30.09.2010).)*

Горячую ненависть сложно накопить; подобно ярости, она плохо контролируема и взрывается при первой возможности. Но есть и другая, «холодная» ненависть — спокойная и расчетливая, отстраненное переживание, основная эмоция во всех видах так называемых «хладнокровных» преступлений. Именно такую ненависть можно долго и медленно накапливать, что также отражено в ряде метафорических описаний ненависти: *ненависть зрела, лелеять ненависть, возвращать ненависть / семена ненависти:*

*Многие люди **лелеют** свою **ненависть**, непрерывно подогревая и освежая ее в памяти. (Ю. Азаров. Подозреваемый. НКРЯ.)*

*Их цель — обострять национальное недовольство, сеять и **возвращать** ядовитые **семена ненависти** к России и русскому народу. (Слагаемые равноправия / «Жизнь национальностей», 23.06.2000. НКРЯ.)*

Способность скрывать, накапливать, лелеять ненависть, дающая возможность планировать и осуществлять акты мести, акцентирует когнитивный аспект данной эмоции и концептуально и поведенчески связывает ее с эмоцией презрения и агрессивностью из мести — жестокой «дистантной» формой эмоциональной агрессии [Фромм, 1994, с. 237]. Мы полагаем, что первичным аффектом «холодной» ненависти может выступать либо презрение, либо так называемая «холодная ярость», когда отсутствуют физиологические симптомы ярости, описанные выше. Ненависть и презрение часто идут рука об руку — в нашей картотеке 180 примеров употребления данных номинаций эмоций через союз «и», что свидетельствует о том, что в сознании носителей языка они выступают как некий эмоциональный кластер.

*Он сам ненавидел и презирал ответно людей, которые превратили в посмешище его горе, и потому его тлеющую ненависть к людям всегда было можно раздуть, для своей пользы — и направить на того или иного человека, место. (О. Павлов. Степная книга. НКРЯ.)*

*И до сих пор, пока не произошло это его переселение в другой мир, он ненавидел и презирал Жоржа, о котором позже он стал говорить с каким-то снисходительным пренебрежением: — Все-таки нельзя отрицать его несомненного поэтического таланта и, может быть, даже — связанной с этим — некоторой индивидуальной ценности, и почему слишком строго судить человека, даже если он был убогим? (Г.А. Газданов. Эвелина и ее друзья. НКРЯ)*

Лучше всего эта концептуальная близость проиллюстрирована в афоризме неизвестного французского автора: «Презрение — это ненависть в состоянии покоя». Действительно, презрение — это «чувство-отношение, объектом которого выступает лицо, группа лиц или социальный коллектив. Оно характеризуется принадлежностью к группе отрицательных эмоций, устойчивостью, интенсивностью и возникает в связи со значимыми для субъекта людьми и событиями. Презрение вызывается либо нарушением объектом данной эмоции базовых морально-этических установок субъекта (или

социума), либо осознанием субъектом своего превосходства над объектом» [Человеческий фактор ... , 1991, с. 68]. К. Изард определяет роль презрения в возникновении агрессии следующим образом: презрение — основная эмоция во всех видах предрассудков; самая «холодная» эмоция триады враждебности; отстраненное переживание, побуждающее к агрессии, проявляющееся в хитрости и обмане; может стать мотивом убийства и массовых уничтожений людей, так называемых «хладнокровных убийств» [Изард, 1980, с. 290—312]. Эволюционно эта эмоция могла возникнуть как средство подготовки индивида или группы к встрече с опасным соперником, например, молодой человек мог готовиться к бою посредством мыслей типа «Я лучше соперника, я сильнее его» [Изард, 1980, с. 299]. По всей видимости, презрение эволюционно является самой поздней из эмоций комплекса враждебности, оно представляет собой отстраненное переживание и базируется прежде всего на ощущении собственного превосходства, на восприятии объекта презрения как недочеловека, что естественно влечет за собой враждебность и вероятную агрессию, ибо в качестве эмоционального компонента презрения могут выступать такие эмоции, как раздражение, злость, возмущение, гнев, негодование, ярость [Человеческий фактор ... , 1991, с. 69]. В «Словаре русского языка» находим следующее определение презрения: «глубоко пренебрежительное отношение к кому-чему-нибудь» [СО]. *Пренебрежение* определяется как «высокомерное, лишенное всякого внимания и уважения отношение к кому-/чему-нибудь» [СО]. Данная эмоция характеризуется меньшей по сравнению с презрением интенсивностью эмоционального переживания и связана более с личностными, нежели с социальными нормами, т.е субъективным представлением какой-то личности об отсутствии ценности объекта именно для данного субъекта [Человеческий фактор ... , 1991, с. 77]. Напомним внешние проявления презрения: брови приподняты, лицо вытянуто, губы поджаты, голова поднята, как будто человек смотрит на кого-то сверху вниз. Презирающий человек как будто отдаляется, создавая расстояние между собой и объектом презрения [Изард, 1980, с. 299]. Эмоция презрения не

вызывает каких-либо характерных физиологических реакций, психологически же возникает ощущение того, что субъект презрения лучше, выше объекта эмоции, что позволяет смотреть на объект презрения как на нечто маленькое, незначительное, что дает основание общей концептуальной метафоры ХОРОШО — ВЕРХ / ПЛОХО — НИЗ, когда объект презрения считается хуже, а следовательно, ниже субъекта эмоции (*смотреть (глядеть) сверху вниз (свысока) на кого-либо; смотреть с высоты своего величия*). Метафорические выражения «ни во что не ставить, «ни в (медный) грош не ставить» отражают представления об объекте презрения как о чем-то, не имеющем никакой ценности. Таким образом, эмоция презрения представляет собой мощный стимул деструктивного поведения и может явиться первичным аффектом «холодной ненависти». Осознание себя выше другого, имеющим больше прав, чем другой, вкупе с желанием и планированием каких-либо деструктивных действий приводит к жестоким преступлениям как межличностного, так и межэтнического характера.

С другой стороны, ряд выражений, называющих и описывающих эмоцию ненависти, заставляет думать о том, что первичным аффектом ненависти может быть не ярость и не презрение, а отвращение. Если человек ненавидит крысиные хвосты, грязные чашки, плохо вымытую посуду и др. подобные вещи, можно ли утверждать, что в основе данного эмоционального отношения лежит ярость? Известно, что отвращение по некоторым аспектам тесно связано с гневом, однако обладает рядом отличительных черт. Хотя само по себе отвращение не столь опасно в качестве эмоции-стимула агрессивных действий, как гнев, но, сопряженное с гневом, оно может провоцировать агрессию, ибо гнев есть эмоция, вызывающая желание напасть, а отвращение может вызвать желание отделаться от объекта эмоции [Изард, 1980, с. 296—297]. Отвращение — одна из наиболее «биологичных» эмоций, развившаяся из голода и связанного с ним поведения, и первоначально вызывшаяся вещами, разложившимися в физическом смысле [Изард, 1980, с. 296]. В процессе эволюции оно перекинулось на вещи, разложившиеся и в психологическом

смысле; отвращение может быть ориентировано как на личность, на идею, так и на самого субъекта эмоции, резко снижая самооценку последнего. Текстовые примеры дают нам следующий синонимический ряд группы отвращения: *отвращение* — *омерзение* — *брезгливость*, а словарь синонимов и Большой академический словарь добавляет к этому лексему *гадливость* [СС; БАС2]. Во всех словарных дефинициях при этом актуализируется сема оценки «очень плохой» и сема «вызывающий тошноту» [СО; БАС2], что подтверждается текстовыми примерами:

*Лолита притворится, что ее сейчас вырвет от отвращения*  
(В. Набоков. *Лолита*)

*Ему омерзительна Амеана, она вызывает у него брезгливое отвращение, потому что она любовница пакостного Мамурры и потому что там, в спектакле Катутла, на ней безобразная маска — огромный носище и глаза, как у жабы.* (Вл. Отрошенко. *Эссе из книги «Тайная история творений»*. НКРЯ)

На концептуальную связь ненависти с отвращением, кроме результатов психологических исследований, указывают такие выражения, как, например, *брезгливая ненависть*, *тошнит от ненависти*, употребляемые в текстовом описании ненависти:

*— Сволочь какая! — сказал Олег с брезгливой ненавистью. — Таких давить и давить...* (А. А. Фадеев. *Молодая гвардия*. НКРЯ.)

*Нас с художницей Анной Осьмеркиной тошнило от ненависти к другу детства.* (Д. Смирнова. *Вероломное нападение продуктов на человека*. НКРЯ.)

Таким образом, ненависть бывает разная: бабская, безграничная, бездоказательная, безоглядная, безотчетная, безрассудная, безудержная, бесконечная, бескрылая, беспощадная, бессильная, бешеная, брезгливая, великая, гадливая, глубокая, глухая, голая, горячая, грешная, дикая, едкая, жаркая, жгучая, женская, жестокая, животная, живучая, завистливая, затаенная, звериная, инстинктивная, испепеляющая, иступленная, леденящая, ледяная, лютая, незаслуженная, неистовая, неистребимая, неисчерпаемая, ненасытная, непримиримая, нерассуждающая, неугасимая, неукротимая, неуголимая,

неутомимая, нечеловеческая, остервенелая, острая, откровенная, открытая, отчаянная, праведная, ревнивая, рьяная, свирепая, святая, священная, сильная, скрытая, слепая, слепящая, смертельная, смертная, смутная, справедливая, старая, старинная, страстная, страшная, темная, тихая, тоскливая, тупая, тяжелая, убийственная, удвоенная, упорная, фанатическая, холодная, щемящая, ядовитая, ярая, яростная. Зоологическая, огненная, первобытная, пылающая, экзальтированная. Всенародная, всеобщая, классовая, народная, национальная, общая, политическая, расовая, революционная, религиозная [СЭ]. Основываясь на словарных дефинициях исследуемого феномена, отражающих представления о ненависти в наивном сознании, на проанализированном языковом материале и на результатах исследований эмоции ненависти в психологии и физиологии, предлагаем рассматривать ненависть как кластер отрицательных эмоций, объединенных общим названием «ненависть». Первичными аффектами ненависти, наряду с гневом / яростью, могут выступать злоба, отвращение, презрение, а также некоторые пограничные эмоциональные состояния (раздражение, раздражение-отвращение, раздражение-презрение). Это не обязательно означает, что брезгливая ненависть равняется отвращению, а презрительная ненависть — презрению. Сплетаясь в эмоциональный клубок с такими эмоциями, как раздражение, возмущение, злость, гнев, негодование, они образуют различные концептуальные вариации ненависти. Таким образом, мы видим существенные различия в мотивационном и эмоциональном аспектах ненависти.

В отношении когнитивного аспекта ненависти мы основываемся на выводах О. Кернберга о том, что он включает в себя планирование агрессивных действий против объекта ненависти вплоть до его физического уничтожения [Кернберг, 1998, с. 37]. Большинству людей знакомо желание причинить вред объекту своей ненависти (это происходит вне зависимости от того, какая именно эмоция «запустила» ненависть), но, так как моральные и социальные нормы чаще всего не позволяют этого сделать, «планы мести» либо так и остаются нереализованными либо переводятся в более приемлемые формы

агрессивных действий (в том числе в вербальную агрессию). Проиллюстрируем данное положение примерами из художественной коммуникации.

*Я была бы благодарна ей за перекошенное ненавистью лицо, за желание раскроить мне череп, выцарапать глаза, уничтожить физически.* (Е. Маркова. Мяс. НКРЯ.)

В данном примере сослагательное наклонение указывает на неосуществимость планов физического уничтожения объекта ненависти.

*Дрожа от ненависти, воинственного возбуждения и невозможности сцепиться в честной рукопашной, противники со своих позиций поливают друга друга шквалом оглушительных оскорблений.* (Д. Рубина. Я и ты под персиковыми облаками. НКРЯ.)

В настоящем примере желаемый акт физической агрессии подменяется актом агрессии вербальной.

Концепт желания является родственным для эмоционального концепта ненависти, т.к. ненависть вызывает желание причинить вред объекту эмоции (моральный или физический). Однако материал исследования показывает, что в реальной коммуникации ненависть зачастую сопряжена с чувством удовольствия. При проведении свободного ассоциативного опроса было отмечено, что ни один из респондентов не указал в ассоциативном ряду удовольствие или синонимичные лексемы. На наш взгляд, это может быть объяснено тем, что культурные и этические нормы не одобряют получение удовольствия от действий и ощущений, связанных с ненавистью. Либо респонденты могут чувствовать себя некомфортно, указывая удовольствие как ассоциацию к ненависти по той же самой причине. Однако на Интернет-форумах, находясь под защитой аватаров и ником, многие пользователи признаются в своих положительных ощущениях и эмоциях, испытываемых в результате переживания эмоции ненависти (см., например, сайт «Про ненависть», [drom.ru](http://drom.ru) и др.). При проведении Интернет опроса 69,3 % из 65 респондентов ответили, что получать удовольствие от ненависти возможно. По мнению некоторых респондентов, ненависть дает «адреналин, делает сильнее»,

является «прекрасным мотиватором», «безграничным, приятным, пьянящим чувством», «сладким чувством», «приносит исцеление», делает «смелым, нормальным человеком», дает «силы мстить», «смысл жизни», «делает человека живым», «выделяет из толпы», ненавидеть всей душой «приятно», ради ненависти «стоит жить». Столь высокая оценка эмоции ненависти и состояний, связанных с ней, позволяет выделить концепт удовольствия в качестве родственного.

Выстраивая прототипический сценарий ненависти, мы столкнулись с теми же трудностями, что и при анализе понятийной составляющей исследуемого эмоционального концепта, — невозможностью выделить единый первичный аффект ненависти. Анализ более 500 примеров текстового описания ненависти показывает, что, согласно текстовым индикаторам, в 43% случаев первичным аффектом может быть признан гнев / ярость, а в 16% примеров мы не смогли определить, какая эмоция «запустила» ненависть. Основываясь на полученных данных, можно говорить о том, что прототипический сценарий ненависти — это сценарий ненависти, первичным аффектом которой выступает гнев / ярость:

*Имеет место некое оскорбительное для субъекта действие, которое осуществляет некто, намеренно, прямо или косвенно оскорбляющий субъекта. В оскорбительном действии содержится элемент несправедливости, что вызывает гнев / ярость субъекта. Для восстановления справедливости требуется какой-либо акт возмездия, сила которого равнялась бы силе нанесенного оскорбления. Однако, акты возмездия опасны и/или социально / этически неприемлемы, поэтому субъект обязан сдерживать свою ярость. Происходят новые встречи с объектом и новые оскорбительные действия с его стороны. Субъект вновь переживает состояние ярости, которую он вынужден сдерживать. У субъекта возникают мысли и образы, изображающие и планирующие акт(ы) возмездия, объектом которого является обидчик. Субъект совершает акт возмездия, сила которого примерно*



*равна силе нанесенного оскорбления(ий), и, следовательно, между ними достигается определенный баланс. Интенсивность ненависти падает.*

Мы осознаем, что даже в рамках русскоязычной лингвокультуры это далеко не единственный сценарий развития ненависти. На самом деле, исходя из сделанного вывода о различных возможных первичных аффектах ненависти, можно утверждать, что единственной объединяющей частью всех сценариев ненависти будет возникновение мыслей и образов, изображающих и планирующих акт возмездия против объекта ненависти, ибо ненависть есть мощный психологический фактор, порождающий агрессию и деструктивное поведение.

Подведем итоги. В русском языке лексемы «ненависть», «ненавидеть» широко используются для обозначения и выражения кластера отрицательных эмоций, в которых кроме эмоций субкластера гнева / ярости входят эмоции субкластеров отвращения, презрения и некоторых других, т.е. ненависть концептуально связана с различными агрессивными эмоциями и враждебными эмоциональными состояниями. Несмотря на столь значительные расхождения в эмоциональной и мотивационной составляющей, ненависть имеет единый когнитивный компонент, включающий планирование агрессивных действий против объекта ненависти. Использование глагола «ненавидеть» для обозначения состояний низкой степени эмоциональности связано как с семантикой данного глагола, так с индивидуальными психологическими особенностями говорящего субъекта. Возможно, что само слово «ненавижу» катартично по своей природе: произнося «я ненавижу» вместо «мне не нравится», говорящий освобождается от переполняющих его отрицательных эмоций. Мы также полагаем, что широкое употребление данной словоформы актуализирует сему неприязни и в какой-то мере нивелирует мощный агрессивный потенциал ненависти, что не означает исчезновения или стирания базовых характеристик исследуемого концепта.

### 2.3.2. Концептуализация зависти

Многие исследователи человеческих эмоций сходятся во мнении о том, что из всех эмоций, явно или скрыто стимулирующих войны, борьбу за власть и влияние, приносящих людям неизбывные страдания, главной является зависть [Куттер, 1998; Орлов, 2005; Шёк, 2008 и др.]. Тема зависти трудная и неоднозначная. В христианском понимании зависть считают одним из семи смертных грехов, к которым также относятся распутство, чревоугодие, лень, гордыня, гнев и скупость. Все они указывают на характерные аспекты человеческой жизни — следующие в основном из «принципа получения удовольствия и сомнительные с точки зрения морали, которая предупреждает их крайние проявления, но признает склонность к ним неизбежной» [Бондаренко, Лукан, 2008, с. 265]. Зависть в этом списке выглядит как явное исключение, т.к. переживается негативно, не имеет своей видимой функции и биологической цели [Там же]. Всем нам прекрасно знаком тот тип людей, которые успех другого человека оценивают как свое собственное поражение. Мы также знаем, что есть категория людей, для которых зависть к успехам другого является стимулом для собственного развития и достижения высоких результатов. Несмотря на то, что в лингвистике исследования концепта «зависть» проводились, как правило, в рамках лингвокультурологических исследований с целью выявить общее и различное в концептуализации данной эмоции в различных лингвокультурах [Несветаилова, 2010; Зеленина, 2012; Кузнецова, 2006], представить полную картину концептуализации зависти, по-видимому, невозможно ввиду многослойности данного явления, а также способности зависти «мимикрировать», прятаться за другие эмоции. Мы провели опрос 21 информанта, в число которых входили только близкие и хорошо знакомые нам люди, с целью узнать, насколько часто они испытывают зависть к кому-либо. Такой выбор информантов был обусловлен тем, что зависть в русской культуре считается низменным чувством и на искренность незнакомых или малознакомых людей при опросе рассчитывать сложно. Лишь

3 человека признались в том, что они время от времени испытывают зависть к другим людям. Некоторые рассказали, что когда-то испытывали зависть, но потом научились не завидовать, т.к. осознали, насколько это чувство губительно для здоровья (в частности, «для желудка», по выражению одного из респондентов). Но большинство, когда речь заходила о конкретных возможных объектах зависти, говорило, что испытывает к данному объекту презрение, раздражение, неприязнь, потому что он «нечестный», «блатной», «беспринципный», «вор», просто «плохой человек», «отвратительный руководитель» и т.п. Это подтверждает выводы психологов о том, что зависть может скрываться за такими социально приемлемыми эмоциями как гнев, страх, обида, оскорбление, и способна породить любые иные переживания [Орлов, 2005, с. 64]. Социолог Г. Шёк, автор фундаментального исследования о зависти, назвал ее базовой антропологической категорией, «неотъемлемой частью социальной реальности». Он утверждает, что зависть «более универсальна, чем принято полагать», и бывает трудно разоблачить искусно замаскированную зависть: «Даже науки о поведении часто уклоняются от изучения феномена зависти и завистливого поведения, как если бы эти явления были табуированы, и скрывают мотив зависти за такими концептами, как амбивалентность, агрессия, напряжение, соперничество, ревность, и другими непрямыми описаниями [Шёк, 2008, с. 29]. Более того, в своей книге Г. Шёк убедительно доказывает, что зависть в качестве скрытой или явной точки опоры социальной политики носит куда более деструктивный характер, чем это принято полагать. «Ошибки, историческая ограниченность многих уважаемых экономических и социально-философских теорий становятся очевидны вместе с осознанием того, насколько они зависят от предположения, что человеческая зависть является продуктом произвольных, случайных и чисто временных обстоятельств и, в частности, результатом резкого неравенства, который может исчезнуть, как только это неравенство будет устранено, — иными словами, что от нее возможно излечиться навсегда. <...> Каждый человек должен быть в небольшой степени склонен к зависти; без этого невозможно вообразить игру

социальных сил внутри общества» [Там же, с. 15—26]. Таким образом, социологи и социальные психологи рассматривают зависть как состояние человека, возникающее в ситуации социального сравнения. Психологи же не всегда относят эту эмоцию к чертам характера. Интересно, что К. Изард — представитель авторитетной школы дифференциальной теории эмоции — не только не рассматривает, но даже и не упоминает зависть в своей фундаментальной монографии «Эмоции человека». Как отмечает К. Муздыбаев [Муздыбаев, 1997], зависть — ущербное чувство, которое пытается заполнить пустоту или какой-нибудь личностный недостаток, отсутствие психологического равновесия и гармонии. В целом в психологии зависть рассматривается как психический комплекс, включающий искаженное восприятие объекта, различные уровни неприязни и вражды вплоть до интенсивной ненависти [Налчаджян, 2007, с. 192]. Другими словами, в состав зависти входят:

- 1) чувство враждебности, желание уничтожить фрустратора или хотя бы нанести ему ощутимый вред, совершить агрессивные действия;
- 2) когнитивные (познавательные) элементы: знание об успехах другого, сравнение со своими достижениями, оценка уровня справедливости;
- 3) готовность к агрессивным действиям по отношению к объекту зависти и даже воображаемые схемы таких действий [Муздыбаев, 1997; Налчаджян, 2007, с. 21].

На наш взгляд, очередность проявления первых двух элементов может быть и обратной: сначала индивид осознает чужие успехи в сравнении с собственными неудачами, а лишь затем проявляется эмоциональный момент враждебности и агрессивных намерений. Психологическая теория зависти хорошо вписывается в рамки теории фрустрации-агрессии, так как успех другого человека (незаслуженный, по мнению завистника) является для завистника сильнейшим фрустратором. По качеству и интенсивности чувств, питаемых к объекту зависти, различные авторы выделяют следующие ее разновидности: добрая («белая») зависть, безразличная зависть, амбивалентная

зависть и зависть на основе ненависти [Налчаджян, 2007, с. 21.]. Г.Ф. де ла Мора, исследуя феномен зависти в разные исторические эпохи, выделяет два типа зависти:

**Личная зависть** — скорее испытывается втайне и скрывается, считается постыдной. Это либо открытая агрессия к объекту зависти, либо другие формы неприятия этого человека.

**Общественная зависть** — для нее более характерно создание и использование стереотипов («Деньги портят характер», «В тесноте, да не в обиде» и т.п.). Это вечные стереотипы «*Завистники умрут, но зависть никогда*», так как они передаются и распространяются в обществе как часть мировоззрения. С помощью этих стереотипов можно и продемонстрировав зависть, обвинить человека в наличии объекта зависти [Цит. по Бондаренко, Лукан, 2008, с. 267].

Для нашей работы рассмотрение феномена «белой» зависти не является релевантным, ибо «белая» зависть по определению не несет в себе деструктивного заряда.

Белая зависть (*разг. шутил.-одобр.*). О желании обладать чем-л., имеющимся у другого, не сопровождаемом злобой, досадой [БСРП, с. 238].

Однако, на наш взгляд, белая зависть концептуально не имеет ничего общего с собственно завистью (мы не имеем ввиду наличие общего семантического компонента), это, скорее, разновидность концепта «соревновательность», основой которого выступает положительная мотивация и отсутствие деструктивных намерений. Очевидность того, что мы имеем дело с разными концептами, а не с разновидностями одного и того же концепта, проявляется уже на уровне анализа понятийного ядра концепта «зависть».

Дефиниционный анализ выявил такие базовые компоненты понятийного ядра концепта «зависть», как «неудовольствие», «досада», «желание обладать ценностями другого», «нежелание добра другому». Зависть — «свойство того, кто завидует; досада по чужом добре или благе; нежелание добра другому, а одному лишь себе» [СД1]; «чувство досады, вызванное благополучием,

успехом другого» [СО]; «чувство досады, вызванное превосходством, благополучием другого, желанием иметь то, что есть у другого» [СУ; БТС]. Обращаясь к терминологическому словарю, находим следующее определение зависти: зависть — «проявление мотивации достижения, при которой чьи-либо реальные или воображаемые преимущества в приобретении социальных благ (материальных ценностей, успеха, статуса, личных качеств и пр.) воспринимаются субъектом как угроза ценности «Я» и сопровождаются аффективными переживаниями и действиями» [БПС]. Этимологически прослеживается связь с производным от *завида* «зависть», образованного от *завидеть* «завидовать», префиксальной формы к *видеть*. Развитие значений в *завидовать* и *видеть* аналогично лат. *invidēre* «завидовать» и *vidēre* «видеть» [СФ1]. В «Кратком этимологическом словаре русского языка» указывается, что слово «завидовать» имеет «общеславянское происхождение и образовано на базе общеславянского существительного *завида* — *зависть*, являющегося производным от глагола *завидѣти* — *завидовать*» [КЭС]. «Зависть» как «чувство недоброжелательства и нерасположения к кому-л.» зафиксировано в древнерусском языке с XI в., а прилагательное «завистливый» появилось в словарях примерно с 1771 г. [ИЭС]. Интересно, что ни в одном из приведенных определений, равно как в этимологии, не прослеживается непосредственная связь зависти с агрессией и деструктивностью. Определение, наиболее полно отражающее феноменологию зависти, было дано в 1912 г. в «Энциклопедии религии и этики», и мы позволим себе процитировать его полностью: «Зависть — это эмоция, эгоистическая и злонамеренная по существу. Она направлена на людей и подразумевает неприязнь к человеку, который обладает тем, чего желает завистник, и желание причинить ему ущерб. В ее основе лежат эгоистическая жадность и неприязнь. В ней также есть сознание своей неполноценности по сравнению с объектом зависти и раздражение от этого. *Я чувствую, что тот, у кого есть то, чему я завидую, имеет преимущество по сравнению со мной, и я возмущен этим. Следовательно, я радуюсь, если та вещь, которой я завидую, не приносит ему полного удовлетворения, и радуюсь*

*еще больше, если она приводит к неудовлетворению и боли* (Курсив наш. — Я.В.) — ведь это уменьшает в моих глазах его превосходство и способствует моему самомнению. Поскольку зависть проявляет в завистливом человеке неудовлетворенные желания и указывает на чувство беспомощности, в том смысле, что у него нет ощущения власти, которое дало бы ему обладание желанным объектом, она является болезненной эмоцией, хотя ей и сопутствует наслаждение, когда ее объект постигает несчастье» [ER&E]. В данном определении суть исследуемого явления раскрывается поэтапно, в полном соответствии с прототипическим подходом к моделированию эмоциональных концептов А. Вежбицкой и З. Кёвечеса (см. выделение), и состоит именно в получении удовлетворения от страданий другого, в собственном возвышении за счет унижения другого. В отличие от ненависти, вовсе не обязательно, чтобы объект зависти совершил какое-либо оскорбительное для субъекта действие: объекту достаточно просто обладать тем, чего нет у субъекта. При этом зависть — активное чувство: «Зависть — это злобное чувство, что другой человек обладает и наслаждается чем-то желаемым, завистливый импульс направлен на то, чтобы отобрать или испортить это» [Кляйн, 1997, с. 10].

Ассоциативный ряд зависти (по данным «Русского ассоциативного словаря») включает такие наиболее частотные реакции, как «черная», «белая», «плохо / нехорошо», «ненависть / ненавидеть», «злость / злоба», «дикая», «подлость», «порок», «корысть», «чувство», «друга» [РАС]. Все вышеизложенное демонстрирует важнейшую роль зависти в концептуальном пространстве деструктивности.

Проблема зависти всегда занимала особое место в гуманитарных науках. Возьмем, к примеру, одно из литературных определений зависти: «Зависть — страшное, всепоглощающее, всепожирающее, испепеляющее чувство, которое в первую очередь уничтожает личность самого завистника, который, переходя от зависти к ненависти, теряет контроль над своими поступками и в конце концов самоуважение. Любым путем — унижить, смешать с грязью, уничтожить объект зависти. <...> А иногда готов сделать плохое ненавидимому

даже за счет своего благополучия» [Мендельсон, www]. Кроме ярких, метафорических, эмоционально окрашенных эпитетов *страшное, всепоглощающее, всепожирющее, испепеляющее*, отражающих сугубо отрицательную оценку рассматриваемого эмоционального феномена автором, в цитате четко обозначен этап перехода от зависти к ненависти, связанный с экстенсивными деструктивными действиями (унизить, смешать с грязью, уничтожить). Ненависть же нельзя рассматривать как просто эмоцию: как мы писали выше, это «сложная социальная установка», которая требует определенного количества времени для своего формирования и которая не может возникнуть как непосредственная реакция на раздражитель. Ненависть снова и снова заставляет человека переживать первичный аффект гнева: «когнитивные элементы ненависти содержат мысли и образы, изображающие и планирующие агрессию против объекта, его уничтожение» [Налчаджян, 2007, с. 81].

Тот факт, что обыденное сознание прочно связывает зависть и ненависть, подтверждается многочисленными афористическими высказываниями, например: *«Из всех страстей зависть самая отвратительная. Под знаменем зависти шествуют ненависть, предательство и интриги»* (К. Гельвеций); *«Ненависть - активное чувство недовольства, зависть - пассивное. Нечего удивляться тому, что зависть быстро переходит в ненависть»* (И.-В. Гете); *«Зависть еще непримиримее, чем ненависть»* (Ф. Ларошфуко); *«Зависть переходит в злобу, если нельзя переплюнуть другого»* (В. Георгиев); *«Зависть к богатству оборачивается ненавистью»* (Бурцев); *«Где кончается зависть и начинается ненависть?»* (И. Шевелев); *«Зависть — один из наиболее действенных элементов ненависти»* (О. Бальзак); *«Зависть есть ненависть, поскольку она действует на человека таким образом, что он чувствует неудовлетворение при виде чужого счастья, и наоборот — находит удовольствие в чужом несчастье»* (Б Спиноза).

Последние исследования телесных реакций для различных эмоций, проведенные швейцарским Центром аффективных исследований, показали, что



зависть / ревность (в английском языке эти эмоции могут обозначаться одним словом “jealousy”) и ненависть (“hate”) имеют чрезвычайно близкие коэффициенты по шкале «возбуждение» и «температура тела» [Scherer, Fontaine, 2013, p. 152—153]. Более того, при анализе слов — номинантов эмоций, основанном на телесных реакциях, точность определения зависти / ревности составила 44.1 %, а эмоцией, с которой информанты путали данные эмоции была ненависть [Ibid., p. 154].

Несомненно, что не всякая зависть приводит к открытой агрессии. Сможет ли завистник совершить какое-либо агрессивное действие (прямое или косвенное, вербальное или невербальное) по отношению к объекту своей зависти, зависит от множества факторов — психологических, социальных, ситуативных и просто случайных, не поддающихся никакой классификации. Но у зависти есть и другая сторона, отраженная в древней притче о двух людях, которым их правитель пообещал выполнить любую просьбу при условии, что второй получит в два раз больше, чем проситель. Как известно, просьба была выколоть просителю один глаз. Мораль здесь такова: завистник готов пожертвовать всем, даже собственной жизнью, чтоб другому человеку было плохо. Агрессия завистника оказывается направленной, таким образом, не только на объект зависти, но и на самого завистника. Здесь имеет место явление, называемое в психологии *аутоагрессией*, или *инвертированной агрессией*. Жесткая, черная, патологическая зависть в конце концов приводит к инверсии агрессии, когда завистник сам становится косвенной жертвой своих мыслей, чувств и действий. Эта связь зависти и аутоагрессии находит выражение в многочисленных паремиях (*Ржа съедает железо, а завидующий от зависти гибнет. Завистливый по чужому частью сохнет. Завистливый сохнет о том, когда видит счастье в ком. Добрый плачет от радости, злой — от зависти. Завистливый своих двух глаз не пожалеет.*) и афористических высказываниях: *«После тех лиц, которые занимают самые высокие посты, я не знаю более несчастных, чем те, что им завидуют»* (М. Монтень); *«Если кому-нибудь везет, не завидуй ему, а порадуйся с ним вместе, и его удача будет*

*твоей; а кто завидует, то себе же делает хуже» (Эзоп); «Многие каждый шиллинг в чужом кармане воспринимают как личное оскорбление» (О'Генри); «Зависть терзает и сама терзается» (Овидий); «Кроткое сердце - жизнь для тела, а зависть - гниль для костей» (Царь Соломон); «Как ржавчина съедает железо, так завистники — их собственный нрав» (Антисфен из Афин); «Губительным ядом, отравляющим наши души, является зависть» (Г. Филдинг); «Зависть, как и последующая за нею ненависть беспредельны. Пожирательный огонь зависти никогда невозможно насытить, пока он не сжигает все вокруг, включая самого ненавистника... Бойтесь, остерегайтесь попасть в сети зависти ...» (М. Мендельсон). Богатство метафор, эпитетов, сравнений даже в приведенной выборке афористических высказываний о зависти демонстрирует нам, насколько оценочно перегружено данное понятие и насколько оно всегда было актуально для человечества.*

Что касается физиологических проявлений зависти, то необходимость скрывать это чувство от окружающих нивелирует практически все внешние проявления рассматриваемой эмоции. Исследования последних лет открыли интересную сторону физиологии зависти: зависть активирует в мозге подопытных людей переднюю часть поясной извилины — регион, играющий ключевую роль в обработке боли. То есть зависть и боль являются «физиологическими близнецами» [Ученые нашли в мозге ... , [www](#)]. Поэтому метафора «муки зависти» на самом деле имеет прямое физиологическое обоснование. Тот факт, что фундаментальной предпосылкой зависти является низкая самооценка, приводит к тому, что зависть может перейти в самобичевание. Это, в свою очередь, может вызвать следующие физиологические симптомы зависти:

- человек бледнеет, поскольку сжимаются кровеносные сосуды и повышается артериальное давление,
- или желтеет, поскольку кровь насыщается желчью.

Данный физиологический симптом дает основание концептуальной метонимии **РЕЗКОЕ ПОБЛЕДНЕНИЕ ЛИЦА** у человека, испытывающего

зависть, обозначает зависть. Этот симптом характерен не только для зависти, но и для некоторых других эмоций, например, страха, горя, злости, гнева, поэтому эмоция должна быть названа в описании ее внешнего проявления, т.е. описание эмоции должно быть эксплицитным (*позеленеть / побледнеть / пожелтеть от зависти*).

*Это теперь эмигрант нашего призыва платит 200 долларов за билет на концерт Киркорова только для того, чтобы, увидав его в первом ряду, дальние и близкие знакомые дивились, а враги зеленели от зависти.* (Е. Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание. НКРЯ.)

*Ведь вот бывает, что иная и в шелк вырядится, и навесит на себя столько сверкающих побрякушек, что даже новогодняя елка **пожелтее** от зависти в ее присутствии, и все как будто на такой франтихе скроено по самой последней моде, а, как люди говорят, ни красы, ни радости.* (Л.А. Кассиль. Дело вкуса. НКРЯ.)

*Испугалась тогда королева, **пожелтела, позеленела от зависти*** (Бр. Гримм. Белоснежка. НКРЯ.)

От зависти можно также покраснеть или почернеть, однако если покраснение является вариантом физиологической симптоматики зависти (так же, как и в случае с гневом и ненавистью), то «черный от зависти» — это уже метафорический перенос, ибо зависть ассоциируется с плохим, т.е. черным цветом.

*Даже от брата Егора сын к Никите жить сбежал — совсем тот **почернел** душою от зависти.* (В. Голованов. Остров, или Оправдание бессмысленных путешествий. НКРЯ)

*Вот напротив дворца Академия живописи под председательством Шадова, совершенно подавленная Дюссельдорфской школой, **покрасневшая от зависти**, что провинциальная Академия совершенно затмила столичную перед глазами всей Европы, — мимо!* (П.В. Анненков. Путевые записки. НКРЯ.)

Интересно, что цветовая метафора зависти имеет место во многих языках. В латыни зависть ассоциируется с серо-синим цветом, что отражено в значении

слова “livor” (сильная зависть), т.е. «синева, синевато-серый (мертвенно-бледный)». В немецком языке зависть может быть бледной “der blasse Neid”, желтой “der gelbe Neid” или зеленой “vor Neid gelb und grün werden”. Английская и испанская зависть — зеленые (англ. “green with envy”, исп. “la envidia es de color verde”), французская и венгерская — желтые (фр. “jaune de l’envie”, венг. “sarga irigyseg”) [Зеленина, www]. В Китае, например, своеобразную социальную болезнь, проявляющуюся в зависти к тем, кто становится богатым, называют «болезнь красных глаз» [Кузина, www]. «Цветовая» метафора зависти входит в образную составляющую рассматриваемого концепта.

Анализ образной составляющей концепта «ЗАВИСТЬ» методом концептуальной метафоры показал, что самыми распространенными концептуальными метафорами зависти являются следующие: ЗАВИСТЬ ЕСТЬ (ГОРЯЧАЯ) СУБСТАНЦИЯ В КОНТЕЙНЕРЕ, которым является тело человека. Это вариант распространенной в европейской культуре общей концептуальной метафоры контейнера: тело человека есть контейнер для эмоций. Зависть может наполнять и переполнять человека, а когда ее становится слишком много, человек может лопнуть от зависти.

*Игорь — Арамис от зависти лопается, хотя он тоже «в завязке» — льет и пьет. (В. Смехов. Театр моей памяти. НКРЯ.)*

*Поэтому в Москве выливалось такое количество кипятка от зависти... (С. Сливакова. Не всё. НКРЯ.)*

*А между тем через бездну пространства на Землю смотрели глазами, полными зависти, существа с высокоразвитым, холодным, бесчувственным интеллектом, превосходящие нас... (Ю. Нестеренко. Из жизни инопланетян. Завоеватели. НКРЯ.)*

*С трех лет я начала просить собаку, в девять мне ее подарили, девочки чуть не лопнули от зависти; в двадцать я оставила любимую, уже начинавшую сидеть морду родителям. (Н. Щербина. Перестук каблуков. НКРЯ.)*

Интересным случаем концептуализации зависти представляется метафора ЗАВИСТЬ ЕСТЬ ЖИВОЕ СУЩЕСТВО ВНУТРИ ЧЕЛОВЕКА. В западной культуре широко распространена метафора СТРАСТИ ЕСТЬ ЗВЕРИ ВНУТРИ ЛЮДЕЙ, и метафору зависти как живого существа, обитающего внутри человека, можно рассматривать как ее частный случай. Зависть зарождается, растет, ее обязательно нужно питать, но, когда она вырастает, она начинает пожирать человека изнутри.

*Зависть родилась не с нами и не с нами умрет.* (А. Кушнер. «С Гомером долго ты беседовал один...» НКРЯ.).

*Пахла шелковая шаль далекими неведомыми запахами, радужные узоры ее питали бабью зависть.* (М.А. Шолохов. Тихий Дон.)

*То есть вместо милосердия, смирения, молитвенности, воздержания, вместо благости, веры, любви, послушания в нем **растут** гордость, тщеславие, зависть, блудность, осуждение, злоба, злопамятность, чревоугодие, объедение, сребролюбие, жадность, осуждение — множество свиней в его душе.* (Протоиерей Димитрий Смирнов. Проповеди. НКРЯ.)

*Я сижу, съдаемый завистью, как последний болван.* (М. Петросян. Дом, в котором... НКРЯ.)

*Поскольку их пожирала зависть и ненависть, их ожидают черви и змеи.* (А.Я. Гуревич Популярное богословие и народная религиозность средних веков. НКРЯ.)

Метафора ЗАВИСТЬ ЕСТЬ ЖАР (ОГОНЬ) является еще одной распространенной концептуальной метафорой зависти в русском языковом сознании: зависть может жечь, обжигать, быть неугасимой, зависть можно разжечь, от зависти можно сгореть.

*Он предоставил нам (читателю, актеру, режиссеру) высекать из себя эту искру зависти.* (А. Битов. Русский устный и русский письменный. НКРЯ.)

*Эта зависть обжигала лицо и проникала за шиворот, вызывая по всему телу колючие мурашки, так что я с облегчением покинула зеленую упругость*

лужайки и начала восхождение по лестнице, ведущей в зал. (Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания. НКРЯ.)

О похожем чувстве проговорился как-то поэт Борис Слуцкий, который, оказывается, через всю жизнь пронес **неугасимую зависть** к своему школьному соученику, руководителю моей дипломной работы на Харьковском физмате, профессору Борису Иеремиевичу Веркину. (Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания. НКРЯ.)

Во-вторых, надо **разжечь** у них **зависть** к вашему умению и горячее желание стать такими же, как вы. (И.Ф. Стаднюк. Ключи от неба. НКРЯ.)

Но Бога в твоей душе не было, потому что **душу твою сжигала зависть** ко всем, у кого денег больше, чем у тебя, кто одевается и ест лучше, чем ты, кому удача сама плывет в руки, кого все любят и кем все восхищаются. (Э. Володарский. Дневник самоубийцы.)

Скульптор-абстракционист **сгорел бы от зависти**, глядя на их упражнения. (Б. Зубков, Е. Муслин. Бацилус террус. НКРЯ.)

Рассмотрение зависти как в целом отрицательной эмоции, приводящей к нежелательным физиологическим реакциям и к нежелательным последствиям для окружающих (мы не принимаем во внимание ту положительную роль, которую зависть сыграла и до сих пор играет в социальной эволюции), формирует основание для концептуальной метафоры **ЗАВИСТЬ ЕСТЬ ПРОТИВНИК В БОРЬБЕ**: зависть может подкрасться, вкрасться в душу, охватить, обуять, душить, с завистью можно бороться, ее можно побороть, подавить, с ней можно справиться, но ей можно и поддаться, и тогда она начинает двигать человеком.

Клава уже не слушала, а **боролась с унижительной ревностью-завистью**: раз с Костей ее так объединяет, дачей их вместе связывает, значит, совсем не думает о ней и о себе, вместе... (О. Новикова. Мне страшно, или Третий роман.)

Веселая девчушка — хохотушка вызывала раздражение, обиду и досаду до ненависти не только у некоторых девчонок, но даже у некоторых

мальчишек. Их душила зависть. (Л. Мишкина. Черная и белая зависть. Сказка-притча. [http://lilit.ru/litera/show\\_text.php?t\\_id=11386](http://lilit.ru/litera/show_text.php?t_id=11386) (дата обращения — 25.11.2012).)

Егор проследил полет их, и вдруг жадная зависть охватила его. (Л.М. Леонов. Барсуки. НКРЯ.)

Но каждый понимал свободу только для себя, и углублялись взаимные счеты, и зависть обуяла душу русских людей. (К.А. Коровин. Арестанты. НКРЯ.)

Как читатель я была в полном восторге, а как коллега по цеху едва справлялась с завистью. (Д. Донцова. Микстура от косоглазия. НКРЯ.)

Подобно противнику в борьбе зависть «издевается» над человеком: грызет, терзает, мучит, гложет, сосет, кусает, жалит, колет. То же самое с человеком делает и болезнь, поэтому мы рассматриваем метафору ЗАВИСТЬ ЕСТЬ БОЛЕЗНЬ как частный случай предыдущей концептуальной метафоры. Зависть, подобно болезни, причиняет человеку физические и душевные страдания, симптомы зависти описываются как симптомы заболевания, завистью можно заболеть, ей можно заразиться.

Зависть — женский удел, и женоподобный вождь дружины **заражал завистью** все свое воинское окружение. (Б. Васильев. Ольга, королева русских. НКРЯ.)

Всякий посетитель, если он, конечно, был не вовсе тупицей, попав в Грибоедова, сразу же соображал, насколько хорошо живётся счастливым — членам МАССОЛИТа, и чёрная зависть начинала немедленно **терзать** его. (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита.)

Я гляжу, **зависть гложет**, что начальником у меня не стал? (О. Павлов. Казенная сказка. НКРЯ.)

У нее были не очень длинные толстоватые ноги, но Кира вдруг почувствовала **укол зависти**: эти крепенькие икры цвели такой молодостью, что захватывало дух, а вот она никогда не сможет себе позволить такую

юбку, несмотря на свои еще безупречные ноги, уже не сможет...  
(И. Безладнова. Такая женщина. НКРЯ.)

Тем не менее **зависть мучила** Саула и присутствие при нем Давида было ему тягостно... (П.И. Ковалевский. Навуходоносор, царь Вавилонский. НКРЯ.)

Ты проиграл — ты жалок, просто жалок, / **Гадюка-зависть жалит сердце** зло... (Л. Вейсблат. <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=26668> — дата обращения 23.01.2013.)

Мы можем говорить также о метафоре ЗАВИСТИ КАК ТЯЖЕЛОГО ГРУЗА (НОШИ), т.к. в русскоязычной культуре обязанность и ответственность зачастую концептуализируются как некий груз (зависть давит, сжимает, но от нее можно освободиться).

Тебе бог дал талант, и **зависть обовьет тебя и сдавит**, как змеи Лаокоона, — и тысячи змеиных голов устремятся и будут шипеть и изливать яд свой. (И.И. Панаев. Белая горячка. НКРЯ.)

Если вы увидите за рулем авто шикарную девушку или крутого парня, прижимающих к уху мобильный аппарат, — **отбросьте зависть**. (Н. Шеховцова. Ставить ли крест на «мобилах»? НКРЯ.)

#### ЗАВИСТЬ ЕСТЬ БЕЗУМИЕ:

Узнав о наветах, князь Михаил спешил изъясниться с царем; говорил спокойно о своей невинности, свидетельствуясь в том чистою совестью, службою верною, а всего более оком Всевышнего; говорил свободно и смело о **безумии зависти** преждевременной, когда еще всякая остановка в войне, всякое охлаждение, несогласие и внушение личных страстей могут быть гибельны для отечества. (Н.М. Карамзин. История государства Российского: Том 12. НКРЯ.)

Мой брат нарисовал мускул, потом — ружье  
я **обезумела от зависти** и бежала

(Перевод стихотворения Джулии Карр (Julie Carr) “100 Notes on Violence”)



*Обезумев от зависти, бывший следователь украл ребенка у богатых родителей* (<http://dv.kp.ru/daily/24556.5/731796/> (дата обращения — 23.01.2013).)

Проведенный анализ образной составляющей эмоционального концепта «зависть» позволил выделить группу основных концептуальных метафор зависти, в которую входят концептуальные метафоры ЗАВИСТЬ ЕСТЬ (ГОРЯЧАЯ) СУБСТАНЦИЯ В КОНТЕЙНЕРЕ, ЗАВИСТЬ ЕСТЬ ЖИВОЕ СУЩЕСТВО ВНУТРИ ЧЕЛОВЕКА, ЗАВИСТЬ ЕСТЬ ЖАР (ОГОНЬ), ЗАВИСТЬ ЕСТЬ ПРОТИВНИК В БОРЬБЕ, ЗАВИСТЬ ЕСТЬ БОЛЕЗНЬ, ЗАВИСТЬ ЕСТЬ ТЯЖЕЛЫЙ ГРУЗ, ЗАВИСТЬ ЕСТЬ БЕЗУМИЕ, что, в свою очередь, выявило весьма интересный факт: перечень концептуальных метафор зависти практически идентичен набору концептуальных метафор эмоций гнева и ненависти (см. п. 2.2 и 2.3.1). Это лишний раз подтверждает тот факт, что в сознании носителей русского языка вышеуказанные эмоции представляют собой некий кластер, имеют близкую концептуальную основу, что подтверждает правомерность отнесения зависти к ядерным концептам концептуального пространства деструктивности.

Обратимся к анализу родственных концептов зависти. В первую очередь таковым является концепт «желание», входящий в дефиниционную характеристику концепта («желание обладать ценностями другого», «нежелание добра другому»). Концепт «желание» не только составляет минимальное концептуальное содержание зависти, но и часто выступает в качестве «подменного» концепта «зависть». Мы провели опрос 30 человек (студентов и магистрантов) на тему того, какие чувства вызывает у них реклама 1) дорогой косметики и парфюмерии; 2) дорогих автомобилей; 3) шампуня; 4) банковских услуг (ипотеки, кредитных карт и т.п.). Целью опроса было выяснить, насколько часто реклама данных продуктов вызывает у них чувство зависти, а выбор респондентов объяснялся тем, что у большинства студентов нет возможности приобретать элитную косметику, автомобили и банковские продукты. Оказалось, что только 2 респондента (6,7 %) указали зависть в

качестве реакции на рекламу дорогих автомобилей, но 23 человека (76,7%) указали желание иметь или попробовать то, что демонстрируется в рекламе. Однако у 8 респондентов (26,7 %) было отмечено, что реклама дорогих автомобилей вызывает у них раздражение, что у кого-то другого они есть. Сочетание желания иметь что-то, что есть у другого, и раздражения, которое вызывает обладатель желаемого, как уже было показано, и составляет исходный посыл зависти. Таким образом, мы видим, что концепт «желание» не просто выступает в качестве минимальной составляющей зависти, но и подменяет его в тех случаях, когда коммуникант не может / хочет сознаться в том, что он испытывает зависть. В недалеком прошлом во Франции было раскрыто жестокое и на первый взгляд бессмысленное убийство состоятельной семьи из пяти человек. Преступником оказался сосед и приятель убитых, который, не стесняясь, объяснил, что он убил своих хороших знакомых за то, что они были богаче и удачливее его. Зависть была определена в качестве мотива убийства (<http://www.istina.info/article.php?i=24&a=306> (дата обращения — 14.03.13)). Зависть иногда называют двигателем рекламы, но вполне закономерна и обратная связь: реклама – двигатель зависти. Производители сознательно вызывают у потенциальных клиентов желание иметь тот или иной предмет, желание жить «красивой жизнью», что при определенной комбинации личностных качеств и внешних факторов стимулирует зависть. К сожалению, не ведется статистики перехода от желания к зависти, а затем и к преступлениям из зависти, но вывод о том, что общество, сознательно манипулируя сознанием масс и подменяя один концепт другим, встало на весьма зыбкую почву, представляется нам очевидным.

Анализируя концепт «ненависть» в предыдущем параграфе работы, мы признали концепт «удовольствие» родственным ему. Можно ли считать концепт «удовольствие» родственным концепту «зависть»? Ведь в отличие от концепта «ненависть», когда удовольствие вызывает сама эмоция ненависти и связанные с ней ощущения (см. п. 2.3.1), удовольствие зависти возникает при виде несчастий и страданий объекта зависти; сама же зависть не приносит

положительных ощущений субъекту эмоции, а наоборот, заставляет переживать комплекс негативных эмоций. Афоризм Б. Спинозы гласит: «Только завистник получает удовольствие от моего страдания и моей боли». Но страх общественного мнения, общественного осуждения не позволяет признать собственное удовольствие от страданий объекта зависти. *«Завистник доволен, когда богатый обанкротился ... Если кто-то завидует успехам своего коллеги, то ему приносит удовольствие неудача последнего, хотя он в результате этого и не приобрел большую известность. Завистник получает удовольствие, если красивый человек, которому он завидует, обезображен болезнью. Он полон злорадства, если добродетельный человек, на которого он смотрел с завистью, совершает какой-нибудь нравственный промах»* (Д. фон Гильдебранд); *«Как свинья радуется грязи, и демон нашей гибели, так и этот (завистник — Я.В.) радуется несчастьям ближнего; и если с последним случится что-нибудь неприятное, тогда он успокаивается и облегченно вздыхает, считая чужие горести своими радостями, а чужие блага — собственными бедствиями»* (Иоанн Златоуст). Мы считаем, что без включения концепта «удовольствие» в структуру эмоционального концепта «зависть» концептуализация данного эмоционального состояния будет неполной и неадекватной, ибо именно в получении удовольствия от страданий другого и состоит сущность деструктивности. Поэтому полагаем необходимым рассматривать концепт «удовольствие» в качестве родственного концепту «зависть».

В заключение попытаемся выстроить прототипический когнитивный сценарий зависти.

*Имеет место ситуация, когда субъект знает об успехах другого или о наличии у другого некоего объекта, которого нет у субъекта. Субъект желает иметь то, что есть у другого, но по каким-либо причинам не может этого достичь. Субъект чувствует, что тот, у которого есть то, чего нет у него, имеет преимущество по сравнению с ним. Субъект возмущен этим. У субъекта возникают мысли и образы, изображающие и планирующие акт(ы)*

*агрессии, объектом которого является другой. Субъект испытывает радость, если то, чего у него нет, не приносит другому удовлетворения или приводит к страданию и боли. Субъект испытывает удовольствие, когда другого постигает несчастье.*

Вариантом данного сценария является когнитивный сценарий «активной» зависти, частично включающий в себя когнитивный сценарий ненависти:

*Имеет место ситуация, когда субъект знает об успехах другого или о наличии у другого некоего объекта, которого нет у субъекта. Субъект желает иметь то, что есть у другого, но по каким-либо причинам не может этого достичь. Субъект чувствует, что тот, у которого есть то, чего нет у него, имеет преимущество по сравнению с ним. Субъект возмущен этим. Он рассматривает имеющееся преимущество как несправедливое и оскорбительное. Это вызывает гнев / ярость субъекта. Для восстановления справедливости требуется какой-либо акт возмездия, сила которого равнялась бы силе ощущаемого оскорбления. У субъекта возникают мысли и образы, изображающие и планирующие акт(ы) агрессии, объектом которого является обидчик и объект зависти в одном лице. Субъект совершает акт(ы) агрессии. Субъект испытывает удовольствие, когда другого постигает несчастье.*

Таким образом, образный компонент эмоционального концепта «зависть», представленный набором концептуальных метафор, имеет значительное сходство с образным компонентом эмоционального концепта «ненависть», что объясняется наличием общей когнитивной базы для данных концептов — концепта «гнев / ярость». Когнитивные сценарии рассматриваемых эмоций также переплетены друг с другом. Следовательно, тот факт, что эмоционально-когнитивные комплексы ненависти и зависти имеют близкую концептуальную основу, отраженную в языковых средствах их концептуализации, представляется очевидным. Обратимся к рассмотрению эмоционального концепта ревности, также относимого нами к ядерным концептам концептуального пространства деструктивности.

### 2.3.3. Концептуализация ревности

Ревность занимает особое место в концептуальном пространстве деструктивности, ибо, в отличие от других деструктивных эмоций, по определению рассматривает межличностные взаимоотношения как минимум трех человек. С одной стороны, ревность психологически тесно связана с завистью, анализу концептуализации которой посвящен предыдущий параграф работы. С другой стороны, в отличие от зависти или ненависти, которые могут быть белыми или справедливыми, в современном обществе ревность представляет собой на первый взгляд исключительно деструктивное эмоциональное состояние, причем для всех индивидов, вовлеченных в этот процесс. Задачей данного раздела является определение места эмоционального концепта ревности в концептуальном пространстве деструктивности по методике моделирования эмоциональных концептов.

При анализе понятийного ядра эмоционального концепта «ревность» по толковым словарям можно проследить интересную тенденцию смещения базовых признаков концепта «ревность» в русском языковом сознании.

В словаре В.И. Даля *ревновать* — (от рвать и рвение) чего, поревновать, потщиться всеми силами, со рвением стремиться к чему. *Ревную знаний. Ревнуйте же дарований больших, Корне. Ревную небеснаго царства. // кому, чему.* Соревновать, подражать, последовать, или стремиться как бы взапуски, не уступая. *Ревнуйте нашему примеру, Ломис. Я всегда ревновал успехам его, старался сравняться с ним;* иногда в знач. я завидовал ему. *Не ревнует батрак хозяйскому добру.* Не заботится, не усердствует // *кого* приревновать, не доверять, опасаться за кого, по супружеской верности его. *Жена мужа ревнует, а муж жену. А к кому он ее ревнует? Изревновался, измучился ревнуя. Поревнуйте доброму делу. Он всех приревновал поочередно, приревновал и тебя. Разревновался до безумия. Всяк соревнует доброму примеру. Ревность* ж горячее усердие, старание, стремление к добру. *Ревность по службе; ревность к службе // Зависть, досада на больший успех другого. Его гложет ревность по*

*чужим удачам. // Слепая и страстная недоверчивость, мучительное сомнение в чьей любви или верности. Ревность превращает человека в зверя. Ревность — отравка жизни. Ревностный, самый усердный, прилежный, заботливый, предавшийся всей душою делу. Ревностный поборник правды или за правду [СДЗ].*

Однако в «Большом толковом словаре русского языка» толкование ревности выглядит уже следующим образом: **РЕВНОСТЬ**, -и; ж. 1. Мучительное сомнение в чьей-л. верности, любви. *Мучить ревностью жену. Сгорать от ревности.* 2. Боязнь чужого успеха; соперничество. *Испытывать ревность к успеху сослуживца.* 3. Устар. Усердие, рвение в работе. *Ревность к делу [БТС].*

Подобное же толкование находим в академическом 17-томном толковом словаре:

Ревность, и, ж — 1. Мучительное сомнение в чьей-либо верности и любви. — *И будь я как ангел пред тобою невинен, ты все-таки терпеть меня не будешь, пока будешь думать, что она не тебя, а меня любит. Вот это ревность, стало быть, и есть.* Дост. Идиот. *Стоит ему приветливо улыбнуться какой-нибудь барышне, как она уж дрожит от ревности, уходит к себе — и опять слезы.* Чех. Черн. монах. *Говорили, что он очень любил ее, но и мучил дьявольской ревностью, особенно после того, как, увлекшись каким-то кудрявым хохлом-поселенцем, она убежала было с ним на прииски.* Корол. Государ. ямщики. = Разг. Ревности, ей, мн. *Начались упреки, ревности, жалобы, — она требовала от меня, чтоб я ей во всем признался, говоря, что она с покорностью перенесет мою измену, потому что хочет единственно моего счастья.* Лерм. Кн. Мери.

2. Боязнь чужого успеха; соперничество. *Нужно было также примирять взаимную ревность врачей, — каждый из них был уверен, что именно ему одному принадлежит великая заслуга исцеления больного.* М. Горький, О С.А. Толстой.

3. Устар. Усердие, старание, рвение. *За службу свою принял он с ревностью необыкновенной.* Гог. Мертв. души. *Она с величайшей ревностью скупала ткацкие полотна, скатерти и салфетки для будущего приданого.* Герцен. Кто виноват? [БАСЗ].

Словари Ожегова [СО], Ушакова [СУ] и др. предлагают похожие определения ревности.

Толкование лексемы «ревность» как «боязни чужого успеха, соперничества» максимально сближает ревность с завистью. Дух соперничества, соревнования с детства прививается в современной западной культуре. Мысль о том, что человек должен все делать лучше другого и быть лучше него, постоянно внедряется в сознание людей: художественная и публицистическая литература полна примеров выдающихся случаев успеха, жизнеописания героев и их действий. Постоянное сравнение и страх оказаться хуже другого лежат в основе данного понимания ревности и позволяют употреблять данные лексемы как синонимы, например: *профессиональная ревность и зависть.*

Этимология лексемы «ревность» в русском языке представляется неясной. «Краткий этимологический словарь русского языка» указывает, что *ревнивый* — общеславянское слово, «образованное от *рвьнь* — «ревность», являющегося производным от прилагательного *рвьнь* — исполненный ревности, соответствующего лат. *rivinus* [КЭС]. Однако в словаре М. Фасмера эта версия опровергается в связи с тем, что в латинском языке форма *rivinus* не существовала. Этимологически слово происходит от праславянской формы, от которой в числе прочего произошли: русск.-церк.-слав. *рвьнь* ж. (ζῆλος; Григ. Наз.), ст.-слав. *рвьнивъ* (ζηλωτής; Супр.), сербск.-церк.-слав. *рвение* (ῥίς), *рвьновати* (ζηλοῦν), русск. *рѣвность*, *ревновать*, укр. *ревни́вий*, болг. *ревни́в*, чешск. *řevnivost* «ревность», *řevňovat* «ревновать», польск. *rzewniwy* «растроганный, взволнованный», *rzewnić* «растрогать», *-się* «растрогаться», в.-луж. *rjewnić* «стремиться, становиться на чью-либо сторону, соревноваться», *rjut* «сильный голод». Возм., связано с *реветь*, *реву́* [СФ2].

В религиозных текстах ревность трактуется как «сердечная сила души, выражающаяся в пламенном стремлении к добру и ненависти ко злу, христианская решимость к бесповоротному оставлению греха и исполнению Божьей воли» [Ревность по Богу, www]. «Ревность — это огонь, без которого не может ожить человеческое сердце. Ревность проявляется в том, что человек, услышав зов благодати, немедленно приступает к делу спасения, а не обманывает себя тем, что он сначала закончит мирские дела, а затем примется за спасение своей души» (Архимандрит Рафаил (Карелин) [Цит. по: Ревность по Богу, www]. То есть первоначально ревность означала усердие к угождению Богу, имела возвышенный духовный смысл [Там же].

*В Ветхом Завете мы находим слова о Боге-ревнителе: «Да не будет у тебя других богов... ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель...» (Исх. 30: 3—5), которые трактуются С. Иоанном Златоустом следующим образом: «Богу приписывается ревность не для того, чтобы ты представлял в Боге какую-нибудь страсть (Божество бесстрастно), но чтобы все знали, что Бог все делает не ради чего-либо другого, а ради тех, о ком ревнует... ради их спасения» [Ревность по Богу, www].*

Таким образом, в Ветхом Завете ревность понимается как любовь Бога, ревнующего за свою избранную землю, желающего ей блага и ее людям и не прощающего непослушания и грехов [Там же].

Итак, мы видим, что положительное значение усердия, рвения в работе, любви Бога сместилось на второстепенные позиции в сознании носителей русского языка и трактуется как устаревшее, в то время как значение ревности как мучительного сомнения в верности является на настоящем этапе основным и доминирующим. Данный вывод подтверждается результатами свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 100 информантов в возрасте от 17 до 75 лет, большинство из которых женского пола (72 %). Одной из задач испытуемых было дать до пяти первых возникших реакций на стимул «ревность». Было установлено, что ревность ассоциируется в первую очередь с любовью и сопряженными с ней понятиями измены, предательства, недоверия



(67 %), а также с глупостью (5 %), неуверенностью в себе (6 %), слабостью (1,5 %), собственничеством (21 %). Интересно, что только у одного респондента возникла ассоциация ревности с работой. Однако мы не можем быть уверены, что речь идет именно о ревностном отношении к работе, а не о том, что кто-то ревнует кого-то к работе. В «Русском ассоциативном словаре» зафиксировано следующие основные реакции на стимул «ревность»: любовь (18,6 %), чувство (6,9 %), злость (3,9 %), глупость (2,9 %), муж, страсть, плохо, супружеская, убийство — по 2% соответственно [РАС]. Ассоциаций ревности с работой, делом, что указывало бы на значение ревности как старания, рвения, зафиксировано не было.

П.А. Флоренский называет такое понимание ревности «житейским» и в качестве классического цитирует определение Б. Спинозы: «Любовь, полная ненависти к любимому предмету и зависти к другому, пользующемуся любовью первого» [Цит. по: Флоренский, 1990, с. 466]. Философ приводит удачный образ смешения двух жидкостей, когда они, проникая одна в другую, струятся и мутнеют, что обозначается термином “*fluctuatio*”. Так и при ревности: любовь и ненависть, смешиваясь, образуют *fluctuatio*, «струение» души, вследствие чего сознание мутнеет и делается непрозрачным. Ревность, по Спинозе, есть такое именно «струение души», происходящее одновременно от любви и ненависти, сопровождающейся идеей другого, которому душа завидует: «*Nos odium erga rem amatam invidiae junctum zelotypia vocatur, quae proinde nihil aliud est, quam animi fluctuatio orta ex Amore et Odio simul, concomitante idea alterius, cui invideret*» [Там же].

П. Тительман определяет следующие различия между завистью и ревностью: чувство зависти возникает, когда индивид не имеет того, чего он страстно хочет; чувство ревности возникает, когда из-за наличия соперника индивид боится потерять то, что имеет и что значимо для него. Г. Клентон и Л. Смит отмечают и другое отличие: завистник пытается контролировать абстрактные и материальные объекты (статус, деньги и др.), но не живые.

Ревнивец же озабочен контролем над людьми, значимыми для него [Цит. по: Ильин, 2001, с. 345].

В классическом психоанализе ревность выводится из эдипова комплекса, из тех отношений, которые складываются в раннем детстве между ребенком и родителями, а также между детьми (братьями, сестрами). При работе с пациентами З. Фрейд обнаружил у них глубинные чувства ревности, уходящие своими корнями в детство. Ребенок может испытывать такое чувство ревности в отношении одного из родителей, которое способно вызвать страх или стать разрушительным, что может оказать травмирующее воздействие на формирование его характера, предопределив тем самым возникновение невроза.

На основе аналитической работы с пациентами и исследования инфантильной сексуальности З. Фрейд выдвинул положение, согласно которому ревность служит источником ненависти как у детей, так и у взрослых. Психоаналитическое понимание эдипова комплекса приводило к признанию того, что по своему характеру глубинное чувство ревности является разрушительным, деструктивным, способствующим возникновению ненависти [ССП]. Таким образом, З. Фрейд четко обозначил принадлежность ревности к исключительно деструктивным эмоциям, а также ее связь с ненавистью.

Высказанная З. Фрейдом точка зрения вызвала возражение у части психоаналитиков. В.М. Лейбин приводит мнение выдающегося американского психиатра и психоаналитика Карен Хорни, которая полагала, что ревность при соперничестве детей или ревность одного из родителей у детей невротиков играет важную роль в дальнейшей жизни человека [ССП]. Однако она считала, что связь ревности с эдиповым комплексом не является универсальной, а ревностные чувства провоцируются определенными условиями жизни людей в той или иной культуре. В работе «Невротическая личность нашего времени» (1937) она подчеркнула, что нет никаких оснований говорить о повсеместности разрушительности и продолжительности реакций ревности, связанных с эдиповым комплексом и соперничеством детей в семье. К. Хорни различала

ревность здорового человека и невротическую ревность. Первая может быть адекватной реакцией на опасность потери чьей-то любви. Вторая — реакцией, совершенно несоразмерной опасности. Невротическая ревность обусловлена постоянным страхом утратить обладание данным человеком или его любовью. Такой тип ревности может проявляться со стороны родителей к своим детям, со стороны детей к родителям, между супругами и в любовных отношениях. Часто невротическая ревность рассматривается в качестве результата инфантильной ревности, возникшей на основе соперничества между детьми в семье или особого расположения к одному из них. Однако, как считала К. Хорни, «соперничество детей в семье в той форме (например, ревность к новорожденному) исчезает, не оставляя какого-либо шрама, как только ребенок ощущает уверенность в том, что он ничего не потерял из той любви и внимания, которые имел ранее» [Хорни, www]. «Нормальная ревность сопровождается стремлениями человека опередить соперника и одержать победу в борьбе с ним за объект любви. Патологическая ревность порождает такие бессознательные желания, которые могут вызвать к жизни мысли об устранении не только соперника, но и объекта любви. В крайних своих патологических проявлениях ревность может подтолкнуть к реальным действиям, связанным с убийством конкурента, объекта любви или того и другого» [Там же]. Этот вывод представляется важным для нашего исследования, т.к. четко отделяет патологическую, деструктивную ревность, вызывающую ненависть, от нормальной, здоровой ревности, сопровождающей чувство любви.

В психиатрических и психологических исследованиях последних лет ревность открыто называют «болезнью мозга», от которой нужно лечить на как можно более ранних стадиях. Ученые из университета г. Пизы обнаружили, какая именно часть головного мозга отвечает за патологическую ревность. Это вентромедиальная префронтальная кора — она не только отвечает за способность к обучению и мышление, но и за контроль над эмоциями, в том числе и ревностью. «Если ревность является вполне естественным чувством для

человека, мы обращаем внимание на биохимический дисбаланс в организме, который может превратить это чувство в опасную одержимость. В своих крайних формах это провоцирует страшные последствия, такие как самоубийство или убийство», — приводит “The Independent” слова автора исследования, нейропсихиатра Донателла Марацци [Ревность признали болезнью мозга, [www](http://www)].

Таким образом, очевидной представляется закономерность в категоризации деструктивных эмоций, проистекающая из амбивалентной природы эмоций в целом: наряду с соответствующим деструктивным аналогом существует праведный / справедливый гнев, Божий гнев, благородная ярость, праведная / справедливая, священная ненависть, белая зависть, здоровая ревность и т.п. То есть у каждой «биологичной» агрессивной эмоции – нормальной, здоровой реакции человека как биологического существа на определенные факторы окружающей реальности — есть свой деструктивный эквивалент, присущий только человеку, направленный на разрушение личностной целостности себе подобного и себя самого.

Возвращаясь к понятийному компоненту эмоционального концепта «ревность», отметим, что ценную информацию о взаимосвязи ревности с другими деструктивными эмоциями предоставляет упоминавшаяся нами ранее статья о зависти и соперничестве, опубликованная в «Энциклопедии религии и этики» (“Encyclopedia of Religion and Ethics”) в 1912 г. Сопоставляя зависть и ревность, У. Дэвидсон утверждает, что между данными эмоциями много общего: они обе эгоистичны и злонамеренны, обе направлены на людей, обе подразумевают ненависть к своему объекту и желание навредить ему. Но в ревности больше злобы; в отличие от зависти ревность не является чувством неполноценности в чистом виде, в основе ревности лежит мнение субъекта, что некий объект должен принадлежать ему по праву. У ревнивца имеется удвоенный источник раздражения, т.к. ревнивцу приходится иметь дело не с одним соперником, а с двумя, потому что три человека вовлечено в эмоциональную ситуацию. В ситуации ревности соперник получает

расположение того индивида, на которое, по мнению ревнивца, только он имеет право. Это означает, что ревнующий человек ненавидит не только узурпатора, но и того, кто позволил ему вторгнуться в их взаимоотношения. То же самое происходит и в случае, когда человек ревнует к популярности другого в партии или обществе: он ненавидит не только того, кто отнял у него эту популярность, но и партию или часть общества, которые попали под его влияние и позволили это сделать. Характерной чертой ревности является именно то, что она уродует природу того, кто ее испытывает, лишая возможности видеть вещи в их истинном свете и вынуждает совершать жестокие поступки [ER&E]. Изучение понятийной составляющей концепта «ревность» позволяет констатировать, что наиболее важным признаком в русском языке выступает признак «ревность-любовь», что подтверждается данными ассоциативного эксперимента и отражено как в современных словарных статьях о ревности, так и в художественных текстах.

Ценностный аспект ревности не столь очевиден, как может показаться на первый взгляд, и проистекает из амбивалентной природы этой эмоции. В русских пословицах ревности актуализируется признак супружеской верности и ревности. С одной стороны, в пословичном фонде фиксируется глубоко негативная оценка ревности: *Ревность превращает человека в зверя; Супружеская ревность — отравы жизни; Ревность, как ржа, губит сердце.* В русских пословицах актуализируются признаки «недоверие», «неуверенность в верности партнера»: *В чужую жену черт ложку меда кладет; Чужая жена — лебедушка, своя — полынь горькая; Не верь ветру в поле, а жене в воле; Воля и хорошую жену портит; Не для себя старик на молодой женится; Молодая жена — чужая корысть;* беспричинный характер ревности: *Ревнует к каждому телеграфному столбу; Ревнует к каждому встречному и поперечному.* С другой стороны, встречаются немногочисленные пословицы, оправдывающие ревность и оценивающие ее скорее положительно, нежели отрицательно: *Кто любит, тот ревнует; Без ревности нет любви; Ревнует, — значит, любит.*

В большинстве афористических высказываний четко прослеживается отрицательная моральная оценка ревности:

ревность оказывает пагубное воздействие на любовь: *Ревность наносит смертельный удар самой прочной и самой сильной любви (Овидий); Ревность потрясает и отравляет все то, что есть красивого и хорошего в любви (Дж. Бруно); Любовь ревнивца более походит на ненависть (Мольер); Ревность всегда рождается вместе с любовью, но не всегда вместе с нею умирает (Ф. Ларошфуко); Ревновать — значит любить так, будто ты ненавидишь (Э. Эррио); Считать ревность необходимою принадлежностью любви — непростительное заблуждение (В.Г. Белинский);*

ревность связана с другими отрицательными эмоциями: *Царят на свете три особы, Зовут их: Зависть, Ревность, Злоба (С. Брант); Мрачная ревность неверною поступью следует за руководящим ею подозрением; перед нею, с кинжалом в руке, идут ненависть и гнев, разливая свой яд. За ними следует раскаяние (Вольтер); Я всегда ненавидел ревность; она слишком похожа на зависть (Н. Огарев);*

ревность искажает восприятие действительности: *Ревнивцы вечно смотрят в подзорную трубу, которая вещи малые превращает в большие, карликов — в гигантов, догадки — в истину (Сервантес);*

нормальный разумный человек не должен испытывать ревность: *Ревность — это страсть убогого, скарёдного животного, боящегося потери; это чувство, недостойное человека, плод наших гнилых нравов и права собственности, распространенного на чувствующее, мыслящее, хотящее, свободное существо (Дидро); Ревность — всего только глупое дитя гордости или же болезнь безумца (Бомарше);*

ревность — это свойство эгоистичной природы: *В ревности больше себялюбия, чем любви (Ф. Ларошфуко); Ревность у мужчины складывается из эгоизма, доведенного до чертиков, из самолюбия, захваченного врасплох, и раздраженного ложного тщеславия (О. Бальзак); Ревность... Эта страсть свойственна или людям по самой натуре эгоистичным, или людям неразвитым*

*нравственно. Считать ревность необходимою принадлежностью любви — непростительное заблуждение (В.Г. Белинский); В ревности — одна доля любви и девяносто девять долей самолюбия (Ф. Ларошфуко);*

*ревность опасна как для самого субъекта, так и для окружающих: Бурная ревность совершает больше преступлений, чем корысть и честолюбие (Вольтер); Ревность — чудовище, само себя и зачинающее, и рождающее (У. Шекспир); Ревность есть забота о том, чтобы одному наслаждаться достигнутым и удержать его (Б. Спиноза); Ревность — это искусство причинить себе еще больше зла, чем другим (А. Дюма-сын); Терзания ревности — самые мучительные из человеческих терзаний и к тому же менее всего внушающие сочувствие тому, кто их причиняет (Ф. Ларошфуко).*

*В некоторых афоризмах высказывается положительная или амбивалентная оценка ревности: Ревность — признак любви (А. Дюма-отец); Можно влюбиться из одной только ревности (С. Лем); Женщина редко прощает мужчине ревность и никогда не прощает отсутствия ревности (С. Колетт); Отсутствие ревности означает расчетливую любовь (А. Сталь); Нам приятна ревность лишь тех, кого мы сами могли бы ревновать (Стендаль); Не ревнует тот, у кого нет хоть бы капли надежды (И. Тургенев).*

Однако отрицательная оценка ревности превалирует, что позволяет рассматривать ревность в целом как антиценность. Особо отметим тот факт, что ревность концептуально тесно связана с завистью и ненавистью. Классическим литературным примером того и другого является трагедия У. Шекспира «Отелло», когда убийство из ревности провоцируется завистью и ненавистью Яго к главному герою. В художественных текстах ревность, злоба, зависть и ненависть также часто упоминаются вместе, обозначая смежные явления эмоциональной жизни человека.

*Кроме мотивировки задуманного злодеяния, которая преподносилась как ревность и зависть чуждому счастью, Федор приводил и некоторые косвенные улики, вычитанные им в юности в книге «Классический английский детектив». (В. Тучков. Смерть приходит по Интернету. НКРЯ.)*

*И хотя его характер вроде бы остался прежним, но тем не менее вокруг него образовался некий толстый слой из «допущенных к телу», сквозь который нельзя было пробиться и внутри которого главными чувствами были **ревность**, **подозрительность** и даже **ненависть**. (Б. Немцов. Провинциал в Москве. НКРЯ.)*

*Неуправляемый вирус доброты атрофирует волю им зараженного — нормальный с виду человек неминуемо и незаметно для себя (для близких тоже) превращается в инвалида, и вместо того, чтобы перебираться через естественные препятствия, которые ставит людская **злоба**, **ревность**, **зависть** (каждый побывал их строителем, кто нет, киньте в меня камень), и наращивать благодаря этому тренингу не стероидные, а крепкие, хорошо действующие мускулы, — человек робеет, отступает и скатывается на обочину, а ум услужливо подсовывает философию клошара, пораженческую, ведь победное место Диогена (в бочке, если кто не помнит) при повторе, тиражировании, как всякое искусство, становится лишь пародией. (О. Новикова. Мне страшно, или Третий роман.)*

*Ему стало обидно, что Мечик может подумать, будто **злоба** его **вызвана ревностью**, но он сам не признавал ее истинных причин и выругался длинно и скверно. (А. Фадеев. Разгром. НКРЯ.)*

В пользу высокой значимости ревности в концептуальном пространстве деструктивности свидетельствует также ряд концептуальных метафор ревности, составляющих основу образного компонента рассматриваемого концепта. Для анализа образного компонента данного эмоционального концепта из национального корпуса русского языка, художественных и публицистических текстов методом сплошной выборки было отобрано 500 примеров метафорического описания ревности. В результате проведенного анализа были выделены концептуальные метафоры ревности, на рассмотрении которых мы остановимся подробнее.

В западной культуре широко распространена концептуальная метафора **СТРАСТИ ЕСТЬ ЗВЕРИ ВНУТРИ ЛЮДЕЙ**, и метафора ревности как живого



существа, обитающего внутри человека, так же, как в случае зависти, рассматривается нами как ее частный случай. Ревность зарождается, растет, ее обязательно нужно питать, но, когда она вырастает, она сжирает человека изнутри.

*Я понял, с какой постепенностью в нем зарождается ревность, как незаметно ослабевают его уверенность в идеале, как растет и крепнет сознание присутствия в милой коварства, разврата, змеиной хитрости, гада в ангельском облике. (К.С. Станиславский. Работа актера над собой.)*

*При этом он раздражался негодованием против всех прохожих, как если бы все они были ворами и грабителями, а их коллективное бесформенное лицо ускользало от его воображения, не давая реальной пищи для ревности. (Ф. Светов. Мое открытие музея. НКРЯ.)*

*Но сейчас он был влюблен без ума и **пожирал ревностью**: Анна имела весьма хорошие отношения с его приятелями и, будучи разумной, не позволяла Курту монополизировать себя. (С. Тарасов. Морские разведчики. НКРЯ.)*

Рассмотрение ревности как отрицательной эмоции, приводящей к нежелательным физиологическим реакциям и к негативным последствиям для окружающих, формирует основание для концептуальной метафоры РЕВНОСТЬ ЕСТЬ ПРОТИВНИК В БОРЬБЕ: ревность может закрасться в душу, охватить, обуять, душить, с ревностью можно бороться, ее можно побороть, подавить, победить, преодолеть, но бывает, что ревность побеждает и начинает двигать человеком и его поступками.

*Его охватила даже не ревность, что было бы естественно, у него случилось удивленное непонимание — зачем? (Г. Щербакова. Армия любовников. НКРЯ.)*

*Его душили обида, ревность, злость, не хватало еще разреветься при этих истуканах! (Д. Рубина. Терновник. НКРЯ.)*

*Пьяный кузбассовец ждал жену с работы. Девушка позвонила и сказала, что задержится. Молодой человек не поверил, и его обуяла ревность. Он решил наказать супругу: отрубил голову ее двухмесячной собаке*

(<http://sibdepo.ru/news/107823-zhitel-polysaeva-iz-za-revnosti-otrubil-shchenku-golovu.html> (дата обращения — 25.10.2013)).

Подобно противнику в борьбе, ревность может «издеваться» над человеком: терзать, мучить, колоть. То же самое с человеком делает и болезнь, поэтому мы рассматриваем метафору РЕВНОСТЬ ЕСТЬ БОЛЕЗНЬ как частный случай предыдущей концептуальной метафоры. Ревность, подобно болезни, причиняет человеку невыносимые физические и душевные страдания, симптомы ревности описываются как симптомы заболевания, человек испытывает приступы / припадки ревности, ревностью можно заболеть, от нее страдают. Данная концептуальная метафора оказалась самой частотной в нашей выборке: примеры с ней составили 41 % от общего числа примеров метафорического представления ревности.

*Помимо понятной мужской ревности, ревность артистическая мучает нашего героя потому, что все в один голос утверждают вокруг, что Кучуков — гений. (Э. Лимонов. Молодой негодяй. НКРЯ.)*

*Нет сомнения, что в следующем приступе ревности он выкинул бы фортель и позанозистей, если бы не вклинилось одно происшествие, в корне изменившее расстановку сил. (Л. Леонов. Русский лес. НКРЯ.)*

*Я был очень сдержан в эти дни, но «черная болезнь» — нелепая ревность к прошедшему, — признаюсь, нередко охватывала меня. (А. Куприн. Колесо времени. НКРЯ.)*

*Казалось бы, пустяк, а я целую неделю страдал от ревности и унижения. (С. Довлатов. Филиал (Записки ведущего). НКРЯ.)*

Согласно культурной модели физиологических симптомов ревности, важным симптомом ревности является волнение / возбуждение, которое, в свою очередь, является частью культурной модели безумия. Частичное совпадение данных культурных моделей дает основание для концептуальной метафоры РЕВНОСТЬ ЕСТЬ БЕЗУМИЕ и соответствующей метонимии ПОВЕДЕНИЕ РЕВНИВЦА ЕСТЬ ПОВЕДЕНИЕ БЕЗУМНОГО ЧЕЛОВЕКА.

За рулем сидел Ипполит, **обезумевший от ревности**. (Э. Рязанов, Э. Брагинский. *Ирония судьбы, или С легким паром*. НКРЯ.)

— Простите меня, простите, простите, я безумный, отвратительный сумасшедший, я знаю, я ничего не могу с собой сделать, я люблю вас, люблю, когда вас кто-нибудь берет под руку, я теряю сознание, я **схожу с ума от ревности**, когда на вас смотрят... (Т. Окуневская. *Татьянин день*. НКРЯ.)

— А?! — орал **беснующийся от ревности я**. — Тебе будет не хватать его? (О. Глазов. *Любовь стратегического назначения*. НКРЯ.)

Помните господина Свана в дни, часы, минуты — месяцы его **полного безумия**, когда **ревность ослепляла его** и в то же время делала особенно зрячим, а потому заставляла снова и снова перебирать, рассматривать каждый взгляд, собственные подозрения, тень за окном, оговорки, противоречия, невнятицу, неожиданную улыбку... (Ф. Светов. *Мое открытие музея*. НКРЯ.)

Так же как и зависть, ревность может быть концептуализирована как стихия:

Он совершенно не ожидал, что эта тема всплывет в их разговоре, но теперь, когда она все же всплыла, его **захлестнула ревность**. (А. Геласимов. *Дом на Озерной*. НКРЯ.)

**Ревность**, болезненная, ядовитая, <...> **обволакивала** меня своим эфиром со всех сторон. (А. Андреев. *Игра в игру*. <http://books.google.ru/books?isbn=5457092232> (дата обращения — 14.06.2012)).

Метафора РЕВНОСТЬ ЕСТЬ НОША также представлена в русском языковом сознании:

Вся страшная ненависть, которую столько дней и вовсе не к этому офицеру питал он, вся **тяжесть** его муки, **ревности** и злобы мгновенно вылились в порыве зверского, безумного бешенства. (М. Арцыбашев. *У последней черты*. НКРЯ.)

Она говорила, что принимает ухаживания Богомолова только ради отца, ради того, чтобы не обижать его резким отношением к Богомолову, и я

всячески крепился, делал вид, что верю ей, даже заставлял себя бывать на этих репетициях, стараясь скрывать таким образом свою **тяжкую ревность** и все те другие мучения, которые я испытывал на них: я не знал, куда глаза девать и от стыда за нее, за ее жалкие попытки «играть». (И. Бунин. Жизнь Арсеньева. Юность. НКРЯ.)

Вышеприведенный список концептуальных метафор ревности будет неполным без упоминания о таких концептуальных метафорах, как РЕВНОСТЬ ЕСТЬ ЖАР и РЕВНОСТЬ ЕСТЬ (ГОРЯЧАЯ) СУБСТАНЦИЯ В КОНТЕЙНЕРЕ. Это варианты распространенной в западной культуре общей концептуальной метафоры контейнера: тело человека есть контейнер для эмоций. Ревность может наполнять и переполнять душу человека, жечь его, ревность можно разжечь подобно костру.

Их отношения затянутся на годы, **наполненные** ложью, страхом, **ревностью**, замкнутые в мучительно-безвыходный круг, порвать который он уже не сумеет. (Д. Гранин. Искатели. НКРЯ.)

Вот тут я с вами не соглашусь, были чувства и достаточно глубокие, вот именно поэтому и **ревность была через край**, что его место в сердце Сулеймана заняла Хюррем, отсюда и такая ненависть и желание напакостить ей всякими способами... (<http://ekranka.tv/video/velikolepnyi-vek?page=2102> (дата обращения — 25.01.2013).)

Серго постоянно вызывал это видение, развивая его в разных интересных направлениях и **разжигая** в себе **огонь ревности** такой мощности, что вся грохочущая вокруг война, превратившаяся уже в обыденность, тонула в этом огне, как сухая травинка. (Л. Улицкая. Чужие дети. НКРЯ.)

В тёмной глубине его сердца все ярче **разгорался злой огонь ревности**, раздуваемый самолюбием человека, претерпевшего много унижений и обид. (М. Горький. Большая любовь. НКРЯ)

Итак, в результате проведенного исследования были выделены следующие основные концептуальные метафоры ревности: РЕВНОСТЬ ЕСТЬ ЖИВОЕ СУЩЕСТВО ВНУТРИ ЧЕЛОВЕКА, РЕВНОСТЬ ЕСТЬ ПРОТИВНИК

В БОРЬБЕ, РЕВНОСТЬ ЕСТЬ БОЛЕЗНЬ, РЕВНОСТЬ ЕСТЬ БЕЗУМИЕ, РЕВНОСТЬ ЕСТЬ ЖАР, РЕВНОСТЬ ЕСТЬ (ГОРЯЧАЯ) СУБСТАНЦИЯ В КОНТЕЙНЕРЕ.

Обратимся к анализу родственных концептов ревности. Мы полагаем, что ими являются концепты «доверие» и «желание». Сомнения в верности и любви основываются, прежде всего, на доверии / недоверии партнеров друг другу. «Доверие», в свою очередь, представляет собой сложное когнитивное образование, коррелирующее с концептами «вера», «искренность» и входящее в когнитивное пространство достоверности [Панченко, 2010, с. 99–110]. В межличностной коммуникации доверию отводится чрезвычайно важная роль: оно «программирует действия, определенное поведение человека. В основе многих поступков человека лежит сознательная необходимость доверия другим людям, потребность верить» [Там же, с. 107]. Доверие рассматривается как самостоятельная, относительно независимая форма веры, имеющая социально-психологическую природу, как исходное условие позитивности межличностных отношений и как исходное условие подлинного общения [Скрипкина, 1998]. (Не)доверие к партнеру, являющееся психологической основой ревности, представляет собой феномен сложного порядка, основывающейся на эмоциональном и/или рациональном уровне восприятия: 1) личности говорящего, его харизматичности, обуславливающей интуитивную веру / доверие к носителю информации; 2) поведения говорящего, квалифицируемого как правдивое, искреннее в здесь-и-сейчас ситуации общения или на основании предыдущего опыта; 3) содержания высказывания, оцениваемого как соответствующее реальному положению дел [Панченко, 2010, с. 107].

Ревность предполагает обязательное наличие у ревнующего желания безраздельно властвовать над объектом своей ревности, поэтому мы также рассматриваем концепт желания в качестве родственного. Предвосхищая вопрос о включении концепта «любовь» в структуру концепта «ревность», отметим, что любовь к объекту ревности не всегда является обязательным

условием протекания данной эмоции. Основу составляют желание безраздельно владеть объектом и недоверие к нему.

На основе всего вышеизложенного выстроим прототипический сценарий ревности.

*Имеет место ситуация, когда субъект полагает, что некий объект должен принадлежать ему по праву. Субъект требует от объекта исключительной верности одному лишь себе и истинно или ложно сомневается в ней. Субъект рассчитывает на исключительное обладание расположением объекта и считает, что объект незаслуженно лишает (собирается лишить) его этого расположения в пользу другого. Субъект возмущен этим. У субъекта возникают мысли и образы, изображающие и планирующие акт(ы) агрессии, объектом которого(ых) является другой. Но объект также включается в сферу агрессивных намерений субъекта, так как он позволил другому вторгнуться в их взаимоотношения. (Субъект совершает агрессивные действия в отношении другого и, возможно, объекта.) Субъект раскаивается / не раскаивается в совершенных действиях.*

На наш взгляд, данный сценарий покрывает все виды деструктивной ревности, включая ситуации, когда субъект ревнует другого, например, к популярности на работе, т.е. когда объект ревности не является живым существом. Подобные ситуации вообще могут быть категоризированы как ситуации зависти, ибо, как уже упоминалось выше, ревность в значении «соперничество» наиболее приближена в своей сути к концепту зависти.

Подведем итоги рассмотрения концептуализации эмоций, входящих в ядро концептуального пространства деструктивности. В первую очередь бросается в глаза тот факт, что набор основных концептуальных метафор гнева, ненависти, зависти и ревности практически идентичен. Нами было вычислено процентное соотношение примеров по шести основным концептуальным метафорам (процент имеющихся примеров должен был быть больше 1): КОНТЕЙНЕР + ЖАР, ПРОТИВНИК В БОРЬБЕ, ЖИВОЕ СУЩЕСТВО ВНУТРИ ЧЕЛОВЕКА, БЕЗУМИЕ, НОША /БРЕМЯ, БОЛЕЗНЬ (табл. 1).

Таблица 1

	<b>Жар+</b> <b>Контейнер</b>	<b>Противник</b> <b>в борьбе</b>	<b>Живое</b> <b>существо</b>	<b>Безумие</b>	<b>Ноша /</b> <b>бремя</b>	<b>Болезнь</b>
Гнев / ярость	32 %	6 %	26,4 %	8 %	2,7 %	–
Ненависть	49,6 %	8 %	30,4 %	3,2 %	1 %	1,6 %
Зависть	37,6 %	9 %	12 %	2,4 %	1,6 %	26,8 %
Ревность	14,6 %	6,9 %	3,5 %	27 %	1,2 %	41 %

«Внутри» исследуемых концептов наблюдаются существенные различия в количественном соотношении примеров, что может свидетельствовать о различной значимости того или иного образа эмоции в конкретной лингвокультуре. Интересно, например, что ревность концептуализировалась в языке как болезнь и безумие (душевная болезнь) задолго до того, как медики и физиологи официально признали ее «болезнью мозга». Однако, на наш взгляд, именно сходства в концептуализации данных эмоций представляют значительный интерес. Это позволяет сделать по крайней мере два вывода: во-первых, язык не в состоянии отразить все тонкости физиологических ощущений рассмотренных нами эмоций; во-вторых, все эмоции, входящие в ядро концептуального пространства деструктивности, имеют общую концептуальную основу. Они характеризуются, прежде всего, кластерностью, и их концептуализация материализует представления человека об агрессии как о некой спонтанной силе, плохо поддающейся сознательному контролю. Мы также полагаем, что данные представления не просто являются отраженными представлениями об эмоциях в языке, они с детства *внедряются* языком в обыденное сознание. Так, например, внедренная в наше сознание идея о невозможности сознательного контроля над эмоциями служит оправданием многим деструктивным действиям, включая действия, относящиеся к разряду преступлений. Охотно соглашаясь с тем, что выброс адреналина делает маловероятной возможность контроля, например, над яростью, мы все же

осмелимся утверждать, что многие деструктивные действия удалось бы предотвратить, если бы в основе концептуализации деструктивных эмоций лежало представление о них как о силе, *управляемой* волей человека.

Как нам представляется, проанализированные нами концептуальные метафоры деструктивных эмоций отражают в основном концептуализацию эмоций как физиологических процессов. Эмоции – явление невербального мира, и поэтому рассмотрение их концептуализации будет неполным без обращения к анализу их невербальных проявлений, т.е. к невербальной концептуализации эмоций.

#### **2.4. Невербальная концептуализация деструктивных эмоций**

Предыдущие разделы работы были посвящены тому, как деструктивные эмоциональные состояния гнева / ярости, ненависти, зависти и ревности концептуализируются в языковом сознании языковыми средствами. Вместе с тем, полученные результаты показывают, что в языковой картине мира данных эмоций представлено в основном отражение невербальных процессов: физиологических процессов, сопровождающих переживание эмоции (повышение температуры, кровяного давления, нарушение точности восприятия и др.), и сопряженных с ними физических проявлений эмоции (нарастание физической активности, выражение лица, жестика и пр.). Вербальная концептуализация деструктивных эмоций представляет собой в первую очередь их знаковую соматическую фиксацию, которая связана как с лицом, так с другими частями тела человека. Кодирование экспрессии есть невербальная концептуализация переживаемых чувств и эмоций в рамках определенных правил, характерных для ситуации общения. Оно включает в себя усиление с помощью определенного кода выражения испытываемой эмоции, выражение эмоции в соответствии с нормами поведения в данном социуме (даже если при этом субъект не испытывает соответствующих эмоций), а также при необходимости маскировку одной эмоции другой с помощью экспрессивного кода [Лабунская, 2009, с. 53]. Г.Е. Крейдлин в своей



работе «Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык» детально рассматривает правила и нормы невербального взаимодействия, невербального выражения эмоций, описывает содержание и значение различных невербальных кодов [Крейдлин, 2004].

#### 2.4.1. Мимика

Границы невербальной коммуникации трактуются лингвистами неоднозначно с самого зарождения паралингвистики — дисциплины, в сферу интересов которой и входят невербальные средства, сопровождающие речь (см. работы Э. Сепира, Д. Кристэла, Р. Бердвистелла, А. Мейрабиана, Дж. Трейджера, Р. Питтенджера, Х. Смита, Д. Лэтерса, Г.И. Колшанского, М.В. Давыдова, Т.М. Николаевой, Р. Якобсона и др.), однако в настоящее время наиболее распространенным является следующий подход. Под паралингвистикой понимается «наука, которая составляет отдельный раздел невербальной семиотики и предметом изучения которой является параязык — дополнительные к речевому звуковые коды, включенные в процесс речевой коммуникации и могущие передавать в этом процессе смысловую информацию» [Крейдлин, 2004, с. 27]. Изучением же «языка тела» занимается кинесика, которая, наряду с паралингвистикой, является центральной частью невербальной семиотики. Ее объектом выступают, прежде всего, жесты рук, а также мимические жесты, жесты головы и ног, позы и знаковые телодвижения [Там же, с. 43]. Мы разделяем мнение Г.Е. Крейдлина о том, что невербальная концептуализация эмоций связана в большей степени с лицом, ибо лицо является местом симптоматического выражения чувств, внутреннего состояния человека и межличностных отношений [Крейдлин, 2004, с. 165]. Из трех основных функций лица (эмотивная, коммуникативная (передача адресату определенной информации и отражение межличностных отношений), регулятивная (контактоустанавливающая и контактоподдерживающая)) главной выступает эмотивная, т.е. функция выражения эмоций [Там же]. Именно мимика была первой областью невербальной коммуникации, которая

подверглась систематическому изучению. К.С. Станиславский писал, что взгляд есть «прямое, непосредственное общение в чистом виде, из души — в душу, из глаз — в глаза, или из кончиков пальцев, из тела без видимых для зрения физических действий» [Станиславский, 1985, с. 307]. Если говорить об основных вехах в становлении знания о человеческой мимике, то в первую очередь необходимо отметить работу Ч. Дарвина «Выражение эмоций у человека и животных» (1872), в которой ученый впервые высказал мысль о том, что в основе мимических движений лежат так называемые полезные действия. Например, оскаливание зубов в гневе есть остаточная реакция от их использования в драке и т.п. По Ч. Дарвину, в основе мимических движений лежат врожденные механизмы, и существует связь между определенным выражением лица и конкретной эмоцией [Дарвин, 1977]. Гипотеза Ч. Дарвина дала толчок многочисленным исследованиям, авторы которых пытались доказать или опровергнуть тезис об универсальности лицевого выражения некоторых эмоций. Среди таких работ следует особо отметить исследование, проведенное психоаналитиком Ж. Фруа-Виттманом в конце 20-х годов прошлого века и опубликованное в 1930 г. Ученый установил, что испытуемые зачастую не могли разграничить на лице такие эмоции, как гнев и ненависть, разочарование и печаль, отвращение и презрение, ужас и страх [Frois-Wittmann, 1930, p. 113—151]. Фотографии мимического выражения эмоций Ж. Фруа-Виттманна, а также результаты его экспериментов впоследствии использовались во многих работах по данной проблеме [Aspects ... , 1985] и подтвердили гипотезу ученого, что лицо человека выражает не столько отдельные эмоции, сколько эмоциональные кластеры, которые без труда идентифицируются партнерами по общению.

После многократных попыток создать методики, регистрирующие выражение живого человеческого лица (см. труды Г. Шлосберга, А. Мехрайбиана, К. Изарда и др.), группа ученых под руководством П. Экмана разработала метод объективного описания — кодирования мимических выражений под названием FAST (Facial Affect Scoring Technique). FAST

представляет собой весьма эффективную систему распознавания сложных эмоциональных состояний, а не только наличия в ней компонентов выражения шести эмоций, называемых П. Экманом «базовыми» (счастье, удивление, гнев, печаль, страх, отвращение) [Ekman et al., 1971]. Несколько позже той же группой ученых была разработана более детальная система распознавания эмоций на лице, включающая динамические характеристики — FACS (Facial Action Coding System) [Ekman, Friesen, 1978]. Система основана на детальном знании анатомии лица и никак не связана с вербальными характеристиками мимических выражений и, соответственно, оценочными признаками. FACS приобрела большую популярность в различного рода психологических и этологических исследованиях и активно используется до сих пор.

Стоит отметить, что кроме методики П. Экмана существует немало методик диагностики эмоций по лицевой экспрессии – CARAT [Buck et al., 1972]; PONS (Profile of non-verbal sensitivity — «профиль невербальной чувствительности») [Rosenthal et al., 1979]; FMST (The Facial Meaning Sensitivity Test) [Leathers, 1986 и др. — но ни одна из них не приобрела столь широкой популярности как методика П. Экмана и его группы, отличающаяся высокой степенью объективности.

Важнейшим выводом П. Экмана был именно вывод о выделении шести основных, т.е. универсальных, эмоций, мимическое выражение которых поддерживается врожденной нейропрограммой. Все остальные эмоции П. Экман относит к вторичным (secondary), полагая, что они представляют собой сочетание основных. Деление эмоций на базовые / базисные / первичные и вторичные относится к весьма спорному вопросу классификации эмоций, на котором мы не будем останавливаться. В рамках дифференциальной теории эмоций можно назвать различные варианты деления эмоций на первичные / базовые и вторичные (кроме вышеупомянутых, см. работы К. Изарда, Р. Плутчика (R. Plutchik), В.К. Вилюнаса, Л.В. Куликова и др.), но все они признают наличие определенного количества универсальных лицевых выражений, свойственных базовым эмоциям.

Данная точка зрения противоречит позиции, названной Г.Е. Крейдлиным «радикальным минимализмом» [Крейдлин, 2004, с. 173], основные положения которой были высказаны в 1937 г. американским психологом О. Кляйнбергом. О. Клейнберг полагал, что выражение эмоций на самом деле представляет собой язык, детерминированный культурой, и чтобы понять человека или группу, нужно выучить этот язык. Свое мнение он обосновывал тем, что причины, вызывающие эмоции, различны в различных культурах: то, что вызывает стыд в одной части света, может быть объектом гордости в другой. Физическое выражение эмоций также подвержено значительным культурным различиям. Китаец, например, никогда не позволит себе продемонстрировать свои чувства, в то время как негр выразит их свободно. Проф. Кляйнберг пришел к заключению, что, хотя выражение эмоций у других народов сильно отличается от нашего, эти различия имеют не физиологическую, а культурную основу — “although these expressions of emotions are vastly different from ours, the differences seem fairly definitely to be cultural rather than physiological” [Klineberg, 1938]. В дальнейшем им был сделан вывод о культурной относительности мимического выражения эмоций: в каждой культуре существует определенный набор мимических компонентов, служащих для выражения той или иной эмоции, и сходство (если такое и наблюдается) может быть только случайным.

Вслед за О. Кляйнбергом Р. Бердвистелл рассматривал телодвижения и мимику (все это получило название «кинесика») как особый язык, имеющий единицы и структурную организацию, подобно разговорному языку. Полагая, что в языках мира нет и не может быть ни универсальных слов, ни универсальных звуковых комплексов, он приходит к заключению: “There are no universal gestures. As far as we know, there is no single facial expression, stance or body position which conveys the same meaning in all societies” — «Универсальных жестов не существует. Насколько нам известно, не существует ни одного выражения лица, позы или положения тела, которые имели одно и то же значение во всех обществах» (Перевод наш — Я.В.) [Birdwhistell, 1973, с. 34]. По меткому замечанию Г.Е. Крейдлина, «истина лежит где-то посередине»

[Крейдли, 2004, с. 173], чему в работах ученого представлено немало доказательств.

Итак, несмотря на то, что единая биологическая природа, по меньшей мере, базовых человеческих эмоций на сегодняшний день не вызывает сомнений (существование панкультурных выражений эмоций на лице доказывается рядом исследований [Darwin ... , 1973]), их вербальная и невербальная концептуализации существенно отличаются в разных культурах. Так, изучению различий в словах, обозначающих эмоциональные состояния в различных культурах, посвящен масштабный проект GRID швейцарского центра аффективных исследований (The Swiss Center of the Affective Sciences), наше участие в котором заключалось в экспериментальном определении семантических типов гнева в русском языке. Мысль о том, что, несмотря на то, что “anger-like words” имеются во всех языках мира, и русский «гнев» не равен английскому “anger” или испанскому “rabia” или “ira”, впервые прозвучала в трудах А. Вежбицкой [Wierzbicka, 1999, p. 276]. Даже Chewong — язык, в котором существует меньше всего терминов эмоций, — имеет слово, обозначающее гнев — *chan* [Цит. по: Soriano et al., 2013, p. 339]. Блестящий пример культурных различий в вербальной концептуализации гнева представляет собой язык таити, в котором различаются 46 лексических обозначений гнева, или язык шушвап, в котором более 30 слов для этой эмоции [Ibid., p. 340]. Традиционно в психологической и лингвистической литературе гнев описывается как сильная враждебная эмоция, вызываемая ощущением физического или психологического препятствия тому, что хочет сделать индивид. Это справедливо в отношении некой протипической эмоции гнева, концептуализация которой была проанализирована нами в параграфе 2.2 настоящего исследования.

Однако вернемся к невербальной концептуализации деструктивных эмоций. Как было установлено в предыдущем параграфе работы, эмоции группы гнева являются базовой составляющей для всех них. Но это не означает, что их невербальная концептуализация сводима к невербальной

концептуализации гнева. Для изучения невербальной концептуализации эмоций особую важность имеет тезис о физиологической дискретности мимики, т.к. она соответствует языковой дискретности: «Симптом как таковой не является чем-то цельным, он как бы складывается из отдельных частей, и языковые описания симптомов тоже являются соединением его отдельных характеристик, описывающих симптом с разных сторон» [Крейдли, 2004, с. 166—167]. Проиллюстрируем этот тезис на примере эмоции ненависти. Стандартный «мимический код» гнева / ярости — первичного аффекта ненависти — представлен, по В.А. Лабунской, следующими компонентами (табл. 2) [Лабунская, 2009, с. 323—324]:

Таблица 2

Гнев	Ярость
Брови опущены и сведены	Брови тесно сжаты
Кожа лба стянута	Горизонтальные складки на переносице
Между бровями вертикальные складки	Нос раздут
На переносице или прямо под ней небольшое утолщение	Зубы стиснуты
Верхние веки напряжены и приподняты, нижние веки напряжены	Рот оскален
Глаза раскрыты или прищурены	Уголки губ резко и напряженно оттянуты вниз
Губы: либо крепко сжаты, уголки губ прямые или опущенные; либо раскрыты и напряжены, как при крике	Шея судорожно стянута
Ноздри могут быть расширены	
Лицо динамичное	

Очевидно, что в художественном тексте описать все вышеперечисленные мимические компоненты практически невозможно, да и не нужно. Даже относительно подробное описание мимики гнева / ярости / ненависти встречается очень редко:

*Иван Ильич опять покосился. Обритая круглая юношеская голова вольноопределяющегося отсвечивала при огне. Зубы были оскалены, зрачки больших глаз метались, маленький нос весь собрался морщинами. Должно быть, он совсем потерял голову... Резким движением вскочил. Левая рука его*

*безжизненно висела в разорванном, окровавленном рукаве. Между зубами раздался тихий свист, он даже шею вытянул... Чертогонов попятился, — так было страшно это живое видение ненависти... (А.Н. Толстой. Хождение по мукам.)*

В большинстве случаев автор предлагает читателю дешифровать свернутое описание эмоциональной кинемы лица («кинема» — термин Р. Бердвистелла, обозначающий отдельное телодвижение, имеющее определенное социально-культурное значение в данной системе кинетических средств [Birdwhistell, 1965], полагаясь на его знание мимических стереотипов описываемых эмоций. Под мимическими стереотипами понимаются определенные мимические компоненты эмоций, которые чаще всего отражаются на лице [Покровская, 1998, с. 41]. Как отмечается в работах многих исследователей [Галичев, 1987; Железанова, 1982; Накашидзе, 1981; Чанышева, 1979 и др.], описания мимического выражения эмоции представляют собой «свернутую» информацию, в сжатой форме отражающую представления о мимических стереотипах определенной эмоции в определенной лингвокультуре. Известно, что «любой паралингвизм в большинстве случаев содержит в себе гораздо больше информации, чем это фиксируется как при его номинации языковой единицей, так и при его лексическом описании» [Железанова, 1982, с. 59]. Например, «гневный» взгляд воспринимается собеседником именно как гневный только, когда имеются другие мимические компоненты гнева: нахмуренные брови, сжатые губы и др. По экспериментальным данным, собеседник просто не в состоянии определить только по вербальным ключам, есть ли угроза в словах говорящего, если при этом отсутствует соответствующая мимика [Buck, 1997, p. 102]. Однако в художественных текстах невербальное проявление эмоции обозначается описанием какого-либо одного компонента (наиболее выразительного и значимого с точки зрения автора), которому и приписывается значение всей системы невербальных средств, выражающих данную эмоцию. При этом само видение кинетических компонентов в художественном тексте носит

эстетический характер и «является стилизованным представлением той мимики, которая в живой разговорной речи не представляется эстетически значимой» [Накашидзе, 1981, с. 10]. К последней цитате хотелось бы добавить «и культурно значимой», ведь именно в мимических стереотипах отражается национально-культурная специфика невербальной концептуализации эмоций; они, несомненно, отличаются от физиологических стереотипов эмоций, которые, исходя из данных исследовательской группы П. Экмана, едины для всего человечества.

Мимические стереотипы эмоций отражают правила проявления эмоций в данной культуре, и именно они чаще всего описываются в художественных текстах. Так, например, в исследовании выражения эмоций в китайской литературе уже упомянутый нами канадский психолог О. Кляйнберг описал следующий мимический стереотип гнева, разительно отличающийся как от английского, так и от русского: “round eyes”, “staring”, “a chilly smile” [Klineberg, 1938, p. 518—519]. Его выводы нашли подтверждение и развитие в современных лингвокультурологических исследованиях. Так, например, П. Чен пишет, что по сравнению с английским языком, гнев в китайском не выражается таким большим количеством частей тела, а движения, описываемые в идиоматике, не столь динамичны и экспрессивны. Это связано, по мнению автора, с такими ценностями китайской культуры, как скромность, спокойствие, мягкость и послушание [Chen, 2010, p. 75—76]. Читая художественную литературу, человек накапливает знания о соответствующих мимических стереотипах, учится соотносить внешнее выражение эмоции с внутренним эмоциональным состоянием личности и с контекстом общения, а также вербально декодировать стереотипные описания эмоций в текстах.

В предыдущих исследованиях нами было выделено три способа описания эмоциональных кинем (просодем) в тексте [Покровская, 1998]:

1. Эксплицитное описание эмоциональной кинемы (просодемы): описание эмоциональной кинемы (просодемы) с указанием на ее значение, т.е. с конкретным названием эмоции.



*Князь Дривегоциус, на чьем лице застыла гримаса ненависти, смотрел в глаза врагу — врагу, которого он четверть часа назад знать не знал и чей клинок торчал теперь у него из груди. (М. Дяченко, С. Дяченко. Магам можно все. НКРЯ.)*

2. ИмPLICITно-определительное описание эмоциональной кинемы (просодемы): описание эмоциональной кинемы (просодемы) без конкретного названия эмоции, но о ней можно достаточно точно судить по вертикальному контексту.

*Она не ждала, что эти слова так обожгут его. Он весь **вытянулся**, **вздохнул порывисто через ноздри**, — **длинное лицо его сморщилось**, бледное от света звезд. «Сука», — прошептал он. (А.Н. Толстой. Хожделение по мукам.)*

Вертикальный контекст (в частности, выражения «слова обожгут», «сука») показывает, что описания кинем «вытянулся», «лицо сморщилось» и просодемы «вздохнул порывисто» обозначает вспышку ненависти, которую один из героев романа, анархист Мишка, испытывает по отношению к Кате, жене белогвардейского офицера.

При данном способе описания может наблюдаться более или менее детальное описание внешних признаков кинемы (описание кинемы «лицо сморщилось»), но какая именно эмоция описывается автором, можно выяснить только с помощью контекста.

3. ИмPLICITно-неопределительное описание эмоциональной кинемы (просодемы): эмоция в описании кинемы (просодемы) не называется, и ее значение можно приблизительно определить из контекста [Покровская, 1998, с. 80—82].

Очевидно, что для понимания невербальной концептуализации эмоций для нас важны первые два способа текстового описания эмоций, ибо в первом случае при декодировании мы опираемся на присутствующее в тексте обозначение эмоции, а втором можем полагаться на описание невербальных компонентов и вертикальный контекст. Анализ описаний эмоциональных кинем лица в художественных текстах показал, что отражение эмоций группы

гнева, а также эмоции ненависти осуществляется стереотипизированно, большого разнообразия лексических средств при этом не наблюдается. Мимический стереотип гнева в русской лингвокультуре представлен дескрипцией следующих признаков: покраснение (иногда резкое побледнение) лица, «горящие» глаза, нахмуренные брови, сжатые губы и зубы, расширенные ноздри, сморщивание кожи лица, контурирование передних краев жевательных мышц, набухание височных и лобных подкожных вен: *(сказал / крикнул / кричал), багровея; (говорил), скаля зубы; (слушала), бледнея; (крикнул), оскалившись; (смотрели), оцетинившись; (сказал), морща губы и нос; (сказал), хмурясь; (сказал), зло поигрывая желваками; (говорили), злорадно скаля зубы; шея и щеки побурели; лицо сморщилось / побледнело / побагровело / исказилось / прыгало и перекашивалось / сереет / передернулось, оскалилось в ярости; лицо кривилось от ненависти; лицо, пылающее (пылало) ненавистью; вспыхнуло ненавистью / яростью; лицо задрожало от ненависти; искореженные злобой лица; ноздри побелели, стиснул зубы; зубы (были) стиснуты / оскалены; брови (были) нахмурены, желваки надулись / пухли и катались; жилы надулись, искаженное / ожесточенное / побледневшее / багровое / побагровевшее / обезображенное / свирепое лицо; раздутые ноздри; ощеренные зубы; гневный румянец; лица, изъеденные ненавистью; гримаса ненависти / ярости; лицо больного ненавистью и т.п.*

В понятие «искаженное лицо» входит изменение выражения лица, его черт, что может включать в себя как некоторые из вышеперечисленных мимических признаков, так и все сразу. В целом наиболее частотными признаны признак покраснения лица и искажения черт лица в гневе / ярости / ненависти. Таким образом, в русском языковом сознании невербальная концептуализация данных эмоций является отражением их концептуализации как физиологического процесса, связанного с повышением температуры тела и кровяного давления, а также с «естественной» неконтролируемой мимикой.

Интересно, что среди эмоциональных кинем лица нами было зафиксировано малое количество примеров отдельного описания

эмоциональных кинем губ, хотя кинемы губ традиционно относятся к высокоинформативным с точки зрения выражения эмоций. Описание эмоциональных кинем губ представляет собой, как правило, описание улыбки того или иного персонажа, а улыбка является семиотически нагруженной единицей и может передать практически все оттенки эмоций. Еще Ч. Дарвин отмечал, что улыбка является самым экспрессивным мимическим жестом. Г.Е. Крейдлиным было собрано порядка 160 прилагательных, так или иначе обозначающих характер улыбки в русском языке, а также разработана детальная семантическая типология русских улыбок [Крейдлин, 2004, с. 338—373]. Но улыбка не является типичным мимическим проявлением ненависти, наоборот, данный мимический жест восходит к мимике обнаженных зубов, которая у всех обезьян связана с подчинением и легким испугом [Цит. по: Крейдлин, 2004, с. 347]. В отличие от смеха, который многими исследователями связывается с агрессивностью, важнейшая биологическая функция улыбки состоит в умиротворении [Там же, с. 348], поэтому, говоря словами В. Гавела, «ненавистник не умеет улыбаться, а только гримасничает» [Гавел, www]. Г.Е. Крейдлин делает важнейший вывод о том, что «симптоматическая функция улыбки, которая отражает когнитивный — “мысль о чем-то” и эмоциональный аспект — “это что-то улыбающемуся приятно” и которая передается в толковании улыбки смысловым жестовым примитивом “выражает”, постепенно отходит на второй план как вторичная по степени своей употребительности и важности, а главной начинает становиться коммуникативная и социальная составляющая» [Крейдлин, 2004, с. 350]. Именно поэтому становится возможной «улыбка ненависти», соединяющая в себе два несовместимых явления эмоциональной жизни человека:

*И только теперь я прочитал в его **улыбке** неприкрытую, решительную **ненависть**. (А.С. Макаренко. Книга для родителей. НКРЯ.)*

*И вновь ему привиделся Лайонел Невилл, и привиделась его блуждающая, **ненавидящая** и **непрощающая улыбка**. (Ю. Герман. Дорогой мой человек. НКРЯ)*

*Иногда за улыбкой может прятаться больше ненависти, чем за сердитым взглядом. (Автор неизвестен. <http://rifmnet.ru/aphorisms/life-aphorisms/1052-inogda-za-ulybkoy-mozhet-pryatatsya-bolshe-nenavisti-chem-za-serditym-vzglyadom.html> (дата обращения — 07.02.2014))*

Таким образом, мы можем утверждать, что улыбка не входит в мимический стереотип ненависти в русской лингвокультуре и не является компонентом невербальной концептуализации ненависти в русском языковом сознании.

В отличие от мимики гнева / ярости / ненависти, которая хорошо описана в научной литературе (благодаря, в первую очередь, своей дискретности) и, соответственно, хорошо отражена в художественной литературе, мимика зависти представляет собой в достаточной степени размытое явление. Здесь уместно упомянуть работу психолога А.Г. Асмолова о возможностях фиксации и кодирования невербальных компонентов коммуникации. Ученый считает, что «невербальная коммуникация является преимущественно *выражением смысловой сферы личности*. Она представляет собой *непосредственный канал передачи личностных смыслов* (Курсив наш. — Я.В.)» [Асмолов, 2002, с. 370]. Данное положение объясняет ряд интересных, но в целом безуспешных «попыток создания кода словаря, дискретного алфавита языка невербальной коммуникации» [Там же]. Характерными особенностями процесса кодирования экспрессии человека являются целенаправленность, преднамеренность, соответствие коммуникативным нормам и правилам [Лабунская, 2009, с 57]. В исследованиях по степени осознанности процесса кодирования коммуникативных интенций показывается, что для моделирования невербального поведения необходимо знать о чувствах партнера, о типе социальной ситуации, о том, насколько значим собеседник в контексте достижения поставленных целей, об особенностях переживания прошлого опыта общения с тем человеком, которому адресуется невербальный код. Делается вывод, что «элементы невербального поведения, экспрессии могут сознательно выбираться с целью построения сообщения, но в структуре кода

всегда будут находиться элементы, степень осознания которых заметно различается» [Цит. по: Лабунская, 2009, с. 57—58]. Эмоционально-когнитивный комплекс зависти является хорошей иллюстрацией к данному положению. Когнитивный компонент зависти позволяет тщательно скрывать ее внешние проявления, что соответствует нормам социума, не одобряющего данные проявления. В процессе исследования нам не удалось найти полного научного описания мимических компонентов зависти, подобного существующему для гнева / ярости. Имеется достаточно много так называемых практических рекомендаций для опознания завистника, включающих описания некоторых мимических компонентов. Так, например, видеокурс «Школа правды» предлагает следующий набор мимических жестов для опознания завистника: прищуренный взгляд, морщинки на спинке носа, поддельная, неестественная улыбка («лжерадость»), ухмылка или усмешка [Школа правды, www]. Но ни один из указанных мимических компонентов не может быть показателем зависти ни сам по себе, ни даже вместе с остальными: наморщенный лоб, прищуренные глаза вполне могут быть интерпретированы как мимические компоненты гнева или презрения [см. Лабунская, 2009, с. 322—324]. «Прищуренный взгляд» может быть истолкован очень широко: внимание, сосредоточенность, презрение, злость, ненависть, печаль и т.п. Приведем несколько примеров.

*На экране возник портрет Альберта Эйнштейна, задумчивый, тихий, с глубокой мировой печалью в прищуренных добрых глазах. (А. Проханов. Господин Гексоген. НКРЯ.)*

*За рулем сидел высокий человек, чьи чуть прищуренные глаза за стеклами очков выражали сосредоточенность. (М. Рыбакова. Паннония. НКРЯ.)*

*И уже у кассы девушка вдруг обернулась и с ненавистью посмотрела прищуренными глазами на Натку, презрительно скривив губы, и Натка выдохнула то, что давно уже знала: «Юлька!» (С. Василенко. Звонкое имя. НКРЯ.)*

*Петухов попробовал силой интеллектуального анализа, прищурив один глаз для концентрации мысли. (А. Слаповский. День денег. НКРЯ.)*

Ухмылка или усмешка могут трактоваться как проявление презрения, поддельная / неестественная улыбка может быть вызвана причинами, далекими от зависти (например, многих русских раздражает неестественная этикетная «поддельная» улыбка американцев, которые улыбаются всем, улыбка политиков и т.д.). В популярной Интернет-игре «100 к 1» на вопрос «Какое чувство нельзя выразить мимикой?» практически все респонденты включили зависть в список «невыражаемых» эмоций (<http://www.bolshoyvopros.ru/questions/397687-100-k-1-kakoe-chuvstvo-nelzja-vyrazit-mimikoj.html> (дата обращения — 20.11.2013)). Все вышеизложенное заставляет обратиться к художественной репрезентации зависти в поисках мимического стереотипа данной эмоции.

Возможно, лучшее из описаний внешних проявлений зависти было дано Овидием в «Метаморфозах»:

*Грозная дева войны в то место пришла и близ дома  
Остановилась, вовнутрь входить не считает пристойным.  
Остроконечьем копья ударяет в дверь запертую;  
Вот сотрясенная дверь отворилась. Увидела дева  
Евшую мясо гадюк — из пороков собственных пищу,  
Зависть и взоры свои отвратила от мерзостной. **Та же**  
**Встала лениво с земли и, змей полусъеденных бросив,**  
**Вон из пещеры своей выступает медлительным шагом.**  
**Лишь увидела красу богини самой и оружия,**  
**Стон издала, и лицо отразило глубокие вздохи.**  
**Бледность в лице разлита, худоба истощила все тело,**  
**Прямо не смотрят глаза, чернеются зубы гнилые;**  
**Желчь в груди у нее, и ядом язык ее облит.**  
**Смеха не знает, - подчас лишь смеется, увидев страданья.**  
**Нет ей и сна, оттого что ее возбуждают заботы.***

***Видит немилые ей достиженья людские и, видя,  
Чахнет; мучит других, сама одновременно мучась,  
Пытка сама для себя.*** (Овидий. *Метаморфозы*. 765—780)

В православной культуре внешние проявления зависти описываются следующим образом: «*Завистливых можно узнать несколько и по самому лицу. Глаза у них сухи и тусклы, щеки впалы, брови навислы, душа возмущена страстью, не имеет верного суждения о предметах. У них не похвальны ни добродетельный поступок, ни сила слова, украшенная важностью и приятностью, ни все прочее, достойное соревнования и внимания. <...> Глаза сухие от того, что плакать не могут, брови навислые — недовольны всегда, щеки впалые — сохнут от зависти. Это такой страшный грех, что у людей, страдающих им, даже нарушается метаболизм, и человек выжигает сам себя*» [Сысоев, www].

Эти художественно-выразительные описания проявлений зависти могут быть использованы в качестве основы для стереотипного проявления «хронической» зависти, когда внешне начинают проявляться определенные физиологические симптомы (сжимание кровеносных сосудов, насыщение крови желчью и т.д.). Изменение цвета лица как основа для цветовой метафоры зависти было описано нами в разделе «Концептуализация зависти».

В художественной репрезентации мимики зависти преобладает эксплицитный способ описания:

*У Цаплина от зависти сморщилось лицо. Венька пожалел друга и сам стал вдалбливать ему задачу.* (Г.А. Галахова. *Легкий кораблик — капустный листок*. НКРЯ.)

*А вот когда я увидел подарок Валерке от Ирины [Ронкиной], меня аж перекосило от зависти: альбом с фотографиями!* (Ю. Даниэль. *Письма из заключения*. <http://www.memo.ru/history/diss/books/daniel/48.htm> (дата обращения — 07.02.2014))

*То будто выиграл он двести тысяч и приезжает сообщить об этом Порфишке (целая сцена с разговорами), у которого от зависти даже перекосило лицо. (М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы. НКРЯ.)*

*Лицо Василия Иоанновича искосило завистью и страхом. (И.И. Лажечников. Басурман. НКРЯ.)*

*Королевич завистливо нахмурился и сказал, что он тоже может написать экспромтом сонет на ту же тему. (В.П. Катаев. Алмазный мой венец. НКРЯ.)*

Как видно из приведенных примеров, в художественном описании «лица зависти» отсутствует четкая дифференциация мимических компонентов, что можно, на наш взгляд, объяснить тем, что мелкие проявления зависти тщательно скрываются и, как мы уже писали, мимикрируют под другие эмоциональные проявления, что не позволяет коммуникантам четко различать их. А «острая» зависть в целом переживается как *досада или злость* на того, кто, по мнению завистника, добился незаслуженного успеха [Ильин, 2001, с. 320], и именно этот факт объясняет сходство некоторых компонентов мимических стереотипов ненависти и зависти (см. искаженное ненавистью / гневом / яростью / злобой лицо). Анализ описаний эмоциональных кинем лица в художественных текстах показал, что отражение эмоции зависти осуществляется в высшей степени однотипно. Мимический стереотип зависти в русской лингвокультуре представлен дескрипцией следующих признаков: изменение цвета лица (побледнение или покраснение), сморщивание кожи лица, искажение черт лица, особый — завистливый — взгляд, а также завистливая улыбка: *лицо исказилось, искосило, перекосило завистью / от зависти; завистливое лицо / выражение лица; побледнел / покраснел от зависти; лицо бурет от зависти; завистливый взгляд / взгляд, полный зависти; смотреть с (тайной, тоскливой, злобной, светлой, явной, нескрываемой, некоторой, бессильной, огромной, ревнивой) завистью; завидующие глаза; глаза налились завистью; завистливо прищурил глаза;*



*завистливо закатывали глазки; завистливо косил глаза; завистливо улыбнулся / усмьльнулся; усмехнулся с завистью; с натянутой улыбкой зависти.*

Описание эмоциональных кинем глаз заслуживает особого внимания, т.к. согласно нашей выборке, зависть точнее и чаще всего передается взглядом. Как известно, глаза являются важнейшим инструментом общения, несущим существенную психоэмоциональную информацию о состоянии человека в момент коммуникативного взаимодействия, ведь зрение — самая информативная форма чувственного восприятия. По мнению В.А. Лабунской, несмотря на то, что психологическая суть контакта глаз может изменяться под влиянием многих переменных, контакт глаз всегда указывает на три основных вида отношений: отношения дистанции, позиции и валентности. Первая группа включает в себя отношения привязанности, заинтересованности, принятия, которым соответствует частый, интенсивный визуальный контакт, подчиняющийся правилам в соответствии с ролью коммуникатора и реципиента, и противоположные отношения отстраненности, отчужденности, которым соответствует нечастный, неинтенсивный или отсутствующий контакт глаз. Группа отношений «позиция» представлена полюсами контроля и подчинения. Первый определяется такими параметрами как интенсивность и продолжительность смотрения на партнера, особенно в моменты так называемого активного коммуницирования; второй характеризуется «свернутым» контактом глаз, частым и быстрым поглядыванием на партнера, а также настойчивым поиском взгляда партнера. Отношения валентности передаются посредством интенсивности, частоты, длительности контакта глаз, но, главным образом, через модальность взгляда. Например, враждебность передается посредством таких показателей, как холодность и жесткость, что трудно описать с позиций объективных формально-динамических характеристик [Лабунская, 2009, с. 284—285]. Цитируя Г.Е. Крейдлина, «глаза представляют собой настолько важный в физиологическом, психологическом, социальном, религиозном, сексуальном и многих других отношениях орган, что каждая культура и каждый народ вырабатывают типовые модели глазного

поведения и стереотипные языковые способы говорить о них» [Крейдлин, 2004, с. 381—382]. Глазное поведение людей изучается специальным разделом семиотики — окулесикой, но в настоящей работе мы рассматриваем окулесические знаки в рамках мимики, помня о выводе П. Экмана, что точно определить эмоции *только* на основании информации о глазах, не учитывая общее выражение лица, удается крайне редко [Ekman, 1975].

Завистливые глаза, по мнению многих, пронзительны и колки. Поэтому человек, не желающий демонстрировать свою зависть, зачастую пытается скрыть это от собеседника, опустив взгляд, начав чаще моргать, прикрыв глаза, скосив глаза, прищулив глаза.

*Женщина завистливо прищурила глаза, когда увидела, что Катин знакомый направился к иномарке. (Т. Моспан. Подиум. НКРЯ.)*

*Рыжеволосые принцессы ахали, завистливо закатывали глазки, брюхатенький Позье надавал жару. (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 1—2. НКРЯ.)*

*Но губы были лживы, они расклеивались, распадались сами собой. Глаза завистливо косели... И здесь по всему помещению гуляло солнце, но тут оно было дружеское, было заодно с хозяйкой. (А.Г. Малышкин. Люди из захолустья. НКРЯ.)*

*Глядя на фуражку, Павлик завистливо косил глаза и сопел, каждую минуту готовый зареветь. (В.П. Катаев. Белеет парус одинокий. НКРЯ.)*

*Кто богаче — уже нагоняет аппетит к обеду, правя своей машиной, презрительно проносясь мимо дешевых и завистливо кося глаза на более роскошные и дорогие. (В.В. Маяковский. Мое открытие Америки. НКРЯ.)*

Стереотипное описание завистливого взгляда, завидующих глаз является, на самом деле, отражением очень древней этимологии самой лексемы «зависть» (см. п. 2.3.2 «Концептуализация зависти»). Поэтому чаще всего художественное описание завистливого взгляда ограничивается простыми формулировками «смотреть с завистью / смотреть завистливо», что вполне достаточно для его правильной интерпретации читателем.

*Нина писала, Саша грызла перо и смотрела на соседку злыми, завистливыми глазами. (Л.А. Чарская. Сфинкс. НКРЯ.)*

С невербальной концептуализацией зависти тесно связано представление о дурном глазе или сглазе, т.к. предполагалось, что несчастья, происходящие с людьми, вызываются теми, кто этими людьми восхищается. На Руси, как и во многих других странах, считалось, что дурным глазом обладают ведьмы и колдуны, а также люди с черными, глубоко посаженными, выпученными, косыми и вообще необычными глазами или какими-либо другими особенностями внешности, а также иноземцы и священники [Райан, 2006, с. 59]. Везде настороженность вызывали люди, у которых радужная оболочка окрашена в разные цвета. На Востоке потеря одного глаза считалась бесспорным признаком дурного взгляда, ибо одноглазый должен завидовать людям с двумя здоровыми глазами. В сказках и легендах различных народов силы зла нередко воплощает одноглазый великан. Таким образом, толкование сглаза связано со способностями колдовать или оказывать злое влияние на другого с помощью взгляда. Считается, что чаще всего сглазу подвержены младенцы и маленькие дети, а самыми «глазливými» являются бездетные женщины, которые испытывают зависть, глядя на чужое дитя. Не только люди могут стать объектом сглаза — домашнее имущество, скот, урожай также попадают под его влияние.

Представления о сглазе чрезвычайно широко распространены и в современном российском обществе — в Интернете существуют *сотни* сайтов, форумов и т.д., на которых всерьез обсуждаются признаки и симптомы сглаза, способы уберечься от злого глаза или отвести от себя дурной глаз. Многие мамы следуют утверждению, что для защиты от сглаза нельзя пускать к новорожденному никаких гостей в первый месяц его жизни, и В. Райан приводит шокирующий пример, когда в 1998 г. у одной из московских поликлиник похитили грудного ребенка. Младенцу был всего 21 день, и мать не стала входить с ним в поликлинику из-за страха, что его увидят и сглазят [Райан, 2006, с. 100].

Самые известные способы предохранения от сглаза включают вербальный способ — произнесение слов «тьфу-тьфу-тьфу», сопровождаемых (символическими) плевками трижды через левое плечо, а также чтение молитв от сглаза. Кроме этого, популярными средствами от сглаза являются талисманы и жесты-обереги. Среди последних первое место по популярности принадлежит сплевыванию [Крейдлин, 2004, с. 405]. В целом само понятие «сглаз» / «дурной глаз» требует изучения как отдельный лингвокультурный концепт, что не представляется возможным сделать в рамках настоящей работы, поэтому мы ограничимся утверждением, что представления о сглазе являются неотъемлемой частью невербальной концептуализации таких эмоций, как зависть и ревность, поскольку они обе предполагают желание зла другому. Сглаз / дурной глаз и различные многочисленные способы защиты от него нашли отражение в художественных текстах, что свидетельствует о важности данного концепта в русской лингвокультуре и необходимости его тщательного изучения.

*Каждые три недели он перед омовением торжественно окунал этот оберег в наполненную водой ванну, что якобы гарантировало защиту от сглаза и неприятностей. (А. Кобеляцкий. Когда пальмы были большими. НКРЯ.)*

*Вокруг ворота и манжет — стеклянные бусины со зрачками, какие носят от сглаза. (М. Петросян. Дом, в котором... НКРЯ.)*

*И булавку от сглаза не подколешь — некуда, а бабы пялятся, как дуры, — на тело завидуют. (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы. НКРЯ)*

*Но было и имя Мешок, которое, возможно, давалось «от сглаза», по предмету, который был в каждом доме, а следовательно, не мог привлечь к себе недоброго внимания злых людей. (А.В. Суперанская. Из истории фамилий. НКРЯ.)*

*— От сглаза надо двух жаб посадить в банку с пиявками, питать ядовитыми грибами, осыпать хрустальным порошком, добавляя молотый тигровый коготь. (М. Гиголашвили. Чертово колесо. НКРЯ.)*

Одним из мимических компонентов, встречающихся при описании зависти, является улыбка. Завистливая улыбка отличается от искренней, «настоящей» улыбки своей неестественностью — «натянутостью», что можно увидеть по чуть более заметному напряжению и растяжению уголков губ, которые могут быть опущены вниз. При естественной, искренней улыбке как знаке хорошего настроения «сокращается нижняя часть круговой мышцы глаза, при этом поднимается нижнее веко. Когда же она деланная, то улыбаются только губами» [Шейнов, www].

*В сезоны жестокого «безгрибья», когда все «отдыханцы», да подчас и местные жители возвращались из леса с пустыми корзинками, Никита появлялся на территории дома отдыха с корзинницей, доверху наполненной отборными лесными «красавцами», чем вызывал не очень хорошо замаскированную «ахами», «охами» и разного рода комплиментами с **натянутой улыбкой зависть**. (Е. Весник. Дарю, что помню. НКРЯ.)*

Улыбка зависти может иметь вид усмешки или ухмылки, когда человек улыбается одной стороной рта больше, чем другой, — «улыбки, выражающей насмешку или недоверие» [СО] — показывающей, что другой, по мнению завидующего, получил что-то незаслуженно.

*Тайна этого изящества оставалась для всяких кураторов и зрителей непостижимой. Нестор **не без зависти ухмыльнулся**: — Как носит тогу! (А. Ладинский. В дни Каракаллы. НКРЯ.)*

*Вспышки фотоаппаратов, объективы видеокамер, добрые пожелания, **завистливые улыбки**, язвительные насмешки — все осталось далеко позади, в здании, вестибюль которого украшала статуя Меркурия. (М. Милованов. Рынок тщеславия. НКРЯ.)*

Таким образом, мы видим, что мимический стереотип зависти в русской лингвокультуре представлен описанием кинем глаз (завистливый взгляд), лица (перекошенное от зависти лицо), губ (завистливая улыбка). Грамотный читатель «достраивает» остальные компоненты и визуализирует лицо завистника, используя свой эмоциональный опыт и эмоциональный интеллект.

Изучение описания мимического выражения ревности в художественных текстах показало, что мимический стереотип ревности представлен крайне скупо описаниями типа *ревнивый взгляд, посмотрел с ревностью / ревниво, ревность в глазах, глаза с выражением (адской) ревности, оскал ревности, ревнивая улыбка.*

*Приходя в Театр на Хитровке, Аля просто физически ощущала **ревнивые взгляды**, а Нина Вербицкая вообще старалась ее не замечать. (А. Берсенева. Полет над разлукой. НКРЯ.)*

*Катя со счастливой и немного **ревнивой улыбкой** следила за ней, остановившись на пороге. (А. Геласимов. Дом на Озерной. НКРЯ.)*

*Так сыпь же перцу из упреков, а из слёз — побольше соли*

*И пей! И прячь от всех свой жалкий, **искаженный ревностью оскал!** (Милада. Сон ревнивца. НКРЯ.)*

Этому факту легко найти объяснение, если вспомнить классификацию реакций ревности А.Н. Волковой. Ученый проводит ее по нескольким основаниям: по критерию нормы — нормальные или патологические; по содержательному критерию — аффективные, когнитивные, поведенческие; по типу переживания — активные и пассивные; по интенсивности — умеренные и глубокие, тяжелые. И если когнитивные реакции проявляются в анализе факта измены, в стремлении воссоздать и проанализировать картину события, *то аффективные реакции включают разнообразные эмоции, характерные для переживания измены: отчаяние, гнев, ненависть и презрение к себе и партнеру, любовь и надежду* (Курсив наш. – Я.В.). Что касается поведенческих реакций, то они проявляются, по мнению А.Н. Волковой, в виде борьбы или отказа. Борьба выражается в попытках восстановить отношения (объяснения), удержать партнера (просьбы, уговоры, угрозы, давление, шантаж), устранить соперника, затруднить встречи с ним, привлечь внимание к себе (вызывание жалости, сочувствия, иногда кокетство). При отказе восстановить отношения связь с партнером обрывается или приобретает дистантный, официальный характер [Цит. по: Ильин, 2001, с. 325]. Таким образом, именно огромное

разнообразии возможных аффективных реакций ревности не позволяет выделить какой-либо единый мимический стереотип данной эмоции. Ревность может выражаться через такие деструктивные эмоциональные состояния, как гнев, ярость, ненависть, презрение, но может переживаться и как тоска, печаль, отчаяние, приводящие к меланхолической депрессии. Невербальное выражение ревности в целом и мимическое выражение в частности в значительной степени зависит от индивидуальных психоэмоциональных особенностей личности: «когнитивные реакции больше выражены у лиц астенического склада, интеллектуалов», в то время как «аффективные реакции преобладают у людей эмоционально-лабильного склада» [Там же].

#### 2.4.2. Жесты

Долгое время исследователи жестовой коммуникации игнорировали наличие связи между жестами и вербальной стороны коммуникации. И только в конце XX века жесты попали в фокус бурно развивающейся когнитивной науки [Aboudan, Beattie, 1996; Argyle, 1969; 1975; 1977; Efron, 1972; Foster, 1985; McNeill, 1985; 1992; 2005; Morris, 1977; Stokoe, 1995, etc.]. Среди первых работ в этой области необходимо упомянуть новаторскую книгу Дэвида Эфрона (1941), которая была переиздана в 1972 году Полом Экманом [Efron, 1972]. Однако только в конце прошлого столетия жесты были признаны не только некими «иллюстраторами» речи (согласно терминологии П. Экмана и У. Фризена), но и неотъемлемой частью высказывания. Эта идея была выдвинута в работах Адама Кендона [Kendon, 1972; 2004] и Дэвида МакНила [McNeill, 1985] и получила дальнейшее развитие в многочисленных трудах последнего. Начиная с публикации книги Д. МакНила “Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thought” [McNeill, 1992], исследования в области человеческих жестов заняли прочное место в психологии, психолингвистике, теории искусственного интеллекта, когнитивной и лингвистической антропологии, когнитивистике и теории метафоры. В современной науке жесты исследуются в рамках таких проблем, как соотношение языка и мышления, структура сознания, теория

лингвистической относительности, происхождение и развитие языка и многих других.

Жесты представляют собой важнейший элемент деструктивного общения, ибо его дискурсивная структура не только влияет на тип жеста, используемого говорящим, но и во многом определяет, когда появится какой-либо жест и насколько сложной будет его форма [Николаева, www]. В рассматриваемом типе общения жесты появляются на пиках коммуникативного динамизма (речевые отрезки с низким коммуникативным динамизмом обычно не сопровождаются никакими жестами). Более того, мы рассматриваем жесты не только как элемент, сопровождающий деструктивное общение, но и как важнейший элемент концептуализации деструктивных эмоций и деструктивного поведения в целом.

В научной литературе существует немало определений понятия «жест» и немало классификаций жестов. Например, известный исследователь невербальной коммуникации, английский зоолог, этолог, антрополог, автор книг по социальной биологии Д. Моррис определял как жест «любое действие, служащее визуальным сигналом реципиенту» [Morris, 1977], включая, таким образом, в понимание жеста любой кинетический акт. Определяя жест как визуальный сигнал, Д. Моррис подчеркивает коммуникативную направленность жеста в отличие от собственно поведенческих актов. Л.А. Капанадзе и Е.В. Красильникова также придерживаются широкого подхода к трактовке жеста, который они определяют как «условный кинетический акт, отличающийся коммуникативным характером от других актов безусловного кинетического поведения», включая в понятие жеста мимические и пантомимические действия [Цит.по Кедрова, 1980, с. 10]. Подробное определение жеста в рамках широкого подхода предложено А.В.Филипповым: «Жест — знаковая единица общения и сообщения, которая имеет мануальную, мимическую или пантомимическую форму выражения, выполняя коммуникативную функцию, характеризующаяся воспроизводимостью и смысловой ясностью для представителей какой-либо



нации или для членов какой-либо социальной группы» [Филиппов, 1975]. Г.Е. Крейдлин также включает в понятие жеста не только жесты рук, но и мимические жесты, жесты головы и ног, позы и знаковые телодвижения [Крейдлин, 2004, с. 43].

В данной части работы столь широкая интерпретация жеста как единицы невербального общения представляется нам неудобной, поэтому мы берем за основу понимание жеста как отдельного телодвижения, имеющего определенное социально-культурное значение в определенной системе кинетических средств, и исключаем из понятия жеста мимические и пантомимические кинетические акты. Материалом для данного параграфа послужили как текстовые описания жестовых компонентов в ситуациях деструктивного общения (было проанализировано около 500 контекстов деструктивного общения в художественной и публицистической литературе, в которых присутствовало описание жестовых компонентов), так и данные наблюдений и включенного эксперимента.

Известно, что жестовые компоненты общения играют огромную роль в раскрытии эмоционального состояния коммуникантов. По некоторым (весьма смелым) оценкам, 93 % общего влияния сообщения на адресата составляет влияние невербальных средств, в том числе и жестов, в то время как влияние вербальных средств ограничивается 7 % [Mehrabian, 1972]. При этом функции жестов в общении разнообразны и сводятся, хотя не ограничиваются, к следующим: 1) регулирование и управление вербальным поведением говорящего и слушающего; 2) отображение в коммуникативном акте актуальных речевых действий (перформативные жесты); 3) передача адресату некоторой порции смысловой информации; 4) репрезентация внутреннего психологического состояния жестикулирующего или его отношения к партнеру по коммуникации; 5) дейктическая функция; 6) жестовое изображение физических действий человека, контуров и параметров объекта и т.п.; 7) риторическая функция: значение и употребление некоторых жестов может быть передано в терминах риторических фигур, таких как метафора,

метонимия, синекдоха, гипербола, ирония и т.п., т.е. в жестовых тропах [Крейдлин, 2004, с. 75—77]. Анализ практического материала позволил установить, что в деструктивном общении жесты выполняют также особую функцию — функцию предвосхищения вербального выражения агрессивных эмоций и физической агрессии. Приведем примеры.

*Однажды, в минуту откровенности, заговорив с Штаалем наедине об императрице Екатерине, месье Дюкро **потряс кулаками** в воздухе и произнес несколько слов, которые восемнадцатилетний Штааль не совсем понял, хотя хорошо владел французским языком. (М.А. Алданов. Девятое термидора.)*

Жест «потрясти кулаками» предваряет вербальные агрессивные действия.

***Сжав кулаки**, она стоит перед Игнатовым, готовая **ударить** его. (А.Н. Арбузов. Таня. НКРЯ.)*

Жест «сжать кулаки» показывает готовность к прямым физическим агрессивным действиям.

В деструктивном общении используются разнообразные типы жестов. Невербальная семиотика располагает рядом классификаций жестов, проведенным по различным основаниям: по органам человеческого тела, «отвечающим» за исполнение жеста; по месту воспроизведения; по степени автономности выполнения; по количеству повторений (редупликаций); по отношению к источнику появления в данном языке (исконные и заимствованные), по речевым функциям и др. (см.: Андриянов, 1977; Галичев, 1987; Глаголев, 1977; Кедрова, 1980; Крысин, 1977; Мейнерте, 1986; Смирнова, 1973; 1977; Филиппов, 1975; Чанышева, 1979; Шубина, 1978; Efron, 1972; Morris, 1977, McNeill, 1985; 1992; 2005 и др.). Согласно функциональной типологии коммуникативных жестов Н.И. Смирновой, все коммуникативные жесты (в широком смысле этого термина) подразделяются на жесты, заменяющие в речи элементы языка (жесты приветствия и прощания, запрещающие жесты, жесты угрозы, оскорбления, утвердительные, отрицательные, вопросительные жесты и т.д.), жесты, сопровождающие в речи элементы языка (указательные, описательно-изобразительные,

подчеркивающие жесты и телодвижения), модальные жесты (жесты одобрения-неодобрения, доверия-недоверия, удовольствия-неудовольствия и т.д.) и эмоциональные жесты (жесты, мимику, телодвижения, выражающие различные чувства и состояния человека) [Смирнова, 1973, с. 15—16].

3.3. Чанышева в предложенной ей функциональной классификации включает модальные и эмоциональные жесты в отдельную группу экспрессивных жестов [Чанышева, 1979, с. 111—113].

Среди наиболее известных семиотических классификаций жестов можно назвать классификацию, предложенную Д. Моррисом. Ученый делит все жесты на две большие группы: *primary gestures* (исходные / основные жесты), выполняющие исключительно коммуникативную функцию, и *incidental gestures* (случайные жесты), выполняющиеся с другими целями. Среди жестов, входящих в первую группу, Д. Моррис выделяет подкласс экспрессивных жестов, служащих для выражения эмоциональных состояний и отношений, дескриптивных жестов, описывающих свойства объектов и понятий, и директивных жестов, предназначенных для управления действиями адресата в некоторых ситуациях [Morris, 1977]. Типология Д. Морриса интересна нам тем, что он детально классифицировал агрессивные жесты, подразделив их на три группы:

1. Жесты-намерения атаки — действия, которые начались, но как бы остались незавершенными:

- жест «замахнуться на кого-то»;
- движение открытой ладонью слегка в сторону, как будто для удара по лицу, но вместо завершения удара рука опускается вниз;
- сжимание кисти в кулак, обе ладони, сжатые в кулаки, могут быть приподняты впереди корпуса.

2. «Вакуумные» жесты — действия, которые завершились, но не физическим контактом с противником:

- жест «потрясение кулаками», либо когда напряженные руки обхватывают воображаемое горло и медленно душат воображаемого противника;

– угрожающий жест поднятым указательным пальцем, в то время как остальные пальцы собраны к центру ладони (как бы нанесение символических ударов по голове противника).

3. Переориентированные жесты: происходит нападение и физический контакт, но не с телом жертвы, а с каким-либо другим объектом, зачастую с телом самого нападающего; сам обидчик бьет себя кулаком по колену или по стене или проводит указательным пальцем поперек горла, как бы разрезая его (Перевод наш. — Я.В.) [Morris, 1977, с. 195—196].

В классификации Д. Морриса четко выражено биологическое происхождение жестов нарастающей агрессии. По сути дела, все они демонстрируют сдерживаемое стремление атаковать жертву и являются физиологическим проявлением деструктивных эмоций (гнева, ярости, бешенства, ненависти и др.).

Одним из наиболее известных сегодня является подразделение жестов на три больших семиотических класса: 1) жесты-эмблемы; 2) жесты-иллюстраторы; 3) жесты-регуляторы — внутри каждого из которых выделяются свои типы. Все термины принадлежат Д. Эфрону [Крейдлин, 2004, с. 79—126]. Жесты-эмблемы представляют собой кинемы, имеющие самостоятельное лексическое значение и способные передавать смысл независимо от вербального контекста. Иллюстраторы суть кинемы, выделяющие какой-то фрагмент коммуникации и никогда не употребляющиеся отдельно от него. Регуляторы — это кинемы, управляющие ходом процесса коммуникации [Там же, с. 79–80].

Жесты, используемые в деструктивном общении, представлены в каждом из данных классов. Согласно уточненной семантической классификации эмблематических жестов Г.Е. Крейдлина, выделяются два основных семантических класса эмблем: коммуникативные и симптоматические. Коммуникативные эмблемы — это жесты, несущие информацию, которую жестикулирующий намеренно передает адресату [Там же, с. 99]. В результате анализа практического материала в русской лингвокультуре нами были

отмечены следующие наиболее популярные коммуникативные эмблемы деструктивного общения — жесты угрозы и оскорбления: *погрозить кулаком, покрутить / повертеть пальцем у виска, постучать пальцем по виску, постучать рукой / пальцем по лбу, выставить средний палец.*

Интересно, что жест «покрутить пальцем у виска», означающий в русской лингвокультуре «Ты говоришь или делаешь глупости!» или «Ты сошел с ума!», относится к достаточно «мягким» способам выражения данной мысли и далеко не всегда трактуется реципиентом как оскорбительный. Приведем пример.

*После ухода из закуской промочивших горло к кассе подскочил один из думских или советников и зашептал Людмиле Васильевне, но на весь зал:*

*— Знаете, кто заходил-то? Сам Квашинин! Миллионщик! Да что там миллионщик! У него — отрасль! Отрасль! В Америке и в Японии — представительства! У него на содержании хоккейная команда высшей лиги «Северодрель», из нее игрокам в Канаду не надо бежать!*

*— Ну и что? — спросила Даша.*

*— Как и что!*

*— Ну и что! — довод о благополучии команды «Северодрель» впечатления на Дашу не произвел.*

*— Как и что? — думский поглядел на Дашу с опаской и **повертел пальцем у виска.** — Это же сам Квашинин!*

*— Ну а к нам ходит сам Любшин, — сказала Даша.*

*Думский **еще раз повертел пальцем у виска** и отошел. (В. Орлов. Камергерский переулок.)*

В данном примере персонаж использует описываемый жест для выражения сомнения в нормальности Даши, не желающей понять и оценить значимости клиента. Однако это совершенно не оскорбляет девушку — она просто не обращает внимания на этот жест.

Но возможны и абсолютно противоположные ситуации, когда данный жест трактуется как прямое оскорбление и вызывает соответствующие эмоции обиды и враждебности.

*Джоджо сел и продолжал улыбаться во весь свой зубастый рот. “Жалко, что никто из вас не говорит по-английски”, — сказала учительница. “Я овладел начатками этого языка”, сказал Аньян, который и правда здорово шпарит. Но когда Аньян захотел блеснуть своими начатками перед Джоджо, Джоджо посмотрел на него, потом засмеялся и покрутил пальцем у виска. Аньян **очень обиделся**, но Джоджо был прав (Р. Госинни. Джоджо.)*

Несмотря на приятельские отношения между Аньяном и Джоджо, смех последнего, сопровождаемый вышеуказанным жестом, вызывает крайне негативную реакцию со стороны Аньяна (*очень обиделся*).

В институциональной коммуникации употребление данного жеста может произвести шокирующий эффект, как в следующем примере:

*Тон всего выступления Генриха Падвы был ироничен. После многих его реплик в зале улыбались и еле сдерживали смех. Его ирония предназначалась присутствующему здесь же гособвинителю Дмитрию Шохину. В один из моментов речи адвоката Шохин, судя по всему, **не выдержал нападок и, слегка пригнувшись, покрутил пальцем у виска**. Заметив это, Падва **на мгновение потерял дар речи**. — Не надо крутить у виска, господин прокурор, — **нашелся он наконец, затем набрал воздуха и пошел в наступление**: — Меня подобным поведением не удивить (<http://izvestia.ru/news/301397> (дата обращения — 22.11.2013).)*

Жест «средний палец», приобретший в последнее время большую популярность в русской лингвокультуре, относится, по мнению Д. Морриса, к самым древним из известных науке жестов. Это фаллический символ, имеющий первобытные корни. По словам Д. Насау, у древних римлян было особое название для этого жеста — “*digitus impudicus*”, т.е. бесстыдный, непристойный или оскорбительный палец, а в произведениях Тацита есть упоминание о том, что воины германских племен показывали средний палец наступавшим римским солдатам [Насау, www]. Использование этого жеста в соответствующем контексте может вызвать бурную негативную реакцию

со стороны реципиента. Следующий пример взят из репортажа о девушке, пришедшей в школу вождения:

*Во время урока вождения, инструктор кричал и ругался на девушку, так как у нее не получалось профессионально справиться с автомобилем. В итоге девушка не выдержала и показала учителю средний палец, на что инструктор отреагировал очень быстро и «педагогично». Он просто взял и сломал ученице руку (<http://www.autospletnik.ru/vot-chto-proizojdet-esli-pokazat-srednij-palec/> (дата обращения — 20.04.2013).)*

Данная ситуация представляет собой пример деструктивного типа общения, направленного на унижение и подчинение партнера по коммуникации. Реакция инструктора на неприличный жест неадекватна и является примером перехода от вербальной агрессии (ругался и кричал) к акту прямой физической агрессии (сломал руку).

Следующий пример показывает, как неосторожное использование данного жеста может спровоцировать общественный скандал:

*Лауреат престижной премии «ТЭФИ» Татьяна Лиманова представляла сюжет об участии российского лидера Дмитрия Медведева на саммите стран Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) на Гавайях. Комментируя эту новость, телеведущая отметила, что «Дмитрий Медведев стал сегодня председателем Организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества», добавив, что «ранее этот пост занимал американский президент Барак Обама».*

*Сразу за этими словами, не поднимая глаз и продолжая увлеченно читать текст новости, Лиманова неожиданно для зрителей подняла вверх левую руку и вытянула средний палец. Вслед за этим однозначно трактуемым жестом картинка на экране сменилась на кадры с российским президентом на саммите АТЭС. (<http://newsru.com/russia/24nov2011/limanova.html> (дата обращения — 20.04.2013).)*

Несмотря на то, что данную ситуацию общения нельзя отнести к деструктивной ни по одному из выделяемых нами признаков, и

вышеупомянутый жест, как оказалось, не относился ни к Б. Обаме, ни к кому-либо из политических деятелей, его использование вызвало широкий общественный резонанс и повлекло наказание телеведущей.

В Карелии жесту «средний палец» была дана однозначная правовая оценка: автомобилист, оскорбивший сотрудников ГИБДД «неприличным жестом» и выложивший фотографии в Интернете, предстал перед судом за оскорбление представителей власти (<http://pravo.ru/news/view/74298/> (дата обращения — 12.05.2013)). Подобные случаи были зафиксированы в Астане и Павлодаре (<http://yap.ru/forum3/st/0/topic526464.html> (дата обращения — 14.01.2013); <http://tengrinews.kz/events/u-lyubitelya-pokazyivat-sredniy-palets-radaram-otobrali-mashinu-v-astane-234808/> (дата обращения — 16.06.2013)).

Кроме анализа вербального описания письменно зафиксированных коммуникативных жестов-эмблем был проведен несложный включенный эксперимент: автор, управляя автомобилем, преднамеренно немного задерживалась при повороте или при старте на светофоре, что вызывало раздражение у некоторых участников дорожного движения (всего было «создано» 58 ситуаций, спровоцировавших невербальную реакцию водителей). Увиденные жесты были затем записаны и систематизированы. Не все эмоции недовольства и раздражения сопровождались какими-то определенными жестами: зачастую водители выражали свои эмоции нажатием на гудок, мимикой и размахиванием руками. Некоторые водители успевали за короткий промежуток времени продемонстрировать несколько оскорбительных и угрожающих жестов. Наиболее популярными оказались оскорбительные жесты «средний палец», покрутить пальцем у виска, постучать вытянутым пальцем по лбу, вытянутая рука со сжатым кулаком, сопровождаемые нажиманием на гудок, соответствующей мимикой и вербальными комментариями.

Показательно, например, что в Германии, считающейся европейским лидером по культуре на дорогах, за любое оскорбительное высказывание или жест налагаются серьезные штрафы: показать язык — от 150 до 300 евро; показать «птичку», т.е. покрутить пальцем у виска — 750 евро; помахать



ладонью перед лицом (равно слову «идиот») — от 350 евро до 1000 евро; показать средний палец — от 600 до 4000 евро (<http://www.dni.ru/auto/2009/11/20/179704.html> (дата обращения — 19.11.2013)).

В подкласс коммуникативных жестов включаются также этикетные жесты — «невербальные знаковые единицы коммуникативного поведения людей, говорящие о его соответствии нормам общественного поведения в данной актуальной и подчеркивающие ритуальные особенности этой ситуации» [Крейдлин, 2004, с. 101]. К данным жестам относится такая традиционная форма приветствия, как рукопожатие. Данный жест не только коммуникативен, но и регулятивен и символичен, т.к. обозначает доверие и уважение к партнеру. Важнейшими компонентами данного жеста являются интенсивность и длительность.

*Он хотел сперва поцеловать его в плечо, но так как Николай вместо того пожал ему руку, то Феноген важно откинулся назад и **ответил крепким, до боли, пожатием**. Он позволял себе думать, что он не слуга, а друг Николая, и рад был публичному признанию его в этом достоинстве (Л. Андреев. В темную даль.)*

В данном примере рукопожатие «до боли» является не знаком агрессии и деструктивного поведения, а, наоборот, знаком признания статусного равенства, глубокого уважения и дружбы.

С другой стороны, если человек не подает руки в ситуациях, когда от него это ожидается, это может быть расценено как знак отрицательного, вплоть до деструктивного, отношения к собеседнику:

*Выйдя из вагона, Сталин не подал руки никому из встречавших, а Медведя ударил по лицу, не снимая перчатки (Р. Медведев. О Сталине и сталинизме. Исторические очерки. НКРЯ.)*

Второй тип эмблематических жестов — симптоматические жесты — представляет собой кинемы, выражающие эмоциональное состояние жестикулирующего, при этом именно эмоция (а не ее физиологическое выражение) выступает означаемым всех симптоматических жестов [Крейдлин,

2004, с. 114]. Наиболее распространенными симптоматическими жестами нарастающей агрессии являются жест «замахнуться на кого-либо», сжимание кисти в кулак (точное значение данного жеста может быть определено только из контекста, т.к. сжимание кисти в кулак может быть симптомом сильного волнения и некоторых других эмоций), жест-потрясение кулаками / кулаком либо когда напряженные руки обхватывают воображаемое горло и душат воображаемого противника.

*Лидия, взяв брюки мужа со спинки стула, чтобы прибрать их, вдруг замахнулась на Петра, будто желая ударить. (А. Слаповский. Синдром Феникса. НКРЯ.)*

*И разве свирепы четыре измученных питерских мастеровых, один венгр, едва понимающий по-русски, и три латвийских мужика, почти позабывшие родину, какой год убивающие сперва немцев, потом гайдамаков, а потом ради великой идеи — врагов революции, вот они, враги, бородатые, со зверской ненавистью в очах, босые, в исподних рубахах, один кричит, **потрясая кулаками**, другой бухнулся на колени, воют бабы за тыном. (И. Сухих. Пытка памятью. НКРЯ.)*

*— Мщения! — кричал багровый полковник, **потрясая кулаком**. — Мщения! (Б. Васильев. Были и небыли. Книга 1. НКРЯ.)*

*— Я, например, настоящий, — Веенн сделал жест, как будто он душил воображаемого противника. — Прикончу первого же амплитур, которого встречу. Внезапно его воинственный настрой сменился торжественно-задумчивым. (А. Фостер. Фальшивое зеркало. <http://knijky.ru/books/falshivoe-zerkalo> (дата обращения — 05.11.2013).)*

Интересная особенность симптоматических жестов была подмечена Г.Е. Крейдлиным, установившим, что говорящий может намеренно воспроизводить их в диалоге для обозначения соответствующей эмоции, при этом не испытывая данной эмоции, переводя тем самым симптоматический жест в разряд коммуникативных [Крейдлин, 2004, с. 114].

*Тут Тодоров молча потрясает сжатым кулаком, но лицо его не зло, а вдумчиво и настороженно. (М.Ф. Чумандрин. Два часа. НКРЯ.)*

В данном примере жест потрясения кулаком не обозначает агрессивного намерения, о чем свидетельствует описание кинемы лица – «не зло, а вдумчиво и настороженно».

В августе 2012 г. в прессе и Интернет-новостях появились фотографии президента В.В. Путина, который замахнулся кулаком на монаха, пытавшегося в качестве приветствия поцеловать ему руку:

*Президент России Владимир Путин во время официального визита на святой остров Валаам пожал руки нескольким прихожанам, прибывшим на совет министрам и одному из священников. Другой священнослужитель монастыря вместо рукопожатия предпочел в поясном поклоне поцеловать руку Владимира Путина. Путин был обескуражен таким поведением, после чего с недовольным взглядом замахнулся на него кулаком ([http://zn.ua/POLITICS/putin\\_zamahnulsya\\_na\\_svyaschennika,\\_pytavshegosya\\_potselovat\\_ego\\_ruku\\_video.html](http://zn.ua/POLITICS/putin_zamahnulsya_na_svyaschennika,_pytavshegosya_potselovat_ego_ruku_video.html) (дата обращения — 30.08.2012).)*

Ситуацию разъяснил пресс-секретарь главы государства Дмитрий Песков: «Отец Мефодий, он иностранец и очень эмоциональный, они лет 10 уже знают друг друга. У церкви ведь другие нормы поведения, поэтому он по-церковному приветствовал Путина, это неоднократно было раньше. Путин ему в шутку показал кулак, мол, я сколько раз тебе говорил больше так не делать» (Курсив наш. Я.В.), — пояснил Песков, добавив, что президента и батюшку связывают добрые дружеские отношения (<http://sob.ru/news/38337> (дата обращения — 30.08.2012)).

Таким образом, в данной коммуникативной ситуации описанный жест (истолкованный многими издательствами, кстати, именно как агрессивный) является отнюдь не знаком агрессии, а коммуникативным сигналом «я-ж-тебе-говорил-так-не-делать», понятным людям, знакомым с ситуацией и участниками общения.

Следующая группа жестов — иллюстраторы — представляет собой спонтанные жесты, сопровождающие речь (в отличие от предыдущего класса жестов-эмблем, которые могут употребляться независимо от речи и имеют самостоятельное лексическое значение). Это самый обширный класс жестов, направленных на передачу информации и выполняющих коммуникативную функцию. Согласно экспериментальным данным, в речи на 100 иллюстративных жестов приходится примерно 1 эмблематический [Николаева, www]. Наиболее известная типология иллюстративных жестов была предложена в 1982 году Д. МакНилом и Э. Леви [McNeill, Levy, 1982]. Ученые выдвинули гипотезу о том, что жесты являются компонентом вербального, а не невербального поведения человека, и выделили четыре группы иллюстративных жестов: ритмические (многократные жестовые ударения, падающие на каждый слог или на ударный слог каждого слова в выделяемом фрагменте), дейктические (указывают на некоторый референт или точку во времени или пространстве), иконические (изобразительные жесты — наиболее сложные по форме, передающие коммуниканту какую-то информацию, дублируя или дополняя слова) и метафорические (чьё содержание передает некую абстрактную идею).

Жестовые ударения представляют собой «движения рук, синхронные с актуальной речью и осуществляемые в одном с нею коммуникативном пространстве, движения головой и др. Основное назначение этих иллюстративных жестов, как следует из самого их названия, — кинетически акцентировать, выделять какие-то фрагменты речи, отделяя их от остальных, и тем самым более четко структурировать речевой поток» [Крейдли, 2004, с. 118]. В деструктивном общении к ритмическим жестам можно отнести жест «стукнуть по столу», который служит для кинетического акцентирования наиболее эмоционально нагруженных участков высказывания.

— *А ну перестань!* — *оборвал её Нейман и стукнул кулаком по столу.*  
— *Дай сюда эту гадость.* — *Он вырвал пакет и отбросил его на тахту.* — *Ах*

*ты сумасшедшая дура, — выругался он. (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей.)*

В данном примере указанный жест выражает основное жестовое ударение в высказывании, сопровождающее оскорбительное высказывание.

«Стукнуть по столу» можно не только кулаком — данный жест имеет несколько предметных разновидностей:

- *бабка прикрикнула и даже **стукнула по столу пальцем** (К. Тахтамыев. Айкара. НКРЯ);*
- *вдруг заорал Приходченко и **стукнул чашкой по столу**. (Т. Устинова. Персональный ангел. НКРЯ).*

Необходимо также оговориться, что рассматриваемый жест многозначен и может служить как для выражения агрессивных эмоций (переориентированной агрессии), так и для привлечения внимания или как знак власти («стукнуть по столу» — потребовать исполнения чего-либо, опираясь на свои полномочия). В последнем случае он приобретает оттенок метафоричности, т.к. соотносится с абстрактным понятием — жест как знак власти.

*Депутаты попросили губернатора **«стукнуть по столу»**. (<http://dom.v1.ru/text/daynews/34706.html> (дата обращения — 30.08.2012).)*

К метафорическим могут быть отнесены такие жесты, которые одновременно отображают две вещи: 1) основу метафоры, а именно нечто реально существующее, что представлено в жесте; 2) некую абстрактную идею, выраженную жестом. Чаще всего встречаются так называемые «метафоры передачи» (*conduit metaphor*), которые могут сопровождать вопрос, просьбу, восклицание или обращение. Типичная форма жеста «метафора передачи» такая: ладонь говорящего раскрыта и развернута вверх, и рука делает движение вперед, к адресату; тем самым говорящий как бы передает на ладони свою реплику слушающему [McNeill, Levy, 1982; McNeill, 1992]. Данная классификация иллюстраторов подверглась критике со стороны многих исследователей (см., напр. Kendon, 2004; Николаева, [www](http://www)), и спустя более чем

20 лет Д. МакНил предложил разграничивать не сколько вышеуказанные *типы* жестов, сколько их *аспекты* или *характеристики* (dimensions), т.е. *иконичность*, *дейктичность*, *ритмичность* и *метафоричность*, обосновав это тем, что рассматриваемые семиотические характеристики не являются категориальными и иконичность, ритмичность и т.д. зачастую характеризуют один и тот же жест [MacNeill, 2005, p. 41]. Данный подход представляется нам полностью оправданным, ибо позволяет рассматривать различные аспекты одного и того же жеста, не пытаясь провести жесткой границы между ними (см. выше жест «стукнуть по столу»). Попытка жестко классифицировать жесты приводит к бесконечным спорам и запутанным классификациям (в качестве примера можно привести попытку Пэррилл (Parill) доказать, что жест “okay” может рассматриваться как метафорический [Cienki, Muller, 2008]). Иконичность, например, является характеристикой эмблематических жестов: она проявляется, когда «референция к предмету или событию происходит при помощи изобразительной метафоры» [Крейдлин, 2004, с. 104]. Примером этому может служить жест «пристрелю», когда пальцы жестикулирующего демонстрируют движение — выстрел, направленный на оппонента.

Говоря о метафорических жестах или, скорее, о метафоричности жестов, необходимо отметить, что Д. МакНил рассматривает метафору не в традиционном литературоведческом понимании, а как средство познания, концептуализации действительности, следуя концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Концептуальная метафора характеризуется наличием некоего абстрактного содержания, передаваемого через вполне конкретный образ, который в свою очередь, становится частью значения. Жесты добавляют образность необразным понятиям и являются культурно-специфическими — образы, создаваемые с помощью жестов, и их метафорическое продолжение охватывают самые глубокие бытийные представления определенной культуры [MacNeill, 2005, p. 45—47]. Таким образом, можно рассмотреть жесты деструктивного общения с точки зрения культурной модели физиологических проявлений, например, гневной агрессии, которая формирует основу для

метафоры «Гнев есть горячая жидкость в контейнере» или «Гнев есть жар», а также частного случая данной концептуальной метафоры, метафоры «Гнев есть огонь». Как было показано выше, данная метафора является наиболее распространенной концептуальной метафорой гнева как в англо-, так и в русскоязычной культуре [Lakoff, 1987; Kövecses, 1990; Покровская, 1998]. Напомним, что в русском языке существует множество слов и метафорических выражений гнева, которые подчиняются сценарию гнева как горячей жидкости в контейнере и связаны с идеей температуры: *(за)кипеть, кипяти́ться, взрывать(ся), бурлить, вспылить, выпускать пар, вспыхнуть, доводить до белого каления, метать искры / молнии* и др. Данная метафора подчеркивает аспект интенсивности гнева (*напирать, переполнять*), и его опасности для окружающих и самого субъекта эмоции вследствие потери контроля и перехода к открытой агрессии. Возбуждение человека является, в свою очередь, частью культурной модели безумия [Kövecses, 1990, p. 59], ибо открытое агрессивное поведение человека похоже на поведение безумного человека. Многочисленные метафорические выражения отражают базовые представления о влиянии эмоции гнева на человека: человек в состоянии гневного аффекта не может функционировать нормально, его поведение подобно поведению сумасшедшего (*обезуметь, белены объестся, взбелениться, рвать и метать, бесноваться* и др.), что представляет реальную угрозу для окружающих. В некоторых жестовых компонентах отражено не только их биологическое происхождение, но и отсылка к существующим концептуальным метафорам. В качестве примера рассмотрим жест «сжимать кулак(и)», который характеризуется многозначностью.

*Выступает японский спортсмен, сжимает лимон в кулаке — и в стакан вытекает 50 граммов лимонного сока. (А. Тарасов. Миллионер. НКРЯ.)*

В приведенном примере рассматриваемый жест не иконичен и не метафоричен, а является непосредственным описанием производимого действия.

*Нина рожала там же, за занавеской, а я выходил на двор и сжимал кулаки так, что ногти впивались в ладони. (И. Грекова. Хозяева жизни. НКРЯ.)*

В данном случае жест обозначает крайнюю степень волнения персонажа и характеризуется метафоричностью: он как бы «запирает» эмоцию внутри, отсылая нас к главной концептуальной метафоре эмоций — тело человека есть контейнер для эмоций, которые могут стремиться вырваться из этого контейнера при нарастании интенсивности.

В следующих примерах рассматриваемый жест является знаком враждебности и агрессивных намерений:

*«Я тебя душить буду!» — при этом он лиловел, сжимая кулаки, словно душил сразу двоих одновременно. (М. Палей. Поминование. НКРЯ.)*

*— Вам чего тут надо? — крикнул он, сжимая кулаки и смеясь своими запенившимися от злобы губами. (И. Анненский. Вторая книга отражений. НКРЯ.)*

Данный жест является не просто симптомом нарастающей агрессии: он как бы отсылает нас к концептуальной метафоре контейнера, согласно которой агрессивные эмоции накапливаются, подобно горячей жидкости в контейнере (по аналогии с давлением воды, зажатой в плотине) и могут вырываться наружу при отсутствии сдерживающих факторов. Безошибочно отнести рассматриваемый жест к жестам деструктивной коммуникации нам помогают другие невербальные (описание физиологических и мимических проявлений гнева / ненависти «лиловел», «смеясь запенившимися от злобы губами») и вербальные (речевой акт угрозы «Я тебя душить буду») ключи. Собеседник, замечая данный жест, немедленно осознает, что контейнер переполнен и человек может «взорваться», если его не успокоить. Таким образом, жест «сжимать кулак(и)» кроме иконичности характеризуется метафоричностью, т.к. «картинка», создаваемая с помощью данного жеста, будучи доступной для понимания, играет решающую роль в процессе концептуализации эмоций группы гнева.



Третий семиотический класс жестов составляют регуляторы — «движения, устанавливающие, поддерживающие и регулирующие диалог» [Крейдлин, 2004, с. 125]. К ним относятся некоторые кивки, мелкие движения типы смены поз и некоторые движения тела. Данный тип жестов тесно связан с социальной, возрастной, этнической и культурной принадлежностью жестикулирующего [Там же, с. 125—126]. Так, например, если для ребенка, желающего вставить слово в разговор, допустимо просто схватить собеседника за руку, то для взрослого русского человека такой жест является либо знаком крайнего волнения, либо недостатка воспитания, либо агрессии.

*Он не дал ей договорить, схватил за руку и, задыхаясь от внезапного наплыва гнева, отшвырнул от стола (П. Боборыкин. Василий Теркин. НКРЯ.)*

Необходимо отметить, что бóльшую часть регулятивных жестов составляют мимические и пантомимические регуляторы, которые употребляются коммуникантами неосознанно, т.е. не являются коммуникативными в прямом смысле этого слова. Их изучение должно проводиться исключительно на практическом материале, т.к. маловероятно, чтобы регуляторы могли найти системное отражение в текстах. Следовательно, они не могут рассматриваться как средство системной невербальной концептуализации изучаемых эмоциональных состояний.

Хотя выделение эмблем, иллюстраторов и регуляторов сегодня в кинесике более или менее общепринято, это не означает, что данная классификация идеальна. Жесты, подобно другим знаковым единицам, могут переходить из класса в класс, приобретать или терять определенные характеристики (иконичность, метафоричность и др.). Возможно, важнейшим из процессов, происходящих с жестами, является процесс символизации, который можно наблюдать на примерах некоторых из описанных нами жестов деструктивного общения («средний палец», сжать кулаки, стукнуть по столу и др.). Поэтому мы считаем особо важным выделение не столько подклассов жестов, сколько их аспектов, помогающих всесторонне проанализировать жест, не будучи втиснутым в строгие рамки классификаций.

Подведем итоги. Мануальные жесты, как и другие невербальные знаки, являются важнейшим компонентом деструктивного общения. В рассматриваемом типе общения наряду с основными функциями, присущими жестам, они выполняют также особую функцию — функцию предвосхищения вербального выражения агрессивных эмоций и физической агрессии. Жесты, используемые в деструктивном общении, относятся к различным семиотическим группам в рамках описанной семантической классификации. Однако было отмечено, что между различными типами жестов в деструктивном общении не всегда можно провести четкую границу (например, жест «сжимать кулаки» может рассматриваться и как симптоматический жест, и как жест-иллюстратор), что, на наш взгляд, объясняется их эмоциональной природой. Отдельная перспектива работы связана с дальнейшим, более детальным изучением метафоричности эмоциональных жестов, которая до настоящего времени не подвергалась исследованию. Исследование метафоричности в жестах эмоциональной коммуникации позволяет вывести границы жестовой образности за пределы конкретных обозначений. Мы полагаем, что метафоричность жестов может рассматриваться как важнейшее средство концептуализации сложных абстрактных понятий, которыми, в частности, являются и эмоции.

### **2.4.3. Пантомимика**

Пантомимика, включающая в себя значимые телодвижения, позы, особенности осанки и походки, также является важнейшим компонентом кинесики. Под позой в современной кинесике понимается «определенное положение частей тела человека: головы, туловища, рук, ног, а также движения, которые изменяют это положение или влияют на него» [Василик, 2006, с. 325]. Очевидно, что поза присутствует всегда, в любой ситуации общения, поскольку представляет собой «биологически обусловленный способ размещения тела в пространстве» [Крейдли, 2004, с. 188]. Телесность как проблема философии и психологии имеет давнюю историю, в лингвистике же

интерес к телесной коммуникации в лингвокультурологическом аспекте наметился лишь недавно (см. работы Г.Е. Крейдлина, Д.Б. Гудкова, М.Л. Ковшовой). Аксиоматично, что восприятие мира носит антропоцентричный характер. По мнению Д.Б. Гудкова и М.Л. Ковшовой, «именно человеческое тело задает параметры изначального измерения пространства и, соответственно, времени и базовые архетипические оппозиции “далеко — близко”, “свой — чужой” и др. Тело в целом и отдельные его части могут рассматриваться как первичная основа концептуализации мира (как внешнего для человека, так и внутреннего). Рефлексия над собственным телом, его границами, строением служит источником как восприятия и описания пространства (вспомним такие меры длины, как пядь, локоть, foot и др.), так и универсальных метафор, давно стершихся и не воспринимаемых как троп (нос корабля, атаковать в лоб, ушко замка и др.)» [Гудков, Ковшова, 2007, с. 72]. Таким образом, подчеркивается перспективность изучения телесной коммуникации как в лингвистике, так в других науках.

С практической точки зрения разграничить жест и позу достаточно трудно. Работая под руководством австрийского танцовщика и хореографа Рудольфа Лабана, создавшего всемирно известную систему записи телодвижений (лабаннотацию) [Davies, 2006], британский исследователь невербального поведения Уоррен Лэмб предложил разграничивать жест и позу следующим образом: жест есть действие, ограниченное какой-либо частью или несколькими частями тела (an action confined to a part or parts of the body), в то время как поза есть действие, влекущее за собой непрерывное приспособление каждой части тела в последовательности в процессе изменения (an action involving a continuous adjustment of every part of the body with consistency in the process of variation) [Цит. по Leathers, 1976, p. 35]. Важным фактором в разграничении данных понятий служит время. В норме человек быстро переходит от одного жеста к другому, поза же, как правило, сохраняется гораздо дольше. Тот факт, что участники общения используют большое количество жестов за относительно короткий промежуток времени, дает им

возможность передать жестами множество значений. Набор и вариативность поз, а следовательно, и передаваемых ими значений, наоборот, ограничены. В целом данное понимание не противоречит широкой трактовке жеста, что позволило Г.Е. Крейдлину рассматривать позы как *жестовые* конвенциональные знаки [Крейдлин, 2004, с. 186—211].

Классификация поз может быть проведена по следующим основаниям: 1) этапы общения — позы вступления и выхода из контакта; 2) виды отношений и взаимоотношений — позы, выражающие симпатии / антипатии, подчинение / доминирование, включенность / отчужденность; 3) психофизиологические состояния — поза напряженная и расслабленная, активная и пассивная; 4) соответствие поз партнеров в общении — синхронные / несинхронные позы; 5) направленность позы — позы партнеров лицом друг к другу, спиной друг к другу, лицо к спине; 6) соответствие позы другим элементам экспрессии — поза гармоничная или дисгармоничная [Василик, 2006, с. 326]. Что касается значений и оценок, передаваемых с помощью поз, то специалистами по невербальной коммуникации было выделено четыре следующих типа значений: непосредственность (*immediacy*); восприимчивость, отзывчивость (*responsiveness*); согласие (*agreement*); власть или социальный статус (*power or social status*) [Leathers, 1976]. Первые два типа представляют собой, на наш взгляд, весьма трудные для интерпретации описания, несмотря на их широкое использование в литературе по невербальной коммуникации. В настоящее время выделяется шесть типов значений, для кодирования которых позы наиболее приспособлены: 1. Тип отношения к другому человеку. Так, например, А. Мехрейбиан в результате проведения серии экспериментов убедительно доказал, что степень наклона корпуса, ориентация тела в пространстве относительно собеседника, контакт глаз, степень открытости тела являются важнейшими показателями имплицитного отношения к адресату [Mehrabian, 1972, p. 25—27]. Т.Г. Ренц в своем исследовании романтической коммуникации также показала, что позы могут блокировать или открывать каналы коммуникации, регулируя речевой поток [Ренц, 2011, с. 213]. 2. Статус.

Исследованиями А. Мехрейбиана также было установлено, что положение тела человека, имеющего более высокий социальный статус, всегда несколько отличается от позы человека с более низким социальным статусом по степени расслабленности корпуса, свободы положения рук и ног и т.п. [Mehrabian, 1972].

3. Физическое и психическое состояние, куда относится и выражение эмоций.
4. Степень вовлеченности в диалог или в обсуждаемую ситуацию.
5. Поиск участия, т.е. желание найти в партнере душевный отклик, теплоту или участие.
6. Обман [Крейдлин, 2004, с. 193—197].

Нас в первую очередь интересуют исследования способности позы выражать психоэмоциональное состояние говорящего. Пионером в этой области был Ч. Дарвин, который достаточно подробно зафиксировал соотношение между положениями тела и специфическими эмоциями. Из интересующих нас эмоций-стимулов деструктивного поведения Ч. Дарвин описал телодвижения и позы для гнева, отвращения и презрения (табл. 3) [Darwin, 1965].

Таблица 3

Anger/rage Гнев / ярость	Whole body trembles, intend to push or strike violently away, inanimate objects struck or dashed to the ground, gestures become purposeless or frantic, pacing up and down, head erect, chest well expanded, feet planted firmly on the ground, one or both elbows squared or arms rigidly suspended by the sides, fists are clenched, shoulders squared (pp.74, 239, 243, 245, 271, 361)
Disgust Отвращение	Gestures as if to push away or to guard oneself, spitting, arms pressed close to the sides, shoulders raised as when horror is experienced (pp.257, 260)
Contempt Презрение	Turning away of the whole body, snapping one's fingers (pp.254, 255, 256)

Однако, по данным П. Экмана и В. Фризена, поза дает относительно скудную информацию об эмоциональных состояниях человека: если выражение лица предоставляет больше информации о конкретных эмоциях, то положение тела (поза) демонстрирует глубину и интенсивность переживаемой эмоции, т.е. является индикатором количества, а не качества испытываемой эмоции [Ekman,

1974; 1975]. Более поздние исследования Г. Валботта показали, что это не совсем так. Ученый провел экспериментальное изучение 14 эмоций, включая горячий гнев, холодный гнев, отвращение и презрение, используя профессиональных актеров для «кодирования» этих эмоций в позах. Результаты выявили тот факт, что существуют вполне определенные положения тела, ассоциируемые с конкретными эмоциями (что соотносится с наблюдениями Ч. Дарвина), и эти положения тела могут считаться стереотипными [Wallbott, 1998]. Данные были подтверждены экспериментальным исследованием А. Шарани и Д. Романо [Shaarani, Romano, 2007]. Для выражения крайней степени гнева характерна, например, следующая поза: кулаки произвольно сжаты, дыхание учащенное, тело выпрямлено, возможно совершение произвольного движения в сторону обидчика [Ekman, Friesen, 1975, p. 1]. Возможно, именно эти компоненты входят в понятие так называемой «агрессивной позы» при использовании данного словосочетания в художественном описании:

*Аркадий вскочил с сиденья, на миг застыл в агрессивной позе, словно был сильным чемпионом, а потом изменил настроение, почувствовав расслабленную ласковость своего внутреннего мира, и снял трубку, приложив ее к щеке, как целующую мордашку любимой. (Е. Радов. Змеесос. НКРЯ.)*

Практический материал показывает, что вышеперечисленные компоненты пантомимического выражения гнева / ярости в различной степени находят свое отражение в художественной репрезентации деструктивных эмоций. Художественные описания пантомимических компонентов, подобно описаниям других невербальных компонентов, могут быть эксплицитными и имплицитными. Первые представляют собой указание на характер действия (повернулся, обернулся, шагнул, двинулся, отвернулся и др.) плюс указание на конкретную эмоцию (в бешенстве, презрительно, с отвращением / презрением, / яростью / бешенством / завистью, ревниво, завистливо, ненавистно, агрессивная поза, ненависть / презрение в позе и т.д).

— Подарите мне эту картину, Алин... Она **обернулась в бешенстве**. — И вы смеете как ни в чем не бывало приходить ко мне? (Э. Радзинский. Княжна Тараканова. НКРЯ.)

Превозмогая боль, **Седьмой в ярости вскочил на ноги** и хотел в пируэте нанести Савелию удар ногой в голову, но на этот раз Савелия спасла дорога: грузовик подпрыгнул на какой-то колдобине, и нога Седьмого просвистела у его виска. (В. Доценко. Тридцатого уничтожить. НКРЯ.)

Она с **отвращением отодвинулась** на край кровати и осторожно, боясь, что он проснется, поднялась и ушла в свою комнату. (Н. Островский. Рожденные бурей. НКРЯ.)

Федератовна **вскочила с места**, всем своим округленным телом **пытаясь вступить с Умрищевым в злобное действие** (А. Платонов. Ювенильное море.)

Данные описания, а также подобные им, кроме пантомимического включают в себя и проксемический компонент, т.к. отображают увеличение / уменьшение дистанции между коммуникантами (отодвинуться, отвернуться, двинуться на кого-либо и т.п.).

Имплицитные описания пантомимических компонентов, как уже было показано в нашем предыдущем исследовании, редко встречаются в текстах изолированно от описаний других невербальных компонентов деструктивной коммуникации и дополняются описаниями мимических, жестовых, проксемических, паралингвистических компонентов деструктивного общения [Покровская, 1998, с. 101]. Рассмотрим следующий пример:

— **Рубите!!!** — **заорал комсомолец, взбесившись, с пеной у рта**. — **Нету Бога! Нету!.. Сдох ваш Бог!!!**

— **Врешь!!!** — **закричал вдруг кто-то позади мужиков**.

**Толпа раздалась в обе стороны**.

**Навстречу статному комсомольцу вышел небольшой — комсомольцу по пояс — мужичок: тело его было все в шрамах от пуль, в рубцах от сабель. Встал напротив, бросил шапку оземь:**

— *Врешь, собака! Жив Бог! Бог живой!!!*

— *Батяка?* — удивился комсомолец.

— *Я, сынок,* — ответил.

— *Уходи, отец!* — приказал сын.

***Грудью на отца пошел:***

— *Ты ж, отец, красноармейцем был, за Советскую власть кровь проливал!*

— *Против Бога я не воевал!* — ответил отец.

***Грудью на пути сына встал.***

***Налились глаза комсомольца кровью.***

— *Уйди с дороги!* — закричал бешено. — *Уйди!*

***Толкнул изо всей силы отца. Упал отец, ударился головой об лед. Кровь изо рта показалась.***

*Ахнул народ.*

*Но поднялся, шатаясь, отец. Схаркнул кровь, подошел к сыну.*

— *Чертов сын!* — сказал, ***размахнулся и ударил его по зубам.***

*Словно бусы, изо рта на лед белые зубы посыпались, жемчугом по льду раскатились.*

— *А-а-а!!!* — ***страшно закричал сын окровавленным ртом.*** — *Убью!!!* — ***и пошел на отца.***

***Будто обнявшись, схватились в смертельной схватке отец и сын.***

— *Наших бьют!!!* — закричали с обеих сторон.

*И пошла потеха.*

*Начался кулачный бой. (С. Василенко. Дурочка.)*

В данном эпизоде, насыщенном разнообразными языковыми средствами описания деструктивных эмоций злобы / бешенства / ненависти представлено развитие эмоционального конфликта от деструктивной коммуникации до прямой физической агрессии. Описание пантомимическо-проксемических компонентов «грудью на отца пошел», «грудью на пути сына встал», «пошел на отца» сопровождаются описаниями просодических компонентов коммуникации



«заорал с пеной у рта», «закричал бешено», «страшно закричал», физиологических проявлений ярости «налились глаза кровью», а также физической агрессии «толкнул изо всей силы», «размахнулся и ударил его по зубам», «будто обнявшись, схватились в смертельной схватке». Описание прямых физических агрессивных действий является при этом кульминацией конфликта.

*Ирина вскочила с места и злобно выругалась, Таня сделала очень неприличный жест. (Е. Романова, Н. Романов. Дамы-козыри. НКРЯ.)*

В данном примере описание пантомимического компонента «вскочила с места» дополняется описанием просодемы «злобно выругалась», что вместе с описанием жеста другого персонажа дает возможность отнести всю ситуацию к деструктивному типу.

Интерес представляет пантомимический жест «дрожь тела», который может соотноситься с различными эмоциональными состояниями коммуникантов, включая волнение, возбуждение, страх, отвращение, радость, гнев, любовь [Ганина, 2005, с. 141—142; Ренц, 2011, с. 212]. То, что дрожь как физиологическая реакция сопровождает проявление как положительных, так и отрицательных эмоциональных состояний, делает необходимостью ее эксплицитное или имплицитно-определяющее описание в тексте.

*И тогда, страшно матерясь и дрожа от гнева, старший загнал в лодку двух братьев-парнишек — жрать рыбу могут, значит, и ловить ее годятся. (В. Астафьев. Царь-рыба. НКРЯ.)*

*Они смотрели друг на друга, сталкивались взглядами. И Жеку прямо трясло от ненависти. — А вы не знаете, да?! (Э. Шим. Ребята с нашего двора. НКРЯ.)*

*Дрожа от ненависти, воинственного возбуждения и невозможности сцепиться в честной рукопашной, противники со своих позиций поливают друга друга шквалом оглушительных оскорблений. (Д. Рубина. Я и ты под персиковыми облаками. НКРЯ.)*

*Его **трясло от бешенства**, вжимало в кресло от унижения. (В. Левашов. Заговор патриота. НКРЯ.)*

Из пантомимических компонентов зависти можно выделить компонент «завистливо пожать плечами», что, возможно, означает «выразить зависть, замаскированную под пренебрежение»:

*Тогда профессионалы просто **завистливо пожимают плечами**: «Филинг!» (М. Озерова. Мы за ценой не постоим. НКРЯ.)*

К сожалению, в процессе анализа практического материала нам не удалось выделить какого-либо специфического описания пантомимических компонентов ревности, что в целом подтверждает тот факт, что ревность как сложный эмоционально-когнитивный комплекс на бессознательном уровне имеет физиологические и невербальные проявления доминирующей эмоции (ненависти, презрения, отвращения и т.п.).

*Грея это очень напрягало, его **трясло от ревности и злости**. Но он сдерживал себя. (Л. Ховард. У любви свои законы.)*

*Вышла 17 лет назад замуж за мужчину, у которого была восьмилетняя дочь от первого брака. Но она с мамой вообще жила рядом, общалась с отцом каждый день, и ночевать у нас оставалась, и все выходные, и на море вместе, и все праздники. Я страдала невыносимо. Меня аж **трясло от ревности и ненависти***

*(<http://www.psynavigator.ru/forum/viewtopic.php?p=54995&sid=a9e6d8a7f765fae00c18021e2ae91c7a> (дата обращения — 30.11.2013).)*

Подведем итоги. Пантомимические компоненты являются неотъемлемой частью деструктивного общения и играют определенную роль в невербальной концептуализации деструктивных эмоций. Группа пантомимических невербальных компонентов деструктивного общения описывается в тексте с помощью, как правило, глагольных словосочетаний, содержащих указание на испытываемую эмоцию: *зло топнул, злобно скомкал, гневно обернулся, бешено вскочил / выскочил, отвернулся с гневом / с ненавистью / со злостью, вскочил в гневе, ткнул с яростью, трясло от ненависти / злости / гнева / ярости /*

*бешенства / ревности, дрожал от гнева / ненависти / злости/ зависти* и т.д. Таким образом, описания пантомимических компонентов деструктивного общения представляют собой в основном эксплицитные описания без отражения внешних признаков действия. Имплицитные описания содержат в себе описания отдельных элементов, которые «отвечают» за всю позу (*топнул ногой, затопал ногами, размахивал руками, грудью пошел на...* и т.п.). Именно эти элементы выражают определенные эмоции и человеческие взаимоотношения, и именно они реконструируют в сознании читателя (в соответствии с его эмоциональным опытом и интеллектом) всю позу целиком, из чего следует, что из них складываются стереотипные представления о телесном выражении эмоций вообще и деструктивных эмоций в частности.

Описания положений тела зачастую содержат в себе описания пространственных компонентов общения, которые играют важную роль в концептуализации деструктивных эмоций. О них речь пойдет в следующем параграфе работы.

#### **2.4.4. Проксемика**

Пространственное поведение человека попало в фокус исследований коммуникации благодаря трудам выдающегося американского антрополога Эдварда Холла, который ввел в науку термин «проксемика» и определил предмет и задачи новой отрасли знаний. Под проксемикой понимается наука о коммуникативном пространстве, о том, «как человек мыслит коммуникативное пространство, как его обживает и использует» [Крейдлин, 2004, с. 457]. Исследования Э. Холла в области пространственных взаимоотношений коммуникантов привели к осознанию скрытых мотивов общения и позволили вывести основные положения проксемики, которые в самых общих чертах, можно свести к следующим: 1) существуют правила пространственного поведения, которые подразделяются на универсальные и культурно-специфичные, основой которых являются не только собственно пространственные, но и личностные, социальные, культурные, языковые и

другие параметры; 2) важнейшим пространственным параметром является расстояние, которое бывает двух типов — физическое, включающее четыре вида коммуникативных дистанций [Hall, 1969, p. 117—127] и психологическое [Крейдлин, 2004, с. 468—478].

Личная территория имеется у каждого человека: это может быть его дом, комната, место в комнате, но в первую очередь это четко обозначенное воздушное пространство вокруг тела. Доказано, что физическое тело большинства животных, человека в том числе, окружено определенной пространственной зоной, которую он считает своей личной территорией [Пиз, 1992, с. 34]. Национально-культурная специфика пространственного поведения проявляется прежде всего именно в этих дистанциях. Известный тезис Э. Холла — «люди из разных стран не только говорят на разных языках, но и наследуют различные сенсорные миры» [Hall, 1969, p. 2] — дал толчок многочисленным исследованиям в области культурных различий в пространственном поведении людей и концептуализации пространства в целом [Пиз, 1992; Critchley, 1972; Key, 1975; 1995; Morris, 1977 и др.].

В деструктивном общении пространственное поведение коммуникантов играет особую роль, с ним связана концептуализация эмоциональных состояний, стимулирующих и поддерживающих деструктивную коммуникацию. Речь идет в первую очередь о «кластере гнева», куда входят раздражение, гнев, злость / злоба, ярость, бешенство, ненависть, а также о таких враждебных эмоциях, как презрение и отвращение. Вышеупомянутые исследования зонирования пространства представляют интерес для нашей работы в первую очередь потому, что многие ситуации деструктивного общения напрямую связаны с вторжением в личную или даже интимную зону человека. Личная дистанция представляет собой «защитную область одного человека от другого», «пространство, удобно отделяющее людей» [Крейдлин, 2004, с. 468]. Что касается интимной дистанции, то это расстояние полной человеческой близости, характерное, прежде всего, для интимного романтического общения [Ренц, 2011, с. 226—233].

К сожалению, на сегодняшний день проведено не так много исследований по выяснению связи между личной территорией, нарушением ее границ и деструктивным поведением. С одной стороны, любой акт прямой физической агрессии есть аргіогі вторжение в личную / интимную зону человека, что отражено в семантике пространственных языковых единиц, в исходных значениях обозначающих вторжение в пространство, а затем и физическую агрессию: *нападать, накидываться, набрасываться, налетать, напуститься на кого-либо*. С другой стороны, было установлено, что даже неосознанное вторжение постороннего человека в интимную зону или на личную территорию другого человека вызывает в организме последнего физиологические симптомы агрессии: «Сердце начинает биться быстрее, происходит выброс адреналина в кровь, и она приливает к мозгу и мышцам как сигнал физической готовности нашего организма к бою, то есть состояние боевой готовности» [Пиз, 1992, с. 36—37]. Подобные реакции можно наблюдать в ситуациях большой скученности людей (в переполненном транспорте, на концерте, стадионе, в очереди и т.д.). Поэтому совершенно непреднамеренные столкновения в подобных ситуациях вызывают перепалки и ссоры, некоторые из которых заканчиваются дракой. Хотя, по замечанию проф. В.И. Шаховского, сделанному им в устной беседе, у русских проксемики нет как таковой, потому что нет понятия о том, что такое личное, а что неличное, многие люди признаются в трудности сдерживать себя в ситуациях «вторжения» в их личное пространство.

*Я вот тоже просто не переношу, когда ко мне не то что даже прикасаются, а просто незнакомые чужие люди входят в мое персональное пространство (радиус сантиметров 50). Конечно по обстоятельствам... недавно на автобусе как-то общественным транспортом проехала... боролась всю дорогу с раздражением ([forum.ngs.ru/board/psi/flat/1877227965/?fpart=all](http://forum.ngs.ru/board/psi/flat/1877227965/?fpart=all)) (дата обращения — 29.05.2013.)*

***В транспорте постоянно чувствую раздражение, по мере возможности стараюсь встать или сесть так, чтобы никого не касаться.***

*Когда кто-то пытается дотронуться, взять за руку и т.п. — сильно напрягаюсь ([forum.ngs.ru/board/psi/flat/1877227965/?fpart=all](http://forum.ngs.ru/board/psi/flat/1877227965/?fpart=all) (дата обращения — 29.05.2013).)*

*А вот, если ко мне кто-то прикасается, ну какой-то незнакомый или малознакомый человек или коллега, с которой я не состою в тесном контакте, то у меня моментально возникает чувство, что они хотят как-то управлять мною, что ли, и поэтому **я на это агрессивно реагирую** (не дерусь, конечно), но сдерживаю себя, чтобы что-то нехорошее не сказать. ([forum.ngs.ru/board/psi/flat/1877227965/?fpart=all](http://forum.ngs.ru/board/psi/flat/1877227965/?fpart=all) (дата обращения — 29.05.2013).)*

В приведенных примерах вербального описания пространственных ощущений авторы говорят об испытываемом ими раздражении при нарушении их личного пространства, а раздражение представляет собой один из мощных стимулов деструктивной коммуникации.

Однако американский психолог Чарльз Мюллер предположил, что прямую зависимость между нарушением личного пространства и агрессивным поведением все же установить нельзя. Нарушение границ личного пространства, по Ч. Мюллеру, может привести к агрессивным действиям, главным образом, по двум причинам. Во-первых, появляющееся при этом возбуждение способствует осуществлению индивидом некой доминанты поведения, и если такой доминантой является враждебность, то можно предположить возможность эмоциональной разрядки именно в форме агрессивной реакции. Во-вторых, подобное поведение может быть проявлением инструментальной агрессии. Это, по мнению Ч. Мюллера, происходит в том случае, если человек не сможет достичь эмоциональной разрядки никакими другими действиями. Так, если при нарушении личного пространства возможность бегства полностью исключается, то индивид может прибегнуть к прямой агрессии [Цит. по: Румянцева, www]. Очевидно, что подобные ситуации вовсе не обязательно завершаются физической или вербальной атакой со стороны «пострадавшего», что является наиболее радикальной из возможных

реакций. Но встречаются индивиды, у которых уровень «свободно плавающего гнева» чрезвычайно высок, и любое немотивированное вторжение в личное пространство может привести к жесткой деструктивной реакции.

Исследования пространственного коммуникативного поведения проводятся не только на материале реальной коммуникации. Известно, что пространство занимает особое место в работах художников, однако Э. Холлом было подмечено, что писатели также обращают внимание на пространство в своих произведениях, и их успех / неудача в общении с читателями во многом зависит от использования пространственных описаний для передачи степени близости персонажей [Hall, 1969, p. 94]. Именно Э. Холл впервые использовал художественные тексты в качестве достоверного источника информации о пространственном поведении людей. В процессе работы было отобрано 350 примеров художественного описания пространственного поведения персонажей в ситуациях, относимых нами к ситуациям деструктивного общения. В 65 % случаев ситуация «запускалась» эмоциями кластера гнева, около 35 % пришлось на долю других негативных эмоций, включая презрение (21 %), отвращение (9 %), другие эмоции и эмоционально-когнитивные комплексы (зависть, ревность) (5 %). Было отмечено, что в большинстве примеров в ситуациях, стимулируемых эмоциями группы гнева, описывается сокращение дистанции между партнерами по общению, что отражает концептуализацию эмоций данной группы как физиологического процесса. Физиология гнева предусматривает движение (как произвольное, так и непроизвольное) в сторону обидчика, что выражено пространственными глаголами «кинуться на», «пойти на», «броситься на», «наброситься» и некоторыми другими. В подобных ситуациях агрессивное состояние персонажа переходит в деструктивное действие.

*С воплем ярости Алексей кинулся на него и со всего размаха ударился о твердую поверхность. (А.В. Чаянов. Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека. НКРЯ.)*

— Голубинский, негодяй, и ты с ними! — сказал Ягудин, поднял палку и **пошёл на него**. (А. Рыбаков. Тяжелый песок. НКРЯ.)

Со стороны партнера по общению поведение агрессора вызывает испуг, страх, что проявляется в произвольной реакции ухода от удара (в том числе и воображаемого), что подразумевает инстинктивное увеличение физического расстояния между коммуникантами.

Он поднял на меня свои бежевые глаза, и вдруг на мгновение в них сверкнула такая неистовая ненависть, что я **отшатнулась**. (И. Грекова. В вагоне. НКРЯ.)

Акула развернулся в нашу сторону так яростно, что я **отшатнулся**. (М. Петросян. Дом, в котором ... НКРЯ.)

Однако во многих случаях коммуникант сдерживает свою агрессию и не хочет, чтобы адресат видел проявление этой эмоции на его лице, и, несмотря на испытываемые эмоции гнева, злости и т. д., сознательно увеличивает физическую дистанцию между собой и партнером по общению.

— Помогай своим русским, — пробормотал он сильным **от злости** голосом и **отвернулся**. (А. Герасимов. Степные боги. НКРЯ.)

Увеличение физической дистанции является главной пространственной характеристикой эмоций презрения и отвращения, также относящихся к эмоциям-стимулам деструктивного поведения. Обе эмоции подразумевают некое отдаление, создание расстояния между субъектом и объектом эмоции [Изард, 1980, с. 299]. При этом в случае презрения дистанцирование базируется на ощущении субъектом собственного превосходства, восприятию объекта презрения как недочеловека; в случае отвращения желание отстраниться от объекта связано с физиологическим ощущением плохого вкуса, тошноты.

Руслан **отвернулся с презрением** и побрел своим путем. (Г. Владимов. Верный Руслан. НКРЯ.)

Но вот он взглянул на черное лицо своего зятя и **отшатнулся с отвращением**. (М. Морозов. Шекспир на советской сцене. НКРЯ.)



Движение назад, увеличивающее физическую дистанцию в состоянии испуга, отвращения, презрения, выражается проксемными глаголами «отшатнуться», «отпрянуть», «отвернуться» (подробный разбор данных жестовых движений см. [Крейдли, 2004, с. 327—332]). Интересно, что в случаях, когда эмоциональным компонентом презрения выступают такие эмоции, как раздражение, злость, гнев, негодование, ярость, презрение «перевешивает» в пространственном отношении, т.е. происходит дистанцирование от объекта эмоции, а не сближение с ним, как было бы в ситуациях с «чистым» гневом.

— *Солженицын удостоился того, к чему столь усердно стремился, — участи предателя, от которого не может не **отвернуться с гневом и презрением** каждый советский труженик, каждый честный человек на земле, — возразил Бёллю Председателю И. Соловьев. (В. Сидур. Памятник современному состоянию. НКРЯ/)*

Материал показывает, что в художественных текстах реализуется в основном имплицитное описание проксемических компонентов общения посредством описания, как правило, жестовых движений. Малое количество эксплицитных описаний проксемических компонентов связано, на наш взгляд, с тем, что концептуализация пространства является частью концептуальной картины рассматриваемых нами эмоциональных состояний, она заложена в их физиологических проявлениях. Представителю русской лингвокультуры очевидно, что в злобе, ярости, бешенстве расстояние между коммуникантами будет инстинктивно сокращаться, т.к. есть вероятность агрессивного контактного взаимодействия, в ситуациях же презрения и отвращения дистанция между партнерами будет увеличиваться. Описание пространственного поведения в тексте коррелирует с описанием различных невербальных компонентов общения: жестовых, пантомимических, окулесических, гаптических и др. В деструктивном общении экспрессивность невербального коммуникативного поведения, как правило, достаточно высока,

что выражается в широком применении вышеуказанных невербальных знаков. Приведем пример:

*Я слез с калорифера и, зажавши мундштук в углу рта, чувствуя, как немеют у меня от злобы челюсти, пошел спускаться ему навстречу и вдруг поймал себя на том, что на ходу судорожно похлопываю раскрытой ладонью по перилам. <...> — Ты зачем сюда приперся, скотина? — произнес я перехваченным голосом, надвигаясь на него. <...> Сука ты, дрянь поганая, — произнес я, с наслаждением беря его за манишку. (А. и Б. Стругацкие. Отягощенные злом, или Сорок лет спустя.)*

В данном примере сокращение дистанции само по себе выступает как знак нарастания агрессивного состояния героя, которое отражено с помощью описания жестовых компонентов «судорожно похлопываю раскрытой ладонью по перилам», «с наслаждением беря его за манишку», мимического компонента «немеют от злобы челюсти», паралингвистического компонента «произнес я перехваченным голосом».

Подведем итог. Практический материал исследования показывает, что в описании пространственных компонентов деструктивного общения превалирующими являются глагольные словосочетания *(на)броситься на кого-либо, (на)кинуться на кого-либо, налетать на кого-либо, напуститься на кого-либо, надвигаться на кого-либо, пойти на кого-либо, отшатнуться, отпрянуть, отвернуться, отодвинуться*, указывающие на сокращение или увеличение коммуникативной дистанции. Как сокращение, так и увеличение коммуникативной дистанции практически всегда сопровождаются описанием других невербальных компонентов, в первую очередь мимических, окулесических, жестовых и пантомимических. Представления о пространственном поведении человека, испытывающего враждебные эмоции, являются частью концептуальной картины данных эмоций и основываются на концептуализации эмоций как физиологических процессов. Информация о пространственном поведении персонажей в художественном тексте предоставляется, в основном, имплицитно, за исключением тех случаев, когда

за счет эксплицитного описания проксемы реализуются конкретные художественные задачи.

#### **2.4.5. Паралингвистика**

В предыдущих параграфах работы мы рассмотрели роль кинетических и проксемических компонентов в концептуализации деструктивных эмоций. Однако наш анализ был бы неполным без обращения к паралингвистическим, т.е. просодико-фонационным компонентам общения, т.к. именно они являются важнейшим средством передачи эмоций говорящего и реализации его коммуникативных намерений. Не останавливаясь на истории термина «паралингвистика», отметим, что в науке до сих пор существует широкое и узкое его понимание. Широкий подход представлен в монографии Г.В. Колшанского «Паралингвистика» (1974), где автор относит к паралингвистическим средствам коммуникации как кинетические, так и фонационно-просодические компоненты. В рамках узкого подхода под паралингвистикой понимается наука, «предметом изучения которой является параязык — дополнительные к речевому звуковые коды, включенные в процесс речевой коммуникации и могущие передавать в этом процессе смысловую информацию» [Крейдлин, 2004, с. 27].

Дж. Трейджер, Р. Питтенджер, Х. Смит рассматривали параязык как часть общей ситуации общения, конкретно — как часть «металингвистики». Дж. Трейджер впервые более или менее отчетливо определил границы невербальной коммуникации, предложив называть паралингвистическими явления фонационного характера: высоту тона, тембр, темп, ритм и ударение [Цит. по: Crystal, Quirk, 1964, p. 16]. Отечественным лингвистом М.В. Давыдовом высказывалась сходная точка зрения: ученый включал в паралингвистику мелодику (основной тон, высоту голоса), проминантность или ударение (силу, интенсивность, громкость), длительность (время), тембр, темп, ритм, паузацию [Давыдов, 1965, с. 5]. Т.М. Николаевой и Б.А. Успенским

паралингвистические явления определялись функционально, т.е. как явления, сопровождающие языковое высказывание [Николаева, Успенский, 1966, с. 69].

В нашей работе мы придерживаемся узкого подхода к определению границ паралингвистики и относим к паралингвистическим «ритмико-интонационные средства фонации, характеризующие речь на данном языке и создающие совокупность звуковых явлений, не входящих в систему собственно дифференциальных фонологических противопоставлений: различные интонационные модуляции голоса, дополнительные призвуки, окраска голоса и т.п.» [Чанышева, 1979, с. 22].

Что касается функций паралингвистических компонентов в речи, то одним из первых их перечень предложил Д. Кристэл, включив в него следующие пункты: 1) выражение эмоций; 2) грамматическая функция — маркирование грамматической структуры высказывания; 3) указание на социальный статус говорящего; 4) указание на профессиональную принадлежность говорящего: большинство профессий, где речь является неотъемлемой частью профессиональной деятельности, имеют свой отчетливый «паралингвистический стиль» [Crystal, 1975, p. 163—167].

Естественно, что нам наиболее интересна первая функция, выделенная Д. Кристалом, а именно эмотивная функция паралингвистических компонентов. Исследования в области выражения эмоций голосом были начаты позже, чем соответствующие исследования в области языка жестов. Одним из первых тестов, разработанных для определения способности человека узнавать эмоции по голосу, был “The Vocalic Meaning Sensitivity Test”: профессиональные актеры читали один и тот же текстовый фрагмент, выражая голосом эмоции страха, гнева, презрения, горя и безразличия. Эксперимент показал потрясающий результат: 88 % испытуемых безошибочно определили безразличие, 84 % — презрение, 78 % — гнев и горе соответственно, а 66 % — страх [Leathers, 1977, p. 123—129]. Исследования, проводившиеся позднее, выявили, что легче всего по голосу определяются гнев и страх [Davitz, 1964].

Однако с учетом индивидуальных особенностей Д. Дэвиц допускал погрешность в определении эмоций исключительно по голосу в пределах 50 %.

Что касается художественной коммуникации, то очевидно, что в тексте художественного произведения коммуникативный эффект паралингвистических средств значительно снижается. Однако это не означает, что текстовое отражение этих средств малоэффективно с точки зрения прагматики. Так, Н.И. Жинкин писал об ошибочности мнения о том, что интонация, например, имеет отношение только к устной речи, а не к письменной, подчеркивая: «Читающий должен вычитать ту интонацию, которая вписана в текст сочинителем. Без этого невозможно верное прочтение и понимание текста» [Жинкин, 1956, с. 148—149]. Проблема отражения фонационно-просодических компонентов коммуникации в художественном тексте детально разрабатывалась в трудах Н.И. Светозаровой [2000], Н.В. Черемисиной-Ениколоповой [1989], Е. Книпкенса [Kneepkens, Zwaan, 1994-1995], Н. Пейджа [Page, 1973], Р. Чэпмэна [Chapman, 1984] и других лингвистов, не говоря уж о сотнях работ по фонологии звучащей речи. В художественном тексте речи персонажей отводится особая роль, т.к. в ней максимально имитируется реальность [Page, 1973, p. 3]. В отличие от реальной коммуникации, где слово получает свою значимость в основном из контекста ситуации, экстралингвистические компоненты в художественном тексте сознательно и эксплицитно показываются автором. То есть речь в художественном произведении информативно более нагружена, чем живая разговорная речь, но эту нагрузку несут также и недиалогические элементы. Общеизвестно, что прямая речь в тексте обычно сопровождается, используя термин Н. Пейджа, «сценическими указаниями», то есть описаниями тех невербальных компонентов, которые обычно сопровождают живую речь (выражение лица, жесты, интонация, тон и т.д.) Но не все читатели способны «воспроизвести» звуки, прочитанные ими в художественном тексте. Было отмечено, что интерпретация письменной речи во многом зависит от фоновых, экстралингвистических знаний читателя [Chapman, 1984, p. 8].

Для научного описания паралингвистических явлений существует свой особый метаязык, однако его использование в художественной коммуникации невозможно по определению, ибо художественная репрезентация речи не может быть точной. В языке для описания паралингвистических компонентов высказывания существует особый корпус лексических единиц, называемых глаголами речи. Большинство из них сообщает информацию о просодических характеристиках голоса только благодаря установленным для носителей данного языка соглашениям о соответствии плана выражения и плана содержания лексемы. Некоторые обладают звукоподражательным эффектом, как, например, глагол *визжать*, придающий вводимому им высказыванию напряженно-эмоциональный характер.

Поскольку средства описания эмоциональной фонации и просодики для агрессивно окрашенных высказываний были нами систематизированы и описаны ранее (см. [Покровская, 1998]), мы лишь кратко остановимся на тех моментах, которые помогут нам вычленировать просодические стереотипы деструктивных эмоций. Корпус примеров описания паралингвистических компонентов деструктивных эмоций составил 732 примера. Материал показывает, что для описания паралингвистических проявлений деструктивных эмоций используются следующие средства:

1) глаголы эмоциональной речи: *(за)кричать, сорваться (о голосе), процедить, воскликнуть, выкрикнуть, вспылить, (про)шипеть, (про)рычать, (за)реветь, (про)хрипеть, рывкнуть, ругать(ся), (за)вопить, гаркнуть, (за)визжать, честить, задыхаться, засопеть, бурчать, (за)орать, цедить, (про)стонать* и др.;

2) Наречия, определяющие конкретные деструктивные эмоциональные проявления: *ненавистно, ненавидяще, зло, презрительно, высокомерно, раздраженно, гневно, яростно, ядовито, злобно, свирепо, угрожающе, надменно, бешено, завистливо, ревниво* и др.;

3) Существительные, обозначающие эмоции, с предлогом: *с (бешеной) ненавистью / раздражением / гневом / (бешеной, слепой и др.) яростью /*

(тихой) злобой / презрением / (затаенной, нескрываемой и т.д.) завистью / (фанатической, глупой, странной) ревностью;

4) Прилагательные и причастия, как обозначающие конкретные эмоции, так и маркирующее все высказывание как враждебное (но не обязательно агрессивное / деструктивное): *рыдающий / скрежещущий / высокий / дикий / сильный / ледяной / бычий / страшный / злой / дрожащий / иступленный / злоеющий / бешеный / враждебный / ненавидящий / завистливый / холодный / ревнивый (голос, тон, нотка в голосе)* и др.;

5) Наречия, маркирующие все высказывание как враждебное (но не обязательно агрессивное или деструктивное): *резко, жестко, колко, иступленно, враждебно, напряженно, недобро, сквозь зубы, сило* и др.

Как видно из вышеприведенного списка, многие лексемы могут служить для описания не только агрессивных эмоций. Например, глагол «задышаться» может описывать крайнее состояние волнения:

*Вместо чистосердечного признания, — говорил он, задыхаясь от волнения, — как это требуется от тебя по долгу службы, ты начинаешь лгать... лгать без зазрения совести! (Г.М. Марков. Строговы.)*

Значение эмоции окончательно и бесповоротно определяет только контекст. Приведем пример из того же произведения.

*Эти слова старика взбесили Евдокима. Он затопал ногами и закричал: — Вон отсюда, смутьян! Все равно кедровник мой будет! Матюху твоего в тюрьме сгною, и тебе не миновать этого! — Он прокричал это сило, задыхаясь от злости, страшно побледнев. <...> Закинув руки назад, дед Фишка ответил Юткину: — Ты, сват, меня не срами принародно. Я не вор. — И, помолчав, крикнул: — И Матюша не вор. Мы у тебя ничего не украли! — Нет, ты вор! И Матвей тоже вор! Вы мой кедровник обворовали! — повысил голос Евдоким. — Чего, сват, болтаешь зря! Народ свое взял, богом ему данное, — спокойно, с сознанием своей правоты проговорил дед Фишка. <...> Дрожа от ярости, он широко размахнул руками и, потрясая ими, прохрипел: — А, народ? Народ — тоже вор! <...> Он оттолкнул жену от*

*себя и, набрасываясь на стариков, исступленно кричал: — Воры! Ишь они какие! Меня же обокрали — и ко мне же хлеб жрать пришли. Воры!* (Г.М. Марков. Строговы.)

В данном фрагменте паралингвистические компоненты общения описываются следующими глагольными сочетаниями: *закричал; прокричал сипло, задыхаясь от злости; крикнул; повысил голос; прохрипел; исступленно кричал*. В тексте также присутствуют описания других невербальных компонентов: пантомимики и жестики (*затопал ногами, дрожа от ярости, широко размахнул руками, потрясая руками*), мимики (*страшно побледнев*), а также метафорическое описание ярости (*взбесился*). Все это не позволяет ошибиться в деструктивном характере ситуации общения, а также определить основные эмоции, «запустившие» данную ситуацию общения, — злость, ярость, ненависть.

Очевидно, что текстовые описания паралингвистических компонентов коммуникации дают весьма общее представление о том, как должен звучать голос человека, испытывающего гнев, ярость, бешенство, ненависть и другие деструктивные эмоции, т.к. диапазон акустических характеристик голоса субъекта данных эмоций, отраженный в художественной литературе, весьма широк — от «ледяного» голоса до срывающегося от ярости на визг. Анализ и систематизация практического материала позволили выделить следующий просодический стереотип для эмоций группы гнева: высокий тон, значительная сила звучания (громкость), быстрый темп. Однако если говорящий пытается подавить свои эмоции, то возможно наличие длинных пауз.

Что касается паралингвистического выражения зависти и ревности, то из 138 примеров описания завистливого голоса и 74 примеров описания ревности в голосе не удалось выделить какого-либо определенного просодического стереотипа: все описания в высшей степени однообразны и представляют собой глагольные сочетания с существительными или наречиями (*сказать в завистью, завистливо произнести / сказать, сказать с ноткой зависти / ревности в голосе, сказать с завистью в голосе*). По результатам выборки, в



художественных описаниях голоса зависти и ревности нашли отражение два паралингвистических компонента — это дрожание голоса и затруднение в дыхании от соответствующих эмоций:

— *Со дна?* — спросил Сергей *дрогнувшим от ревности голосом*.  
(Ф. Искандер. *Морской скорпион*. НКРЯ.)

*Я почувствовал, как задрожала от волнения рука Есенина. Расширились зрачки. На желтоватых, матовых его щеках от волнения выступил румянец. Он выдавил из себя задыхающимся (от ревности, от зависти, от восторга) голосом: — Вот так слава!* (А. Мариенгоф. *Роман без вранья*. НКРЯ.)

Данные невербальные проявления не являются характерными для эмоций зависти и ревности — по сути дела, дрожание голоса и затруднения в дыхании являются паралингвистической характеристикой любой сильной эмоции. Поэтому мы не можем рассматривать данные компоненты как часть просодического стереотипа эмоций зависти и ревности.

Подводя итоги, отметим еще раз, что нами было рассмотрено только то, как деструктивные эмоции описываются в тексте: практическое изучение фонационно-просодических характеристик выражения деструктивных эмоций представляет собой тему отдельного исследования. Также хотелось бы упомянуть чрезвычайно интересный вывод Л. Нейкурс, основанный на проведенном ею опросе респондентов: «Более 60 % людей оценивают гневные и угрожающие интонации как нейтральные. Это говорит о глубоком перерождении нашей психики: агрессия в сознании многих стала нормой» [Нейкурс, www]. Если этот вывод верен, то в скором времени стоит ожидать и изменения просодических стереотипов исследуемых эмоций в языковом сознании.

Рассматривая паралингвистические компоненты деструктивной коммуникации, необходимо обратиться к изучению такого важного явления нашей повседневной реальности, как смех. Смех не является в чистом виде паралингвистическим компонентом: звуки и дыхательные движения сопровождаются соответствующей мимикой. Но по этой же причине смех

нельзя отнести и к чисто кинетическим компонентам общения. Ниже мы рассмотрим смех как важный компонент невербальной концептуализации деструктивных эмоций.

### 2.3.6. Деструктивность смеха

С точки зрения мимических проявлений смех тесно связан с улыбкой, одно из определений которой звучит как «смягченный, умиротворенный, ослабленный, оженствленный смех» [Карасев, 1996, с. 214], но он противопоставляется улыбке по своему бунтарскому характеру. Смех представляет собой действие, состоящее из отрывистых звуков, сопровождающихся дыхательными движениями и сокращением определенных лицевых мышц: «Короткие характерные голосовые звуки, выражающие веселье, радость, удовольствие, а также насмешку, злорадство и другие чувства» [СО]. В данном определении отражена возможность смеха выражать различные группы эмоций, но нам предстоит выяснить, насколько эта связь закреплена в языковом сознании.

На протяжении всей истории человечества смех традиционно считается надежным, исключительно человеческим способом сублимации агрессивных тенденций. Ряд психологов и медиков поддерживает точку зрения, что смех позволяет человеку справиться с самыми сложными межличностными проблемами «Юмор, так же, как и сарказм, и смех является средством реализации человеческой агрессии, средством разрядки. <...> Смех и юмор даже в межгрупповых конфликтах выступают в качестве первичного средства, способного исправить конфликты» [Смех помогает ... , www].

Известное высказывание Аристотеля: «Из всех живых существ смех присущ только человеку», — представляет смех в качестве фундаментальной проблемы философии и культуры. На настоящий момент насчитывается более двухсот разнообразных теорий смеха, и их количество постоянно возрастает. Проблематика смеха рассматривалась в трудах Г.В. Спенсера, З. Фрейда, В.Я. Проппа, М.М. Бахтина, Т.В. Ивановой, В. Раскина, Л.В. Карасева,

А. Бергсона и многих других ученых, работавших в различных отраслях знания. Классификация данных теорий проводилась многократно, и ее анализ не входит в задачи нашего исследования. Однако при любой классификации всегда выделяется группа теорий, которые возводят смех к агрессии и видят в нем в первую очередь агрессивное начало. Подобные теории восходят к Платону [1999] и частично к Аристотелю [1998], находят развитие в трудах А. Шопенгауэра [1993] и Т. Гоббса [Гоббс, www]. Платон рассматривал смех как отрицательное явление, потому что чувство это основано на злобе и зависти, в особенности смех, вызванный несчастьем или неудачей других, или насмешки над стоящими ниже по положению [Платон, 1999, с. 55]. Аристотель признавал, что в смехе присутствует оттенок злобности, считал его этически нежелательным. Обратимся к известному определению смешного, содержащемуся в «Поэтике» Аристотеля: «Комедия есть подражание худшим людям, однако не в смысле полной порочности, но поскольку смешное есть часть безобразного: смешное — это некоторая ошибка и безобразие, никому не причиняющее страдания и ни для кого не пагубное; так, чтобы не далеко ходить за примером, комическая маска есть нечто безобразное и искаженное, но без страдания» [Аристотель, 1998, с. 1070]. Т. Гоббс, создатель так называемой теории превосходства, развил идеи Платона и Аристотеля о том, что смех имеет прямое отношение к достижению превосходства над окружающими. Человек находится в постоянной борьбе за власть с себе подобными, и так как современные социальные и этические нормы не допускают физического уничтожения своих соперников, то превосходство можно выражать с помощью других средств, например, с помощью юмора и остроумия: «Гримасы, которые называются смехом ... вызываются у людей или каким-нибудь их собственным неожиданным действием, которое им понравилось, или восприятием какого-либо недостатка или уродства у другого, по сравнению с чем они сами неожиданно возвышаются в собственных глазах. Эта страсть свойственна большей частью тем людям, которые сознают, что у

них очень мало способностей, и вынуждены для сохранения уважения к себе замечать недостатки у других людей» [Гоббс, www].

Многие современные авторы также видят непосредственную связь смеха с агрессией. Например, А.Д. Кошелев выдвигает гипотезу о том, что «смех по своей функции ... всегда связан с какой-то, пусть самой малой, долей негатива к адресату» [Кошелев, www]. Л.В. Карасев предлагает различать смех ума и смех тела: смех ума всегда связан с какой-то «мерой» зла; смех тела, напротив, выражает «чистую» радость. По мнению Л.В. Карасева, за улыбкой современного младенца стоят «сотни тысяч лет варварского оглушительного хохота, напрямую связанного с гримасами животной ярости и боевого энтузиазма» [Карасев, 1996, с. 20]. А. Налчаджян рассматривает смех как спонтанное выражение агрессивности человека, стоящее в одном ряду с такими социально приемлемыми формами сублимации агрессии, как спорт и политика, фактически ставя знак равенства между смехом и агрессией [Налчаджян, 2007, с. 328, 330]. Подобных крайних взглядов придерживается и М.Т. Рюмина, определяющая смешное как «ситуацию зла, происходящую с другим» [Рюмина, 2010, с. 115]. Стоит вспомнить и знаменитое высказывание С. Ликока: «Первым юмористом был дикарь, ударивший врага томагавком с криком “Ха! Ха!”» [Цит. по Козинцев, www].

Некоторые недавние открытия в области физиологии смеха указывают на взаимосвязь между склонностью к шуткам и смеху и уровнем гормона тестостерона, который, как известно, отвечает также за уровень агрессивности индивида. Интересно, что в ходе эксперимента была установлена обратная зависимость степени агрессивности смеха от возраста участников эксперимента [Гормон смеха, www]. Таким образом, с одной стороны, мы имеем ряд теоретических и практических данных, свидетельствующих о непосредственной связи агрессии и смеха. Однако, какими бы привлекательными ни казались подобные концепции для нашего исследования, многочисленные факты и наблюдения не дают основания для постановки знака равенства между смехом и агрессией. Если представить себе картину

заливающегося смехом младенца, то вряд ли у кого-то хватит смелости назвать такой смех агрессией. К тому же исследования американского психолога Р. Провайна продемонстрировали, что любое проявление смеха не зависит от сознания человека. Профессор Стэнфордского университета Дж. Парвизи, изучающий проблемы патологического смеха и плача, также указывает, что смех и плач неподконтрольны человеку. Смех и плач являются результатом взаимодействия различных структур мозга, которые происходят без участия сознания. В ходе экспериментов ученые научились вызывать смех и плач искусственным путем. Так, стимуляция субталамического ядра вызывала слезы, а передней части коры поясной извилины (anterior cingulate) — смех. При этом пациенты не испытывали эмоций, необходимых для таких проявлений чувств [Смех без причины ... , www]. Данный факт показывает, что смех относится к непроизвольным подкорковым реакциям, и полностью соотносится с концепцией А.Г. Козинцева, рассматривающего смех как явление, существующее на грани биологии и культуры [Козинцев, www]. В работе «Человек и смех» А.Г. Козинцев, проанализировав самые значимые и известные теории смеха, а также работы биологов и этологов, приходит к чрезвычайно важному для нас выводу: смех берет начало не в собственно агрессии, стимулируемой эмоциями гнева, злобы, отвращения и т.п., а в *игровой агрессии* животных. Смех, по А.Г. Козинцеву, — это «метакоммуникативный сигнал, означающий, что агрессивное по форме поведение — всего лишь игра, тогда как “истинные” намерения агрессора дружелюбны» [Козинцев, www] Таким образом, автор согласен с этологами: что исходный смысл смеха заключается в том, что он служил «сигналом несерьезности нападения и несерьезности ответной агрессивной реакции», и «жестокое смеха», равно как и других видов смеха, не существует. Смех всегда один и тот же, а «отрыв смеха от исходного контекста дружелюбной игры — явление целиком и полностью культурное» [Козинцев, www].

Однако, изучая феномен смеха в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, мы рассматриваем смех прежде всего как средство эмоциональной

коммуникации [Шаховский, 2008], а именно невербальной эмоциональной коммуникации, ибо он обладает свойством характеризовать ситуацию общения, эмоциональное состояние говорящего и отношение говорящего к партнеру(ам) по коммуникации. Проанализируем ценностный компонент концепта смеха. Несмотря на весьма оптимистичные взгляды на природу и функции смеха, даже небольшая выборка из паремических словарей демонстрирует неоднозначное, а зачастую и откровенно отрицательное отношение к данному явлению. Приведем некоторые примеры: *Смех без причины – признак дурачины; Смех до плача доводит; Смешно дураку, что рот на боку; Из дурака смех слезами вытирает; Из дурака и смех плачем прет.* Если в вышеприведенных примерах смех является атрибутом просто глупого человека, то в ряде паремий слово «смех» рифмуется со словом «грех», что являет собой гораздо более негативную оценку рассматриваемого феномена: *Смех и грех; Смехи да хихи введут во грехи; Мал смех, да велик грех; Навели на грех, да и покинули на смех; И смех наводит на грех; Где смех, там и грех; Велик смех, не мал и грех.* Отношение к людям, смеющимся над бедами других, также отрицательное: *Его хлебом не корми, а дай возможность позубоскалить; Скалозубы не бывают любы; Не смейся чужой беде — своя на гряде; Чему смеешься, тому и поплачешься; Чему посмеешься, тому поработаешь; Не смейся, братец, чужой сестрице: своя в девицах; Не смейся, горох: не лучше бобов.*

В православной культуре смех до сих пор табуирован, «смеяться ни с чего» рассматривается как грех, и в отношении к смеху современное православие практически не изменило свое мнение с IV—V вв н.э., когда Иоанн Златоуст однозначно выразил отношение к смеху как к греховному делу: «Так, например, смех и шуточные слова не кажутся явным грехом, а ведут к явному греху: часто от смеха рождаются скверные слова, от скверных слов еще более скверные дела; часто от слов и смеха ругательство и оскорбление, от ругательства и оскорбления удары и раны, от ран и ударов смертельные поражения и убийства. Итак, если желаешь себе добра, убегай не только скверных слов и скверных дел, — не только ударов, ран и убийств, — но даже и

безвременного смеха, даже и шуточных слов, потому что они бывают корнем последующих зол»; «Хочешь быть далеким от скверных слов? Избегай не только скверных слов, но и беспорядочного смеха и всякой похоти» [Иоанн Златоуст (а), www].

В русском православии, по мнению академика А.М. Панченко, действовал запрет на смех и веселье [Панченко, 1984, с. 72—80]. Это было буквальное толкование евангельской заповеди: «Горе вам, книжники и фарисеи, смеющиеся ныне, ибо восплачете и возрыдаете» (Лк. 6:25). За смех, колядование, за пир с пляской налагались различной тяжести епитимьи: «Посмеявшийся до слез, пост три дни, сухо ясти, поклон 25 на день...» [Раков, www]. Приведем некоторые высказывания о смехе Преподобного Амвросия Оптинского. Несмотря на то, что, по воспоминаниям, великий старец отличался простой и зачастую шутливой манерой общения с прихожанами и братией, его мнение о смехе однозначно отрицательное и четко выражает позицию Русской православной церкви по этому вопросу: «Смех изгоняет страх Божий»; «Дерзка и смела от смеха, — страха Божьего, стало быть, нет»; «За столом не смеяться. Надо знать время на все. Ежели рассмеются, то одна сжала бы губы и вышла в сени, положив там три поклона»; «Смеяться поменьше, а то от этого недолжные помыслы приходят»; «Если кто будет смешить, тому уменьшить одну чашку чая» (Оптина Пустынь: <http://www.optina.ru/lection/78/> (дата обращения — 30.04.2011)).

Вопрос «Почему Иисус Христос никогда не смеялся?» и в наши дни является весьма популярной темой научных и теологических дискуссий (см. работы С.С. Аверинцева, А. Меня. Л.В. Карасева и др.) и Интернет-блогов. В некоторых исследованиях подчеркивается, что смех напрямую связан с насилием над личностью, над человеческой свободой, у истоков смеха стоит желание причинить зло другому. Вполне возможно, что корни отрицания смеха как элемента христианской культуры лежат в жестоком смехе римлян, наслаждающихся зрелищем уничтожения ранних христиан на аренах цирков.

Обыденное сознание, отражением которого в полном объеме является

язык, так же, как и сознание православное, прочно связывает смех с насилием, злом и прочими проявлениями человеческой деструктивности. Словосочетания «злой / злобный смех», «жестокий смех», «недобрый смех», «нехороший смех», «завистливый смех», «ревнивый смех» (несмотря на замечание А. Козинцева о неправомерности словосочетания «жестокий смех», см. выше), используемые, например, в художественной литературе, не вызывают непонимания или неверной интерпретации со стороны читателя:

*Ожидал гневных речей в адрес изолгавшихся фарисеев или, наоборот, яростного приступа самобичевания, но Толстой встретил **смехом**, громким и **немного злым**. (Борис Васильев. Были и небыли. Книга 2. НКРЯ.)*

*— Когда я ссорился со старшими, я доводил их до белого каления, принимая любое наказание, любую ругань не плачем, не руганью и не тихой покорностью, а смехом. **Злым**, порой **истерическим смехом**! И чем больше меня наказывали, тем сильнее я смеялся. (В. Спектр. Face Control. НКРЯ.)*

*И вдруг Игорь Борисович засмеялся. **Нехорошим** таким **смехом**. **Злым**. (О. Быков. Доходное место. НКРЯ.)*

*Он смутился под ее взглядом, но смутился главным образом от понимания **жестокости** своего **смеха** и непонимания, чем он был вызван... (Ф. Искандер. Морской скорпион. НКРЯ.)*

*И не без **завистливого смеха** говорил что-то на ухо другому. (К. Станюкович. Свадебное путешествие. НКРЯ.)*

Несомненно, что способом распознавания злости, жестокости — «нехорошести» смеха в каждом конкретном случае служит не только контекст ситуации, но и знания читателя о мимических стереотипах эмоций, о которых речь шла в предыдущих параграфах нашей работы. Известно, что существуют определенные мимические компоненты эмоций, которые чаще всего отражаются на лице, когда субъект испытывает какую-либо эмоцию. Мимические стереотипы эмоций отражают культурно-специфические нормы проявления эмоций в определенной культуре, к ним обращается автор при описании эмоций в художественном произведении и их реконструирует



читатель при прочтении «свернутого» описания той или иной эмоции. В вышеприведенных примерах смех сопровождается определенным мимическим и жестовым комплексом — злым / завистливым выражением глаз, сдвинутыми бровями, напряжением лицевых мышц, соответствующей (возможно, тоже напряженной) позой, что не позволяет усомниться в недобром отношении / намерении смеющегося. Таким образом, ничего не мешает дискурсивному употреблению лексической единицы «смех» в одном ряду с лексемами «злой / злобный», «жестокий», «недобрый», «нехороший», «завистливый» и т.п. Описания смеха в художественном тексте так же, как и описания эмоциональных состояний персонажей, придают эмоционально-оценочные смыслы всему контексту.

Обратимся к лексическим единицам, содержащим сему «смех» насмехаться / усмехаться / посмеяться / осмеять / высмеять — и сопоставим словарные дефиниции.

**Насмехаться** — подвергать кого-что-н. насмешкам, издеваться (**Насмешка** — обидная шутка, издевка) [СО].

**Усмехнуться** — слегка засмеяться (обычно насмешливо, недоверчиво и т.п.) [СО].

**Посмеяться** — 1. Провести некоторое время весело, смеясь. 2. над кем-чем и (устар.) кому/чему-нибудь. Насмешливо отнестись к кому-чему-нибудь (**Посмешище** - тот, над кем смеются, издеваются, предмет насмешек) [СО].

**Высмеять** — выразить насмешкой отрицательное отношение к кому-чему-н. [СО].

**Осмеять** — повергнуть пренебрежительной и злой насмешке, высмеять [СО].

Нетрудно заметить, что во всех приведенных дефинициях присутствует сема отрицательной оценки («обидный», «отрицательный», «злой», «пренебрежительный»). Лексема «издеваться» трактуется как «зло и оскорбительно высмеивать кого/что-нибудь» [СО], что добавляет к вышеперечисленному ряду сему оскорбительности. На наш взгляд,

проведенное сравнение является еще одним подтверждением тому, насколько идея природной связи смеха и агрессии укоренена в обыденном сознании. Приведем примеры дискурсивного употребления вышеуказанных лексем.

(1) *Они и ссорятся не так часто, потому что незачем им ссориться, а вот **унизить, осечь, осмеять** — это пожалуйста!* (Ю.О. Домбровский. *Факультет ненужных вещей.*)

(2) *Тогда Фульбо **осыпал его злобными насмешками**, и **кровь закипела** в молодом эллине.* (И.А. Ефремов. *На краю Ойкумены.* НКРЯ.)

(3) *...повторяли нараспев школьницы и дачники, звали любимый Колюнин Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы на улице Миклухо-Маклая обезьянником, и Колюнчик на них сердился, топал ногами, бледнел, говорил и делал много такого, за что его можно было бы **жестoko высмеять и изгнать**, но всякий раз мальчиков что-то останавливало, и юного чилефила держали за блаженненького, за дурачка, которому позволено то, чего стыдились другие.* (А. Варламов. *Купавна.*)

В примере 1 глагол «осмеять» употребляется как синоним глаголов «унизить», «осечь»; в примерах 2, 3 результатом агрессивного «смехового» действия (злых насмешек, жестокого высмеивания) является усиление агрессивного состояния, выраженного концептуальной метафорой «кровь закипела», и другое агрессивное действие (изгнание). Таким образом, в данных примерах актуализируется деструктивное воздействие смеха — «смеховой» акт представлен как акт агрессии.

Рассматривая концептуальную связь смеха с агрессией и деструктивностью, нельзя обойти понятие «смеха победителей». Литератор Г.М. Кружков определяет его как *радость одоления* и связывает с борьбой, с естественной человеческой агрессивностью: «Смех победителя близок к смеху счастливица, но более агрессивен. Это злорадство, направленное на слабого или уже поверженного врага» [Кружков, 2001, с. 489—508]. Мы не можем полностью согласиться с этим утверждением.

Рассмотрим два примера:

*(1) Сербские войска уходили под смех «победителей на чужих штыках». Иногда - под пулеметную очередь - те, кто опаздывал. С ними уходили мирные сербы. Уходили в никуда, сжигая свои дома. (В. Баши. Косово Поле. НКРЯ.)*

*(2) Крик оборвался. Она выронила тело, привалилась к стенке бака и схватилась руками за горло. <...> Когда она коснулась пола, глаза ее уже были закрыты. ... Она умерла в считанные секунды от анафилактического шока. <...>*

*И Лок засмеялся.*

*Смех сначала был похож на грохот перекатывающегося внутри булыжников, потом зазвучал в полную силу, отражаясь от высоких стен капитанской каюты. Победа вызвала этот смех, и она была ужасна, и она была его победой! (С. Дэлани. Нова)*

Пример 1 действительно является подтверждением «теории злорадства», ибо речь идет злорадной торжествующей радости косовских албанцев, выигравших войну в Косово при поддержке НАТО. Испытываемое эмоциональное состояние является результатом многолетней национальной вражды и ненависти, поэтому окрашено всеми эмоциями комплекса враждебности.

В примере 2 описывается смех победителя, уничтожившего всех своих соперников и заплатившего за свою победу страшную цену. Но сложно поверить, что герой злорадствует над трупом своей любимой. Вряд ли только данное эмоциональное переживание заставляет смеяться персонажей героического эпоса, ранящих и убивающих своих врагов. Многочисленные описанные в научной и художественной литературе примеры «смеха победителей» показывают, что смех обладает катарсическим эффектом в ситуациях агрессии, когда напряжение сменяется внезапным расслаблением и человека охватывает ощущение эйфории, «блаженной древней радости от игры беспорядка», говоря словами А.Г. Козинцева [Козинцев, www]. Смех — знак того, что агрессия прекращена и продолжения, скорее всего, не будет.

Резюмируем сказанное. Несмотря на то, что происхождение смеха от игровой, дружелюбной агрессии приматов считается в науке доказанным, в обыденном сознании смех и агрессивное поведение (как невербальное, так и вербальное) тесно взаимосвязаны, что подтверждается многочисленными примерами языкового отражения данного феномена. В процессе межличностной коммуникации смех выступает как средство выражения эмоций, в том числе и негативных, поэтому такой смех коммуникативен. Таким образом, мы рассматриваем смех именно как компонент невербальной теловой коммуникации, выполняющий кроме собственно коммуникативной эмотивную и оценочную функции.

Деструктивность не является имманентным свойством смеха как биокультурного явления, однако в процессе коммуникации смех может выступать и зачастую выступает как инструмент агрессии. И хотя, согласно последним данным, качественно различных типов смеха не существует [Козинцев, www], обыденное сознание четко разводит «хороший» и «плохой», «добрый» и «злой» смех, давая, таким образом, основание говорить о концептуальной (небиологической) взаимосвязи двух феноменов: деструктивности и смеха.

## **2.5. Факторы, способствующие эскалации деструктивности в общении**

В предыдущих разделах работы было показано, что проблема соотношения вербального и невербального в деструктивном коммуникативном поведении достаточно сложна и включает в себя как концептуализацию отдельных эмоций и эмоциональных комплексов, стимулирующих деструктивное поведение коммуникантов, собственно агрессивный акт (вербальный или невербальный), а также эмоциональные состояния агрессора и жертвы, возникающие в результате его совершения. В наши представления о деструктивном поведении входят не только концепты эмоций, стимулирующих и поддерживающих агрессию, но и представления о факторах и ситуациях,

способствующих актуализации и эскалации деструктивного поведения. В настоящем разделе мы рассмотрим некоторые из них.

Первым и, вероятно, мощнейшим фактором актуализации агрессивного поведения выступает вербальное оскорбление. Не нужно быть ученым-психологом, чтобы отметить, что агрессивные состояния человека чаще всего возникают тогда, когда человека оскорбляют или провоцируют вербально. Вербальная агрессия — это разновидность агрессивно-деструктивного поведения, и ответом на нее может быть такая же вербальная агрессия или же физическое действие. За примерами такого рода не нужно далеко ходить: если нет желания самому испробовать на себе силу ответной реакции на вербальное оскорбление, то достаточно, например, включить телевизионную передачу «Судебные страсти» (авторы которой, кстати, утверждают, что все процессы разыграны по материалам реальных судебных заседаний), где практически в каждом заседании в речи истцов и ответчиков присутствуют вербальные оскорбления, зачастую переходящие в потасовки. Истцы и ответчики, уверенные в своей правоте, прибегают к всевозможным способам донести до судьи свое мнение и доказать, что правы именно они, а не их оппоненты. В упомянутой нами передаче широко представлено открытое деструктивное общение.

Художественный текст есть «отрефлексированный» дискурс, художественно и стилистически обработанный; все невербальные проявления эмоций передаются в нем через их лингвистическое описание. Хотя информационно-прагматическое влияние этих невербальных компонентов, как правило, сохраняется, их коммуникативный эффект в значительной степени утрачивается. Художественная литература, являясь хранилищем эмоционального опыта человечества, отражает все стадии эмоционального конфликта. Гнев, злоба, ненависть и вытекающая из них вербальная и физическая агрессия являются конечным пунктом эмоционального конфликта, описание агрессивных состояний человека практически всегда является кульминационным моментом повествования. Рассмотрим пример из романа

А.Н. Толстого «Хождение по мукам» — эпизод, когда Даша Телегина требует от отца спасти Ивана Ильича в случае его поимки:

— Ты *девчонка*, ты просто — *дура!* — *заорал* доктор. — *Телегин негодяй и преступник, военным судом он будет расстрелян.*

*Даша подняла голову, серые глаза ее разгорелись так нестерпимо, что доктор, соннув, занавесился бровями. Она подняла, как бы грозя, кулачок со стиснутыми в нем бумажками.*

— *Если все большевики такие, как Телегин, — сказала она, — стало быть, большевики правы.*

— *Дура!.. Дура!.. — Доктор вскочил, затопал, багровый, трясущийся. — Большевиков твоих вместе с Телегиным надо вешать! На всех телеграфных столбах... Кожу драть заживо!*

*Но у Даши характер был, пожалуй, покруче, чем у Дмитрия Степановича, — она только побледнела, подошла вплотную, не сводя с него нестерпимых глаз.*

— *Мерзавец, — сказала, — что ты беснуешься? Ты мне не отец, сумасшедший, растленный тип!*

*И она швырнула ему в лицо обрывки письма. (А.Н. Толстой. Хождение по мукам).*

Данный эпизод, насыщенный разнообразными языковыми средствами отражения эмоций, являет собой яркий пример развития эмоционального конфликта: употребление инвектив *дура*, *негодяй*, *мерзавец*, *сумасшедший*, *растленный тип*, эмотивного синтаксиса, описаний невербальных компонентов (просодем *заорал*, кинем *глаза разгорелись*; *подняла, как бы грозя, кулачок*; *побледнела*; *подошла вплотную, не сводя нестерпимых глаз*; *швырнула в лицо обрывки письма*) указывает на очень высокую степень интенсивности испытываемых эмоций — гнева, ненависти, презрения. При этом описание жеста *швырнула в лицо обрывки письма* является кульминацией конфликта и самым ярким проявлением агрессивности со стороны героини.

Согласно исследованиям психологов, вербальная агрессия относится к сильным стресс-фрустраторам, ибо, оскорбляя человека, его враги «стремятся дискредитировать его, бьют по его “Я-концепции”, фрустрируют его» [Налчаджян, 2007, с. 54]. По наблюдениям Р. Бэрона и его соавторов, издевательство, сарказм и другие словесные формы отрицательного отношения оскорбляют его сильнее, чем неприятные физические раздражители [Бэрон, Ричардсон, 1997, с. 137].

Существует простая и ясная схема перехода от вербальной агрессии к физической, предложенная Р. Фельсоном [Цит. по: Бэрон, Ричардсон, 1997], согласно которой *А оскорбляет Б → Б отвечает оскорблением А → А и Б ссорятся → Взаимные угрозы → Физическая агрессия*. То есть конфликт начинается с взаимных вербальных оскорблений и доходит до этапа взаимной физической агрессии. Но проведенные к настоящему моменту многочисленные лингвистические исследования вербальной агрессии, к сожалению, пока не дали полной картины динамики процесса, и это на наш взгляд является задачей психолингвистики.

Рассмотрим также некоторые невербальные факторы, влияющие на эскалацию агрессии. В психологии давно доказано, что существует много неприятных факторов, которые вызывают у человека готовность к агрессивным действиям (Л. Берковиц, Р. Бэрон и др.) Нас же интересует в первую очередь то, как обыденное сознание связывает агрессию и определенные раздражители, что помогает понять, как агрессия в целом концептуализируется в сознании носителей языка.

Одним из факторов, способствующих эскалации агрессии, считается жара. Чрезмерно высокая температура делает людей более злыми, раздражительными. Связь между высокой температурой и агрессивностью доказана экспериментально, есть данные, что массовые беспорядки вспыхивают чаще всего в жаркое время года [Налчаджян, 2007, с. 65]. Аномально жаркое лето 2008 года спровоцировало множество преступлений от хулиганства до изнасилований и разбоев

(<http://www.newsru.com/russia/17jul2008/hotty.html> (дата обращения — 12.10.2012)). Фокс, один из героев рассказа Р. Брэдбери «Прикосновение пламени», так рассуждает об опасности жаркого времени суток для человека: *«При температуре девяносто два градуса по Фаренгейту совершается больше убийств, чем при какой-либо другой. Когда выше ста, жара мешает убийце двигаться. Ниже девяноста — достаточно прохладно, и у жертвы больше шансов уцелеть. Но на девяносто два градуса приходится самый пик раздражительности, человек выходит из себя буквально из-за любой мелочи. Мозг превращается в крысу, бегающую по раскаленному докрасна лабиринту. Достаточно самого малого — взгляда, звука, прикосновения волоска, и зверское убийство!»* (Р. Брэдбери. Прикосновение пламени). В романе Э. Макбейна «Головоломка» приводится описание невербальных агрессивных действий, произошедших в жаркий июньский день в Нью-Йорке: *«На углу Третьей авеню и Фоглер-стрит двое семнадцатилетних подростков остановили мальчишку и спросили, есть ли у него деньги. Была суббота, занятий в школе не было, и у мальчишки не было денег даже на завтрак. Все, что у него было, — это панический страх, который подростки почуяли тут же. Когда они поняли, в каком состоянии он находится, они избili его, оставив в бессознательном состоянии, сломав ему нос и выбив четыре зуба. Все, что они взяли, это значок с надписью «Долой бомбу», приколотый к лацкану курточки. После этого они отправились в кино на «Зеленые береты» с Джоном Уэйном в главной роли.»* (Э. Макбейн. Головоломка).

Кроме необычной жары, одним из факторов агрессии в данном контексте выступает страх жертвы. Это не совсем обычный факт, т.к. еще этологами было показано, что мимика страха, страдальческий вид жертвы входят в число факторов, способствующих ослаблению, а отнюдь не эскалации агрессии. Однако, к сожалению, то, что верно для животных, не всегда верно для человека, и более поздними исследованиями было выявлено наличие у человека некоторых садистических черт. Подростки, избившие мальчику, после совершения акта агрессии отправились в кино на фильм с участием Джона



Уэйна. Это подтверждает роль кино и телевидения как пусковых механизмов агрессивного поведения. Джон Уэйн — американский киноактер, игравший честных, неподкупных, сильных и независимых героев вестернов. Казалось бы, его персонажи должны быть положительным примером для детей и подростков, но в данном контексте подтверждается лишь тот факт, что восприятие агрессивных сцен (пусть даже пассивное) создает готовность к агрессии, т.е. готовность совершать агрессивные действия по отношению к другим людям. Конечно, в данном случае, нужно учесть и чисто психологический фактор моральной незрелости подростков, их неумение отличить «хорошую» агрессию их любимого киногероя от их собственной «плохой» агрессии по отношению к невинному мальчику. Есть еще один момент, имплицитно присутствующий в данном описании, — это поиск «козла отпущения», поиск жертвы. Подростки, ищущие разрядки своей деструктивной энергии, раздражительности в результате жары, нехватки денег и пр., находят себе жертву, моментально оценив ее неспособность к возмездию, «почувяв» ее страх.

Рассмотрим еще один пример:

*В одной из квартир, в доме неподалеку от реки, сидел мужчина в майке и смотрел телевизор. Его жена в комбинации и лифчике вышла из кухни, неся две открытые бутылки пива и два стакана. Одну бутылку она поставила перед мужчиной, из другой налила себе. Бледный свет луны проникал в открытое окно. Женщина посмотрела на экран телевизора и сказала*

*— Опять эта гадость?*

*— Да, опять, — ответил мужчина и потянулся за бутылкой.*

*— Ненавижу это шоу, — сказала она.*

*— А мне нравится.*

*Не говоря ни слова, женщина подошла к телевизору и переключила на другую программу. Так же молча ее муж поднялся со стула, быстро подошел к ней и одиннадцать раз ударил ее пивной бутылкой: дважды, когда она стояла, дважды, когда она падала, и еще семь раз, когда она уже лежала на полу,*

*потеряв сознание и истекая кровью. Он переключил телевизор на прежнюю программу и вызвал полицию только после того, как шоу закончилось, то есть через сорок пять минут... (Э. Макбейн. Головоломка.)*

Кроме фактора жары, о котором уже говорилось выше и который, по замыслу автора романа, «подстегивает» жителей Нью-Йорка к совершению преступлений, в данном отрывке описывается явление, которое в психологии называют «свободно плавающим гневом» [Налчаджян, 2007, с. 107]. Это хронический гнев, накапливаемый в человеке за долгий промежуток времени, некая обобщенная агрессивность, которая может быть и не направлена ни против кого конкретно. В описываемой ситуации потенциальный заряд враждебности персонажа таков, что его агрессивная реакция несоизмерима с силой воздействующего на него раздражителя, в роли которого выступает негативная вербальная оценка женой телевизионного шоу (*Опять эта гадость? Ненавижу это шоу.*) и совершенное ею действие (переключение программы). Психологически все вроде бы верно, но агрессивная реакция мужчины была чрезмерной, что и привело к трагическому результату.

Во всех примерах имплицитно присутствует еще один невербальный фактор, при определенных условиях способствующий возникновению и эскалации агрессии. Это проксемический компонент, включающий в себя понятия пространства, дистанции и территории [Hall, 1969]. Как было показано в параграфе 2.4.4, даже неосознанное вторжение в интимную зону человека вызывает в его организме физиологические симптомы агрессии. Проводя дальнейшие исследования личного пространства, социальные психологи обнаружили, что эта невидимая зона как бы пульсирует вокруг тела, то расширяется, то сжимается в зависимости от того, с кем общается индивид, насколько приятны ему эти отношения и тому подобное. Высокая плотность населения, характерная для больших городов, может вызвать чувство тесноты, а теснота — это уже субъективное ощущение дискомфорта, вызывающее у

людей отрицательные эмоции, понижающее порог раздражительности, приводящее к агрессивности.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать вывод о том, что условия актуализации агрессивного поведения человека в деструктивном общении разнообразны и в большинстве своем (за исключением вербального оскорбления) относятся к категории невербальных. В настоящем параграфе на текстовых примерах мы проследили связь агрессии и следующих невербальных факторов: высокой температуры окружающей среды, страха жертвы, влияния кино и телевидения (что можно отнести к более общему фактору «заражения агрессией»), наличия у индивида «свободно плавающего гнева», а также проксемического фактора (вторжения на личную территорию индивида, ощущения тесноты). Очевидно, что данный список не является полным, и существует еще немало факторов эскалации деструктивного поведения, выявление и описание которых можно отнести на перспективу исследования.

### **Выводы по второй главе**

Основной задачей, решаемой в данной главе, было рассмотрение деструктивности как сложного когнитивного образования. Наиболее существенные полученные выводы сводятся к следующим:

Деструктивность является концептуальным пространством, состоящим из совокупности различных концептов, куда входят концепты эмоций, вызывающих и поддерживающих деструктивное поведение, представления о факторах и ситуациях, способствующих актуализации и эскалации агрессивного поведения, концепты эмоций, возникающих в результате совершения деструктивного акта, прототипические и парапрототипические сценарии деструктивного поведения.

Концептуальное пространство деструктивности имеет полевую структуру. Анализ теоретической литературы и практический материал исследования показали, что к ядерным концептам концептуального пространства деструктивности можно отнести эмоциональные концепты злобы,

ярости, ненависти, презрения, эмоционально-поведенческие концепты «месть», «ревность», «черная зависть», прототипические когнитивные сценарии деструктивного поведения; к ближней периферии — эмоциональные концепты раздражения, неприязни, обиды, страха, т.е. находящиеся в причинно-следственной связи с эмоциями-стимулами деструктивного поведения, а также все парапрототипические сценарии развития «агрессивных» эмоций; к дальней периферии — концепты, имеющие опосредованное отношение к деструктивности, например, «ложь», «любовь», «свобода» и др.

Изучение эмоциональных концептов строится не столько на логическом, сколько на образно-схематическом знании. Несмотря на то, что при работе с эмоциональными концептами в целом соблюдается процедура трехступенчатого анализа концепта, моделирование эмоциональных концептов имеет свою специфику. Моделирование концепта эмоции проводится по следующей схеме: устойчивые выражения, используемые для описания изучаемой эмоции в конкретном языке, систематизируются в классы концептуальных метонимий, метафор, родственных концептов, т.е. в так называемые концептуальные категории; затем концептуальные категории систематизируются в когнитивные модели, или сценарии, среди которых, одна (один), как правило, является прототипом, а остальные — отступлениями от прототипа. Основой для изучения и моделирования концептов эмоций является анализ лингвистического описания эмоций.

В главе рассмотрена концептуализация трех эмоционально-когнитивных комплексов, относящихся к ядру концептуального пространства деструктивности: ненависти, зависти, ревности. Было показано, что набор основных концептуальных метафор гнева, ненависти, зависти и ревности практически идентичен. Было вычислено процентное соотношение примеров по шести основным концептуальным метафорам: КОНТЕЙНЕР + ЖАР, ПРОТИВНИК В БОРЬБЕ, ЖИВОЕ СУЩЕСТВО ВНУТРИ ЧЕЛОВЕКА, БЕЗУМИЕ, НОША / БРЕМЯ, БОЛЕЗНЬ. «Внутри» исследуемых концептов наблюдаются существенные различия в количественном соотношении

примеров, что может свидетельствовать о различной значимости того или иного образа эмоции в конкретной лингвокультуре. Сходства в концептуализации рассматриваемых эмоций представляют значительный интерес, что позволило сделать следующие выводы: язык не в состоянии отразить все тонкости физиологических ощущений рассмотренных нами эмоций; все эмоции, входящие в ядро концептуального пространства деструктивности, имеют общую концептуальную основу. Они характеризуются, прежде всего, кластерностью, и их концептуализация материализует представления человека об агрессии как о некой спонтанной силе, плохо поддающейся сознательному контролю. Мы также полагаем, что данные представления не просто являются отраженными представлениями об эмоциях в языке, они с детства *внедряются* языком в обыденное сознание и в какой-то мере определяют коммуникативное поведение в ситуациях деструктивного общения.

Полученные результаты показывают, что в языковой картине мира рассматриваемых эмоций представлено в основном отражение невербальных процессов: физиологических процессов, сопровождающих переживание эмоции (повышение температуры, кровяного давления, нарушение точности восприятия и др.), и сопряженных с ними физических проявлений эмоции (нарастание физической активности, выражения лица, жестики и пр.), т.е. вербальная концептуализация деструктивных эмоций представляет собой, в первую очередь, их знаковую соматическую фиксацию, которая связана как с лицом, так с другими частями тела человека.

Анализ описаний эмоциональных кинем лица в художественных текстах показал, что отражение эмоций группы гнева, а также эмоции ненависти осуществляется стереотипизированно. Мимический стереотип гнева в русской лингвокультуре представлен дескрипцией следующих признаков: покраснение (иногда резкое побледнение) лица, «горящие» глаза, нахмуренные брови, сжатые губы и зубы, расширенные ноздри, сморщивание кожи лица, контурирование передних краев жевательных мышц, набухание височных и

лобных подкожных вен. В понятие «искаженное лицо» входит изменение выражения лица, его черт, что может включать в себя как некоторые из вышеперечисленных мимических признаков, так и все сразу. В целом наиболее частотными признаны признаки покраснения лица и искажения черт лица в гневе / ярости / ненависти. Таким образом, в русском языковом сознании невербальная концептуализация данных эмоций является отражением их концептуализации как физиологического процесса, связанного с повышением температуры тела и кровяного давления, а также с «естественной», неконтролируемой мимикой.

Мимический стереотип зависти в русской лингвокультуре представлен описанием кинем глаз (завистливый взгляд), лица (перекошенное от зависти лицо), губ (завистливая улыбка). Читатель «достраивает» остальные компоненты и визуализирует лицо завистника, используя свой эмоциональный опыт и эмоциональный интеллект.

Разнообразие возможных аффективных реакций ревности не позволяет выделить какой-либо единый мимический стереотип данной эмоции. Ревность может выражаться через такие деструктивные эмоциональные состояния, как гнев, ярость, ненависть, презрение, но может переживаться и как тоска, печаль, отчаяние, приводящие к меланхолической депрессии. Невербальное выражение ревности в целом и мимическое выражение в частности, в значительной степени зависят от индивидуальных психоэмоциональных особенностей личности.

Мануальные жесты, как и другие невербальные знаки, являются важнейшим компонентом деструктивного общения. В рассматриваемом типе общения наряду с основными функциями, присущими жестам, они выполняют также особую функцию — функцию предвосхищения вербального выражения агрессивных эмоций и физической агрессии. Жесты, используемые в деструктивном общении, относятся к различным семиотическим группам, между которыми не всегда можно провести четкую границу (например, жест

«сжимать кулаки» может рассматриваться и как симптоматический жест, и как жест-иллюстратор), что, возможно, объясняется их эмоциональной природой.

Пантомимические компоненты являются неотъемлемой частью деструктивного общения и играют определенную роль в невербальной концептуализации деструктивных эмоций. Описания пантомимических компонентов деструктивного общения представляют собой в основном эксплицитные описания без отражения внешних признаков действия. Имплицитные описания содержат в себе описания отдельных элементов, которые «отвечают» за всю позу (*топнул ногой, затопал ногами, размахивал руками, грудью пошел на...* и т.п.). Именно эти элементы выражают определенные эмоции и человеческие взаимоотношения, и именно они реконструируют в сознании читателя (в соответствии с его эмоциональным опытом и интеллектом) всю позу целиком, из чего следует, что из них складываются стереотипные представления о телесном выражении эмоций вообще и деструктивных эмоций в частности.

Практический материал исследования показывает, что в описании пространственных компонентов деструктивного общения преобладающими являются глагольные словосочетания, указывающие на сокращение или увеличение коммуникативной дистанции. Как сокращение, так и увеличение коммуникативной дистанции практически всегда сопровождаются описанием других невербальных компонентов, в первую очередь мимических, окулесических, жестовых и пантомимических. Представления о пространственном поведении человека, испытывающего враждебные эмоции, являются частью концептуальной картины данных эмоций и так же основываются на концептуализации эмоций как физиологических процессов. Информация о пространственном поведении персонажей в художественном тексте предоставляется в основном имплицитно, за исключением тех случаев, когда за счет эксплицитного описания проксеми реализуются конкретные художественные задачи.

Анализ и систематизация практического материала позволили выделить следующий просодический стереотип для эмоций группы гнева: высокий тон, значительная сила звучания (громкость), быстрый темп. Если говорящий пытается подавить свои эмоции, то возможно наличие длинных пауз. В процессе анализа не удалось выделить просодический стереотип эмоций зависти и ревности.

Было установлено, что смех играет особую роль в концептуализации деструктивных эмоций. Несмотря на то, что происхождение смеха от игровой, дружелюбной агрессии приматов считается в науке доказанным, в обыденном сознании смех и агрессивное поведение (как невербальное, так и вербальное) тесно взаимосвязаны. В процессе межличностной коммуникации смех выступает как средство выражения эмоций, в том числе и негативных, поэтому такой смех коммуникативен и выполняет также эмотивную и оценочную функции. Деструктивность не является имманентным свойством смеха как биокультурного явления, однако в процессе коммуникации смех может выступать и зачастую выступает как инструмент агрессии. Обыденное сознание четко разводит «хороший» и «плохой», «добрый» и «злой» смех, давая, таким образом, основание говорить о концептуальной (небиологической) взаимосвязи деструктивности и смеха.



## **ГЛАВА III. КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ В ДЕСТРУКТИВНОМ ОБЩЕНИИ**

### **3.1. Понятие деструктивной коммуникативной личности**

В первой главе нашего исследования мы определили понятие деструктивного общения, выделили его основные параметры и характеристики. Центральным элементом любого типа общения выступает личность: она представляет собой объединяющее начало, реализующее в общении свои коммуникативные цели и задачи. Личности адресата и адресанта — два важнейших элемента общения, связывающих воедино все существующие характеристики коммуникативного процесса. Человеческая личность настолько сложна и многогранна, что изучается в рамках целого комплекса наук — философии, этики, психологии, медицины, социологии, педагогики. С конца прошлого века личность человека говорящего начала активно разрабатываться в лингвистике и стала предметом многочисленных исследований (Богин, 1980; 1982; Караулов, 1987; Ключанов, 1990; Беспмятнова, 1994; Иванцова, 2002; Ворожбитова, 2005; Сентенберг, 1994; Нерознак, 1996; Бороденко, 2001; Еремеева, 1991; Барсукова, 2007; Шевченко, 2005; Пузырев, 1996; Красных, 1999 и др.). Не вдаваясь в подробное описание эволюции взглядов на языковую личность, остановимся на кратком уточнении понятий языковая и коммуникативная личность.

Если обратиться к истокам употребления термина «языковая личность», то впервые данное словосочетание употребляется в трудах Й.Л. Вайсгербера и В.В. Виноградова в 30-е годы прошлого века. В книге «Родной язык и формирование духа» Й.Л. Вайсгербер пишет: «...язык представляет собой наиболее всеобщее культурное достояние. Никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу...» [Вайсгербер, 2004, с. 81]. Первым русским лингвистом, обратившим внимание на проблему языковой личности, был В.В. Виноградов,

который еще в 1930 г. писал о двух ипостасях художественной языковой личности — личности автора и личности персонажа [Виноградов, 1980]. Г.И. Богин предложил следующее толкование языковой личности: это есть «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин, 1982, с. 3].

В широкий научный обиход рассматриваемое понятие было введено Ю.Н. Карауловым, определившим языковую личность как человека, обладающего способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: «а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [Караулов, 1987, с. 57]. Известная трехуровневая модель языковой личности Ю.Н. Караулова включает 1) вербально-семантический уровень, отражающий степень владения языком; 2) лингво-когнитивный (или тезаурусный) уровень, отражающий картину мира языковой личности; 3) прагматический (или мотивационный) уровень, включающий цели, мотивы, интересы, установки [Караулов, 1987]. Компоненты третьего уровня — прагматикона личности — проявляются в процессе порождения текстов и их восприятия. И именно на этом уровне языковая личность становится личностью коммуникативной.

В параметрической модели Г.И. Богина языковая личность характеризуется по признаку языковой способности и коммуникативной компетенции. Основным критерием данной типологии уровней является степень развитости у языковой личности дискурсивного мышления. Свою модель ученый назвал лингводидактической, т.к. она представляет собой трехмерное образование на пересечении трех осей — уровней языковой культуры (фонетики, грамматики, лексики), четырех видов речевой деятельности и нижеперечисленных уровней владения языком — уровней языковой личности: 1) уровень правильности, который проявляется в овладении достаточно большим лексическим запасом и умении строить высказывание в соответствии с нормами данного языка; 2) уровень

интериоризации, раскрывающий владение внутренней речью; 3) уровень насыщенности, отражающий владение всем богатством выразительных средств языка в области фонетики, грамматики и лексики; 4) уровень адекватного выбора, проявляющийся в умении отбирать языковые средства в соответствии со сферой общения, коммуникативной ситуацией и ролями коммуникантов, а также критически оценивать различные коммуникативные неудачи; 5) уровень адекватного синтеза, отражающий «единство реализации коммуникативной и эстетической функций языка, как, впрочем, и вообще единство всех функций языка в речевой деятельности» [Богин, 1986]. Мы видим, что четвертый и пятый уровни относятся к области функционирования языковой личности непосредственно в коммуникации.

В коммуникативной лингвистике зародилось представление о языковой личности как о личности «коммуникативной». По Г.Н. Беспмятной, это «совокупность отличительных качеств личности, обнаруживающихся в ее коммуникативном поведении и обеспечивающих личности коммуникативную индивидуальность» [Беспмятнова, 1994, с. 10]. А.В. Пузырев противопоставляет языковую личность мыслительной, речевой и коммуникативной, связывая с языковой личностью только анализ степени развитости языка, его особенностей [Пузырев, 1996]. В.В. Красных разграничивает языковую, речевую, коммуникативную личность, а также человека говорящего [Красных, 1999, с. 12].

Особо следует остановиться на типологии языковых личностей (а по сути, коммуникативных личностей) по их способностям к кооперации в речевом поведении, разработанной К.Ф. Седовым [Седов, 2000; 2004 и др]. Главным критерием дифференциации речевого поведения в данной типологии выступает способность языковой личности к согласованности своего дискурсивного поведения с действиями партнера по социально-коммуникативному взаимодействию. Для характеристики аналогичных особенностей речевого общения С.А. Сухих и В.В. Зеленской выдвинут принцип бинарной оппозиции, в основе которой лежит установка НА или ОТ

партнера коммуникации. Таким образом, выделяются два полюса коммуникативной компетенции — конфликтность / кооперативность. Конфликтность «проявляется по отношению к теме диалога через реакцию неприятия или частичного приятия вводимой темы, через интенциональные способы реагирования на действия партнера, например: упрек — упрек, просьба — отказ, констатация факта — отрицательная оценка этого факта. “Конфликтность” может сигнализироваться такими средствами, как смещение акцента общения с предмета на отношения. “Конфликтность” как языковая черта может быть связана с эгоцентрической модальностью, так как ориентированность на другого зависит от отношения к себе, своему ЭГО. Вытекающие из этого отношения две языковые черты носят скорее психологический, нежели языковой характер» [Сухих, Зеленская, 1998, с. 78]. Типология языковых личностей К.Ф. Седова основывается на системе уровней развития коммуникативной компетенции человека согласно доминирующей в речевом поведении установки по отношению к участникам общения. К.Ф. Седов выделяет три типа языковых личностей: конфликтный, центрированный, кооперативный, каждый из обозначенных типов представлен двумя подтипами.

Анализ взглядов на феномен языковой и коммуникативной личности позволил выделить две основные точки зрения на соотношения данных понятий:

1. Понятие *коммуникативная личность* значительно шире понятия *языковая личность*. Данный подход отражен в работе В.П. Конецкой, которая считает, что понятие *коммуникативной личности* «предполагает характеристики, связанные с выбором не только вербального, но и невербального кода коммуникации, с использованием искусственных и смешанных коммуникативных кодов, обеспечивающих взаимодействие человека и машины» [Конецкая, 1997, с. 106]. Коммуникативная личность, по В.П. Конецкой, может быть охарактеризована по трем параметрам: 1) мотивационный параметр, определяемый коммуникативными

потребностями, занимает центральное место в структуре коммуникативной личности. «Именно потребность сообщить что-то или получить необходимую информацию служит мощным стимулом для коммуникативной деятельности и является обязательной характеристикой индивида как коммуникативной личности» [Там же, с. 106]; 2) когнитивный параметр, включающий в себя «множество характеристик, формирующих в процессе познавательного опыта индивида его внутренний мир в интеллектуальном и эмоциональном планах», в том числе знание коммуникативных систем (кодов), обеспечивающих адекватное восприятие смысловой и оценочной информации, и воздействие на партнера в соответствии с коммуникативной установкой; способность наблюдения за своим языковым сознанием, рефлексия, способность адекватной оценки когнитивного диапазона партнера, совместимость когнитивных характеристик коммуникантов [Там же, с. 107—108]; 3) функциональный параметр, включающий три основные характеристики: а) практическое владение индивидуальным запасом вербальных и невербальных средств для актуализации информационной, экспрессивной и прагматической функций коммуникации; б) умение варьировать коммуникативные средства в процессе коммуникации в связи с изменением ситуативных условий общения; в) построение высказываний и дискурсов в соответствии с нормами избранного коммуникативного кода и правилами речевого этикета [Там же, с. 108—109].

2. Понятие *коммуникативная личность* включено в понятие *языковой личности*: под языковой личностью понимается и человек «как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности, т.е. комплекс психофизических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения — по существу личность речевая», и «совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения, т.е. личность коммуникативная», и закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок,

ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре — личность словарная, этносемантическая [Воркачев, 2001, с. 64—73].

Близких взглядов придерживается В.И. Карасик, полагающий, что языковая личность в условиях общения может рассматриваться как личность коммуникативная — как «человек, существующий в языковом пространстве — в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [Карасик, 2002, с. 8]. Ученый предлагает трехкомпонентную модель коммуникативной личности, включающую ценностный, познавательный и поведенческий аспекты [Там же, с. 26]. Данный подход представляется нам наиболее плодотворным в контексте проводимого исследования, ибо позволяет обратиться к типовой коммуникативной личности, реализующей свои коммуникативные намерения в деструктивном типе общения.

Коммуникативная личность есть одна из ипостасей человеческой личности, и ее коммуникативное поведение в деструктивном общении — лишь одно из возможных проявлений. Различные виды дискурса (бытовой, бытийный, разновидности институционального — см. [Карасик, 2000]) требуют некоторой (иногда весьма существенной) дифференциации коммуникативного поведения. Это относится и к деструктивному коммуникативному поведению, в котором статусные характеристики играют ключевую роль при выборе стратегий и тактик деструктивного общения.

Итак, центральным элементом деструктивного общения выступает коммуникативная личность, которая будет рассмотрена нами с учетом трех планов, или аспектов, — ценностного, познавательного и поведенческого.

При анализе ценностного аспекта деструктивной коммуникативной личности необходимо учитывать его двойственную природу. С одной стороны, можно говорить о внешнем ценностном плане, который содержит этические и утилитарные нормы поведения, а также оценку социумом коммуникативного поведения деструктивной коммуникативной личности. Здесь можно вести речь о системе отрицательных оценок и отношений к субъекту агрессивной /

деструктивной деятельности. Иллюстрацией могут быть многочисленные русские поговорки, отражающие традиционно отрицательную оценку социумом человека злого и агрессивного: *злой человек живьем готов съесть; съесть с потрохами; стереть с лица земли; в гроб вогнать; свести в могилу; сжить (противника) со света; отправить на тот свет; кровь сосать; жать сок; жилы тянуть; резать тупым ножом; пилить тупой пилой; резать по живому месту; есть поедом, как ржа железо, и т.п.* Ценность человека плохого (в том числе злого, агрессивного) в обществе тоже оценивается отрицательно; поговорки советуют: *Бешеному псу уступи дорогу; Кто с ним свяжется, сам не рад будет; Дурака обойдешь — за умного сойдешь; Дерьмо не трогай — оно и не воняет; Не дразни собаку — она и не укусит; Осиный рой лучше не тревожь.* О том, что злой человек представляет отрицательную ценность для общества, напоминают, например, следующие поговорки: *За его гробом и бездомная собака не побежит; Собаке собачья смерть; Пусть ему икается на том свете!; Осинный кол ему в могилу!*

С другой стороны, существует внутренний ценностный, или, скорее, мотивационно-ценностный, план самой деструктивной коммуникативной личности, который «запускает» и определяет ситуацию деструктивного общения и проявляется в оценочных значениях используемых семиотических знаков, реализуемых в ситуации общения прескрипциях и установках и т.д. Мотивы и ценности деструктивной коммуникативной личности не всегда лежат на поверхности: одно дело, когда человек осознанно и целенаправленно «уничтожает» противника, используя приемы вербальной агрессии, различные невербальные коммуникативные приемы, открыто заявляя свое превосходство. В таком случае определить спектр отрицательных ценностей деструктивной коммуникативной личности не представляет труда. Однако для многих людей признание отрицательных ценностей невозможно по определению: издревле существует тенденция оправдывать деструктивные действия благими намерениями — сама личность не осознает (либо не признает) своей деструктивности, полагая, что действует во благо своей «жертве», социальной

группе, обществу в целом. В таком случае, не всегда можно опираться исключительно на лингвистические данные при анализе ценностной составляющей коммуникативной личности. Для рассмотрения ценностного аспекта деструктивной коммуникативной личности необходимо мнение «третьего» — стороннего наблюдателя, в роли которого может выступать психолог / психотерапевт / здравомыслящий собеседник (в реальной коммуникации) / либо автор художественного произведения (в художественной коммуникации), выразителем мнения которого может выступать один из персонажей. Считаем возможным обратиться также к данным психоанализа, ибо проблема агрессивности и деструктивности личности длительно и плодотворно изучается в рамках данной научной концепции. Э. Фромм выделял деструктивный тип личности, в основе которого лежит страсть властвовать, мучить и унижать других людей [Фромм, 1994, с. 246], а также страсть к разрушению ради разрушения, желание превратить все живое в неживое, исключительный интерес ко всему чисто механическому (небиологическому) [Там же, с. 284]. Деструктивная личность, крайним проявлением которой является некрофильский характер, реально воспринимает в жизни только то, что уже было — «учреждения, законы, собственность, традиции, владения», т.е. «*иметь* господствует над *быть*» [Там же, с. 291]. В 1972 г. М. Маккоби было проведено экспериментальное исследование корреляции между характером человека и его политическими взглядами, в результате которого был сделан вывод о приоритетных ценностях людей с деструктивной доминантой: это «более жесткий контроль над недовольными, строгое соблюдение законов против наркотиков, победное завершение войны во Вьетнаме, контроль над подрывными группами и их действиями, усиление полиции и борьба с мировым коммунизмом» [Цит. по: Фромм, 1994, с. 293]. Эти данные 40-летней давности соотносятся с современными общественными тенденциями и являются еще одной иллюстрацией того, что «иметь» побеждает в современной системе ценностей. Э. Фромм выделил тип личности, характерный для передового современного индустриального общества, который он назвал



Marketing-Charakter — *рыночная личность*. «Для рыночной личности весь мир превращен в предмет купли-продажи — не только вещи, но и сам человек, его физическая сила, ловкость, знания, умения, навыки, мнения, чувства и даже улыбка» [Фромм, 1994, с. 300], — вот тот тип личности, в котором ученым был зафиксирован феномен отчуждения, столь характерный для «развитого» общества XXI века. Если объект общения по определению воспринимается как недочеловек, то такое общение рано или поздно превратится в деструктивное, в котором субъект по определению всегда прав и от него нельзя ожидать ни жалости, ни сострадания.

Наиболее ярко отрицательные ценности деструктивной коммуникативной личности проявляются в ситуациях открытого деструктивного общения. Напомним, что к ним мы относим такие ситуации, которые непосредственно доступны для внешнего наблюдения через невербальные / вербальные ключи, мотивированы интенцией причинить вред объекту агрессии, который при этом совпадает с истинным фрустратором. Сюда относятся также ситуации прямой вербальной агрессии, имеющей намерение оскорбить, унижить, дискредитировать человека.

В качестве иллюстрации проанализируем отрывок из рассказа Р. Брэдли «Прикосновение пламени», в котором детально и психологически точно описывается коммуникативное поведение деструктивной личности. Героиня рассказа испытывает глубоко отрицательные эмоции по отношению ко всем представителям человеческой расы и выражает их не стесняясь, это классический тип деструктивной коммуникативной личности с ценностными установками на унижение и моральное уничтожение собеседника, которые она реализует ежечасно, вызывая ответные разрушительные желания в своих коммуникативных партнерах. Недаром герои рассказа, Фокс и Шоу, называют ее «Миссис Убей Меня».

*Поравнявшись с дверью, они услышали ее визгливый голос:*

*— Мне нужен кусок мяса поприличнее, ну-ка, посмотрим, что вы там припрятали для себя?*

*Мясник не проронил ни слова. На нем был захватанный, испачканный кровью фартук. В руках — ничего. Старики вошли вслед за женщиной, делая вид, что любят нежно-розовым филеом.*

*— От этой баранины меня тошнит! — кричала она. — Почем эти мозги?*

*Мясник сухо ответил.*

*— Ладно, взвесьте мне фунт печени! — велела женщина. — И пальцы свои держите от нее подальше.*

*Мясник, не спеша, принялся взвешивать.*

*— Пошевеливайтесь! — набросилась она.*

*Теперь рук мясника не было видно из-за прилавка.*

*— Смотри, — прошептал Фокс. Шоу слегка запрокинул голову, чтобы увидеть, что делается под прилавком.*

*Окровавленная рука мясника крепко держала блестящий топор. Его пальцы то сжимались на рукоятке, то снова разжимались. Мясник возвышался над белым мраморным прилавком; женщина выкрикивала ему что-то в побагровевшее лицо, тот смотрел на нее голубыми, угрожающе спокойными глазами (Р. Брэдбери. Прикосновение пламени.)*

В данном примере установка на деструктивность реализуется посредством двух семиотических кодов: вербального и невербального. Отношение к мяснику как к недочеловеку отражено в выборе слов (*кусок попрличнее, припрятали для себя, тошнит от этой баранины (от той, которую вы продаете), пальцы свои держите подальше, пошевеливайтесь*), коммуникативных структур (использование грубой формы повелительного наклонения), невербальных компонентов общения (см. описание фонационно-просодических компонентов в речи женщины: *визгливый голос, кричала, велела, набросилась, выкрикивала что-то в лицо*).

Когнитивный (познавательный) аспект коммуникативной личности — это «степень освоения мира человеком через язык» [Карасик, 2002, с. 30]. Естественно, что деструктивные взаимоотношения обладают определенной

спецификой, отраженной в мышлении и языке. В психологии закрепился термин «деструктивное мышление» (в противовес конструктивному мышлению), которое в самом общем смысле определяется как негативно направленные мысли, способствующие ухудшению настоящего и будущих моментов. Очевидно, что индивид, обладающий подобным мышлением, априори рассматривает мир как нечто негативное и более склонен к деструктивному коммуникативному поведению, чем тот, у кого мышление «конструктивно». Это, однако, не аксиома, а лишь одна из возможных корреляций, потому как существует немало позитивно мыслящих личностей, практикующих деструктивное общение в определенных сферах своей деятельности. В когнитивную компетенцию субъекта деструктивного общения входят знания о том, с каким собеседником и в каких обстоятельствах можно использовать конкретные тактики деструктивного общения — кому можно угрожать, кого можно безнаказанно оскорбить, какие слова или действия принесут желаемый эффект, какие эмоции можно / нельзя демонстрировать, на каком этапе нужно остановиться и т.п. Способность оперировать данными знаниями составляет основу когнитивной компетенции деструктивной коммуникативной личности. Сюда входят когнитивные схемы (фреймы, матрицы, скрипты), соотносящиеся с существующими стереотипами поведения в ситуациях деструктивного общения в определенном социуме, а также представления об эмоциональных состояниях, вызывающих и сопровождающих деструктивное общение (т.е. эмоциональные концепты деструктивного общения), а также знания о невербальной концептуализации соответствующих эмоциональных состояний.

Ценностный и когнитивный аспекты коммуникативной личности тесно взаимосвязаны с поведенческим аспектом, который «характеризуется специфическим набором намеренных и помимовольных характеристик речи и паралингвистических средств общения» [Карасик, 2002, с. 20]. Говоря о коммуникативном поведении личности, «мы имеем в виду прагмалингвистические параметры языковой личности, т.е. рассматриваем

общение как деятельность, имеющую мотивы, цели, стратегии и способы их реализации» [Там же, с. 45]. Цель деструктивного общения — травмировать собеседника, всячески умалить его личностную значимость, причинить ему психологический / физический вред — определяет выбор коммуникативных стратегий и тактик без учета психоэмоционального состояния партнера.

В качестве иллюстрации тесной взаимосвязи всех трех аспектов деструктивной коммуникативной личности приведем пример из уже упомянутого нами рассказа Р. Брэдбери. Два старика, Фокс и Шоу, пытаются убедить Миссис Крик в том, что ей необходима психологическая помощь, что вызывает невероятную по силе агрессивную реакцию со стороны женщины. Она находится в своем доме (т.е. чувствует себя в полной безопасности), видит перед собой двух безобидных пожилых людей (понимает, что они не могут причинить ей серьезного вреда), она абсолютно уверена в собственной правоте, а именно в том, что никто не имеет права лезть в ее жизнь и давать ей советы. Все это, помноженное на свойство характера миссис Крик не видеть и не слышать собеседников, относиться к ним как к низшим существам, порождает следующую ситуацию открытого деструктивного общения:

*— Я вас вышвырну, вышвырну! — визжала она, сжимая кулаки и скрежеща зубами. Ее лицо окрасилось в непостижимый цвет. — Вы кто такие? Вы старые, дряхлые бабки, штики, недоумки! — вопила она, срывая шляпу с мистера Фокса и выдирая из нее подкладку. — Убирайтесь, убирайтесь, убирайтесь! — Бросила шляпу на пол, раздавила каблуком, пнула ногой. — Вон! Вон!*

*— О, но ведь мы вам нужны! — Фокс в отчаянии смотрел на свою шляпу, а тем временем женщина осыпала его самой отборной бранью. Не было таких слов, которых она постеснялась бы употребить. Она изрыгала громы, молнии, дым и винные пары.*

*— Вы кем себя возомнили? Вы что. Бог? Бог и Святой Дух, снисходящие до людей, вынюхивающие да высматривающие; ах вы, старые калоши, перечницы, хрычовки! Вы, вы... — Она сыпала и сыпала им на голову такие*

*ругательства, что они, ошеломленные, понялись к двери. Она обзывала их самыми что ни на есть распоследними словами, затем умолкла, набрала полные легкие воздуха и обрушила на стариков новый поток помоев, еще более грязных и гнусных, чем предыдущие.*

*— Послушайте! — сказал Фокс с металлом в голосе. Шоу стоял за дверью и умолял своего друга выйти, все кончено, они это так себе и представляли, они оказались в дураках, они заслужили все эти ругательства. Боже, боже, какой позор!*

*— Старая дева! — орала миссис Крик.*

*— Я бы попросил вас выбирать выражения!*

*— Старая дева, старая дева!*

*Это почему-то оказалось страшнее всех действительно страшных ругательств.*

*Фокс пошатнулся, у него отвисла челюсть. Потом захлопнулась. Потом снова отвисла.*

*— Старуха! — вопила миссис Крик, не унимаясь. — Старуха, старуха, старуха! (Р. Брэдли. Прикосновение пламени.)*

Миссис Крик, осыпая стариков ругательствами, осознанно выбирает гендерно окрашенные номинации (*Старые калоши, перечницы, хрычовки!; Старые, дряхлые бабки!; Старая дева!; Старуха! / You old dirtyminded grandmas!; Old maid!; Old woman!; Woman, woman, woman!*). Она видит, что именно они вызывают у пожилых мужчин наиболее болезненную реакцию, и сознательно продолжает наносить подобные оскорбления, что вызывает реакцию прямой физической агрессии со стороны Фокса (он бьет миссис Крик своей тростью).

Резюмируя сказанное, отметим, что деструктивная коммуникативная личность понимается в нашей работе как коммуникативная личность, практикующая тип общения, направленный на реализацию коммуникативной цели психологически травмировать собеседника. Ценностный план деструктивной коммуникативной личности состоит в негативной оценке ее

действий социумом (внешний ценностный план), а также в нарушении моральных и утилитарных норм социума (внутренний ценностный план). Когнитивный (познавательный) аспект деструктивной коммуникативной личности включает знания когнитивных схем, соотносящиеся с существующими стереотипами поведения в ситуациях деструктивного общения в определенном социуме, а также эмоциональные концепты деструктивного общения, включая представления о невербальной концептуализации соответствующих эмоциональных состояний. Поведенческий аспект отражает конкретное проявление коммуникативной личности в ситуациях деструктивного общения различных типов, включая цели, стратегии и тактики реализации деструктивных намерений.

Разработка трехкомпонентной модели коммуникативной личности В.И. Карасика в лингвоперсонологии привела к созданию теории лингвокультурных типажей, активно развиваемой в настоящее время: «В лингвокультуре можно выделить и тех обобщенных представителей соответствующего общества, которые выступают не как ориентир для подражания, но как стабильный типаж, постоянно фигурирующий в концептосфере» [Карасик, Ярмахова, 2003, с. 53]. На настоящем этапе выделяются этнолингвокультурные типажи, например, «российский предприниматель», «американский адвокат», «звезда Голливуда», «китайский врачеватель», и др., и социоллингвокультурные типажи, например «аристократ», «политик», «разгильдяй» и др. [Лингвокультурные типажи, 2010], разрабатывается паспорт лингвокультурного типажа, включающий внешний вид, гендер, происхождение, место жительства, сферу деятельности, коммуникативные особенности и т.д. [Дмитриева, 2007].

Типаж трактуется как разновидность концепта — «это концепт, содержанием которого является типизируемая личность» [Карасик, 2007, с. 228]. Однако для настоящего исследования наиболее важна типизация личностей на основе не столько их социальных ролей, сколько особенностей их коммуникативного поведения, т.е. речь будет идти о коммуникативных

типажах. Сразу необходимо оговориться, что, несмотря на то, что и лингвокультурный и коммуникативный типажи имеют в своей основе концепт как ментальную единицу, они не могут рассматриваться как идентичные понятия: моделирование лингвокультурных типажей представляет собой акцент на историческом и культурном бытовании языковой личности, при анализе коммуникативного типажа акцент, прежде всего, ставится на описании типовых особенностей коммуникативного поведения вне зависимости от социальных и этнических характеристик языковой личности. Коммуникативный типаж рассматривается «как типичный представитель группы коммуникативных личностей, объединенных общими признаками коммуникативного поведения... Данный тип личности в принципе не зависит от этнических и социальных характеристик и проявляется исключительно в специфике коммуникативного поведения» [Мироненко, 2005, с. 39]. Таким образом, принимая за основу мнение В.И. Карасика о том, что типаж есть разновидность концепта и, следовательно, его изучение должно включать рассмотрение понятийной, образной и ценностной составляющих [Карасик, 1996], мы основываемся на методике рассмотрения коммуникативных типажей, предложенной Н.Н. Панченко, а именно моделирование коммуникативного типажа должно включать: а) уточнение и анализ понятийного содержания соответствующего концепта в системе близкородственных понятий; б) выявление образных и ценностных характеристик; в) анализ высказываний, описывающих рассматриваемый коммуникативный типаж; г) анализ дискурсивных особенностей рассматриваемого типажа, т.е. рассмотрение цели, стратегии, способа реализации речевых действий, особенностей коммуникативного поведения [Панченко, 2010, с. 145].

В главе 1 мы говорили о том, что деструктивное общение выведено за рамки подлинно межличностного взаимодействия, ибо оно эгоцентрично, в нем по определению отсутствуют эмпатия и ориентация на сотрудничество, а единственной целью является не возвышение, а унижение собеседника. Оно противоречит постулатам кооперативного общения, и его мотивационной

основой являются враждебные эмоции и эмоционально-когнитивные комплексы ненависти, зависти и ревности. Деструктивное общение реализуется в трех основных типах ситуаций деструктивного общения — ситуациях открытого, скрытого и пассивного деструктивного общения. Исходя из этих факторов, мы попытались выделить некоторые типизируемые деструктивные коммуникативные личности межличностного общения, коммуникативное поведение которых мотивировано определенными доминирующими эмоциями и протекает в конкретной форме (открыто или скрыто для партнера). Деструктивная коммуникативная личность, практикующая в основном открытое деструктивное поведение и мотивируемая разнообразными эмоциями, будет рассмотрена нами на примере коммуникативного типажа «хам»; личность, практикующая преимущественно скрытое деструктивное поведение и мотивируемая эмоцией зависти, — на примере коммуникативного типажа «завистник»; и наконец, личность, практикующая все виды деструктивного поведения и мотивируемая эмоцией ревности, — на примере коммуникативных типажей «ревнивец / ревнивица» и его разновидности «злая свекровь». В нашей выборке типизируемых личностей отсутствует типаж, мотивируемый эмоциями гнева / ярости / ненависти и практикующий различные виды деструктивного поведения (но в основном открытого), хотя мы прекрасно осознаем, что такая личность существует. Она отражена в определении конфликтно-агрессивного подтипа языковой личности К.Ф. Седова: конфликтный агрессор проявляется в том, что «демонстрирует в отношении коммуникативного партнера негативную иллокуцию (агрессию), которая вызвана стремлением видеть в его поведении враждебную или конкурирующую интенцию. Агрессор — ущербная в социально-психологическом отношении личность. Для того чтобы добиться ощущения социальной полноценности, коммуникант такого рода должен доставить собеседнику моральный дискомфорт («сказать гадость», обругать). <...> В повседневном общении подобная языковая личность проявляется в инвективах (прямых оскорблениях), колкостях, упреках, насмешках и т.п. <...> Общение с конфликтным агрессором напоминает борьбу, в которой он



стремится нанести как можно больше уколов собеседнику» [Седов, 2000, с. 6—12]. Ведь именно такая личность описана в вышеупомянутом нами рассказе Р. Брэдбери — миссис Крик, злобная и стремящаяся сказать гадость любому. Мы попытались дать имя данному типу, проведя опрос информантов (66 человек в возрасте от 18 до 75 лет, соотношение мужчин и женщин 16:50). Участникам опроса было предложено дать название человеку, который постоянно и зачастую беспричинно на всех злится, со всеми ругается, ссорится, т.е. вступает в конфликт. Было получено большое количество разнообразных номинаций, включая (в том числе оценочные и (полу)шутливые) «склочник» (6 %), «скандалист» (7,5 %), «агрессор» (6 %), «злюка» (3 %), «злыдня» (1,5 %), «конфликтный человек / тип» (6 %), «вампир» (6 %), «псих» (1,5 %), «озлобыш» (1,5 %), «обиженный жизнью» (1,5%), «неудачник» (4,5%), «идиот» (1,5%), «быдло» (1,5%), «(моральный) урод» (3 %), «неврастеник» (1,5 %), «самодур» (1,5 %), «мизантроп» (4,5 %), «антропофоб» (3 %), «социопат» (1,5 %), «хейтер» (1,5 %), «человеконенавистник» (9 %), «сосед» (1,5 %). Как видно из приведенного списка, мы не можем выделить номинацию, которая бы адекватно отражала имеющиеся признаки коммуникативной личности и была узнаваема и признаваема большинством носителей языка. Таким образом, имеет место отсутствие средств системной языковой объективации для имеющегося в языке концепта. З.Д. Попова и И.А. Стернин видят причину этого в отсутствии языковой потребности, в результате чего не осуществлена номинация, что, в свою очередь, требует объяснения с позиций уклада жизни, менталитета, тематики общения и т.д. [Попова, Стернин, 2007]. Мы полагаем, что конфликтно-агрессивная личность распадается на несколько типажей вследствие того, что в основе ее целеустановок лежит несколько мотивационных основ. Так, например, можно говорить о типаже «человеконенавистник» как о личности, мотивируемой ненавистью ко всему миру, или о типаже «склочник (скандалист)», для которого участие в конфликтах — один из способов получить моральное удовлетворение, и т.п.

Очевидно, что деструктивное поведение не исчерпывается выделенными для анализа типажам, но мы надеемся положить начало исследованиям в этой области, представляющейся не только весьма перспективной, но и глубоко социально значимой. Анализ данных коммуникативных типажей позволит не только «увидеть» их в реальной коммуникации, но и выработать способы защиты от деструктивного коммуникативного поведения.

Однако прежде чем перейти непосредственно к анализу вышеуказанных типажей, остановимся на рассмотрении стратегий и основных тактик деструктивного общения, реализуемых деструктивной коммуникативной личностью.

### **3.2. Стратегии и тактики деструктивной коммуникативной личности в ситуациях деструктивного общения**

Описание и анализ коммуникативного поведения личности подразумевает обращение к вопросу планирования и прогнозирования результатов общения, что, в свою очередь, требует рассмотрения стратегий и тактик коммуникантов. По данной проблематике проведено и опубликовано немало исследований [Арутюнова, 1999; Дейк ван, 1978; Иссерс, 2008; Карасик, 1992; Кашкин, 2000; Олянич, 2004; Певнева, 2008; Ренц, 2011; Седов, 2000, 2004 и др.], среди которых значительное место занимают работы по стратегиям и тактикам агрессивного и конфликтного взаимодействия [Гришина, 2008; Иссерс, 2008; Карякин, 2012; Певнева, 2008; Седов, 2000, 2004; Фомин, Якимова, 2012 и др.]. Основательная разработанность проблемы позволяет нам не останавливаться подробно на анализе все имеющихся на данный момент подходов и классификаций стратегий и тактик интересующего нас вида взаимодействия, а перейти к рассмотрению основного терминологического аппарата и выделению набора стратегий и тактик, характерных для деструктивного типа общения.

Определимся с понятием коммуникативной стратегии. Существует ряд определений, в которых отражено различное понимание данного явления как внутри, так и за пределами лингвистической науки (см., например, работы

И.Н. Борисовой, В.З. Демьянкова, Т. ван Дейка, О.С. Иссерс, Г.Г. Матвеевой, А.П. Сковородникова, С.А. Сухих, И.В. Труфановой, Т.О Ыйма и др.). По мнению И.Н. Борисовой, коммуникативная стратегия «есть результат организации речевого поведения говорящего в соответствии с прагматической целеустановкой, интенцией. В широком смысле коммуникативная стратегия понимается как общее намерение, задача в глобальном масштабе, сверхзадача речи, диктуемая практической целью продуцента» [Борисова, 1996, с. 22]. Ученый подразделяет коммуникативные стратегии на осознанные и подсознательные. Осознанные коммуникативные стратегии связаны преимущественно с достижением практической цели, а подсознательные не определяются обдуманном планом, замыслом. В спонтанных непринужденных разговорных диалогах, как правило, присутствует подсознательная стратегия. «Если осознанную стратегию принято соотносить с замыслом высказывания и его реализацией в речи, то подсознательную стратегию можно соотнести с понятием психологической установки говорящего» [Там же, с. 23].

О.С. Иссерс дает следующее определение коммуникативной стратегии: «Стратегия представляет собой когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера» [Иссерс, 2008, с. 100], что в целом близко предыдущему пониманию.

Однако наиболее удобным для целей нашей работы представляется определение А.П. Сковородникова, рассматривающего коммуникативную стратегию как «общий план, или “вектор”, речевого поведения, выражающийся в выборе системы продуманных говорящим / пишущим поэтапных речевых действий; линия речевого поведения, принятая на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленная на достижение конечной коммуникативной цели (целей) в процессе речевого общения. Каждая речевая (коммуникативная) стратегия характеризуется определенным набором речевых тактик» [Сковородников, 2004, с. 6]. Соответственно, речевая (коммуникативная) тактика — «это конкретный речевой ход (шаг, поворот,

этап) в процессе осуществления речевой стратегии; речевое действие (речевой акт или совокупность нескольких речевых актов), соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа. Реализация совокупной последовательности речевых тактик призвана обеспечить достижение коммуникативной цели речевого общения (конкретной интеракции)» [Сковородников, 2004, с. 6]. В работе О.С. Иссерс озвучена, по сути дела, та же самая мысль: «Речевой тактикой следует считать одно или несколько действий, способствующих реализации стратегии» [Иссерс, 2008, с. 109]. Итак, коммуникативные стратегии отвечают за выбор коммуникативных тактик, т.е. практических ходов в процессе речевого взаимодействия, и, говоря словами О.С. Иссерс, определяют семантический, стилистический и прагматический выбор говорящего [Там же].

Анализ практического материала показал, что генеральная когнитивная стратегия деструктивного общения есть стратегия, направленная на психоэмоциональное «уничтожение» противника, стратегия собственного возвышения за счет унижения партнера по общению, и все коммуникативные действия в ситуациях деструктивного общения направлены на ее реализацию. По результатам анализа коммуникативных стратегий в отечественных и зарубежных исследованиях с учетом имеющегося практического материала применительно к деструктивному общению была выделена основная коммуникативная стратегия, а также соответствующие вспомогательные стратегии, каждая из которых имеет набор тактик. Принципом данной классификации является вектор направленности на партнера по коммуникации: действия говорящего в деструктивном общении по определению направлены против собеседника. Соответственно, основная стратегическая линия коммуникации получила название конфронтационной. Вспомогательными стратегиями по отношению к основной выступают инвективная стратегия и стратегия манипулирования, каждая из которых обладает определенным набором тактик, представленных на рис. 1.



С одной стороны, прямые инвективные тактики, очевидно, характерны для ситуаций открытого деструктивного общения. Мало что может сравниться по силе деструктивного воздействия с прямым оскорблением либо с жесткой несправедливой критикой (см., например Кусов, 2004; Шарифуллин, 2000; 2000а; Бринев, 2010 и др.). Косвенные инвективные тактики могут быть использованы в ситуациях как открытого, так и скрытого деструктивного общения. Манипулятивные тактики в большей степени характерны для ситуаций скрытого и пассивно-деструктивного общения. С другой стороны, необходимо отметить, что ни одна из указанных тактик, за исключением, возможно, оскорбления, не может быть априорно отнесена к тактикам исключительно деструктивного общения. Практически все они могут использоваться в конфликтном речевом взаимодействии [Певнева, 2008; Седов, 2004]; манипулятивные тактики широко распространены в политическом, массмедийном, судебном дискурсах [Катенева, 2010; Никитина, 2006; Кара-Мурза Е.С., 2009; Хлопкова, 2010 и др.]. На основании имеющегося материала мы попытались вычленить тактики, характерные исключительно для

деструктивного общения. Мы полагаем, что к таковым можно отнести комбинированную (вербально-невербальную) тактику издевательства, или коммуникативного садизма, а также комбинированную тактику хамства. Остановимся подробнее на их рассмотрении.

### **3.2.1. Коммуникативный садизм**

Одной из специфических тактик деструктивного общения, используемых деструктивной коммуникативной личностью, является тактика коммуникативного садизма. Данное понятие было впервые введено в лингвистический обиход проф. К.Ф. Седовым для обозначения «словесного издевательства», осуществляемого конфликтным типом личности [Седов, 2004, с. 89]. Конфликтный тип личности, представленный в двух разновидностях — конфликтно-агрессивной и конфликтно-манипуляторской, демонстрирует установку против партнера по коммуникации и отражает стремление одного из участников общения самоутвердиться за счет собеседника. Коммуникативный садизм выступает как крайняя форма вербальной агрессии и проявляется в виде словесного издевательства на уровне как инвективной, так и куртуазной и рационально-эвристической стратегий общения [Седов, 2004, с. 89]. Однако, на наш взгляд, нельзя ограничивать проявления коммуникативного садизма только словесными формами. Уместно вспомнить о том, что, согласно многочисленным исследованиям, эмоциональная информация передается наиболее точно и полно невербальными средствами общения в самом широком смысле этого слова [Leathers, 1976] и является определяющей при оценке качества коммуникативного воздействия. Таким образом, задачей данного параграфа является определение психокоммуникативных характеристик коммуникативного садизма и выявление его типичных вербальных и невербальных приемов.

Согласно классическому определению в психологии, садизм — это половая перверсия, при которой сексуальное удовлетворение достигается при причинении физических страданий или унижений своему партнеру [ССП].

В «Большом толковом словаре русского языка» садизм определяется как «страсть к жестокостям, истязаниям; упоение чужим страданием, болью» [БТС]. Действия садиста могут включать в себя оскорбления, брань, запугивание, побои, бичевание, нанесение ран, убийство. Явление получило название по имени французского писателя маркиза де Сада. Термин был предложен немецким психиатром Р. фон Крафт-Эбингом в монографии «Сексуальная психопатия» (“Psychopathia Sexualis”) в 1886 г. Однако вряд ли Р. фон Крафт-Эбинг мог предположить, что термин «садизм» получит столь значительное распространение за пределами сексуальной психопатологии. В работе «Анатомия человеческой деструктивности» Э. Фромм обратил особое внимание на проявление несексуального садизма, включая жестокое обращение с детьми, причинение физического страдания беспомощным, беззащитным людям и животным, нечеловеческое обращение с военнопленными, больными (особенно умалишенными) и сидящими в тюрьмах, применение пыток под прикрытием осуществления религиозных или политических идей. Наряду с физическим садизмом он также выделил психический садизм, проявляющийся в душевной жестокости, стремлении унижать, обижать, оскорблять вербально. «Психический садизм имеет много способов маскировки: вроде бы безобидный вопрос, улыбка, намек... мало ли чем можно привести человека в замешательство. Кто не знает таких мастеров-умельцев, которые всегда находят точное слово или точный жест, чтобы кого угодно привести в смятение или унижить» [Фромм, 1994, с.247—248]. Как подчеркивает Э. Фромм, психический садизм может приносить людям не меньшие, а подчас даже большие страдания, чем физический садизм. Э. Фромм, будучи психологом, необычайно точно подметил два основных критерия отнесения коммуникативного акта к коммуникативному садизму — интенцию и прагматику. К сожалению, далеко не всегда инвективная вербальная составляющая является определяющей в этом вопросе: широко известны факты, когда грубая и матерная лексика не несет в себе оскорбительного заряда, в то время как изысканные и утонченные издевательства оказывают

деструктивное психологическое воздействие [Шаховский, 2011]. Таким образом, при определении, является ли конкретная ситуация общения случаем коммуникативного садизма, мы можем руководствоваться только двумя надежными критериями: деструктивной интенцией и эмоциональным состоянием субъекта коммуникации, т.е. именно «коммуникативного садиста». Эмоциональные переживания объекта деструктивного воздействия, несомненно, также важны, но они не являются определяющим фактором, т.к. если страдания жертвы вызывают сострадание и раскаяние у обидчика, то такой коммуникативный акт не может быть отнесен к актам коммуникативного садизма. Практическое исследование коммуникативного садизма сталкивается с трудностями при отборе материала, а именно трудностями определения наличия вышеуказанных критериев. Зачастую даже сам субъект деструктивного общения не может себя признать в том, что он *сознательно* и *планомерно* причиняет страдания собеседнику, не говоря уже о признании в том, что эти страдания доставляют ему удовольствие. Поэтому о наличии / отсутствии деструктивной интенции можно судить исходя из положения о том, что интенция находит свое выражение в действии. Человек изначально выражает свои интенции подобно всем животным — через выполнение действия. Интенция — это не некое самостоятельное внутреннее событие, предшествующее действию. Мы придерживаемся позиции Ч. Тейлора, утверждавшего, что, когда действие является успешным, добровольным и выполненным не по принуждению, намерение непосредственно выражается в этом действии, оно воплощается в нем [Taylor, 1979]. Намерение оскорбить собеседника находит свое материальное выражение в речевом акте оскорбления, намерение поиздеваться — в речевых актах оскорбления, унижения, издевки и т.п., т.е. «намерение выражает себя во внешнем мире, когда находит свою цель» [Lamarche, 2012, с. 177]. В реальной коммуникации ситуации коммуникативного садизма могут фиксироваться в институциональном общении, когда садист чувствует свою безнаказанность и, не скрывая, наслаждается своей властью над беззащитными людьми:



существует много примеров коммуникативного садизма чиновников по отношению к рядовым гражданам, начальников по отношению к подчиненным, учителей по отношению к ученикам, т.е. подобные ситуации могут возникать везде, где иерархические отношения подразумевают зависимость и безнаказанность (см. передачу А.Г. Данилина «Садизм у чиновников» из серии «Серебряные нити» ([http://www.youtube.com/watch?v=awfb3YS\\_Kcg](http://www.youtube.com/watch?v=awfb3YS_Kcg))). Материалом исследования коммуникативного садизма в бытовой коммуникации служат высказывания на Интернет-форумах, в которых авторы описывают проявления нефизического садизма в межличностных взаимоотношениях. Особым источником примеров описания коммуникативного поведения садиста является художественная литература, в которой чувства и эмоции садиста и жертвы становятся доступны благодаря авторским комментариям и интериоризованной речи. Таким образом, материалом для написания данного раздела послужили 478 примеров описания ситуаций коммуникативного садизма из реальной и художественной коммуникации.

Сам термин «садизм» относительно молод. Однако в языке всегда существовали номинации данного или подобного явления, закрепившие в своей семантике соответствующие поведенческие установки и стереотипы. Человека крайне жестокого, любящего мучить других, называли извергом, изувером, зверем, зверюгой, живодером [ССРЯ]. Приведем дефиниции базовых номинантов рассматриваемого явления.

**Изверг** — жестокий человек, мучитель [БТС].

**Изувер** — Тот, кто проявляет крайнюю жестокость (первоначально из-за религиозной нетерпимости) [БТС].

**Зверь** — *Разг.* О жестоком, свирепом человеке [БТС]. *Перен.* Чрезвычайно жестокий, бессердечный, грубый человек [НТСС1].

**Зверюга** — крайне жестоком, свирепом человеке [БТС].

**Живодер** — 1. Человек, который профессионально занимается убоем животных и сдирает с них шкуру. 2. О жестоком человеке, мучителе. О жадном, наживающемся за счет других человеке [БТС].

Мы видим, что базовыми признаками рассматриваемого явления выступают жестокость и потребность мучить другого. В свою очередь, лексема «мучить» толкуется как «*причинять муки, физические или нравственные страдания*» [БТС] в широком смысле слова без упоминания о положительной эмоциональной реакции мучителя на страдания жертвы. Однако психологическая природа садизма состоит не только в мучении, но и в получении удовольствия от страданий другого. О наличии / отсутствии такой реакции можно судить по вертикальному контексту ситуации:

*Поздно некурящую изображать, — усмехнулся ее мучитель, довольный собой.* (О. Павлов. *Карагандинские девятины, или Повесть последних дней.* НКРЯ.)

*Рыдая в голос, я извивалась и корчилась в стальной хватке своих мучителей, но мои рыдания только побуждали их лупить еще яростней, еще больней.* (Н. Воронель. *Без прикрас.* НКРЯ.)

— *Я говорю ясно: устал чувствовать себя твоим мучителем.* (А Слаповский. *Любовь по-нашему.* НКРЯ.)

— *Или вы не верите, — продолжала она, — что растерзали мое сердце? Жестокий мучитель... — Чем я вам мучитель, — отвечал я, — этого я не знаю; а только я женатый человек и вас могу лишь пожалеть — не более.* (К. Букиа. *Эрнст и Анна.* НКРЯ.)

В первых двух примерах поведение мучителей вполне соответствует поведению садистов, т.к. мучения жертв приносят им удовлетворение. В третьем и четвертом примерах мучитель испытывает противоположные чувства жалости и сострадания, поэтому вряд ли его можно назвать садистом. Но, если в контексте присутствует лексема «садист», то читатель неизбежно делает вывод о том, что данный мучитель испытывает положительные эмоции, глядя на страдания жертвы.

*Некоторые не бьют просто так. А этот — садист. Любит свою работу. (М. Чулаки. Примус. НКРЯ.)*

*Императора считают садистом за то, что знал, и — улыбался в лицо, и — говорил о будущей работе, и — ласкал в последние часы людей, больше не нужных, — прежде чем умереть, многие получали надежду; но кто знает, что император чувствовал: наслаждался ли наивностью крыс? (А. Терехов. Каменный мост. НКРЯ.)*

Таким образом, очевидно, что в семантике глагола «мучить» отсутствует компонент «получение удовольствия», обязательный для отнесения того или иного жестокого действия к садистскому типу. В ряде случаев этот недостающий компонент может быть выведен из вертикального контекста.

Обратимся к рассмотрению особенностей коммуникативного поведения коммуникативного садиста. Блестящий пример коммуникативного садизма описан в рассказе С. Фицджеральда «Изверг» (“The Fiend”). Рассказ открывается кратким газетным сообщением о жестоком убийстве миссис Криншоу и ее семилетнего сына. Законы штата не позволяют применить к убийце смертную казнь, и после нескольких неудачных попыток совершить над преступником самосуд, герой рассказа, Криншоу, выбирает путь отмщения «нравственными муками». Он добивается возможности посещать заключенного по полчаса раз в две недели и каждый раз придумывает новый способ помучить его. Криншоу использует приемы прямого оскорбления, запугивания и словесного издевательства над Извергом: «Воздух вокруг тебя смердит! — неожиданно закричал он. — Весь коридор, вся тюрьма — всё смердит!»; «Всю свою оставшуюся жизнь ты будешь мерить шагами эту вонючую маленькую камеру, и всё вокруг будет становиться чернее и чернее. И даже после этого тебя будет ждать ад. Навеки ты будешь заперт в маленькой камере, но в аду она будет так мала, что ты не сможешь там встать во весь рост или лечь, чтобы выспаться»; «Ты останешься один на один со своими гнусными мыслями в этой маленькой камере — навеки! Ты будешь чесаться, ты будешь истекать гноем, и ты никогда не сможешь заснуть; ты будешь умирать

от жажды, но никто не подаст тебе и капли воды»; «Всё время ты будешь дрожать от ужаса. <...> Ты будешь сходить с ума, но никогда не станешь сумасшедшим. И все время ты будешь думать о том, что это будет продолжаться вечно». Он приносит Извергу книги, рассчитанные на то, чтобы ввести его в уныние, одна из которых была «Тысяча историй болезней на почве сексуальных извращений» — все случаи были неизлечимы, без всяких надежд, без всяких прогнозов, просто бесстрастно изложенные истории болезней; другая была сборником проповедей Джонатана Эдвардса, пуританского проповедника, описывавшего пытки проклятых душ в аду. Принес он и сборник рассказов о привидениях, и том эротических рассказов, причем из каждого рассказа были вырваны последние страницы с развязками; и том детективных рассказов, изуродованных таким же образом. Однажды после продолжительного перерыва Криншоу приносит Извергу «четыре огромных тома с вдохновляющими названиями, в которых под обложками не было ничего, кроме чистой бумаги», а затем, якобы уступая просьбам принести газету, «десяток «желтых» журналов, повествовавших о преступлениях и арестах». Криншоу периодически переходит на прямые угрозы физической расправы и даже бросает в камеру Изверга бутылку-обманку, с наслаждением слушая вопли Изверга о помощи. Иногда он приходит и просиживает у камеры Изверга в полном молчании. В целом Криншоу исправно посещает Изверга в течение тридцати лет, Изверг и изобретение новых издевательств над ним заполняют собой эмоциональную пустоту в жизни Криншоу, парадоксальным образом превращая Изверга в его единственного друга (ср. игра слов ‘friend’ — ‘fiend’).

В рассказе описаны такие вербальные приемы нефизического садизма, как запугивание, угрозы физической расправы, оскорбление, словесные издевательства, невербальные коммуникативные приемы (значимое молчание, различные невербальные действия). Однако в рассказе вербальные приемы занимают наиболее значительное место, т.к., на наш взгляд, именно они

обладают особым катарсическим эффектом для Криншоу, помогая ему снять эмоциональное напряжение.

Анализ приемов коммуникативного садизма в реальной коммуникации (включая Интернет-форумы) также показал, что словесные издевательства, оскорбления и угрозы являются наиболее популярными приемами коммуникативного садиста: они присутствуют в 96 % описаний ситуаций (контекстов рефлексии), квалифицируемых нами как коммуникативный садизм: «Он надо мной очень сильно издевается, **именно словами** он на меня сильно давит всей низостью, которая существует на белом свете. Я от него не получала никогда никакой поддержки ни в чем. Я чувствую себя беззащитной не кому не нужной» (орфография и пунктуация авторские) (<http://www.socioforum.su/viewtopic.php?f=232&t=20600> (дата обращения — 13.10.12)); «Но это не все. Он (муж) устраивает скандалы, орет, заставляет ему подчиняться во всем до безумия... Мы с детьми сходим с ума» (<http://newwoman.ru/letter.php?id=2224> (дата обращения — 13.10.12))

Одним из видов словесного издевательства являются речевые действия, описываемые глаголом «пилить» т.е. «изводить, донимать непрерывными попреками, придирками; корить» [БТС]: «Мы не можем жить вместе, он каждый день надо мной издевается морально. <...> Я так устала, каждый день как на каторгу домой. Прихожу довольная домой, а он приходит и начинает меня **пилить** и нудеть, орать, оскорблять». (<http://www.galya.ru/clubs/show.php?id=288962> (дата обращения — 23.11.12)). Кроме этого в картотеке примеров присутствуют описания невербального проявления коммуникативного садизма: «В последнее время я все больше и больше убеждаюсь в том, что он действительно — систематически издевается надо мной (иногда цепляется к старшей дочке) и получает от этого удовольствие: готовлю не так (или ПАРАШУ), убираюсь не так, деньги трачу не так, детей воспитываю не так..... Каждый день орет по поводу и без (**бывает, рвет мою одежду**)» (пунктуация авторская) (<http://rebenok.by/community/index.php?topic=150242.0> (дата обращения —

13.10.12)). Однако есть немало примеров коммуникативного садизма, в которых отсутствует инвективный компонент: садист издевается над своей жертвой, не выходя за рамки приличия: *«Целый месяц, не смотря на мою беременность, на мое эмоциональное состояние он откровенно издевался надо мной. Нет, это было не физическое насилие, а психологическое. Было такое ощущение, что он просто жил моим отчаянием, моей болью. Каждый вечер, приходя с работы, он приносил очередные новости. Сначала говорил, что подает на развод, потом ставил условия, либо мы живем вдвоем, а дочь отдаем ее отцу (моему первому мужу), потом говорил, чтобы я отказалась от родителей и, что если хочу с ним жить, то мы не будем общаться с моими родителями. Естественно ни одно условие я принять не могла. Попыталась ему что-то объяснить, доказать, плакала, просила, ругалась, умоляла, а он... Он этим наслаждался»* (орфография и пунктуация авторские) (<http://www.vetkaivi.ru/main/help?id=454> (дата обращения — 13.10.12)). В данном примере мужчина пользуется психологической и физической зависимостью женщины от него, чтобы добиться своих целей (отдать ребенка от первого брака, не общаться с родителями жены), и демонстрирует свое доминирующее положение в семье, получая психологическое удовольствие от моральных страданий женщины. К сожалению, данный пример не содержит какого-либо описания невербальных компонентов общения, помогающих отнести ситуацию общения к ситуациям коммуникативного садизма, хотя они, несомненно, должны были присутствовать: интонации, выражение лица, жесты, позы мужчины — то, что заставило жену сделать вывод о том, что над ней издеваются, а не просто обсуждают щекотливые семейные вопросы. В следующем примере отнесение ситуации общения к коммуникативному садизму основывается как на вербальных, так и на невербальных ключах (ручная запись).

*Я не могу общаться со свекровью. Она была против появления второго ребенка в нашей семье и, хотя младшему сыну уже 5 лет, до сих пор хотя бы раз в месяц напоминает мне об этом... Может говорить по телефону о походе*

*по магазинам, а потом вдруг грустным-грустным голосом сообщить, что жизнь стала такая дорогая, что второго ребенка заводить было совсем не нужно. Или на дне рождения мужа с постным видом заявить, что второго рожают только те, кто боится мужа потерять. Или тяжело вздохнет, когда мы начинаем выкраивать деньги на отпуск: вот если бы был только один ребенок, то можно было б совсем по-другому отдыхать. Перечислять можно бесконечно. Она видит, что меня начинает трясти при ее словах и улыбается. Я сначала старалась отмалчиваться, а потом стала огрызаться, и довольно грубо, так она начала мужу жаловаться, что, мол, она бедная пожилая женщина, ничего плохого не делала, а невестка-грубиянка ее обижает.*

Во всех проанализированных примерах коммуникативный садист пользуется беззащитностью своих жертв, доводя их до состояния отчаяния, и получает от этого моральное удовольствие, что находит выражение прежде всего в невербальных компонентах общения (мимике, фонационно-просодических компонентах, жестике, пантомимике).

Подведем итоги. Коммуникативный садизм является сложной комбинированной тактикой деструктивного общения, включающей в себя приемы / тактики открытой (оскорбления, издевки, угрозы (в том числе физической расправы)) и скрытой (систематическое уничижительное давление без открытого проявления враждебных эмоций) вербальной агрессии, открытой и скрытой невербальной агрессии (молчание, отказ разговаривать, мимические и кинетические жесты, различные невербальные действия, за исключением физической атаки). Положительная эмоциональная реакция коммуникативного садиста оценивается исходя из невербальных проявлений испытываемых эмоций удовольствия и удовлетворения. Уверенность коммуникативного садиста в собственной правоте, «эмоциональная глухота», отсутствие сострадания разрушают личность коммуникативного партнера, на которого нацелены деструктивные действия. Изучение тактики коммуникативного садизма позволит ввести знания о данном явлении в коммуникативную

компетенцию говорящего, что даст возможность своевременно опознавать проявления коммуникативного садизма и уходить от бессмысленных вербальных дуэлей, самому не превращаясь в жертву коммуникативного садиста.

### 3.2.2. Хамство

Хамство как явление массовой культуры приобрело в настоящее время значительный размах, проблеме хамства посвящено немало статей, передач (см. например программу «Хамство — наш последний аргумент» из цикла «НТВшники» 2010 г., «Хамство как образ жизни» (радио «Эхо Москвы», октябрь 2013 г.), порталы AngryCitizen.ru, hamstvo.net) и т.п., дающих весьма неутешительные прогнозы по поводу прогрессирования этого явления. Интернет-поисковые системы выдают на запрос «хамство» порядка 3 млн. результатов! Хамство вполне заслуживает рассмотрения как лингвокультурный концепт, ибо отвечает всем требованиям, предъявляемым к данной категории объектов. Однако в нашей работе мы предлагаем сосредоточить внимание на хамстве как коммуникативной тактике деструктивного общения, включая коммуникативные приемы и построение прототипической ситуации хамского коммуникативного поведения. В качестве материала для исследования были отобраны видеосюжеты, ручные и аудиозаписи соответствующих ситуаций общения, а также фрагменты дискурсов на Интернет-форумах, художественных и публицистических текстов в количестве более 1000 контекстов.

Доказано, что психологической основой хамства является агрессивность личности, под которой понимается «устойчивый комплекс характера личности, в структуру которого входит ряд взаимосвязанных черт, создающих у человека склонность к агрессивным действиям, направленным на других людей или на неодушевленные предметы» [Налчаджян, 2007, с. 642]. Есть люди, которые имеют склонность решать все свои проблемы посредством каких-либо агрессивных действий (вербальных или невербальных), к которым относится и



хамство. Люди, систематически практикующие хамское поведение, репрезентируют коммуникативный типаж «хам». Но бывают случаи, когда коммуникативная личность прибегает к хамству для достижения своей коммуникативной цели, т.е. использует его в качестве *тактики* деструктивного общения.

Рассмотрение хамства как коммуникативной тактики предусматривает анализ коммуникативных приемов или коммуникативных ходов как минимальных единиц коммуникативного взаимодействия. Коммуникативный ход определяется как «минимальная коммуникативная единица, речевая или жесто-мимическая по природе, которая в каждом конкретном случае употребления в разговоре имеет свою специфическую значимость с точки зрения развития речи как системы действий, коммуникативных планов и стратегий» [Макаров, 2003, с. 183]. Коммуникативный ход не тождественен ни речевому акту, т.к. последний может быть составным элементом коммуникативного хода, ни диалоговой реплике, т.к. реплика является формально-структурной единицей диалога [Волкова, 2008, с. 116]. Однако прежде чем проанализировать коммуникативные приемы хамства, обратимся к понятийному толкованию лексемы «хамство».

В толковых словарях «хамство» определяется через понятие «хам»: *некультурность, невежество, свойственные хаму* [БТС]. Понятийное ядро коммуникативного типажа «хам» подробно проанализировано в соответствующем разделе работы (см. 3.3.1), поэтому здесь мы не будем на этом останавливаться. Синонимические словари предлагают следующие синонимы к лексеме «хамство»: беспардонность, бессовестность, бесстыжесть, бесцеремонность, грубиянство, грубость, наглость, нахальность, нахальство, невежливость, неотесанность, неучтивость, циничность (<http://slova.zkir.ru/dict> (дата обращения — 15.04.2013)). Однако чаще всего в качестве синонима «хамства» выдвигается лексема «грубость» [СС], т.е. хамская реплика — это, прежде всего, грубая реплика. Но грубость не объясняет всех проявлений хамства. С трудностью толкования «хамства» столкнулся В.В. Набоков,

пытаясь объяснить значение данного слова американским студентам-славистам. Психолог В.Г. Ромек вспоминает о дискуссии литераторов и общественных деятелей на тему хамства в прямом эфире радиостанции «Радио Свобода». Пытаясь вычленить ключевые признаки хамства, участники дискуссии сошлись на том, что хамство все интуитивно чувствуют, но никак не могут определить. Встретившись с ним, все понимают, что это есть хамство, но почему это так, точно сказать не могут [Ромек, 2004]. Писателю С.Д. Довлатову удалось, на наш взгляд, дать максимально точное определение хамству: «Хамство есть не что иное, как грубость, наглость, нахальство, вместе взятые, но при этом — умноженные на безнаказанность. Именно в безнаказанности все дело, в заведомом ощущении ненаказуемости, неподсудности деяний, в том чувстве полнейшей беспомощности, которое охватывает жертву. Именно безнаказанностью своей хамство и убивает вас наповал, вам нечего ему противопоставить, кроме собственного унижения, потому что хамство — это всегда «сверху вниз», это всегда «от сильного — слабому», потому что хамство — это беспомощность одного и безнаказанность другого, потому что хамство — это неравенство» [Довлатов, www]. В психологии и социологии нет такого раздела, как психология хамства, но на самом деле практически каждое направление указанных наук так или иначе затрагивает эту проблему, ведь хамство является образцом девиантного поведения личности [Архангородский, www]. Психологи видят основную причину хамства в нарастании общей агрессивности в обществе, что, в свою очередь, стимулируется психологическим неблагополучием большей части населения: нестабильностью, низким уровнем зарплат и другими стрессорами, которые вызывают накопление раздражения, направленного на всех и вся. Среди причин хамства часто называют отсутствие психологической культуры, например, умения расслабляться, сублимировать свою агрессию с помощью спорта, физической нагрузки. Существенная роль отводится так называемому научению по моделям (*observational learning / modeling*) (термин А. Бандуры), ставящему человеческие действия в зависимость от тех образцов поведения,

которые люди считают эффективными. Если человек видит, что хамское общение эффективно для достижения целей, то он с большой вероятностью будет использовать модели хамского общения в своей коммуникативной практике. Итак, в анализе хамства как коммуникативной тактики будем исходить из того, что ее основными элементами являются коммуникативные приемы прямой и косвенной вербальной агрессии, нацеленные на оскорбление и унижение личности партнера. Индивид, использующий тактику хамства в общении, оценивает свой статус как априори более высокий по отношению к коммуникативному партнеру, демонстрируя превосходство и осознавая при этом свою полную безнаказанность. Анализ коммуникативных ситуаций, в которых реализовано хамское коммуникативное поведение, позволил выделить следующие основные модели коммуникативных приемов и ответных реакций адресата:

1. Грубое высказывание — рациональный довод — прямое оскорбление:

*(ситуация в троллейбусе, кондуктор не подходит к пассажирке, чтобы взять с нее плату, а грубо кричит через весь троллейбус)*

*К: Почему не рассчитывайтесь?!*

*П: (спокойно) А что, у нас теперь кондукторши к пассажирам в троллейбусах не подходят?*

*К: С правилами ознакомься! (переход на ты-общение, повышенным тоном, указывает на табличку с правилами)*

*П: (спокойно) А где здесь написано, что я должна подходить к кондуктору?*

*К: Вот овца! Неужели не ясно?! (прямое оскорбление)*

2. Грубое высказывание — попытка оправдания — прямое оскорбление:

*(Маленький ребенок наклоняется к цветку на клумбе перед магазином, чтобы собрать семена. Из магазина выбегает продавец)*

*П: (кричит, прохожие оборачиваются) Пошли вон отсюда! Мы эти цветы за свои деньги покупали!*

*Мать ребенка: (после небольшой паузы, в легком шоке) Извините, мы только семена собрать хотели!*

*П: (поток нецензурной брани) Б..., с...а е...я!!! Вон отсюда со своим ... !*

*(Мать ребенка вынимает из сумки мелочь и бросает на порог магазина под непрекращающийся поток нецензурных ругательств)*

3. Вежливая просьба — грубое / оскорбительное высказывание

*(В магазине покупатель просит продавщицу достать с верхней полки чемодан, но та игнорирует просьбу)*

*П: Вы что, не хотите достать нам чемодан?*

*Пр.: А вы не кричите на меня!*

*П.: Кажется, это не я, а вы тут хамите с первой минуты.*

*Пр: Сама хамка!*

4. Грубое высказывание — возмущение — оскорбительное высказывание

*(В магазине покупатель указывает продавцу на просроченный товар)*

*Пр.: Не хочешь — не бери, то же мне, разборчивый нашелся!*

*П.: Как вы разговариваете?!*

*Пр: Я нормально! А вот тебя с людьми разговаривать не научили!*

*(далее следует попытка образумить хамящего с помощью коммуникативного приема угрозы)*

*П.: Послушайте, вы что, хотите лишиться работы?!*

*Пр: Это я тебя сама сейчас лишу работы, урод!*

5. Грубое / оскорбительное высказывание — ответное грубое / оскорбительное высказывание

*(Во дворе машина не может проехать из-за того, что проезд заблокирован другой, за рулем которой женщина. Из первой машины вылезает мужчина)*

*М.: Ты, б....., с..... че тут раскорячилась?!*

*Ж.: Иди, блин, на х...!*

В более приличном виде данная модель выражена в анекдоте:

— Ты шо, интеллигент?

— *Что Вы, что Вы! Такое же быдло, как и Вы!*  
([http://hamow.net/?page\\_id=66](http://hamow.net/?page_id=66) (дата обращения — 15.12.2013).)

Практический материал показывает, что в большинстве коммуникативных ситуаций хамства задействованы средства выражения вербальной агрессии. Однако, на наш взгляд, агрессия в общении и хамство — явления одного поля, но разного порядка. Если один человек оскорбляет другого и факт оскорбления может быть доказан, то вступает в силу статья 130 УК РФ «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Данный факт вызывает у оскорбляющего чувство страха или, по крайней мере, опасения перед возможным наказанием. Психологической основой хамства выступает уверенность в том, что хам не будет отвечать за свои действия (будь они вербальными или невербальными): если вдруг хам осознает, что ответственность может наступить (например, если «на сцене» появляется защитник обхамленного, впечатляющий своей физической силой, или у жертвы чиновничьего хамства находится влиятельный родственник или знакомый, или конфликт записывается на видео- или аудиооборудование), то ситуация меняется. В нашей картотеке в абсолютном большинстве примеров чиновничьего хамства отсутствует прямая вербальная агрессия и инвективное словоупотребление. Основными приемами являются следующие: приемы невербальной пассивной агрессии — отказ выполнить требуемую просьбу (например, принять заявление), прямой пассивной вербальной агрессии — отказ разговаривать / игнорирование просьб / замечаний клиента, косвенной вербальной агрессии — ироничные или саркастические замечания в адрес клиента. Однако прием прямой вербальной агрессии — вербальное оскорбление — также используются, особенно в случаях, когда субъект осознает свою неуязвимость. Яркий случай чиновничьего хамства, послуживший причиной громкого скандала в СМИ, произошел в г. Туле в сентябре 2013 г. Ветеран труда Г. Германенко заявила, что ее оскорбила заместитель губернатора региона Юлия Марьясова: *«И когда я только к ней обратилась, она взяла меня за грудки и стала меня от себя отгонять, в*

*дверь толкать. Я, конечно, чуть не упала, меня сзади поддержали, мне было очень плохо. Народ стал кричать: “Галина Викторовна, пишите письмо губернатору”. <...> Я считаю, что Юлия Марьясова недостойна этой должности. Она меня назвала “подзаборной бабкой” — сказала, “что тут пришли эти подзаборные бабки”* (<http://www.rosbalt.ru/federal/2013/10/07/1184515.html> (дата обращения — 07.10.2013)). Согласно утверждению Г. Германенко, чиновница использовала приемы невербальной («взяла за грудки и стала от себя отгонять, в дверь толкать») и вербальной (меня назвала «подзаборной бабкой») агрессии. Несколько недель спустя Ю. Марьясова написала заявление в полицию, в котором она требует привлечь к уголовной ответственности Г. Германенко и лиц, которые допустили появление материалов в эфире ТК «ТелеТула» и ИА «Тульские новости», за клевету. Таким образом, даже если приведенный случай имел место, это теперь вряд ли удастся доказать и, соответственно, наказать виновного.

Приведем следующий пример:

*Зашла в так называемый киоск с ребенком, купила какую-то мелочь, оплачиваю и даю 2 монеты по 5 копеек. Нормальные деньги. Продавец дает мне уже товар. Я его беру. Она: «Мы не принимаем 5-копеечные. Давайте 10 копеек». (У меня нет, наскребла мелочь.) Я: «Нормальные деньги, их принимает любой банк, что...» Она перебивает: «Я по банкам не хожу! Отдай товар и иди отсюда!» Я: «Это не мои проблемы, что вы грубите из-за 10 копеек, есть права потребителя...» Она: «Зайди только еще раз сюда!» Я: «Я имею право расплачиваться теми деньгами, которыми располагаю». Она мне в спину: «Пошла на...»* (<http://www.u-mama.ru/forum/gossip/everything/27623/index.html> (дата обращения — 17.10.2013).)

Перед нами — классическая ситуация институционального хамства в диаде «работник сферы обслуживания — клиент». В данном примере конфликт стимулируется вербальным (отказом дать монету желаемого номинала)

фактором. Разумное возражение покупателя оказывается бессмысленным и наталкивается на фразы «*Я по банкам не хожу!*»; «*Отдай товар и иди отсюда!*». Несмотря на внешнюю диалогическую форму, коммуникация как таковая отсутствует, т.к. хамящий индивид слышит только себя самого. Если оппонент пытается остановить хамство («*Это не мои проблемы, что вы грубите из-за 10 копеек, есть права потребителя...*»), то оно перерастает в прямые оскорбления и угрозы («*Зайди только еще раз сюда!*», «*Пошла на...*»), причем присутствие маленького ребенка не сдерживает словесной агрессии хама.

Отметим, что кроме хамства в диадах «работник сферы обслуживания — клиент», «чиновник — посетитель», институциональное хамство реализуется в диаде «начальник — подчиненный». Кроме этого, можно говорить о бытовом и семейном видах хамства, каждый из которых несколько отличается в сценариях соответствующей коммуникативной ситуации. В последнее время много говорят и пишут о психологическом хамстве [Литвак, 2008; Лемехов, www] и о культурном / интеллигентном хамстве (<http://www.inpearls.org/comments/424417>; передача «Народные новости: культурное хамство», радио «Балтика» от 28.03.2013 и др.). Последнее словосочетание вообще невозможно с точки зрения логики и представляет собой оксюморон.

Отдельную группу примеров хамского коммуникативного поведения составляют примеры хамства на дорогах, где используются в основном невербальные приемы: различные приемы неаккуратного вождения, создающие нервную и аварийно опасную обстановку на дорогах, а также жестовые приемы. К последним относится ряд мануальных жестов угрозы и оскорбления (погроzić кулаком, покрутить пальцем у виска, постучать рукой по лбу, выставить средний палец). Особую «популярность» в последнее время приобрел последний из перечисленных нами жестов — грубый оскорбительный жест, способный спровоцировать бурную негативную реакцию со стороны адресата.

В заключение необходимо отметить, что приведенный анализ хамства как коммуникативной тактики не полон. Этому есть несколько причин. Во-первых, мы ограничили свое понимание хамства критериями вызывающей грубости, оскорбительности и безнаказанности. Таким образом, не рассматривался целый ряд амбивалентных ситуаций, определяемых в имеющихся источниках как хамство, но не отвечающих какому-либо из принятых нами критериев. Во-вторых, у разных людей различный порог восприятия хамства. То, что один человек воспринимает как хамство, для другого — норма общения. Например, в одной из ситуаций адресат назвал хамством ироничную реплику собеседника. Поэтому для оценки коммуникативного поведения как хамского требуется мнение не только реципиента, но и третьего лица (в нашем случае исследователя).

Подведем итоги. Хамство можно рассматривать не только как явление, широко распространенное в современном российском обществе, но и как эффективную тактику, специфичную для деструктивного типа общения, когда главной коммуникативной целью выступает оскорбление и унижение адресата. Хамство представляет собой сложную комбинированную коммуникативную тактику, в которой задействованы приемы прямой и косвенной вербальной и невербальной агрессии (оскорбление, угроза, возмущение, злопожелание, игнорирование и др.). Хамство — тактика нападения или защиты, монологичная по своей сути, т.к. мнение оппонента никогда не принимается во внимание. В силу своей безнаказанности хамство часто используется как последний аргумент в споре.

Использование различных тактик деструктивного общения будет также рассмотрено на примерах коммуникативного поведения типичных представителей деструктивных коммуникативных личностей.



### 3.3. КОММУНИКАТИВНЫЕ ТИПАЖИ КАК ПРИМЕРЫ ТИПИЗИРУЕМОЙ ДЕСТРУКТИВНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ

#### 3.3.1. Коммуникативные типы, практикующие преимущественно открытое деструктивное поведение: коммуникативный типаж «хам»

В сфере деструктивного общения можно выделить коммуникативные типы, отражающие психоэмоциональное здоровье социума и деструктивное коммуникативное поведение так называемого конфликтно-агрессивного типа личности. Одним из таких типов является коммуникативный типаж «хам».

В соответствии с принятой методикой исследования коммуникативных типов, обратимся к рассмотрению понятийной, ценностной и образной составляющей данного типажа, а также к анализу его коммуникативного поведения.

Для определения понятийного ядра исследуемого концепта типизируемой коммуникативной личности обратимся к толковым и этимологическим словарям. Толковый словарь В.И. Даля предлагает следующее определение слова «хам»: *бранное прозвище лакеев, холопов или слуг; крепостной. Хамство ср. хамовщина ж. лакейщина.* Отсюда и следующие пословицы, приводимые В.И. Далем: *Из хама не будет пана. По бороде Авраам, а по делам – Хам.* Или, следующий пример: *При нем все хамы служат, подлый народ, люди низкого рода и безусловные поклонники. Хамоватый человек – это холоповатый, неуч* [СДЗ].

В русской литературе XIX в. лексема «хам» встречается, прежде всего, именно в этом значении:

*Ну, холоп — стало быть, хам; в бархатах, значит, не хаживал, на золоте не едал, медовой сытой не запивал, ходил больше в нанке да в пеструшке, хлебал щи, а пил воду. (М. Е. Салтыков-Щедрин. Развеселое житье / Невинные рассказы (1857–1863). НКРЯ.)*

*Я знаю, что товарищи смеются и презирают меня за это, отлично знаю, но мне это-то и любо: «Коли захотели, чтоб я был лакей, ну так вот я и лакей, хам — так хам и есть» (Ф.М. Достоевский. Подросток (1875). НКРЯ.)*

*— Господин Тетерькин даже с каким-то испугом вперил в меня глаза свои, но скоро оправился, махнул рукою и с какой-то тихою печалью воскликнул: — Измельчал, сударь мой, наш брат дворянин, опаскудился, смею вам доложить, с мужичишками съякшался, хаму душу свою запродаю... (А.И. Эртель. Записки Степняка (1883). НКРЯ.)*

Во временной период Октябрьской революции 1917 г. и гражданской войны лексема «хам» также часто встречается в значении, зафиксированном В.И. Далем:

*О Милюкове и Гучкове теперь все, благородные и хамы, улица, интеллигенты и партийники, говорят то, что я говорила несколько лет подряд (а теперь не стала бы говорить). (З.Н. Гиппиус. Дневники (1914—1928). НКРЯ.)*

Однако после 1930—1940-х гг. явное противопоставление «хама» и «благородного» в текстовых примерах становится менее заметным, значение слова «хам» становится близким к «нахал», «наглец», «необразованный человек», «грубый человек», т.е. приобретает свое современное значение:

*Я впился в ее рот; она тихо ахнула, больно укусила меня за нижнюю губу и прошептала (я никогда не забуду этого свистящего от злобы шепота): — **Вы хам, нахал.** Если эта гадость еще повторится — я буду стрелять. (Н.Н. Туроверов. Первая любовь (1937). НКРЯ.)*

*Рукава ее черного халата развевались и хлопали. — **Хам!** — крикнула она и плюнула через решетчатую калитку в лицо парню. (К.Г. Паустовский. Книга о жизни. Далекie годы (1946). НКРЯ.)*

*Сейчас войдет **грубиян, хам**, начнет безобразничать, распорядиться, требовать. (Е.Л. Шварц. Обыкновенное чудо (1956). НКРЯ.)*

Благодаря, может быть, ежедневной любовной зарядке, она излучала, несмотря на очень детскую наружность, неизъяснимо-томное свечение, приводившее гаражистов, отельных рассыльных, туристов, **хамов в роскошных машинах**, терракотовых идиотов у синькой крашеных бассейнов в состоянии припадочной похотливости, которая бы льстила моему самолюбию, если бы не обостряла так мою ревность; ибо маленькая Лолита отдавала себе полный отчет в этом своем жарком свечении, и я не раз ловил ее, *coûlant un regard* по направлению того или другого любезника, какого-нибудь, например, молодого подливателя автомобильного масла, с мускулистой золотисто-коричневой обнаженной по локоть рукой в браслетке часов, и не успевал я отойти (чтобы купить этой же Лолите сладкую сосульку), как уже она и красавец механик самозабвенно обменивались прибаутками, словно пели любовный дуэт. (В. Набоков. Лолита.)

Что за проклятое желание угодить **хамоватому** продавцу, чиновнику, просто **хаму** — угодить во что бы то ни стало! Ведь мы сами расплодили **хамов**, сами! Никто нам их не завез, не забросили на парашютах. (В. Шукшин. Обида. НКРЯ.)

Этимологически «хам» возводится к имени Хама, сына Ноя [СФЗ]. Согласно Библии, Хам повел себя постыдным образом во время опьянения своего отца Ноя: «Ной начал возделывать землю и насадил виноградник; и выпил он вина, и опьянел, и лежал обнаженным в шатре своем. И увидел Хам, отец Ханаана, наготу отца своего, и, выйдя, рассказал двум братьям своим. Сим же и Иафет взяли одежду и, положив ее на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видали наготы отца своего. Ной проснулся от вина своего и узнал, что сделал над ним меньший сын его, и сказал: проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих» (Быт. 9, 20–25). Непочтительное отношение к отцу отразилось не столько на Хаме, сколько на его потомстве, возможно именно поэтому первоначальное значение слова «хам» и было синонимично слову «раб». Очевидно, что лексическое значение слова «хам» претерпело существенные

изменения в русском языке. Со временем слово «хам» стало синонимом слова «ловила». Так называли ловкого, изворотливого человека, пройдоху, проныру, умеющего устраивать свои дела, позабыв о моральных и этических нормах, выработанных предшествующими поколениями [Осмоловский, www].

В современных толковых словарях «хам» определяется как грубый, наглый человек [СО], грубый, наглый, невоспитанный человек, способный на подлости [НТСС2], а значение «презрительное название человека, принадлежавшего к низшим классам и потому лишённого человеческого достоинства» уже относится к устаревшим. Однако словами «наглость», «грубость», «подлость» невозможно объяснить понятие «хамство». «Наглый» означает крайне нахальный, дерзко-бесстыдный [СО], «грубый» — недостаточно культурный, неучтивый, неделикатный [СО], «подлый» — низкий в нравственном отношении, бесчестный [НТСС2]. Но наглость, хотя зачастую и граничит с хамством, может иметь и положительную эмоционально-оценочную характеристику, когда актуализируется именно уверенность в совершаемых человеком действиях, а не их бесцеремонный характер.

*Сандра выступила вперед, положив руку на спинку кресла, и Леа не узнала подруги. Задумчивая, углубленная в себя девушка исчезла. Вместо нее струной выпрямилась властная, **нагло уверенная** в себе женщина, каждое движение, каждый изгиб тела которой был рассчитан на чувственное восхищение, принимаемое с королевским равнодушием ко всему на свете. (И.А. Ефремов. Лезвие бритвы.)*

*Все в его лице с крепкими челюстями, слегка горбатым носом, крупным ртом и высоким гладким лбом дышало **уверенностью, столь сильной, что она граничила с наглостью.** (И.А. Ефремов. Лезвие бритвы.)*

Подлость включает в себе отрицательную оценку нравственных свойств, т.е. имеет оценочно-этическое значение — подлое и хамское поведение могут вообще не иметь между собой ничего общего.

*Но то, что он разрушил семью своего дядюшки, всегда относившегося к нему с родственной нежностью, было **подлостью** в изначальном смысле*

*этого слова, подлостью, иллюстрирующей тот факт, что благородство не передается по женской линии. (Н. Климонтович. Далее — везде. НКРЯ)*

В данном примере лексема «подлость» обозначает низкое, недостойное поведение и используется как антоним к лексеме «благородство».

Грубость в общении зачастую бывает оправдана коммуникативной ситуацией, она может быть добродушной и простодушной, но хамство добродушным не бывает никогда.

*Он был весь в отца — **простодушный**, мужиковатый, **грубоватый**, где надо, немногословный, категоричный в суждениях, но без юношеской вздорной пылкости. (А. Самарка. Игры без чести.)*

Проведенный опрос информантов (100 человек, возраст — от 18 до 75 лет, соотношение мужчин и женщин — 24:76), которым было предложено сформулировать свое определение хама, показал, что абсолютное большинство респондентов выделяют в качестве основных черт хама «грубость», «невежливость», «невоспитанность», «наглость», «неуважение», «некорректность», «необразованность» (89 % ответов), а также «агрессивность», «неадекватность» (11 %). Многие давали несколько определений. В целом определения, данные понятию «хам», были в среднем в 1,5—2 раза длиннее, чем определения, данные другим понятиям в этом же опроснике. 19 % опрошенных отметили отрицательное отношение социума к хамам — «кидают вызов обществу», «вызывают к себе отрицательное отношение» и т.п., 15 % респондентов отметили такую важную характеристику хама как деструктивной коммуникативной личности, как отсутствие чувства вины, т.е. получение удовлетворения от своих действий («стремится оскорбить собеседника и получить от этого внутреннее удовлетворение», «никогда не чувствует вины за сказанное или сделанное», «самоутверждается таким образом» и т.п.). Интересно, что один информант высказал амбивалентную оценку хама: «В какой-то степени такой человек просто прямолинеен, говорит, что думает». Таким образом, результаты опроса показали, что информанты испытывали некоторые трудности при определении понятия «хам», о чем

свидетельствует средняя длина ответа, но основные понятийные признаки хама совпадают с теми, что приводятся в толковых словарях (наглость, грубость, невоспитанность). Необходимо отметить тот факт, что ни в одном из ответов социальное происхождение хама не упоминается.

Обратившись к толкованию хамства С. Довлатовым (см. п. 3.2.1 настоящей работы), можем уточнить конститутивные понятийные признаки исследуемого типажа: 1) референция к вызывающе оскорбительному поведению; 2) интенция обидеть, незаслуженно оскорбить; 3) осознание безнаказанности совершенных оскорбительных действий; 4) получение патологического удовольствия от унижения и растерянности собеседника.

В.Г. Ромек причисляет к вышеперечисленным характеристикам хамства еще и критерий анонимности, подчеркивая тем самым «рабское» положение хама [Ромек, 2004]. Психолог Д. Кузов поясняет, что истинные хамы — это люди с так называемой эпилептоидной акцентуацией характера. У них длительно накапливаются тоскливо-злобные чувства, и первая же «благоприятная» ситуация провоцирует приступ словесной агрессии [Кокина-Славина, www]. Однако хамство тем и отличается от словесных перепалок, что оно в большинстве случаев совершенно безнаказанно. Именно поэтому хамство было, есть и остается лучшей защитой, лучшим нападением и последним аргументом в споре. Только на портале YouTube по запросам «хам», «хамка» находится более 3000 (!) видеосюжетов. Более половины из них демонстрируют невербальные проявления хамства участниками дорожного движения, оставшиеся представляют собой доказательство актуальности проблемы вербального хамства в нашей жизни. В качестве материала для анализа были отобраны видеосюжеты, ручные и аудиозаписи соответствующих ситуаций общения, а также фрагменты дискурсов на Интернет-форумах, художественных и публицистических текстов в количестве около 1000 контекстов. Описание зафиксированных в речевом материале коммуникативных характеристик позволило обобщить признаки коммуникативного типажа «хам» и создать

типизированный речевой портрет деструктивной коммуникативной личности, практикующей хамское поведение.

Коммуникативная стратегия хама — это стратегия унижения с целью достижения эмоциональной разрядки и получения психологического удовольствия от наблюдаемых негативных эмоционально-поведенческих реакций собеседника. Основной тактикой коммуникативного поведения хама является тактика хамства, т.е. нападение (вербальное или невербальное оскорбительное действие) с целью обескуражить собеседника или скрыть собственный неблагоприятный поступок. Рассмотрим два примера.

1. *Администратор автомойки (по телефону): ...Стоит над душой, все еще снимает. 50 рублей разницу назад требует. Ясно. Хорошо. (Кладет на стол банкноту.) (Клиенту) Ари видерче! И больше на эту автомойку можете не приезжать.*

*Клиент: Квитанцию выпишите, соответствующую цене!*

*А.: Не буду я ничего писать! Все!*

*К.: Вы должны выписать мне чек за услуги. Услуги оказывались.*

*А.: Вы на фирму берете чек?*

*К.: Для себя.*

*А.: Имею право!*

*К.: Значит я на фирму беру чек.*

*А.: А мне представьте документы и начальство фирмы! И все!*

*К.: Девушка, вы понимаете, о чем вы говорите? Вы оказываете услуги.*

*Любые деньги меняются на чеки и квитанции...*

*А.: Что вам еще сделать?! Может, вам еще и м... сделать?!*

*К.: ...Ну, давайте, какие еще слова знаете? Я выложу в Интернет.*

*А.: Хорошо, я хоть посмотрю — посмеюсь! И друзьям скажу, чтоб посмотрели! А тебя сейчас об пол е..у!*  
([http://www.youtube.com/watch?v=OHe\\_pEwH5GY](http://www.youtube.com/watch?v=OHe_pEwH5GY) (дата обращения — 29.08.2012).)

2. «На вопрос, какие сейчас скидки и размерный ряд надменно смерив нас взглядом, с издевкой ответила: все пуховики от 30-ти и выше (типа дорого), а скоро еще больше подорожают, и на вопросы показать размерный ряд — махнула рукой в сторону пуховиков и рявкнула «НЕ ВИДИТЕ, Я ЗАНЯТА!» и уткнулась в компьютер. Я спокойно сказала девушке замечание, что мы покупатели и хотели бы посмотреть пуховики, но что девушка с еще большим раздражением наорала «Я же СКАЗАЛА, ЧТО Я ЗАНЯТА!!! НЕ ВИДИТЕ, Я ЗА-НЯ-ТАА!!!!». Тут мы уже возмутились сделали замечание и спокойно попросили книгу жалоб, на что она начала истерить и орать с пеной у рта «ТААК, ВЫШЛИИ ВОООНН!!!! НЕТУ книги жалоб!!! и вообще надоели уже!!! ВОООН ИЗ МАГАЗИИНА!!! Я СКАЗАЛА: ВООООН!!!! НЕ ВИДИТЕ, Я ОФОРМЛЯЮ КРЕДИТ!!! ВОООООН!!!» мы опешили, а она продолжает орать, если вы сейчас же не выйдете, я позову охрану, выкину вас отсюда и т.д. и даже направилась звать его, на что мы сказали заодно зовите администрацию магазина или Т.Ц., мы будем жаловаться. Все это продолжалось долго на повышенных тонах и при покупательнице, которая и оформляла кредит. Тут уже я не выдержала и тоже на повышенных тонах начала требовать книгу, а она продолжает с издевкой «пожалуйста, жалуйтесь, ИДИТЕ КУДА ХОТИТЕ!!!». Книгу жалоб она нам так и не дала» (орфография и пунктуация авторские) ([http://psy.passion.ru/sovetypsikhologa/odinochestvo/top-5-tipazhei-zhenshchin-kotorye-otpugivayutmuzhchin.htm?page=0,3&all\\_comments=true](http://psy.passion.ru/sovetypsikhologa/odinochestvo/top-5-tipazhei-zhenshchin-kotorye-otpugivayutmuzhchin.htm?page=0,3&all_comments=true) (дата обращения — 23.08.2012).)

Приведенные примеры являются образцами институционального хамства в диаде «работник сферы обслуживания — клиент». В данных примерах конфликт стимулируется фразами «Ари видерче! И больше на эту автомойку можете не приезжать», «Не видите, я занята!», а также невербальными факторами (жестами, мимикой раздражения и презрения; резкой, крикливой интонацией). Любые замечания и доказательства оказываются бессмысленными и наталкиваются на фразы «(И) все!», «Имею право!», «Что вам еще сделать?». Хам признает только свои суждения, какими бы неверными



или даже абсурдными они ни были (например, требование показать документы фирмы или ее начальство). Если оппонент настроен решительно и пытается пресечь хамство, то оно перерастает в истерику, прямые оскорбления и угрозы («*Я сейчас тебя об пол е...у!*», «*Вон из магазина!*», угроза позвать охрану).

Анализ имеющихся примеров коммуникативного поведения хама позволил построить следующий прототипический сценарий (ему отвечают 2/3 проанализированных примеров): присутствует некий раздражающий эмоциональный стимул (недовольный клиент, нарушивший правила (или просто чем-то мешающий) водитель, пассажир в транспорте и т.п.), далее следует грубый или оскорбительный выпад по отношению к собеседнику (вербальный (использование грубой или сниженной лексики, *ты*-общение) или невербальный (раздраженная интонация, использование жестов вместо вербального общения)), затем попытка собеседника привести логические доводы либо образумить хама с помощью законных методов, в результате — вербальные проявления агрессии в виде угроз и оскорблений, нецензурной лексики, на которые возможны два основных типа реакций оппонента — продолжить конфликт, используя тактики и приемы хама и, возможно, перейти к активным агрессивным действиям или проигнорировать хама, уйти с «поля битвы» (при условии, что хам не переходит к действиям). В абсолютном большинстве рассмотренных нами примеров оппоненты предпочли второй способ, сопровождая свой уход такими фразами, как «*Я найду на вас управу!*», «*Ну и ну! Я напишу на вас в комитет по защите прав потребителей*», «*Я выложу съемки в Интернет*» и т.п. Однако нужно заметить, что такие угрозы «законной» расправы, как правило, остаются нереализованными именно потому, что каждый понимает, что наказать хама законными способами практически невозможно. Возможные отклонения от указанного прототипического сценария включают в себя нестандартные реакции на хамство (в одном из наших примеров женщина жалуется, что она начинает неконтролируемо рыдать, когда ей хамят), в то время как коммуникативное поведение самого хама остается практически неизменным.

Особо стоит упомянуть о сугубо женской разновидности рассматриваемого коммуникативного типажа, описываемой словом «хабалка». Данное слово употребляется как оскорбительное в повседневном общении, а также встречается в текстах СМИ и Интернета, однако, по всей видимости, имеет специфическую социальную окраску.

— *Пришла в хорошую семью, с устоявшимися привычками и традициями, и ну давай тут командовать. Хабалка! Плебейка!* (Т. Соломатина. *Акушер-ХА! Байки. НКРЯ.*)

*«Испугала, подумаешь, — отвечала презрительно Мавра Глебовна, — хабалка бесстыдная, тьфу на тебя!»* (Б. Хазанов. *Далекое зрелище лесов. НКРЯ.*)

В данных примерах актуализируется оскорбительное значение слова «хабалка».

Этимологически «хабалка» восходит к «хабал» — «нахал, смутьян, грубиян», *хабалда, хабуня, хабила* — то же, *хабалить* «ругаться, буяннить, озорничать», олонек. (Кулик.) 1, курск. (Даль), укр. *хабаль* «любовник», *хабальство* — «любовные шашни» [СФЗ].

В словаре В.И. Даля глагол «хабалить» толкуется следующим образом: вологодск. симб. *хабрянить*, перм. ругаться, буяннить, озорничать или *хабальничать*, нахальничать. *Хабальный*, наглый, ругательный, похабный. *Хабал*, *хабальник* м. -ница, *хабалка* ж. *хабалда, хабуня* об. *хабила* кур. нахал, наглец, озорник, буян, ругатель; бранчливая баба. || *Хабунька?* пск. хижинка, сарайчик. *Хабалыга, забулдыга.* *Хабун(т)ина?* пск. толстая, грубая одежда, рубище [СДЗ].

Интересную подборку цитат на эту тему приводит В.И. Беликов, анализируя сферы употребления рассматриваемой лексики (<http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=42257> (дата обращения — 21.12.2013)). Приведем некоторые из них, относящиеся, как это ни удивительно, к артистической сфере:

*Бенефисная хабалка. Одна из множества абсолютно одинаковых догилевских героинь. («Русский курьер», Москва, 09.07.2004.)*

*Увидев в очередной разговорной программе «Без комплексов» (ОРТ) ее ведущую Лолиту Милявскую, порадовался: спокойное поведение, разумная речь, вполне естественные интонации. Неужто, подумалось, преобразилась разбитная певица, превратившись из хабалки в думающую и сопереживающую даму? («Литературная газета», 12.10.2005.)*

*Создатели сериала почему-то решили, что сельские жительницы обязательно должны быть хабалками — именно такими предстали перед нашими глазами Нина Русланова, Татьяна Догилева, Марина Яковлева... («Жизнь», Москва, 18.12.2003.)*

*Хабалить на эстраде, как говорила моя бабушка, может позволить себе только Пугачева. Потому что умеет... («Московский комсомолец», 01.07.2005.)*

*Одно время в нем пела Наташа Медведева — бывшая жена писателя Эдуарда Лимонова, которая недавно умерла. Ушла за несколько месяцев до нас, но рассказы о себе оставила долгие. Говорят, хабалка еще та была — мат трехэтажный, но красивая... («Звезда», Пермь, 16.09.2005.)*

*И будто в противовес «Гармони» на ТВ другую передачку замыслили и создали — под названием «Эх, Семеновна!» (уже заглавие ее создает образ «Семеновны» — разбитной, любящей гульнуть, разухабистой бабы-хабалки) («Флаг Родины», Севастополь, 23.01.2004.)*

Анализ словоупотребления данной лексической единицы позволяет говорить о том, что на настоящем этапе слово «хабалка» не просто обозначает наглую бесстыжую женщину [НТСС2], но и предполагает наличие ряда типичных черт оскорбительного, агрессивно-хамского коммуникативного поведения:

*Занял очередь, сижу жду. Уже подходит моя. И тут заходит тетка внешности торговки рыбой на привозе, с ребенком лет двух на руках и ни слова не говоря, ни на кого не обращая внимания просто тупо берет и садится на освобождаемое место куда только хотел сесть я. Причем она*

меня в упор не видит. (ну или делает вид что не видит) она не видит очереди. ... Ну я такой типа думаю ребенок, ладно ворчу что «тут как бы очередь» и иду обратно. <...> И все бы и ладно но тут **та овца** которая с ребенком поворачивается **и с возмущением на меня** «Это ты мне что ли сказал что тут очередь первый раз??». На что я логично отвечаю: - «Ну конечно вам»- «**Ты** че не видишь что я с ребенком! **Охренел** совсем мальчик!!» (мне 33 года) Я - «Вы знаете у меня тоже есть ребенок но я его сегодня оставил с бабушкой» **Хабалка** - «Да ты вообще **заткнись урод!** Я вообще еще в декрете!!» (ну тут уж меня че то зацепило) Я - «**Слышишь тварь!! Пасть заткни!** В декрете если сиди дома в тряпочку и не воняй» **Хабалка** - «Ты это мне? (и **понеслась**) Да ты **\*\*\*\*\* и \*\*\* и**» Я - «Да ты блин **тварь пасть заткнешь** свою или нет?» **Хабалка** достает телефон - «**Женя? Женя зайди!! Тут какой то кабан мне пасть велел заткнуть!! Да вообще сидит тут ...**», и **эта овцебычное животное с превосходством смотрит на меня.** <...> Никто не идет. Тут **эта базарная баба заканчивает** дела со специалистом и **начинает мне указывать** «Ты че сидишь то?? Беги садись! А то займут!! Давай быстрее ну-ка садись» (орфография и пунктуация авторские) (<http://www.e1.ru/talk/forum/read.php?f=67&i=10441766&t=10441766> (дата обращения — 22.12.2013).)

В данном примере полностью реализован вышеприведенный нами сценарий хамского поведения, включая *ты-общение*, взаимные вербальные оскорбления, использование ненормативной лексики, угрозы и т.д. Примечательно, что, в отличие от хама и хамки, не имеющего(ей) четко выраженных внешних признаков, **хабалка** — это, как правило, женщина определенной внешности (в данном примере, «тетка внешности торговли рыбой на привозе», «овцебычное животное», «базарная баба»). В целом «хабалка» имеет свою понятийную специфику и может рассматриваться как отдельный социокультурный коммуникативный типаж.

Подведем итоги. Хам — это постоянная характеристика определенного типа деструктивной коммуникативной личности. Это индивид, отличающийся

установкой на открытое оскорбительное поведение, а также осознанием безнаказанности своих действий. Коммуникативное поведение хама характеризуется вызывающе негативным отношением к оппоненту и/или предмету обсуждения, оскорбительностью высказываемых мнений и оценок, крайней эмоциональной несдержанностью и высококонфликтной тональностью общения. Аксиологическая характеристика хама представлена исключительно негативным восприятием его как деструктивного, конфликтного типа личности, причиняющего вред партнеру по общению и получающего от этого определенное моральное удовлетворение.

### **3.3.2. Коммуникативные типажи, практикующие преимущественно скрытое деструктивное поведение: коммуникативный типаж «завистник»**

В настоящем параграфе проводится анализ коммуникативного типажа «завистник» в русской лингвокультуре.

При рассмотрении понятийного ядра концепта следует отметить, что большинство словарей предлагает достаточно простое толкование данной лексической единицы: *завистникит* — *тот, кто завидует другим; завистливый человек* [СО; СУ]. В синонимических словарях русского языка не зафиксировано синонимов к данному слову. Очевидно, что для определения понятийного ядра концепта необходимо было обратиться к определению собственно эмоции зависти или, точнее, эмоционально-когнитивного комплекса зависти (см.п. 2.3.2 «Концептуализация зависти»). Напомним, что анализ понятийного ядра концепта «зависть» по толковым словарям выявил такие его базовые компоненты, как «неудовольствие, досада, желание обладать ценностями другого». Поскольку стимул «завистник» не представлен в «Русском ассоциативном словаре», для формулировки понятийного ядра концепта «завистник» был проведен опрос информантов (100 человек, возраст — от 18 до 75 лет, соотношение мужчин и женщин — 24:76), которым было предложено сформулировать свое определение завистника, а также дать

пять первых ассоциаций на это слово. Результаты показали, что большинство респондентов выделяет в качестве основной черты завистника желание иметь то, что есть у других (45 %), в связи с чем завистник испытывает негативные эмоции (28 %). Завистник чувствует себя несправедливо обделенным (5 %), винит в своих неудачах других (5 %), осуждает других (5 %), у него заниженная самооценка (5 %); завистник постоянно сравнивает себя с другими (15 %), радуется их неудачам (10 %), а также желает причинить вред объекту своей зависти (15 %). Необходимо отметить, что практически во всех ответах речь шла о косвенных агрессивных действиях (*завистник дает ложные советы, пытается потихоньку подгадить, втихаря напакостить, старается так или иначе «зацепить» другого, старается испортить впечатление о нем (объекте зависти) окружающих, говорит гадости окружающим*). Завистник ассоциируется в первую очередь с неудачником (27 %), а также с ущербным, нищим духом, слабым, мелким человеком (21 %), глупцом (14 %). 4 % респондентов упомянули о том, что завистник — это больной человек (просто больной или больной на голову), а 16 % указали на связь с ненавистью, злобой и страхом. У 12 % информантов завистник вызывает резко негативные эмоции (*противно, мерзко, отвратительно, страшный человек*). Было также отмечено, что завистник — это жадный человек, жадина (7 %). 2 % информантов указали на связь с косвенными проявлениями агрессии — сплетнями (*сплетник*).

Таким образом, мы можем предложить следующее определение понятия «завистник»: завистник — это человек, испытывающий чувства досады, раздражения, злобы, вызванные удачей, успехом, благополучием другого, сопровождаемые желанием обладать тем, что есть у другого, при этом испытываемые чувства побуждают его к агрессивным действиям, преимущественно, косвенного характера.

Выявление ценностных характеристик рассматриваемого коммуникативного типажа было проведено на материале пословиц и поговорок (202) и афористических высказываний (63), объединенных эмоциональным концептом «зависть», полученных в результате сплошной выборки из словарей

пословиц и поговорок, словарей афоризмов в русском языке. Подробный анализ собственно концепта зависти был проведен в работе И.В. Несветайловой [Несветайлова, 2010]; мы же остановимся на рассмотрении ценностных характеристик завистника как типизируемой деструктивной личности. Как и ожидалось, в абсолютном большинстве паремий эксплицируется резко отрицательная оценка зависти и поведения завистника: *Глаза (Очи) завидуици, руки загребуици; На чужое добро и глаза разгораются; Лишнего пожелаешь — последнее потеряешь; Погнался за крохой, да без ломтя остался; Завистью ничего не возьмешь (не сделаешь); Не радуйся чужому безвременью, сам под богом; Чужой бедой сыт не будешь.* Зависть не дает покоя завистнику — завистник постоянно отрицательно загружен в эмоциональном плане: *Сосед спать не дает: хорошо живет; Не столько смущает свой убыток, сколько чужой прибыток; Охал дядя, на чужие деньги (достатки) глядя.* Зависть родственна жадности: человек завидующий, прежде всего, жаден (см. также Кляйн, 1997): *Есть много, а хочется больше; Завистливое око видит широко (далеко).* Завистник агрессивен — он готов на все, чтобы причинить страдания объекту своей зависти: *Господи, господи! Убей того до смерти, кто лучше нашего живет (или: у кого денег много да жена хороша); Завистливый своих двух глаз не пожалеет; Себя изведу, а тебя дойму; Сам наг пойду, а тебя по миру пуцу; Люди выпьют, как платком вытрут; а он выпьет, как огнем выжжет; У богатого богатыни пива-меду много, да с камнем бы его в воду.* Завистник не раскаивается в своих действиях, ему чужды угрызения совести: *Завидуици глаза не знают стыда; Когда сыт, так знай стыд.* Однако, завидуя, завистник наносит вред, в первую очередь, самому себе, поэтому зависть опасна не только для объекта зависти, но и для самого завистника: *Железо ржа съедает, а завистливый от зависти погибает; Завистливый по чужому счастью сохнет (чахнет); На чужой живот гляди да сохни; От зависти пожелтел; Злой плачет от зависти, а добрый от радости (от жалости).*

Таким образом, коммуникативный типаж «завистник» является носителем отрицательных ценностей: жадности, (неконтролируемой) злобы и ненависти, у

него нет ни стыда, ни совести, его поведение осуждается социумом. Он готов на все, вплоть до физической расправы, лишь бы заставить страдать объект своей зависти, но при этом в первую очередь страдает сам.

Далее был проведен анализ сочетаемости лексемы «завистник» на материале русскоязычных публицистических и художественных текстов (410 контекстов). В результате обобщения контекстуальных употреблений имени рассматриваемого концепта выявлены следующие характеристики коммуникативного поведения завистника.

1. Интенциональность. Реальные достоинства / недостатки объекта зависти не играют существенной роли в действиях завистника. Зависть, мотивационная основа поведения завистника, базируется на глубоком внутреннем убеждении, что объект зависти не заслуживает успеха, признания, награды и т.п., т.к. не обладает для этого необходимыми талантами. В качестве примера приведем выдержку из беседы И.В. Гете с И.П. Эккерманом от 14 марта 1830 г.:

*«Я чувствую, что это лишь новая форма старой ненависти, с которой меня преследуют уж невесть сколько лет, тщась **исподтишка мне напакостить**. Я знаю, для многих я как бельмо на глазу и они жаждут от меня избавиться. А поскольку теперь меня уже нельзя поносить за особенности моего таланта, они придираются к моему характеру. **Объявляют меня то гордецом, то эгоистом, твердят, что я завидую молодым талантам, что мое основное занятие — предаваться чувственным наслаждениям. То я чужд христианства, то, наконец, начисто лишен любви к своему отечеству и нашим добрым немцам**».*  
(И. Эккерман. Разговоры с Гете в последние годы его жизни.)

Как видно из приведенного отрывка, И.В. Гете прекрасно осознает, что завистникам не нужна объективная оценка его человеческих качеств, а нужен повод сознательно придраться к чему-либо и «исподтишка напакостить». Последнее подводит нас к следующей важнейшей черте коммуникативного поведения завистника.



2. Агрессивность / деструктивность. Убеждение в том, что объект зависти не достоин занимаемого им высокого положения, уважения, любви и т.п. создает психологическую основу для совершения завистником агрессивных действий. В большинстве своем, речь идет о косвенных проявлениях вербальной и невербальной агрессии — сплетнях, клевете, злопыхательстве, различного рода кознях и интригах. Однако завистник готов и к проявлению прямой физической агрессии и может прибегнуть к ней, несмотря на страх наказания. Снова обратимся к беседам И.В. Гете с И.П. Эккерманом:

*Затем Гете заговорил о своих противниках, заметив вскользь, что этот род не вымирает. <...> «Вторую группу, и тоже немалую, образуют завистники. Эти не признают за мной права на счастье и высокое положение в обществе, которого я добился своим талантом. Они силятся подточить мою славу и охотно прикончили бы меня. Но если бы я вдруг стал бедным и несчастным, они бы прекратили травлю». (И. Эккерман. Разговоры с Гете в последние годы его жизни.)*

Гете понимает, что завистники охотно бы прибегли к физической расправе над ним («прикончили бы меня»), т.е. поведение завистников в высшей мере агрессивно и деструктивно. Он также верно подмечает, что травля прекратилась бы, если бы он потерял свое положение и счастье.

Во многих случаях «зависть может принимать форму ярко выраженной и направленной вовне ненависти. Завистник втайне пытается навредить тому, кому он завидует» [Куттер, 1998]. Следующие примеры также характеризуют завистников как людей, способных осуществлять акты косвенной агрессии против объекта своей зависти:

*А то превратишься в завистника, пакостника, доносчика. (В. Стеценко. Из воспоминаний о Леонове. НКРЯ.)*

*Мало того, вы можете не опасаться недоброжелателей: какие бы интриги ни плели против вас завистники, босс все наветы пропускает мимо ушей. (А. Шубин. Путь к благополучию. НКРЯ.)*

Так вот, Ольга самолично написала, как хороша завуч, хотя некоторые **завистники и зlobники не выбирают выражений**, работая с ней по соседству. (Г. Щербакова. Моление о Еве. НКРЯ.)

Совсем недавно все слышали сенсационную новость о смерти Джона Бон Джови, которая как выяснилось, оказалась ложной. **Злая шутка была содеяна малоизвестным музыкантом из чувства зависти к певцу** (Джона Бон Джови похоронил его завистник из Пенсильвании (<http://www.kp.ru/daily/25814/2793687> (дата обращения — 23.01.2013).)

Однако завистник способен и на проявление прямой физической агрессии, вплоть до физической расправы:

50-летнего жителя Белгородской области Владимира Х. так измучила **зависть к бывшему коллеге и приятелю Геннадию Т., что он схватился за нож**. <...> Успех приятеля не давал Владимиру покоя. Когда приятели встретились на улице и предприниматель стал рассказывать о своих заработках, Владимир, едва сводящий концы с концами, выхватил нож и вонзил его Геннадию в грудь (Завистник убил коллегу и взорвал себя. (<http://lifeneews.ru/news/62383> (дата обращения — 23.01.2013).)

3. Направленность на адресата / адресатов. В то время как ненависть и злоба могут не иметь конкретного адресата, т.е. могут распространяться на целые социальные и этнические группы (ненависть к евреям, цыганам, всему миру; женоненавистничество), зависть имеет конкретного адресата(ов) и может экстраполироваться на всех людей, обладающих тем, что жаждет получить завистник:

Марк завидовал этим **неспешно жующим богачам**, ковыряющим мясо цесарки в зубах, на мизинце посверкивает бриллиант величиной с фигу, а девушка напротив покачивает серебряной тифелькой, скользкий шелк падает с теплого колена, и сгорбленный ветром прохожий замедляет шаг. (Т. Орлова. Ловушка для ящериц. НКРЯ.)

Однако деструктивное коммуникативное поведение завистника не всегда ограничивается действиями против объекта зависти: окружение завистника

также может попасть «под горячую руку». Достаточно вспомнить Федора Долохова из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» — эгоистичного и болезненно самолюбивого молодого человека, которому не дает покоя зависть к богатству и связям его друзей. Долохов жестоко унижает не только Пьера Безухова — непосредственный объект своей зависти, но и французов и низших по званию на войне. Согласно данным психологии, именно зависть может провоцировать криминальное поведение, в частности хулиганство и вандализм [Куттер, 1998].

Все вышеперечисленные характеристики коммуникативного поведения завистника можно проследить в романе Ю.К. Олеши «Зависть» (1927). Это яркое и неоднозначное художественное произведение сразу же после выхода в свет привлекло всеобщее внимание и до сих является объектом многочисленных литературоведческих и лингвистических исследований [Ануфриев, 2007; Калинина, 1997; Посадская, 2002; Филиппова, 2004; Игнатова, 2006 и др.], однако нас оно интересует в первую очередь потому, что в нем четко выписан интересующий нас коммуникативных типаж. Объект зависти — Андрей Петрович Бабичев, директор треста пищевой промышленности, «великий колбасник, кондитер и повар», комиссар, всезнающий, везде успевающий, мечтающий накормить людей дешевой колбасой, состоящей на 70 % из телятины, «один из замечательных людей государства». Бабичев — носитель высших ценностей современной Ю. Олеше эпохи: у него героическая биография революционера, он занимается масштабной и чрезвычайно полезной государственной деятельностью, он принимает активное участие в судьбе «новых» молодых людей Володи Макарова и Вали, он жалеет молодого литератора Николая Кавалерова, которого выбрасывают из пивной после драки, поселяет его в своей квартире и дает ему работу корректора. Субъект зависти — Николай Кавалеров — тот самый, выброшенный из пивной молодой человек, от лица которого ведется повествование. Он умеет наблюдать — «развлекается наблюдениями», но все,

что он видит, представлено через призму испытываемой им зависти. Фраза, с которой начинается роман, давно стала крылатой в литературе:

*Он поет по утрам в клозете. Можете представить себе, какой это жизнерадостный, здоровый человек. Желание петь возникает в нем рефлекторно. Эти песни его, в которых нет ни мелодии, ни слов, а есть только одно «та-ра-ра», выкрикиваемое им на разные лады, можно толковать так:*

*«Как мне приятно жить... та-ра! та-ра!.. Мой кишечник упруг... ра-та-та-та-ра-ри... Правильно движутся во мне соки... ра-та-та-ду-та-та... Сокращайся, кишка, сокращайся... трам-ба-ба-бум!»*

Глубоко негативное отношение к Бабичеву прослеживается практически в каждой фразе Кавалерова; оно отражено в выборе слов с семантикой негативной оценки, характеризующих Бабичева (*особь, щеголь, обжора*), сравнительных оборотах («*Он мелочен, недоверчив и кропотлив, как ключница*», — оскорбительное сравнение с женщиной; «*Он похож на большого мальчика-толстяка*», — тавтология «большой» и «толстяк», возможный намек на отсутствие у Бабичева жены и семьи. «*В целом она (голова Бабичева) похожа на глиняную крашеную копилку*»), в описаниях-наблюдениях за тем, как Бабичев умывается, делает зарядку, работает, ест, относится к еде. Не только неприятные черты внешности или особенности поведения, но и то, что в объективной реальности можно отнести к достоинствам человека (ответственность, скрупулезность, работоспособность, сострадание и т.п.), превращается в отвратительные недостатки под завистливым взглядом Кавалерова. По сути дела, Кавалеров постоянно совершает то, что психолог А. Налчаджян назвал «фундаментальной ошибкой завистника» [Налчаджян, 2007, с. 190]. Он глубоко убежден в том, что ничем не хуже Бабичева, и постоянно напоминает себе об этом. Наблюдения Кавалерова заставляют его «беситься» уже в самом начале книги, т.е. мы наблюдаем постепенный переход просто зависти в зависть агрессивную. Кавалеров хочет оскорбить Бабичева открыто, бросить ему вызов, назвав его хамом, и это ему почти удается. Однако его

желание хоть как-то навредить своему благодетелю сопровождается постоянным страхом, что тот действительно оскорбится и выгонит его с удобного дивана. Зависть Кавалерова перерастает в бешеную ненависть, в которой он сам признается в письме к Бабичеву:

*Андрей Петрович! Вы меня пригрели. Вы пустили меня к себе под бок. Я спал на удивительном вашем диване. Вы знаете, как паршиво жил я до этого. Наступила благословенная ночь. Вы пожалели меня, подобрали пьяного. <...> Вы мне дали постель. С высот благополучия спустили вы на меня облако постели, ореол, прильнувший ко мне волшебным жаром, окутавший воспоминаниями, негорькими сожалениями и надеждами. Я стал надеяться на то, что можно еще многое вернуть из предназначенного для моей молодости.*

*Вы меня благодетельствовали, Андрей Петрович!*

*Подумать меня приблизил к себе прославленный человек! Замечательный деятель поселил меня в своем доме. Я хочу выразить вам свои чувства.*

*Собственно, чувство-то всего одно: **ненависть**.*

***Я вас ненавижу, товарищ Бабичев.***

*Это письмо пишется, чтобы сбить вам спеси.*

Далее Кавалеров переходит на оскорбления и обвинения:

*Вы просто тупой сановник. <...> Но оказалось, вы просто сановник, невежественный и тупой, как все сановники, которые были до вас и будут после вас. И, как все сановники, вы самодур. <...> Вы обжора и чревоугодник. Разве вы остановитесь перед чем-нибудь ради физиологии своей? Что помешает вам развратить девушку? <...> Вы заставили дочку покинуть отца. <...> Но вот в то время как подхалимы пели вам гимны, в то время как самодовольство пыжило вас, — жил рядом с вами человек, с которым никто не считался и у которого никто не спрашивал мнения; жил человек, следивший за каждым вашим движением, изучавший вас, наблюдавший вас — не снизу, не раболепно, а по-человечески, спокойно — и пришедший к заключению, что вы высокопоставленный чиновник - и только, заурядная личность, вознесенная на завидную высоту благодаря единственно внешним условиям.*

Большой фрагмент письма посвящен угрозам, выраженным в высокопарной форме:

*Я помешаю вам. <...> Но меня вы не затравите. Я становлюсь на защиту брата вашего и его дочери. <...> Повоюем! Сразимся! <...> Шута вы хотели сделать из меня, — я стал вашим врагом. <...> А я воюю против вас: против обыкновеннейшего барина, эгоиста, сластолюбца, тупицы, уверенного в том, что все сойдет ему благополучно. Я воюю за брата вашего, за девушку, которая обманута вами, за нежность, за пафос, за личность, за имена, волнующие, как имя Офелия, за все, что подавляете вы, замечательный человек.*

Письмо Кавалерова — квинтэссенция восприятия, искаженного завистью, ибо на самом деле Бабичев не пытается «полакомиться» Валей, и вовсе не из самодурства пригревает Володю Макарова, а потому что действительно благодарен ему за спасенную жизнь и относится к нему, как к сыну, и т.д. Завистник не может признать, что объект зависти хоть что-то имеет заслуженно, а не благодаря обстоятельствам, что он хоть в чем-то лучше его. Собственно вопрос Кавалерова «*Почему я должен признать его превосходство?*» лучше всего объясняет суть испытываемых им чувств.

Сам факт написания письма (вместо открытого столкновения) — признак трусости и слабости. Завистники не любят признаваться в своей зависти — они рационализируют ее, и это прослеживается в романе Ю.К. Олеси. Убегая из квартиры Бабичева, Кавалеров радуется, что письмо осталось у него в кармане («*Бабичев не понял бы негодования моего. Он объяснил бы его завистью. Он подумал бы: я завидую Володе. Хорошо, что письмо осталось при мне*»), и ужасается, осознав, что по ошибке взял другое письмо, что открытая конфронтация неизбежна, что теперь Бабичев будет презирать его за зависть.

Интересно, что при всех недостатках объекта своей зависти Кавалеров стремится остаться при Бабичеве:

*Сейчас я упаду перед ним на колени. «Не прогоняйте меня! Андрей Петрович, не прогоняйте меня! Я понял все. Верьте мне, как верите Володе!*

*Верьте мне: я тоже молодой, я тоже буду Эдисоном нового века, я тоже буду молиться на вас! Как я мог прозевать, как мог я остаться слепым, не сделать всего, чтобы вы полюбили меня! Простите меня, пустите, дайте сроку мне четыре года...»*

Но осознав, что Бабичев прогоняет его, что теперь его никогда не примут в этот круг, где уже находятся Володя и Валя, Кавалеров стремится хоть как-то навредить Бабичеву, обвинив его в сожительстве с Валей: *«Вы уезжали, Володя, а в это время товарищ Бабичев жил с Валей. Пока там четыре года вы будете ждать, Андрей Петрович успеет побаловаться Валей в достаточной степени...»* Эта особая черта поведения завистника — уйти так, чтобы тебя запомнили — также отражена во второй части романа в разговорах Кавалерова с Иваном Бабичевым, братом Андрея Бабичева, «завистником со стажем». В целом все планы мести Бабичеву, включая его убийство, остаются таковыми только в мечтах Кавалерова или беседах с Иваном Бабичевым. Кавалеров так и не решается на открытое проявление агрессии, что тоже является характерной чертой коммуникативного поведения завистника. Интересно, что диагноз «завистник» Кавалерову ставит Иван Бабичев, отвечая на вопросы следователя ГПУ: *«Вас интересует чувство, носителем которого он является, или его имя? <...> Николай Кавалеров. Завистник».*

В рассказах Ивана Бабичева о своем детстве проявляется еще одна важная черта поведения завистника — способность к открытым проявлениям ярости / бешенства / ненависти, мотивом которых (явным или скрытым) является зависть. Знаменательно повествование Ивана Бабичева о детском бале, на котором «хороводила» прелестная девочка, которая все делала лучше других. Иван, с детства привыкший к вниманию и похвалам, почувствовал себя «затертым» и в приступе острой зависти *«поймал девчонку в коридоре и поколотил ее, оборвал ленты, пустил локоны по ветру, расцарапал прелестную ее физиономию. Я схватил ее за затылок и несколько раз стукнул ее лбом о колонну. <...> Должно быть, я шептал: “Вот тебе месть! Не затирай! Не забирай того, что может принадлежать мне...”»*

Одним из интереснейших моментов романа с точки зрения понимания мироощущения завистника является описание отношения Кавалерова к вещам:

*Меня не любят вещи. Мебель норовит подставить мне ножку. Какой-то лакированный угол однажды буквально укусил меня. С одеялом у меня всегда сложные взаимоотношения. Суп, поданный мне, никогда не остывает. Если какая-нибудь дрянь — монета или запонка падает со стола, то обычно закатывается она под трудно отодвигаемую мебель. Я ползаю по полу и, поднимая голову, вижу, как буфет смеется.*

Бабичева же «вещи любят». Данный факт был отмечен Г. Шёком и соотнесен с результатами клинических исследований психики людей, мучимых завистью. Завистник чувствует, что «его материальное окружение преследует его. И, как можно продемонстрировать на примере примитивного человека... непосредственно возбуждает его зависть то, что, как он полагает, вещи всегда его обманывают, в то время как к другому его материальное окружение благосклонно» [Шёк, 2008, с. 219].

Зависть Кавалерова и Бабичева оказывается деструктивной, прежде всего, для самих завистников: в конце книги они оба оказываются в постели у одной и той же отвратительной им обоим женщины, воспевая равнодушие как «лучшее состояние человеческого ума».

В заключение необходимо отметить, что некоторое количество проанализированных паремий и контекстов предполагает положительную оценку зависти: *Лучше жить в зависти, чем в жалости; Лучше быть у других в зависти, нежели самому в кручине.* Здесь же уместно вспомнить и некоторые афоризмы: «*Лучше быть предметом зависти, чем сострадания*» (Геродот); «*Зависть — сестра соревнования, следственно из хорошего роду*» (Цицерон); «*Зависть — сестра соревнования*» (А.С. Пушкин); «*В зависти, среди прочего, заложена и любовь к справедливости*» (У. Хэзлитт). Само по себе наличие положительной оценки в структуре эмоционального концепта зависти предполагает, по крайней мере, два объяснения: либо зависть может рассматриваться как амбивалентный эмоционально-когнитивный комплекс,



либо намечается некий сдвиг концепта или, точнее, подмена зависти соревновательностью, которая, в свою очередь, является смежным по отношению к зависти концептом. Существует мнение, что зависть и действия завистников стимулируют конкуренцию, достижение целей. Например, Г. Шёк выдвинул тезис об определенной благотворной роли зависти в механизме поддержания социальных норм, необходимых для всякого общественного сотрудничества [Шёк, 2008, с. 493—498]. Возвращаясь к собственно типизируемой коммуникативной личности завистника, отметим, что при всей возможной положительной оценке зависти на настоящем этапе нами не выявлено положительной оценки личности завистника: действия завистника оцениваются однозначно отрицательно с точки зрения деструктивного воздействия как на внешние объекты, так и на личность самого завистника.

Подведем итоги. Завистник — индивид, которого отличает деструктивная линия поведения: желание обладать тем, что есть у другого, сопровождается отрицательными эмоциональными вербальными и невербальными проявлениями досады, раздражения, злобы и, в конце концов, ненависти. Последние два проявления относятся к активным деструктивным эмоциям и способны перевести пассивные эмоциональные состояния завистника в открытые деструктивные действия как вербального, так и невербального плана. Однако в большинстве проанализированных нами контекстов завистник прибегает к косвенным и скрытым формам деструктивного поведения, что позволяет на настоящем этапе исследования отнести его к коммуникативным типажам, практикующим преимущественно скрытое деструктивное поведение. Аксиологическая характеристика завистника представлена восприятием его как деструктивного типа личности, негативно воздействующего не только на межличностные отношения, но и на собственное «Я». Однако наличие в концептуальной структуре зависти положительной оценки позволяет высказать предположение о том, что, хотя коммуникативный типаж «завистник» является наиболее ярким проявлением деструктивной коммуникативной личности, его роль в социуме не может быть квалифицирована как однозначно

отрицательная. Данное положение носит характер гипотезы, требует дальнейшего рассмотрения и может быть отнесено к ближайшей перспективе исследования.

### **3.3.3. Коммуникативные типы, практикующие различные виды деструктивного поведения: коммуникативный типаж «ревнивец»**

Согласно предложенной классификации, одним из типов деструктивной коммуникативной личности, практикующим как открытые, так и скрытые / косвенные формы деструктивного поведения, является коммуникативный типаж «ревнивец».

Внутренняя форма имени рассматриваемого концепта прозрачна и отражена в лексикографических толкованиях: ревнивец — ревнивый человек [СО; СУ; БТС]. Тем самым выделяется единственный конститутивный признак исследуемого концепта, а именно склонность индивида испытывать ревность. Однако очевидно, что за данным именем стоит гораздо больше, чем апелляция к соответствующему эмоциональному состоянию. Поскольку в «Русском ассоциативном словаре» стимул «ревнивец» отсутствовал, мы включили лексему ревнивец в проведенный опрос информантов (100 человек, возраст от 18 до 75, соотношение мужчин и женщин — 24:76), от которых требовалось дать до 5 первых реакций на слова «ревнивец / ревнивица». *Все без исключения* респонденты выразили свою негативную оценку данного типажа в той или иной форме: *дурак, нужно его / ее (немедленно) бросать, слабак, неуверенный в себе человек, (очень) плохо, глупость, безнадежен, идиот, эгоист, сволочь, зверь, грубый, обиженный, злобный человек* и т.п. 19 % респондентов указали в ассоциациях *любовь*, для 32 % ревнивец — это муж, 21 % — собственник и эгоист (*человек, желающий / стремящийся обладать другим человеком; человек, жаждущий единоличного владения, не думающий о другом*). Для 17 % ревнивец — это слабый «закомплексованный» человек (*слабак, неудачник, безвольный характер, неуверенный в себе человек, чувство неполноценности,*

комплексы), для 5 % — это больной человек (*Богом обиженный, больной на всю голову*). Высокий процент респондентов отметил в ревнивце недостаток ума (41 %): *дура / дурак, глупость, глупый, глупец, идиот, придурок, ущербный*. 14 % отметили в ревнивце такое качество как недоверие, недостаток доверия, сомнения в партнере / любви, подозрение / подозрительность, мнительность. Интересно, что только 5 % респондентов указали на связь поведения ревнивца с агрессией (*злой, зверь; мужчина, замахивающийся топором; агрессивный мужчина*). И только 1 респондент ассоциирует ревнивца с проявлениями детской ревности (*к младшему брату*).

Таким образом, ревнивец / ревнивица — это человек неумный, собственник / эгоист по натуре, сомневающийся в верности своего партнера, неуверенный в себе и, возможно, агрессивный. Несмотря на то, что ревнивец относится с любовью к объекту своей ревности, его аксиологическая характеристика однозначно отрицательная.

Описание коммуникативного поведения ревнивца широко представлено в текстах. По сути дела, практически каждое художественное произведение о любви затрагивает тему ревности. Для составления развернутой характеристики коммуникативного поведения ревнивца из литературных текстов, Национального корпуса русского языка, Интернет-источников (форумов, блогов), публицистических текстов было отобрано и проанализировано 1120 контекстов рефлексии, повествующих о поведении ревнивых партнеров. Анализ практического материала показал высокую типичность поведения ревнивца. В самом общем виде коммуникативное поведение ревнивца можно подразделить на активное и пассивное. Первый вид проявляется в агрессивных действиях преимущественно открытого типа. Ревнивец устраивает скандалы, требует объяснений и доказательств верности, пытается получить признание в неверности, используя угрозы и физическое и психическое насилие.

*Муж меня очень ревнует. Когда он уходит на работу, все нормально, а вот когда возвращается — начинаются многочасовые допросы: «где была?»*

*кого видела? с кем общалась? кто приходил? куда звонила?..» При этом мобильного телефона у меня уже нет вообще, городской телефон отключен, то есть, позвонить куда-либо кому-либо не имею возможности. На улицу в его отсутствие я не выхожу. Ключей от квартиры у меня нет. Однако допросы не прекращаются. Он начал утверждать, что к нам домой ходят мои любовники. Однако с вахтерами общаться он не хочет, говорит, что я с ними в сговоре... (орфография и пунктуация авторские) (<http://psychology.stb.ua/news/2013/11/26/65017> (дата обращения — 17.12.2013).)*

*К счастью, для меня все это уже пройденный этап. Стекла на работе бил, в проезжающие мимо машины, кирпичи бросал, все подруги — шлюхи, друзья — кобели. В гостях вел себя так, что провалиться на месте. Потрезвому вечные придирки, а выпьет, осмелеет и с кулаками на меня. Все двери, косяки были пробиты дома. (орфография и пунктуация авторские) (<http://forum.say7.info/topic66318-50.html> (дата обращения — 12.12.2013).)*

На следующий день такой ревнивец может страстно просить прощения, умолять партнера не бросать его / ее, давать обещания, что такое больше не повторится, осыпать подругу / жену цветами, подарками и т.д.; до определенного момента отношения налаживаются, но при малейшем подозрении все начинается снова.

*Поначалу все было очень красиво — такие типажи очень любят работать на публику, пускать пыль в глаза. А потом пошло-поехало, ревность к каждому столбу. Я умом-то понимала, что ничего хорошего в этом нет, и даже делала попытку поставить точку окончательно. Но тут начинались бурные истерики (причем со слезами), ползание на коленях (<http://forum.forumok.ru/lofiversion/index.php?t23061.html> (дата обращения — 27.12.2013).)*

Агрессивная ревность зачастую заканчивается трагически — вот лишь немногие примеры новостных заголовков из нашей картотеки: «Ревнивец прибежал к помощи смерти, чтобы вернуть любовь»

(<http://www.mk.ru/daily/hotnews/article/2013/12/27/966084-revnivets-pribegnul-k-pomoschi-smerti-chtobyi-vernut-lyubov.html> (дата обращения — 28.12.2013)); *«Ревнивец застрелил продавщицу в подмосковном ТЦ»* (<http://www.utro.ru/articles/2013/12/27/1166522.shtml> (дата обращения — 27.12.2013)); *«Несовершеннолетний ревнивец предстанет перед судом за попытку убийства»* (<http://www.bel.ru/news/911/2013/12/27/84438.html> (дата обращения — 27.12.2013)); *«В Уфе ревнивец обстрелял квартиру возлюбленной»* («Российская газета», 07.12.2013); *«Ревнивец попытался зарубить топором соперника, выскочившего из горящего дома»* («Карелинформ», [http://karelinform.ru/news/incident/42863/revnivets\\_popyitalsya\\_podjech\\_sopernika\\_vyiskochivshego\\_iz\\_goryaschego\\_doma](http://karelinform.ru/news/incident/42863/revnivets_popyitalsya_podjech_sopernika_vyiskochivshego_iz_goryaschego_doma) (дата обращения — 06.11.2013)); *«Ревнивец избил любимую нунчаками и сжег ее лицо огнеметом»* (<http://ru.tsn.ua/svit/revnivec-izbil-lyubimuyu-nunchakami-i-szheg-ee-lico-ognemetom-290135.html> (дата обращения — 05.02.2013)); *«Ревнивец зарезал молодую челябинку в День святого Валентина»* («Уралинформбюро», <http://www.uralinform.ru/news/crime/166645-revnivec-zarezal-moloduyu-chelyabinku-v-den-svyatogo-valentina/> (дата обращения — 18.02.2013)).

Поведение ревнивца проходит два этапа. Назовем их «этап скрытой агрессивности» и «этап открытой агрессивности». На первом этапе проявления агрессии носят косвенный и, как правило, невербальный характер. Ревнивец реализует стратегию унижения партнера недоверием: проверяет телефон партнера, шпионит за ним / ней, устанавливает прослушивающие устройства дома, в машине, шпионское программное обеспечение на компьютере, совершает множество «проверочных» звонков. Используется враждебная тактика эмоционального воздействия, которую можно назвать тактикой *создания эмоциональной напряженности* или тактикой *эмоционального давления*. Ревнивец создает неприемлемую для реализации полноценного общения атмосферу, в которой партнер виновен по определению.

*Муж контролирует каждый шаг, проверяет телефон, почту. Я никогда не давала повода. А он говорит «Был бы повод, убил бы». (пунктуация авторская) (<http://www.kovdor1000.ru/forum/52-94-1> (дата обращения — 19.12.2103).)*

*Телефон, комп, журнал в интернет-эксплорере — всё проверяется. Не дай бог что-нибудь случайно удалить — значит, мне есть что скрывать... На работу без конца звонит, спрашивает, где нахожусь я и где мужики. Ни в коем случае в одном помещении с ними мне находиться нельзя. (орфография и пунктуация авторские) (<http://forum.materinstvo.ru/lofiversion/index.php/t289958.html> (дата обращения — 19.12.2013).)*

Затем могут иметь место более радикальные действия, такие как порча одежды, насильственное удерживание дома, вербальная агрессия по отношению к возможным соперникам и собственно к партнеру, т.е. реализуется ряд агрессивных тактик, включая тактики упрека, угрозы, оскорбления, демонстрации обиды, злопожелания, издевки:

*Мой муж, когда встречались, тоже ревновал к каждому столбу. Проверял телефоны, сам отвечал на звонки на мой мобильный и **посылал далеко звонивших мужчин...** (<http://forum.materinstvo.ru/lofiversion/index.php/t289958.html> (дата обращения — 19.12.2013).)*

*Мой бывший, на 16 лет старше меня, тоже был патологически ревнивым. **Резал и прятал мою одежду, которую считал вызывающей ...** (<http://forum.materinstvo.ru/lofiversion/index.php/t289958.html> (дата обращения — 19.12.2013).)*

*Первый мой муженек был такой — просто ходячая куча комплексов. Он даже на **ментов** кидался, которые меня остановили, когда я была за рулем с **воплями: Не подходить к моей жене ближе, чем на 5 метров!** (пунктуация авторская) (<http://forum.materinstvo.ru/lofiversion/index.php/t289958.html> (дата обращения — 19.12.2013).)*

Далее поведение ревнивца приобретает открытый агрессивный характер, при этом как объект ревности, так и соперник могут стать объектами как вербальной, так и физической агрессии.

*Мы сидели в парке на лавочке. Подходит молодой человек и просит прикурить. Я без всяких задних мыслей говорю: «У нас нет». И тут мой бывший начинает устраивать разборки на весь парк, почему я ответила первой. Орал, что если подходит мужчина, то первым должен отвечать он. Господи, из-за такой ерунды унижал меня на весь парк!!!* (<http://forum.materinstvo.ru/lofiversion/index.php/t289958.html> (дата обращения — 19.12.2013).)

*Очень тяжело просыпаться и с ужасом думать, какое у него настроение, причём настроение могло измениться за минуту, начиналось всё с того что он видел того-то (один из моих друзей) и продолжалось вопросом, ты с ним спала? У меня не было вариантов ответов, потому что **вызывал вспышку гнева любой мой ответ и даже просто молчание. Были и побои и унижения** и осознание того что я не могу выбраться из этой трясины.* (пунктуация авторская) (<http://forum.forumok.ru/lofiversion/index.php?t23061.html> (дата обращения — 20.12.2013).)

*По данным следствия, молодые мужчины, которым нравилась одна девушка, случайно встретились на остановке. Начали выяснять отношения. А вскоре один из них **вытащил нож и всадил конкуренту острие в глаз.*** («Российская газета», 28.10.2013.)

Таким образом, активный ревнивец реализует в общении стратегию унижения партнера посредством использования различных тактик манипулирования (упрек, прерывание контакта (молчание), эмоционального давления, демонстрация обиды) и тактик вербальной и невербальной агрессии (угроза, оскорбление, возмущение, издевательство, злопожелание).

Ситуация ревности отягощается тем, что ревнивец может совершенно потерять контроль над своими эмоциями, т.е. имеет место ситуация аффекта. Действия ревнивца, приведшие к причинению тяжких телесных повреждений и

убийству, зачастую квалифицируются в законе как преступления на почве аффекта. В юридической литературе высказаны различные соображения по этому вопросу. Например, Э. Побегайло полагает, что факт супружеской неверности должен рассматриваться как тяжкое оскорбление, потому что так он воспринимается большинством людей [Побегайло, 1965, с. 130]. И.Б. Степанова провела опрос 200 работников правоохранительных органов Ивановской области (прокуроров, следователей и судей): 41 % респондентов разделяет данную точку зрения; 46 % опрошенных заявили, что измена может рассматриваться как тяжкое оскорбление лишь при определенных условиях, например, если она произошла в присутствии другого супруга или сопровождалась особым цинизмом [Степанова, 1996]. В целом «убийство на почве ревности может рассматриваться как совершенное в состоянии аффекта, если измена, которая явилась причиной преступления, выразилась в стремлении изменяющей стороной достичь цели исключительным цинизмом унижить честь и достоинство другой стороны, и тем самым, если она приобрела черты тяжкого оскорбления» [Круглова, 2003, с. 5]. Таким образом, закон во многих случаях признает ревность в качестве смягчающего обстоятельства при совершении тяжких преступлений.

Вернемся к собственно типизируемой коммуникативной личности ревнивца. Пассивное поведение ревнивца поначалу имеет прямо противоположный характер. Пассивные ревнивцы не борются за объект своего чувства, мучаются при мысли о возможной измене и не всегда испытывают деструктивные эмоции к соперникам. Они тихо страдают. Но и с их стороны возможны неожиданные деструктивные действия, включая преступления. Возможно, лучшим из возможных художественных отражений этого типа ревнивца является Позднышев из повести Л.Н. Толстого «Крейцерова соната». Несмотря на то, что произведение опубликовано в 1890 г., оно достоверно и современно описывает тип ревности, которую психологи называют «ревность от ущемленности»: «Ревность от ущемленности — это чаще всего удел «маленького человека». <...> Для возникновения ревности от ущемленности



существенна только субъективная оценка, то есть то, что человек сам о себе думает. Он может быть неотразимо привлекательным, умным, интересным собеседником, безупречным сексуальным партнером и т.д., но если он при всех этих качествах не уверен в себе, этого может оказаться достаточно, чтобы ревность пустила ростки в его душе» [Линчевский, www]. Позднышев ревнует к музыканту Трухачевскому с первой встречи, но старается не показывать этого. Л.Н. Толстой описывает «*фальшиво-улыбающееся выражение ревнивца*» на лице Позднышева во время этой встречи, эти скрытые мучения продолжаются и дальше, несмотря на то, что отношения и разговоры Трухачевского и жены Позднышева даже ему самому кажутся естественными:

*Я же, хотя и притворялся заинтересованным музыкой, весь вечер не переставая мучался ревностью.*

Позднышев рисует в своем воображении картины измены, рационализирует свое чувство ревности, приводит «доказательства» того, что жена не может не изменять ему, обвиняет ее в их испорченных отношениях:

*Мучался я особенно тем, что я видел несомненно, что ко мне у ней не было другого чувства, кроме постоянного раздражения, только изредка прерываемого привычной чувственностью, а что этот человек, и по своей внешней элегантности и новизне, и, главное, по несомненному большому таланту к музыке, по сближению, возникающему из совместной игры, по влиянию, производимому на впечатлительные натуры музыкой, особенной скрипкой, что этот человек должен был не то что нравиться, а несомненно без малейшего колебания должен был победить, смять, перекрутить ее, свить из нее веревку, сделать из нее все, что захочет. Я этого не мог не видеть, и я страдал ужасно.*

Позднышев заставляет себя быть учтивым с соперником, он приглашает его в дом, поит его дорогим вином, восхищается его игрой, настаивает на занятиях жены с ним музыкой, т.е. сам толкает жену к Трухачевскому. При этом он ни на минуту не пытается поверить жене и абсолютно уверен в том, что его обманывают:

*Все было так естественно и просто, что нельзя было ни к чему придаться, а вместе с тем я был уверен, что все это было неправда, что они сговорились о том, как обмануть меня.*

Позднышев сознательно стимулирует в себе ненависть и бешенство, дает волю своей злобе, он полностью замкнут на себе — рыдает от жалости к себе, радуется при мысли о том, что скоро все закончится:

*Я чуть было не зарыдал, но тотчас же дьявол подсказал: «Ты плачь, сентиментальничай, а они спокойно разойдутся, улик не будет, и ты век будешь сомневаться и мучаться». И тотчас чувствительность над собой исчезла, и явилось странное чувство — вы не поверите — чувство радости, что кончится теперь мое мученье, что теперь я могу наказать ее, могу избавиться от нее, что я могу дать волю моей злобе. И я дал волю моей злобе — я сделался зверем, злым и хитрым зверем.*

*...и такая жалость к себе охватила меня при этой мысли, что я не мог удержаться от слез, и, чтобы не разбудить детей, выбежал на цыпочках в коридор и к себе в кабинет, повалился на свой диван и зарыдал.*

Пассивная ревность Позднышева заканчивается трагедией — он убивает свою жену, в виновности которой он не имеет ни малейшего сомнения.

Пассивная ревность является предметом описания в автобиографическом романе современной французской писательницы Катрин Милле «Ревность» («День страданий»), который интересен именно детальным анализом мыслей, чувств и ощущений ревнующей женщины. Героиня романа ведет свободную сексуальную жизнь и после 26 лет брака обнаруживает, что ее муж тоже ей изменяет. К. Милле подробно описывает, как она читает записки мужа, его дневники, роется в ящиках в поисках доказательств любовной связи. Некоторое время она держит свою ревность внутри, поскольку боится поставить мужа в неловкое положение:

*Хотя я прекрасно понимала, что расследование мифической жизни Жака можно вести только самостоятельно, — я ни за что не стала бы задавать вопросы подозреваемому, поскольку, чтобы сопоставить вещественные*

*доказательства, которые Жак из деликатности не посмеет мне предъявить, мне было необходимо это тайное одиночество, заполненное работой мысли; но, как это ни странно, я тоже не собиралась предъявлять ему эти доказательства, поскольку не хотела ставить его в неловкое положение или выдвигать ему какие-то обвинения.*

С другой стороны, она пытается косвенно, с помощью различных знаков, показать мужу свои страдания, чтобы он мог развеять ее сомнения и продемонстрировать свою к ней любовь.

*...я ждала, что он возьмет на себя инициативу и будет врачевать мои раны, я надеялась получить доказательства возвышенной любви, полагая, что Жак на расстоянии сумеет почувствовать то, что чувствую я. Мое негласное условие предполагало, что его ответ будет иметь для меня цену лишь в том случае, если он опередит мой вопрос. Долгое время я мысленно сочиняла новый сценарий взамен оскорбительного, где Жак утешит меня, тем самым показав, что видит меня, иначе говоря, все мои безыскусные страдания, насквозь, — ведь, действительно, и по сей день я жила, не питая никаких подозрений, совершенно не подготовленная, а это значит, что защитные механизмы иммунной системы не успели вступить в действие...*

Далее следуют попытки завести спокойный разговор, разжалобить партнера, которые лишь провоцируют раздражение и приступы гнева у мужа, что приводит к семейным ссорам. Эти ссоры очень угнетают героиню, но попытки сдержать ревность заканчиваются тяжелым психическим кризисом, невербальные проявления которого детально описаны в романе:

*Одни только руки сохраняли подвижность: я вращала запястьями, а пальцы неритмично сжимались и разжимались, словно я объяснялась на языке глухонемых — замедленном и прерывистом; наверное, это должно было распутать затянувшиеся в узел слова. Наконец ладонь произвольно начинала колотить по матрасу, подобно тому, как прижатый к рингу кетчист условным жестом показывает, что сдается противнику. Или же на фоне*

*потолка я видела свои руки с растопыренными пальцами. Я пыталась подавить паническое ощущение, будто сейчас задохнусь: я могу приписать его лишь впечатлениям, почерпнутым из книг; этот кошмар — быть похороненной заживо — преследует меня еще с детства, когда я читала Эдгара По. Затем я стискивала кулаки, и Жак не мог их разжать.*

*Я распрямлялась, откинувшись назад, и начинала молотить ими по голове, лицу, груди. Как и в тот момент, когда я бросалась на стену, физическая боль, становясь очень острой и локализованной, могла поглотить меня целиком и снять другую боль, ту, что вцепившись в человека, полностью уничтожает его.*

Ревность настолько ухудшает психическое и физическое состояние героини, что она вынуждена обратиться за медицинской помощью и пройти длительный курс психотерапии. Проходит очень много времени, прежде чем она может спокойно «расправить брошенный Жаком смятый листок».

Таким образом, можно говорить о следующих поведенческих чертах пассивного ревнивца: он не проявляет открытой агрессии, может как бы ненароком, в вежливой форме поинтересоваться, где вторая половина была после работы, пытается подловить партнера на лжи (коммуникативный прием — задавание вопросов-ловушек). Но чаще всего он мысленно выстраивает сценарии развития измены. Если ревнивец в глубине души чувствует, что реальных причин для ревности нет, он не желает обижать партнера необоснованными обвинениями. Но даже если факт измены очевиден, пассивный ревнивец может и не предъявить обвинений партнеру, боясь разрыва отношений. Однако как и активная, так и пассивная ревность может привести к трагическим последствиям, а именно к проявлениям открытой физической агрессии или к тяжелым соматическим расстройствам.

Подведем итоги. Ревнивец — индивид, неуверенный в себе и в своем партнере, сомневающийся в его верности и способный на агрессивные действия как косвенного, так и прямого характера. Аксиологическая характеристика ревнивца однозначно отрицательная. Коммуникативное поведение ревнивца

направлено на унижение и зачастую на уничтожение партнера, его отличает использование тактик эмоционального давления, прямого оскорбления, а также коммуникативного садизма, включающего прямые и косвенные приемы деструктивного общения, что позволяет однозначно квалифицировать его как деструктивную коммуникативную личность.

Коммуникативный типаж «ревнивец» тесно связан с коммуникативными личностями, практикующими обманное поведение, а также с коммуникативными личностями, у которых ревность является мотивационной основой поведения. Одной из женских разновидностей типажа «ревнивец» является коммуникативный типаж «злая свекровь», рассмотрению которого посвящена следующая часть работы.

### **Коммуникативный типаж «злая свекровь»**

Определение понятийного ядра рассматриваемого концепта типизируемой личности не представляет трудностей. Все существующие толковые словари русского языка определяют «свекровь» как «мать мужа». Этимологически слова «свекор», «свекровь» восходит к древнеиндийскому svacuras (svacrus) и имеют соответствия во многих европейских языках [СФ2]. Основной точкой отсчета древних славян, определяющей место человека в окружающей его действительности, была дихотомия «*свое — не свое*». Совершенно естественно, что род и термины родства были для славянина средоточием «своего». «Свекровь» относится к собственно славянским случаям, в которых наличие корня suo легко читается без знаний по этимологии и «наблюдается семантика как бы приравнивания к своим, своему родству, то, что мы привыкли обозначать, может быть, не совсем верно исторически, словом свойство, брачное родство» [Трубачев, 2003, с. 191]. Данное понятие входит в состав терминологии индоевропейского происхождения, упорядочивающей взаимоотношения женщины, входящей в дом мужчины, и его родственников. Отношения «*сноха — свекровь*» при этом рассматриваются исследователями как первостепенные [Добровольская, 2005]. В качестве

примера можно привести ритуал на Руси, по которому молодая невестка кидала в семейный очаг мужа свой девичий пояс, а новая мать опоясывала ее своим пояском. Затем свекровь три раза слегка била молодуху плеткой, приговаривая: «Это свекрова гроза; это свекровина гроза; это мужнина гроза». После этого родители жены могли появляться в новой семье только в качестве гостей и общаться с дочерью только в присутствии свекрови. Свекровь также следила за тем, чтобы все невесткино приданное было доставлено в срок и в полном объеме [Курий, www]. Интересно, что народной этимологией слово «свекровь» прочитывается как «всех кровь», т.е. глава рода, чья кровь течет во всех потомках [ЭСК], что подчеркивает высокий статус свекрови в семье. Итак, свекровь всегда была важным представителем рода, куда должна была войти невестка. Чтобы сохранить мир и согласие в семье, невестка должна была войти в семью мужа в буквальном смысле. Однако в современном обществе невестка далеко не всегда входит в семью мужа, а, наоборот, стремится забрать его к себе. Свекровь боится потерять сына, заставляет его сделать выбор между собой и женой, что редко заканчивается гармоничными взаимоотношениями, а наоборот, является источником деструктивного общения в семье.

Древняя вражда между свекровью и снохой отражена в многочисленных поговорках. Приведем несколько примеров: *Свекор — гроза, а свекровь выест глаза; Свекровь сушит кровь; Лихая свекровь и затылком видит; Первая зазнобушка — свекор да свекровушка; другая зазнобушка — деверь да золовушка; Сноха свекрови — битая полоса; Сноха во двор — свекровь за стол; Сноха за порог — свекровь за пирог; Свекровь на печи, что собака на цепи; Чужая сторонка без ветра сушит, свекровь-матушка без петли мучит; Свекровь снохе говорила: невестушка, полно молоть, отдохни — потолки; Свекровь злится, что невестка веселится; Журлива, что свекровь; Своя матка бья не прибьет, а чужая глядя прогладит; Люб, что свекровин кулак; Кому свекровь свекровушка, а кому и свекровица; Недолго невестка протянет, если свекровь ее хвалит; От свекровушкиной ласки слезами захлебнешься; Свекровь кошку бьет, а невестке наветки дает.* Во всех приведенных примерах

актуализируется низкий, по сравнению со свекровью, статус снохи в семье, что также объяснимо с историко-культурной точки зрения. Ведь невестка, выходя замуж, традиционно проживала в доме мужа, тем самым попадая на территорию и под полный контроль старшей и более опытной женщины, зачастую оставаясь служанкой в доме до ее смерти. Нелегкая жизнь в чужой семье отражена в многочисленных фольклорных и литературных примерах прошедших веков:

*Что дадите мне за вестку?*

*Бьет свекровь свою невестку:*

*Посадила на шесток,*

*Привязала за шнурок,*

*Ручки к ножкам притянула,*

*Ножку правую разула:*

*Не ходи ты по зарям!*

*Не кажися молодцам! (П. Ершов. Конек-горбунок)*

*Будет бить тебя муж-привередник / И свекровь в три погибели гнуть...*

*(Н. Некрасов. Тройка.)*

В народной сказке, записанной в Пермской губернии, герой изготовил струны для музыкального инструмента из кишок сестры, съеденной свекровью-упырем [Андреева, www]. Девушки, выходящие замуж, по обычаю, плакали и причитали, например:

*А какая-то я горькая, / Буду жить в чужих людях / Мудренехонько, / Угождать на чужого отца, / Чужой матери [Юрлов, 1867].*

*Убавлю я спеси, гордости, / Прибавлю ума-разума: / Назову люту свекровь матушкой... [Курий, www]*

О значимости лингвокультурного типажа «злая свекровь» для современной русскоязычной культуры можно говорить если не бесконечно, то очень долго. Достаточно сказать, что Интернет-поисковые системы на запрос «злая свекровь» выдают более 2 млн результатов, на запрос «свекровь меня ненавидит» — более 100 тысяч, «ненавижу свою свекровь» — более 200 тысяч,

а просто понятие «свекровь» отражено более, чем в миллионе ссылок! Ежегодно публикуются сотни статей на тему психологии отношений со свекровью, работают десятки форумов, консультаций (в том числе и on-line) по вопросам разрешения семейных конфликтов в треугольнике «муж—жена—свекровь» и т.п.

Несмотря на то, что современный образ жизни значительно отличается от патриархального уклада старой Руси, конфликт «свекровь — сноха» был и остается основной проблемой современной семейной конфликтологии, что подтверждается приведенными выше цифрами. Психологи полагают, что в его основе чаще всего лежит ревность матери — женщины, родившей, вырастившей и воспитавшей сына, к невестке — женщине, которую сын привел в свой дом, которую он любит, о которой заботится, с которой проводит время, советуется, обсуждает проблемы. В свою очередь, как уже было показано, ревность — это сложный эмоционально-когнитивный комплекс, в который входит целый «букет» негативных эмоций: страх потерять власть над объектом ревности, чувство мести, обиды, досады, злости, зависти. Ревность в современной психологической науке трактуется как однозначно негативное и разрушительное чувство. Это основа ряда моделей деструктивного общения, причина и продукт формирования деструктивного типа личности, к которому, несомненно, относится и рассматриваемый нами коммуникативный типаж «злая свекровь».

Коммуникативное поведение типизируемой нами языковой личности демонстрирует все проявления исследуемого деструктивного типа общения. Анализ более 800 высказываний на Интернет-форумах (контексты рефлексии) по теме, которую можно условно озаглавить «Отношения со свекровью», выявил в качестве самой значимой эмоциональной доминанты эмоцию ненависти. Причем для большей части проанализированных высказываний характерна именно прямая номинация данной эмоции, что свидетельствует о высокой интенсивности испытываемой эмоции.



*Я ненавижу свою свекровь. Она разрушила наши отношения. Я ненавижу ее больше с каждым днем. Она завистливая, суеверная, мелочная. И каждый день моя ненависть к ней растет. И я не знаю, что с ней делать. Ведь мне с этим чувством жить и общаться, ведь она мать моего мужа. (<http://ya-nenavizhu.ru/ya-nenavizhu-svoyu-svekrov/> (дата обращения — 24.12.2012).)*

*Я могу сказать одно - ненавижу свою свекровь, потому как 9 лет прожила с мужем, из которых 6 лет свекровь посещала нас 3 раза в неделю... (<http://magazine.kosmetichka.ru/cmt320/> (дата обращения — 29.01.2012).)*

*А у меня и пошла ненависть к ней. Злорадно мне стало, что ей завидно, что у меня второй сын уже, что я в родах не померла, как она предполагала со старшим... ([http://www.pravoverie.ru/index.php?t=msg&th=4911&start=0&](http://www.pravoverie.ru/index.php?t=msg&th=4911&start=0) (дата обращения — 17.11.2012).)*

Некоторые авторы высказываний вполне сознательно соотносят испытываемую эмоцию с чувством ревности, тем самым еще раз подтверждая положение о непосредственной связи ревности с агрессией.

*Ненавижу свою свекровь. Вы можете подумать, что обычная ситуация мать ревнует сына к невестке, да она ревнует, да она мать, но это уже перешло все границы! (пунктуация авторская) (<http://www.medvopros.ru/viewtopic.php?f=9&t=8427> (дата обращения — 11.03.2012).)*

*Она даже сама мне говорила, что не может представить как это - ее сын и любит какую-то женщину кроме нее!.. И постоянно вдалбливала своему мужу, что она для него всегда лучший друг и любит его больше, чем я... (пунктуация авторская) (<http://magazine.kosmetichka.ru/cmt320/> (дата обращения — 29.01.2012).)*

*Моя свекровь меня сначала обожала, а потом, когда увидела, как ее сын меня любит, стала ненавидеть. (<http://magazine.kosmetichka.ru/cmt320/> (дата обращения — 29.01.2012).)*

Практический материал исследования раскрывает также характерные черты коммуникативного поведения изучаемого типажа. Рассматривая агрессивное поведение «злой свекрови» через призму трех дихотомий А. Басса «агрессия: прямая — косвенная, активная — пассивная, вербальная — физическая» [Buss, 1971], можно отметить, что в проанализированных примерах присутствуют как случаи агрессии, описываемой в терминах А. Басса как «вербальная — активная — прямая», т.е. вербальное оскорбление другого человека (в нашем случае, невестки):

*(о посещениях свекрови) ...это был настоящий АД — оскорбления, унижения. (<http://magazine.kosmetichka.ru/cmt320/> (дата обращения — 29.01.2012).)*

*...Даже после этого я позвонила ей с извинениями, а услышала крики, что она хочет размазать меня по стенке, что я ничтожество, нулевая хозяйка, испортила жизнь ее сыну, что на моих родственников ей наплевать (это после всего, что они ей сделали). В общем, ненависть лютая, неадекватная. (<http://www.u-mama.ru/forum/family/conflicts/127926/index.html> (дата обращения — 14.03.2012).)*

так и случаи агрессии «вербальной — непрямой — активной», т.е. распространение сплетен или злостной клеветы о другом человеке.

*...Всегда говорит мне что сказать и что сделать, а если делаю по-другому, обижается, а потом я от соседей узнаю неприятные вещи о себе. (<http://kuraev.ru/smf/index.php?topic=280046.0> (дата обращения — 14.03.2012).)*

*После чего она позвонила моей матери, сказала, что я больная, что ее сыночек меня бросит, я останусь не с чем, что она давно меня ненавидит, что я украла у нее сына, вью из него веревки. (<http://www.u-mama.ru/forum/family/conflicts/127926/index.html> (дата обращения — 20.03.2012).)*

Многочисленны также примеры пассивного деструктивного поведения «злой свекрови», когда последняя демонстративно отказывается от общения с невесткой, не отвечает на ее звонки, вопросы и т.п. Однако, как правило,

продолжением такой линии коммуникативного поведения является косвенная активная вербальная агрессии, когда негативное отношение к невестке передается через родственников, знакомых, соседей.

*Странно так, мы с ней никогда лоб в лоб не сталкивались, только через сына она высказывает все, что она обо мне думает.*(<http://magazine.kosmetichka.ru/cmt320/> (дата обращения — 25.03.2012).)

Особое место в системе способов агрессивного общения занимают случаи косвенной невербальной агрессии, когда внешне соблюдены все правила «доброжелательного» отношения к невестке.

*Все под контролем - наше местонахождение, род занятий, наши разговоры, приготовление мною пищи, наши вещи, комната - даже двери нет. Всегда говорит мне что сказать и что сделать, а если делаю по-другому – обижается, а потом я от соседей узнаю неприятные вещи о себе. Иногда мне кажется, что отношения наши налаживаются, но потом все опять как прежде.* (пунктуация авторская)  
(<http://kuraev.ru/smf/index.php?topic=280184.0;imode> (дата обращения — 14.03.2012).)

Однако постоянная невербальная демонстрация «кто в доме хозяин», сопровождаемая, как правило, соответствующими кинетическими и паралингвистическими компонентами коммуникации, рано или поздно приводит к открытому выражению агрессии.

Приведем еще один пример:

*Раньше с семьей мужа у нас были плохие отношения. Сейчас мы наконец разъехались, и свекровь стала бывать у нас редко, и мы вроде бы не ссоримся. На вид она всегда доброжелательная, слова плохого в открытую не скажет. Но я все время в напряжении, потому что жду от нее подвоха. Последний раз была у нас на дне рождения мужа, сидит за столом и говорит (обо мне): «Очень вкусный тортик! Вот этого у нее отнять нельзя!» Ну, типа я больше ничего, как готовить, не умею и других достоинств нет (ручная запись).*

Данный пример представляет собой интересный случай проявления деструктивности в общении. За внешней формой похвалы скрыто изящное оскорбление: раз только кулинарных способностей отнять нельзя, то все другие достоинства невестки весьма сомнительны. Возможно, если бы отношения «свекровь — невестка» были по-настоящему доброжелательными, невестка восприняла бы комплимент свекрови с юмором. Но на фоне предыдущего негативного коммуникативного и эмоционального опыта невестка воспринимает его именно как скрытое оскорбление, о чем и сообщает собеседнику. Таким образом, имеет место так называемое ожидание (экспектация) агрессии со стороны адресата, вызванное предыдущим негативным опытом общения с ним, что делает ситуацию общения деструктивной **даже при отсутствии** явных деструктивных интенций со стороны адресанта.

Апелляция к сыновним чувствам является популярным приемом коммуникативного поведения «злой свекрови». Зачастую он реализуется одновременно в рамках тактики обиды, когда свекровь стремится манипулировать чувствами сына, обвиняя невестку в оскорбительном по отношению к ней поведении:

*Муж же тоже практически всегда на ее стороне, сначала пыталась как-то переубедить, поняла, что бесполезно, его семья идеальная, а я получается так... (пунктуация авторская)*  
(<http://magazine.kosmetichka.ru/cmt320/> (дата обращения — 29.01.2012).)

*Муж не может просто сказать маме: «Мам, это наша жизнь и мы сами в ней разберемся». Он ее боится и никогда ничего не говорит, всегда молча выслушивает ее. Однажды свекровь довела меня до слез, муж в это время просто отмалчивался. В итоге, я осталась виновата, только не понимаю за что. (<http://www.bori.ru/svekrov-manipuliruet-muzhem/> (дата обращения — 02.01.2014).)*

Тактика манипулирования своим здоровьем также популярна у рассматриваемого типажа. Цель ее использования — привлечь внимание сына,

вызвать у него чувство вины, а также обвинить невестку в «пагубном» влиянии на здоровье матери мужа:

*Моей еще 15 лет назад вынесли смертельный диагноз (смерть неминуемая прямо!) сахарный диабет... Конечно, на почве переживаний о сыне... Он чувствует себя виноватым — все 15 лет боится посмотреть косо. И приступы давления, как вы и говорите, по 200, сахара скачут аж до состояния, когда человек в кому может впасть. В больницу напросится, а ее от туда через 3 дня назад выгоняют. Мы однажды вместе ездили в отпуск, так я такого насмотрелась. Она себе укольчик инсулина сделает, а кушать через положенное время не садится, ей естественно плохо, все кидаются ее откачивать. После этого она садится есть, а у всех кусок в рот не лезет, как же — чуть не умерла. Очень часто наделает гадостей и, если видит, что уже не открутиться от этого, заявляет — Это не я, это моя болезнь, простите. Мой тает и все прощает (орфография и пунктуация авторские). (<http://svekra.ru/blog/435.html> (дата обращения — 02.01.2014).)*

*Моя мадам с 40 лет не работает (сейчас ей 60) по причине... бессонницы. Нарушения нервной системы, как она это называет. Поэтому муж долгое время не мог себе даже в мыслях представить, как мы можем переехать в отдельное жилье. Это значит бросить маму, а она ведь больна, у нее бессонница! Как она болеет, я убедилась воочию. Во время скандалов ведет себя как капризный ребенок-переросток — швыряет на пол вещи, громко воеет, хватается за сердце, пьет таблетки и при этом внимательно следит за нашей реакцией)) Муж постепенно понял, что это концерты. И перестал реагировать вообще. Концерты прекратились (орфография и пунктуация авторские). (<http://svekra.ru/blog/435.html> (дата обращения — 02.01.2014).)*

Таким образом, коммуникативный типаж «злая свекровь» является одним из вариантов лингвокультурного концепта «свекровь». «Злая свекровь» — это женщина, мать мужа, мотивационной основой коммуникативного поведения которой выступает эмоционально-когнитивный комплекс ревности, трансформирующийся в эмоционально-когнитивный комплекс ненависти.

В общении с невесткой «злая свекровь» использует практически все существующие тактики вербальной и невербальной агрессии: манипулятивные тактики упрека, возмущения, отказа от общения, прерывания, давления, апелляции к чувствам сына; тактики вербальной агрессии — тактики оскорбления, возмущения, намека, критики, издевки, провокации. Также «злой свекровью» используются тактики дистанцирования и игнорирования, не относящиеся по определению к деструктивным, но в общем контексте негативно окрашенного эмоционального общения приобретающие деструктивный заряд. Таким образом, «злой свекровью» реализуется основная стратегия деструктивного общения — стратегия на унижение и моральное уничтожение невестки как «внутрисемейного врага», что позволяет квалифицировать общение «злая свекровь — сноха» как деструктивное и отнести типаж «злая свекровь» к деструктивному типу коммуникативной личности.

Отметим также, что многочисленные факты из различных культур показывают, что внутрисемейные конфликты «свекровь — невестка» являются не историей, а повседневной реальностью, и во многих культурах предпринимаются меры по их предотвращению. Так, у африканских народов есть обычаи, по которым невестка и свекровь могут встретиться только на общеплеменных праздниках. На Соломоновых островах две женщины не могут одновременно выполнять какую-либо работу и находиться в хозяйственной части дома [Курий, [www](#)]. Однако не всегда отношения «свекровь — сноха» развиваются по описанным выше сценариям ревности, ненависти и злобы. В Ветхом Завете рассказывается история Руфи (прабабки царя Давида), которая после смерти мужа продолжала заботиться о своей свекрови. Возникает вопрос: насколько значим для русской лингвокультуры типаж «добрая свекровь» и правомерно ли выделять его вообще? Поэтому мы считаем перспективным в дальнейшем проведение сравнительно-сопоставительного исследования типажей «злая свекровь» vs. «добрая свекровь», «свекровь» — «теща», «свекровь» — «мама» на материале различных языков и культур.

Исследования коммуникативных типажей дают возможность рассмотреть деструктивное общение с позиции говорящего. Однако позиция адресата также важна в рассматриваемом типе общения, т.к. реакция адресата входит в число конститутивных признаков деструктивного общения. В следующем параграфе работы деструктивное общение будет рассмотрено с точки зрения воздействия на адресата в аспекте новейшей отрасли лингвистики — эмотивной лингвоэкологии.

### **3.4. Деструктивное общение в аспекте эмотивной лингвоэкологии**

В последнее время все чаще говорится о необходимости экоконтроля не только в природоохранной сфере, но и в области регулирования коммуникативного взаимодействия, что должно привести к гармонизации отношений между людьми. Эмотивная лингвоэкология сегодня является новейшей самостоятельной отраслью лингвистической науки, притягивающей внимание все большего числа исследователей [Эмотивная лингвоэкология ... , 2013]. Основным постулатом данного направления является то, что функционирование эмоций в языке и выражение эмоций через семиотику и семантику вербального и невербального языка является важнейшим экологическим, лингвистическим и валеологическим фактором, определяющим качество коммуникации и, следовательно, качество жизни. Не вызывает сомнения тот факт, что интерес к лингвоэкологической проблематике связан с возрастающей нетолерантностью и агрессивностью как общества в целом, так и отдельных его представителей.

В самом общем смысле экологичная коммуникация понимается как общение, не оказывающее вредного воздействия как на здоровье человека в целом, так и на его эмоциональное здоровье в частности. Таким образом, любые вербальные / невербальные средства, стратегии и тактики коммуникативного поведения, противоречащие коммуникативно-прагматическим и этико-речевым нормам, оказывающие отрицательное

воздействие на эмоциональное здоровье человека, могут быть квалифицированы как неэкологичные. Сюда же, очевидно, относятся и так называемые речевые преступления, включающие в себя клевету, диффамацию, оскорбление и т.д., а также «грязные» речевые технологии воздействия на сознание людей [Кара-Мурза Е.С., 2009, с.254]. Экологичность общения, следовательно, заключается не только и не столько в умении правильно кодировать и декодировать сообщения, сколько в умении поддержать позитивное эмоциональное состояние партнера по коммуникации, стремлении заботиться о его психоэмоциональном здоровье.

Исходя из вышесказанного, исследуемое нами деструктивное общение может быть априори отнесено к неэкологичной коммуникации, т.к. оно направлено на осознанное причинение собеседнику морального и физического вреда и сопровождается чувством удовлетворения от страданий жертвы и/или сознанием собственной правоты. Как было показано в работе, деструктивное общение запускается и стимулируется так называемыми «враждебными» эмоциями, куда относятся кластер гнева и некоторые другие эмоции (отвращение, презрение) и эмоционально-когнитивные комплексы (ненависть, зависть, ревность). Деструктивному общению присущи все признаки неэкологичной коммуникации: нетолерантность, эмоциональная рассогласованность, неадекватная тональность общения, нарушение коммуникативных норм и т.д. В целом деструктивное общение характеризуется разнообразными проявлениями агрессии в языке, которые, в свою очередь, могут быть классифицированы как вербальные / невербальные, прямые / косвенные. Но, на наш взгляд, утверждать, что агрессия всегда деструктивна, было бы неверно. Как было отмечено в главе 1 настоящего исследования, важнейшая положительная роль агрессии как сложнейшего био-социопсихического феномена в фило- и онтогенезе не вызывает сомнений. Таким образом, мы пришли к выводу о том, что агрессия выступает как гипероним по отношению к деструктивности, ибо термин «агрессия» по определению покрывает все виды вредоносных действий, а деструктивность — только ту их



часть, которая связана с преднамеренным, осознанным причинением морального или физического вреда и получением удовлетворения от страданий жертвы.

В связи с этим возникает вопрос о том, какое место занимают агрессивность и деструктивность в неэкологичной коммуникации, а именно: всегда ли неэкологичны проявления агрессивности и деструктивности. Под агрессивностью традиционно понимается «устойчивая установка, позиция, готовность к свершению агрессивных действий» [Налчаджян, 1997, с. 24]. В быту принято говорить о людях более или менее агрессивных либо совсем неагрессивных, что означает различную частотность и силу агрессивных проявлений на единицу времени. В течение жизни мы сталкиваемся и с людьми, которые не скрывают своей агрессивности, и с теми, кто успешно ее маскирует, и с теми, у которых выраженная агрессивность превратилась в устойчивую черту характера личности. Однако и то, и другое, и третье находит проявление как в невербальном, так и в вербальном коммуникативном поведении. В качестве примера приведем фрагмент контекста рефлексии — высказывания ученицы старших классов об учительнице русского языка:

*Да она сволочь последняя. Садистка. Ей уже физическое удовольствие доставляет нас унижать. Пеньки, зверюшки, овощи, дубки, растительные существа, да ничего мы не знаем, не понимаем, не делаем, поколение MTV. Мой мозг не в состоянии запомнить все те слова и выражения, которыми она нас из урока в урок награждает. Причем делает это в мягкой форме, никаких там даунов, идиотов и т.д., но от этого еще более обидно (<http://www.lovehate.ru/opinions/24084> (дата обращения — 25.02.2013).)*

Высказывая свое мнение о педагоге, девушка прибегает к такой тактике открытого деструктивного общения, как прямое оскорбление объекта своей агрессии с использованием инвектив «сволочь последняя», «садистка». Однако мы также видим и описание деструктивной тактики самого педагога — унижения учеников без использования собственно инвективной лексики. В качестве инвектив выступают лексемы «пеньки», «зверюшки» и другие

единицы с адгерентным инвективным компонентом, что остро и болезненно ощущается учениками. Вполне возможно, что учитель таким образом проявляет свою скрытую агрессивность и получает определенное удовлетворение, «культурно» оскорбляя учеников.

Прагматика скрытой агрессивности, в частности, ее лингвоэкологический аспект, представляется вопросом, требующим отдельного скрупулезного изучения. Как уже упоминалось, в психологии понятие скрытой агрессии / агрессивности всегда вызывало различные толкования. На наш взгляд, различные формы ее выражения удачно описал Ф. Риман: «Это чиновник, который пунктуально, минута в минуту, закрывает окошко своей конторы, хотя легко мог бы еще кого-нибудь обслужить; учитель, подчеркивающий малейшие отклонения в пунктуации или ошибки, связанные с невнимательностью; экзаменатор, который считает правильным лишь ответ, ни на йоту не отличающийся от ожидаемого; судья, строго придерживающийся буквы закона при оценке того или иного проступка и не принимающий во внимание мотивацию, и т.д. <...> Некоторые люди выражают агрессивность в форме сверхкорректности, злоупотребляя своей властью и скрывая мотивы своего поведения даже от самих себя, ссылаясь на нерушимость правил и значимость выполняемого ими долга» [Риман, www]. В практике общения подобные ситуации выражения скрытой агрессивности трудно отследить по двум причинам. Во-первых, основной признак отнесения ситуации общения к деструктивному типу — деструктивная интенция - оказывается скрытым иногда даже от самого субъекта коммуникации. Во-вторых, трудно отграничить скрытую агрессивность личности от разумной аккуратности и пунктуальности — эта грань чрезвычайно тонка, и решить, является ли конкретная ситуация общения деструктивной по своей сути, можно только в процессе длительного наблюдения за интересующим исследователя объектом. В 2012 г. во Франции прошел судебный процесс по делу о 35 самоубийствах сотрудников в компании «Франс Телеком». В жестокости и доведении до суицида был обвинен экс-глава компании Дидье Ломбар, получивший прозвище «Гендиректор самоубийц».

«При Ломбаре началось пренебрежительное отношение начальства к сотрудникам, которое доходило даже до физического унижения», — сообщил адвокат семей погибших. Дидье Ломбар спокойно ответил журналистам, что такое количество суицидов нормально для большой компании (в штате “France Telecom” работает более 100 тыс. человек) и что все принимаемые им меры преследовали цель сохранить рабочие места в компании (<http://www.gazeta.ru/social/2012/07/05/4664689.shtml> (дата обращения — 27.02.2013)). К сожалению, в нашем распоряжении не было тех аргументов и доказательств, которые адвокаты потерпевших и их семей представили в качестве обвинения — данный материал, несомненно, представлял бы огромный интерес для изучения деструктивной коммуникации. Однако предоставленные журналистами выдержки из материалов следствия, содержащие жалобы людей на то, что они находятся на грани нервного срыва из-за стресса, тяжелой нагрузки, постоянных оскорблений (<http://www.vesti.ru/doc.html?cid=9&id=842340> (дата обращения — 27.02.2013)), позволяют говорить о реализованной тактике коммуникативного садизма, которая рассматривается нами как одна из специфичных тактик деструктивного общения. Рассматривая коммуникативный садизм с точки зрения экологии общения, мы пришли к выводу, что, несмотря на то, что последние исследования эмотивной экологичности речи показали невозможность однозначного отнесения ситуации общения к экологичному / неэкологичному типу [Шаховский, Волкова, Коробкина, Штеба, 2012], коммуникативный садизм является практически единственным случаем, когда можно и нужно говорить об абсолютной неэкологичности соответствующей ситуации общения. Коммуникативный садист уверен в своей правоте, ему не знакома эмпатия, он «глух» эмоционально к страданиям своего партнера. Все это разрушает личность адресата и, как показал пример с «Франс Телеком», не только в психологическом, но и в физическом плане.

Как было показано в главе II настоящего исследования, значительная смысловая нагрузка в деструктивном общении ложится на невербальные

компоненты коммуникации: кинетические, проксемические, окулесические, паралингвистические. Для деструктивного общения кинетические компоненты имеют особое значение, ибо появляются на пиках коммуникативного динамизма в моменты ослабления рационального контроля над эмоциональной сферой [Николаева, www]. Особенно тяжело контролируемой является мимика, т.к. мимическое выражение основных человеческих эмоций, в том числе и враждебных, поддерживается врожденной нейропрограммой [Izard, 1979, с. 32]. Неприкрытое выражение раздражения, злобы, ненависти вызывает у партнера по коммуникации и негативную эмоциональную реакцию.

*Превозмогая неловкость, Виктор посмотрел на Лолу. Лицо ее шло красными пятнами, яркие губы дрожали, словно она собиралась заплакать, но она, конечно, и не думала плакать, она была в бешенстве. (А. и Б. Стругацкие. Хромая судьба.)*

Несмотря на то, что Виктор никак вербально не реагирует на слова и эмоции Лолы, вертикальный контекст показывает, что, наблюдая за реакцией бывшей жены на слова дочери, герой испытывает крайне негативные эмоции, среди которых неловкость, неприязнь, сожаление о годах, прожитых с ней, желание забрать их общего ребенка к себе. Все эти эмоциональные переживания не относятся к экологичным.

В ситуациях открытого деструктивного общения кинетические элементы часто представляют собой некую ступень перехода от агрессивного состояния к акту прямой вербальной или физической агрессии. В таком случае они изначально неэкологичны, т.к. наносят прямой вред психическому и физическому здоровью собеседника(ов).

Даже если прямая физическая агрессия отсутствует, существует ряд мануальных жестов угрозы и оскорбления, о которых речь шла в параграфе 2.4.2 работы (погрозить кулаком, покрутить пальцем у виска, постучать рукой по лбу, выставить средний палец). Было показано, что использование последнего жеста в соответствующем контексте может спровоцировать негативную реакцию со стороны реципиента, вплоть до физической агрессии

или уголовного преследования. Для определения (не)экологичности данного жеста был проведен опрос информантов на тему жеста «средний палец». Информантов (100 человек автомобилистов), мужчин и женщин в возрасте от 20 до 48 лет, попросили описать свои действия, если водитель другого автомобиля показал им средний палец. Более 50 % опрошенных заявили, что они обязательно среагируют на это: покажут палец в ответ или произведут другие, более опасные действия. Некоторые действия можно оценить как весьма агрессивные (*«Все от настроения зависит, могу над показавшим мне фак просто посмеяться, а могу догнать и подрезать его как следует»*; *«Когда его мне показывают не за дело, могу резко подрезать машину урода»*; *«У меня всегда с собой монтировка под сиденьем: если покажут палец, то с монтировкой с некоторыми проще объясняться»*). Некоторые информанты сообщили, что стараются вообще не обращать внимание на подобные жесты, у многих (15 %) он вызывает возмущение, раздражение, общее снижение настроения, и лишь совсем немногие заявили, что отнесутся к увиденному с юмором (8 % опрошенных).

Все вышеизложенное делает очевидным тот факт, что рассматриваемый жест относится к жестам неэкологичного общения, т.к. оскорбляет реципента, вызывает гнев, возмущение и агрессию с его стороны.

С другой стороны, есть ситуации, когда жест «средний палец» вызывает прямо противоположную реакцию. Один из респондентов ответил, что если ему покажут такой знак, то он *«посмеется вместе (с показавшим), если тот окажется не злобным»*. Одна из коллег описывала случай, когда она ехала в маршрутном такси и атмосфера была очень напряженной (перепалки с водителем и между пассажирами). И именно жест «средний палец», который показала миниатюрная и симпатичная девчушка, переходившая перед маршруткой дорогу, разрядил создавшуюся напряженность. Вся маршрутка расхохоталась, и настроение пассажиров и водителя мгновенно улучшилось. Таким образом, можно говорить о том, что *в некоторых ситуациях неэкологичные жесты-оскорбления могут транспонироваться в экологичные*

или амбивалентно-экологичные. К сожалению, набор факторов, которые определяют этот переход, случаен и не поддается классификации. Можно говорить о таких факторах, как ситуативность, настроение, характер и темперамент коммуникативных партнеров. Однако в целом необходимо ориентироваться все же на исходные характеристики рассмотренного жестового знака, а именно грубость, оскорбительность, деструктивность и, как итог, неэкологичность.

Явление амбивалентной экологичности деструктивного общения может быть также проиллюстрировано следующими примерами описания ситуаций открытого деструктивного общения. Это фрагменты интервью, в которых респонденты (молодые замужние женщины, имеющие негативные отношения с родителями мужа) описывали свое общение со свекровями.

*А: Моя свекровь, как встречаемся, начинает на меня орать. Первые две минуты разговариваем нормально, а затем она выбирает тему и начинает орать. Я сначала молчу, потом начинаю орать в ответ. Короче, мы орем друг на друга. Дурдом! (Ручная запись.)*

*В: Моя (свекровь) взяла привычку говорить обо мне в моем присутствии в третьем лице. Я от нее в метре стою, а она говорит мужу: «Ты посмотри, как она ребенка одела? Сама, как мужичка, и девочку в штаны обрядила», «И что она там сегодня приготовила? Пахнет как-то неприятно». Я ее ненавижу страшно, меня трясет в ее присутствии — наверное, убила бы, если могла. (Ручная запись.)*

Ситуация, когда свекровь кричит на невестку и позволяет кричать в ответ, более экологична, чем та, в которой свекровь откровенно игнорирует ее. Обе ситуации общения несомненно относятся к деструктивному типу, но в первом случае разрушительный эффект на личность оказывается менее выраженным, ибо невестка и свекровь в итоге «орут на равных». Во втором случае невестка как личность полностью игнорируется путем выведения ее из круга общения, что оказывает негативный эффект на ее самооценку и взаимоотношения в семье.

Наши наблюдения в некоторой степени подтверждаются выводами британского психолога Т. Холмс, которая в 2008 году опубликовала данные о том, что ежедневные скандалы в семье между подросткам и их родителями при определенных условиях укрепляют взаимоотношения, т.к. подростки чувствуют уважение родителей, ощущают себя ближе к ним [Why a row a day ..., www]. Хотя результаты данного исследования нельзя напрямую перенести на взаимоотношения взрослых людей, мы можем утверждать, что громкие открытые скандалы в ряде случаев могут быть менее разрушительными для психоэмоционального здоровья (т.е. более экологичными), чем косвенные проявления деструктивности, ибо они демонстрируют отношение к объекту как к личности, имеющей определенную ценность в глазах обидчика и поэтому достойную прямых и открытых коммуникативных атак.

Вышеизложенный материал отражает неэкологичные характеристики деструктивного общения, т.е. именно той разновидности агрессивной коммуникации, которая относится, в терминах Э. Фромма, к «злокачественной» агрессии. Но насколько экологичными можно считать коммуникативные проявления так называемой «доброкачественной» агрессии? К ним можно отнести ряд неконтролируемых и слабо контролируемых невербальных проявлений: физиологическую симптоматику (покраснение лица / шеи, возбуждение, нарушение точности восприятия и др.), эмоциональную кинесику и просодику, а также такие вербальные проявления, как бранная лексика, инвективы и т.п.

*Если ты только... Я тебя самого... ссволочь! Клаус попятился, губы у него тряслись, он налетел задом на Фомича — Фомич теперь стоял на месте Цыбина, держа брошенное им погудало руля. (Е.И. Замятин. Ёла. НКРЯ.)*

Данный пример является описанием выражения агрессии, которая, по определению Э. Фромма, может быть классифицирована как доброкачественная. Такая агрессия вполне может оказаться «экологичной» с эмоциональной точки зрения для субъекта агрессивного поведения, т.к. приводит к катарсису агрессивных эмоций — истинной или воображаемой

эмоциональной разрядке, идея которой заложена в сознании представителей западной цивилизации. Эта идея настолько важна для нас, что «официально» закреплена в языке в виде метафоры контейнера для эмоций группы гнева и в психологии в виде теории переориентированной агрессии, о которых писалось выше. Среди выделенных в работе концептуальных метафор, например, ненависти, метафора контейнера занимает ведущую позицию (49,6 % от общего количества примеров концептуальных метафор); многочисленны также примеры описания переориентированной агрессии, после проявления которой человеку эмоционально «становится легче».

*— Да,—- голос у него совсем сел. Горло перехватило, а в висках стучала кровь. Он прошелся по комнате, потом схватил пластмассовый стул и с размаху ударил о колено. Армированный пластик с треском раскололся, поранив ему руки. Колено заныло. Сэму полегчало. Немного, но полегчало. (Г. Каттнер. Ярость.)*

На наш взгляд, вышеприведенные данные убедительно свидетельствуют в пользу того, что «гидравлическая» модель агрессии незримо присутствует в нашем сознании, во многом определяет наше отношение к катарсису агрессивных эмоций и наши действия в реальных ситуациях деструктивного общения.

Если рассуждать об экологичности этой модели и идеи катарсиса агрессии, то выводы представляются не очень оптимистичными. Художественная литература, художественные фильмы выступают как факторы латентного научения агрессии. Если герою художественного произведения или фильма можно, позволено тем или иным образом выразить свои агрессивные состояния и эти действия одобряемы (персонаж является положительным, борется со злом, спасает мир и т.д.), то подобные действия рассматриваются как экологичные и читатель (зритель) считает себя правым, следуя идее катарсиса в реальных жизненных ситуациях. Более того, человеческие действия и последующее (само)оправдание тех или иных агрессивных действий также во



многим основаны именно на них. Приведем пример реальной ситуации деструктивного общения.

Маршрутное такси останавливает молодая, миловидная, хорошо одетая женщина. Чтобы не нарушать правила и не останавливаться на пешеходном переходе, водитель проезжает несколько метров и ждет женщину. Войдя в маршрутку и усаживаясь, та раздражается таким потоком брани, что цитировать ее не представляется возможным даже в рамках лингвистической работы. Шокированные пассажиры маршрутки (их всего пятеро) пытаются остановить ругань, защитить водителя и пристыдить женщину, за что каждый получает свою дозу оскорблений. После небольшой паузы женщина поворачивается к автору (единственному пассажиру, не вступившему в перебранку) и говорит: *«Что, молча терпеть от водил (имеется в виду оскорбления), что ль?»* (Т.е. действие водителя, не остановившегося непосредственно перед ней, было изначально расценено как оскорбительное, на что, по мнению женщины, последовал вполне адекватный ответ и последующее оправдание своих действий.)

В науке полезность подобного рода эмоциональной разрядки подвергается серьезному сомнению в последние десятилетия: начиная с 1950-х гг. прошлого века, многочисленные экспериментальные исследования последствий катарсиса одно за другим демонстрировали, что катарсис агрессивных эмоций мало либо ничего не дает для освобождения от этих эмоций. Более того, было установлено, что «вспышки ярости, как правило, усиливают активацию эмоционального мозга, заставляя людей испытывать не меньший, а более сильный гнев» [Гоулман, 2008, с. 109]. Некоторые исследования демонстрируют зависимость катарсиса от типа агрессивных действий: прямая агрессия (т.е. агрессия, направленная против самого фрустратора) приводит к истинному катарсису, в то время как сила переориентированной агрессии зависит от того, насколько объект переориентированной агрессии сходен с истинным фрустратором. В монографии А. Налчаджяна детально рассматриваются и анализируются

различные подходы и способы реализации агрессивного катарсиса. Автор приходит к неутешительному выводу о том, что «безопасные» агрессивные действия (переориентированная агрессия, агрессия в воображении), в целом, не дают катартического эффекта [Налчаджян, 2007, с. 322]. Вербальная агрессия, которая долгое время считалась прекрасным способом предотвращения прямой физической агрессии, также рассматривается как весьма неэффективное средство. Более того, автор полагает, что «возможность высказаться усиливает тенденцию к совершению физических агрессивных действий» [Там же]. Однако, на наш взгляд, сколько бы психологи ни писали и ни предупреждали людей о неправильности, необоснованности и опасности такого явления, как катарсис агрессивных эмоций, идея катарсиса, его полезности для физического и психического здоровья и, следовательно, его экологичности не просто закреплена в языке и языковом сознании — она внедрена языком в наивное сознание как модель поведения. Таким образом, с позиции адресанта как агрессивное общение, в целом, так и деструктивное общение в частности может быть расценено как амбивалентно-экологичное, т.к., несмотря на общее негативное воздействие на личность субъекта общения, оно вызывает катарсис деструктивных эмоций, тем самым способствуя освобождению (реальному или воображаемому) от нервного напряжения и вызывая у субъекта чувство удовлетворения. Но для адресата агрессия и деструктивность в коммуникации всегда неэкологичны — совершенно неважно, обругали тебя за дело или просто использовали как «козла отпущения». Уверенность субъекта деструктивной коммуникации в собственной правоте делает деструктивное общение абсолютно неэкологичным, т.к. оно разрушает личность не только коммуникативного партнера — «мишени» деструктивных действий, но и самого субъекта деструктивной коммуникации.

В заключение хотелось бы сказать, что существует философское понимание деструктивности как некоего диалектического единства ее негативной и позитивной форм. Позитивный аспект человеческой деструктивности связан с «открыванием смысла, прежде всего смысла бытия,

становящегося базой обновления и конструирования человеческого как феномена» [Сатыбалова, 2002, с. 14]. Данное понимание свидетельствует о возможности нахождения положительного даже в глубинах отрицательного и воплощается в виде идеи о двумодусной структуре коммуникативных ситуаций в работах по эмотивной лингвоэкологии В.И. Шаховского [2011; 2012; 2013], А.А. Штеба [2013]. К сожалению, далеко не каждый «пострадавший» от деструктивного общения настроен на поиск этого глубоко сокрытого положительного в себе и окружающих, и первой спонтанной реакцией на деструктивное коммуникативное поведение практически всегда является возмущение, гнев, обида и другие отрицательные эмоции. В рамках эмотивной лингвоэкологии мы можем исследовать не только степень неэкологичности тех или иных проявлений коммуникативного деструктивного поведения и их эмоциогенный эффект, но и ситуации перехода от неэкологичного к амбивалентно-экологичному общению, включая двумодусную структуру коммуникативных эмоциональных ситуаций деструктивного общения.

### **Выводы по третьей главе**

В главе было определено понятие деструктивной коммуникативной личности, осуществлен анализ ее ценностного, когнитивного и поведенческого аспектов. Деструктивная коммуникативная личность понимается как коммуникативная личность, практикующая деструктивный тип общения, направленный на реализацию коммуникативной цели психологически травмировать собеседника. Ценностный план деструктивной коммуникативной личности состоит в негативной оценке ее действий социумом (внешний ценностный план), а также в нарушении моральных и утилитарных норм социума (внутренний ценностный план). Когнитивный (познавательный) аспект деструктивной коммуникативной личности включает знания когнитивных схем, соотносящиеся с существующими стереотипами поведения в ситуациях деструктивного общения в определенном социуме, а также эмоциональные концепты деструктивного общения, включая представления о невербальной

концептуализации соответствующих эмоциональных состояний. Поведенческий аспект отражает конкретное проявление коммуникативной личности в ситуациях деструктивного общения различных типов, включая цели, стратегии и тактики реализации деструктивных намерений.

На основе анализа теоретического и фактического материала были определены основная стратегия и тактики деструктивного общения, а также проведена их систематизация. Были выделены и проанализированы тактики хамства и коммуникативного садизма, специфические для исследуемого типа общения.

Проанализировано три коммуникативных типажа, выделяемых по особенностям их коммуникативной деятельности. По признаку доминирующих эмоций, мотивирующих деструктивное коммуникативное поведение, и степени доступности его для объективного восприятия выделены и описаны коммуникативные типажи «хам», «завистник», «ревнивец». В рамках последнего типажа рассмотрен также коммуникативный типаж «злая свекровь».

Анализ специфики коммуникативного поведения данных типажей позволил сделать следующие выводы:

1. «Хам» рассматривается как постоянная характеристика деструктивной коммуникативной личности, отличающейся установкой на открытое оскорбительное поведение, а также осознанием безнаказанности своих действий. Коммуникативное поведение хама характеризуется вызывающе негативным отношением к оппоненту и/или предмету обсуждения, оскорбительностью высказываемых мнений и оценок, крайней эмоциональной несдержанностью и высококонфликтной тональностью общения. Аксиологическая характеристика хама представлена исключительно негативным восприятием его как деструктивного, конфликтного типа личности, причиняющего вред партнеру по общению и получающего от этого определенное моральное удовлетворение.

2. «Завистник» — типаж, который отличает деструктивная линия поведения: желание обладать тем, что есть у другого, сопровождается отрицательными эмоциональными вербальными и невербальными проявлениями досады, раздражения, злобы и в конце концов ненависти. Последние два проявления относятся к активным деструктивным эмоциям и способны перевести пассивные эмоциональные состояния завистника в открытые деструктивные действия как вербального, так и невербального плана. Однако практический материал показывает, что типаж «завистник» характеризуется двойственностью коммуникативного поведения — сокрытием истинного отношения к объекту зависти и внешней положительной / нейтральной манифестацией. Завистник прибегает к косвенным и скрытым формам деструктивного поведения, что позволяет на настоящем этапе исследования отнести его к коммуникативным типажам, практикующим преимущественно скрытое деструктивное поведение. Аксиологическая характеристика завистника представлена восприятием его как деструктивного типа личности, негативно воздействующего не только на межличностные отношения, но и на собственное «Я».

3. «Ревнивец» — индивид, неуверенный в себе и в своем партнере, сомневающийся в его верности и способный на агрессивные действия как косвенного, так и прямого характера. Аксиологическая характеристика ревнивца отрицательная. Коммуникативное поведение ревнивца направлено на унижение и зачастую на уничтожение партнера, его отличает использование тактик эмоционального давления, прямого оскорбления, а также коммуникативного садизма, включающего прямые и косвенные приемы деструктивного общения.

4. Коммуникативный типаж «злая свекровь», женская разновидность коммуникативного типажа «ревнивец», рассматривается как вариант лингвокультурного концепта «свекровь». «Злая свекровь» — это женщина, мать мужа, мотивационной основой коммуникативного поведения которой выступает эмоционально-когнитивный комплекс ревности,

трансформирующийся в эмоционально-когнитивный комплекс ненависти. «Злая свекровь» реализует основную стратегию деструктивного общения — стратегию на унижение и моральное уничтожение невестки как «внутрисемейного врага». В коммуникативном поведении типажа представлены многочисленные деструктивные тактики: манипулятивные тактики упрека, возмущения, отказа от общения, прерывания, давления, апелляции к чувствам сына; тактики вербальной агрессии — тактики оскорбления, возмущения, намека, критики, издевки, провокации. Также «злой свекровью» используются тактики дистанцирования и игнорирования, приобретающие деструктивный заряд в контексте негативно окрашенного эмоционального общения.

В аспекте эмотивной лингвоэкологии деструктивное общение может рассматриваться как амбивалентно-экологичное с позиции адресанта, т.к., с одной стороны, оказывает негативное воздействие на личность субъекта деструктивной коммуникации, а с другой — вызывает у него катарсис деструктивных эмоций и/или положительную эмоциональную реакцию. Однако с позиции адресата деструктивное общение квалифицируется как однозначно неэкологичное, ибо оказывает разрушительное действие на его психоэмоциональное состояние и личность в целом.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятое в настоящей работе комплексное исследование деструктивного общения позволило определить его как тип эмоционального общения, направленного на сознательное и преднамеренное причинение собеседнику морального и физического вреда и характеризуемого чувством удовлетворения от страданий жертвы и/или сознанием собственной правоты. Коммуникативная целеустановка деструктивного общения определяется как стремление личности возвыситься за счет унижения / морального уничтожения собеседника, что предопределяет основные пути его реализации.

Уточнение понятия «деструктивность» путем анализа философского, биологического, психологического, психоаналитического подходов к его трактовке позволило сделать вывод о соотношении понятий «агрессия» и «деструктивность»: несмотря на схожесть внешних проявлений, агрессия и деструктивность представляют собой явления разной природы. В отличие от естественной, «доброкачественной» агрессии, которая свойственна всем представителям животного мира, деструктивность есть сложный феномен, свойственный только человеку. Она носит осознанный характер, *не* является защитой от нападения или угрозы и *не* заложена в филогенезе. При том, что психика человека дуальна (т.е. состоит из животной и социальной сторон), на человека постоянно воздействует ряд социокультурных факторов, с помощью которых формируются различные специфические потребности: потребность в самореализации, признании, любви и т.п. Если данные потребности по какой-либо причине не удовлетворяются, возникает состояние фрустрации, приводящее к различного рода деструктивным действиям. Одним из возможных каналов проявления деструктивности является распространенный вид человеческой деятельности — общение.

В работе была предпринята попытка определить место деструктивного общения в ряду смежных с ним понятий конфликтного речевого взаимодействия, вербальной агрессии, инвективного словоупотребления,

языкового насилия и языкового преступления. Проведенный анализ содержания понятий, смежных с понятием деструктивного общения, позволил сделать вывод о том, что, несмотря на то, что между понятиями конфликтного речевого взаимодействия, вербальной агрессии, инвективного словоупотребления, языкового насилия и деструктивного общения существует предметно-понятийная связь, они все же не тождественны друг другу. Классифицировать ту или иную ситуацию общения как деструктивную можно только с учетом следующих условий коммуникации: 1) коммуникативное намерение говорящего (намерение причинить вред адресату); 2) характер общения (формальное / неформальное); 3) общая коммуникативная установка (наличие отрицательного эмоционального стимула); 4) определенный набор вербальных и/или невербальных средств (средств вербальной агрессии / невербальных маркеров враждебности, агрессии); 5) реакция адресата (отрицательная); 6) реакция адресанта (положительная).

Таким образом, основываясь на понимании деструктивности как «злокачественной формы агрессии» Э. Фромма, ситуация общения может быть отнесена к деструктивному типу по наличию в ней следующих конститутивных признаков: 1) деструктивная интенция; 2) эмоциональный стимул; 3) реализация: деструктивность реализуется в ситуациях деструктивного общения, в которых присутствуют вербальные / невербальные ключи — показатели проявлений прямой или косвенной агрессии; 4) негативная эмоциональная реакция адресата; 5) положительная оценка адресантом своих коммуникативных действий.

Изучение любого типа общения предполагает его параметризацию. Важнейшим параметром деструктивного общения признана его коммуникативная цель, заключающаяся в стремлении травмировать собеседника, причинить ему психологический или даже физический вред, всячески умалить его личностную значимость. Деструктивное общение может быть квалифицировано как инициативное, а также не имеющее четких границ с точки зрения продолжительности. По соотношению формы и содержания



деструктивное общение может быть прямым и косвенным, т.е. протекать как непосредственно (лицом к лицу), так и опосредованно (путем использования косвенных приемов агрессии, таких как распространение заведомо ложной информации об объекте — слухов, клеветы). Важным параметром исследуемого типа общения является его эмоциональность. В работе показано, что эмоциональным стимулом деструктивного общения могут выступать не только эмоции триады враждебности (гнев (раздражение, злоба, ярость), отвращение, презрение), но и сложные эмоционально-когнитивные комплексы, такие как ненависть, зависть, ревность, а также сложные кластерные эмоционально-когнитивные комплексы (любовь-ревность, любовь-ненависть, зависть-ревность) и т.п. Наличие эмоционального стимула признано важнейшей характеристикой деструктивного общения: каковы бы ни были деструктивные коммуникативные интенции, именно эмоции рассматриваются в качестве их движущих мотивов.

Психологические особенности различных форм проявления агрессии в коммуникации, фактор доступности агрессивных проявлений для объективного наблюдения, а также учет причинно-следственных связей между целями / задачами общения и стратегиями и тактиками поведения коммуникантов позволили выделить три типа ситуаций деструктивного общения: ситуации открытого, скрытого деструктивного общения, а также ситуации пассивно-деструктивного общения. Под скрытым деструктивным общением понимается такой способ коммуникативного поведения, когда субъект не может выразить свою враждебность в форме открытой агрессии и прибегает к использованию косвенных форм агрессии, а также к переориентации агрессии на другие объекты. Под пассивно-деструктивным общением понимается способ коммуникативного поведения, при котором враждебное отношение субъекта реализуется в разнообразных видах деятельности, не направленных непосредственно на объект агрессии. Каждый тип характеризуется преобладанием определенной речевой стратегии, а также набором невербальных компонентов коммуникации, на которые ложится основная

смысловая нагрузка при отнесении той или иной ситуации общения к деструктивному типу (сюда относятся наблюдаемые невербальные проявления агрессивных состояний языковой личности (для реальной коммуникации) и языковые описания невербальных проявлений таких состояний (для художественной коммуникации)).

Одной из задач, решаемых в диссертационном исследовании, было рассмотрение деструктивности как сложного когнитивного образования. Деструктивность представлена в работе как концептуальное пространство, состоящее из совокупности различных концептов, куда входят концепты эмоций, вызывающих и поддерживающих деструктивное поведение, представления о факторах и ситуациях, способствующих актуализации и эскалации агрессивного поведения, концепты эмоций, возникающих в результате совершения деструктивного акта, прототипические и парапрототипические сценарии деструктивного поведения.

Концептуальное пространство деструктивности имеет полевою структуру. Установлено, что к ядерным концептам концептуального пространства деструктивности можно отнести эмоциональные концепты злобы, ярости, ненависти, презрения, эмоционально-поведенческие концепты «месть», «ревность», «черная зависть», прототипические когнитивные сценарии деструктивного поведения; к ближней периферии — эмоциональные концепты раздражения, неприязни, обиды, страха, т.е. находящиеся в причинно-следственной связи с эмоциями-стимулами деструктивного поведения, а также все парапрототипические сценарии развития «агрессивных» эмоций; к дальней периферии — концепты, имеющие опосредованное отношение к деструктивности, например, «ложь», «любовь», «свобода» и др.

Осмысление концептуального пространства предполагает уточнение методики изучения концептов, его составляющих. В связи с трудностью определения эталона или прототипа конкретной эмоции в лингвистике обоснованным является утверждение о том, что изучение эмоциональных концептов строится не столько на логическом, сколько на образно-

схематическом знании. В целом в работе соблюдается общепринятая трехступенчатая процедура изучения концепта, однако наблюдается также определенная специфика — моделирование концепта эмоции проводится по следующей схеме: устойчивые выражения, используемые для описания изучаемой эмоции в конкретном языке, систематизируются в классы концептуальных метонимий, метафор, родственных концептов, т.е. в так называемые концептуальные категории (термин З. Кёвечеса); затем концептуальные категории систематизируются в когнитивные модели, или сценарии, среди которых одна (один), как правило, является прототипом, а остальные — отступлениями от прототипа. Основой для изучения и моделирования концептов эмоций является анализ лингвистического описания эмоций.

В диссертации рассмотрена концептуализация трех эмоционально-когнитивных комплексов, относящихся к ядру концептуального пространства деструктивности: ненависти, зависти, ревности. Были установлены значительные сходства в концептуализации данных эмоций: оказалось, что набор основных концептуальных метафор гнева, ненависти, зависти и ревности практически идентичен (КОНТЕЙНЕР + ЖАР, ПРОТИВНИК В БОРЬБЕ, ЖИВОЕ СУЩЕСТВО ВНУТРИ ЧЕЛОВЕКА, БЕЗУМИЕ, НОША / БРЕМЯ, БОЛЕЗНЬ). «Внутри» исследуемых концептов наблюдаются существенные различия в количественном соотношении примеров, что может свидетельствовать о различной значимости того или иного образа эмоции в конкретной лингвокультуре. Выявленные сходства в концептуализации рассматриваемых эмоций представляют существенный интерес, их анализ позволил сделать следующие выводы: язык не в состоянии отразить все тонкости физиологических ощущений рассмотренных эмоций; все эмоции, входящие в ядро концептуального пространства деструктивности, имеют общую концептуальную основу. Они характеризуются, прежде всего, кластерностью, и их концептуализация материализует представления человека об агрессии как о некоей спонтанной силе, плохо поддающейся сознательному

контролю. Мы также полагаем, что данные представления не просто являются отраженными представлениями об эмоциях в языке, они с детства *внедряются* языком в обыденное сознание и в какой-то мере определяют коммуникативное поведение в ситуациях деструктивного общения. Так, например, внедренная в наше сознание идея о невозможности сознательного контроля над эмоциями служит оправданием многим деструктивным действиям, включая действия, относящиеся к разряду преступлений. Охотно соглашаясь с тем, что выброс адреналина делает маловероятной возможность контроля, например, над яростью, мы все же осмелимся утверждать, что многие деструктивные действия удалось бы предотвратить, если бы в основе концептуализации деструктивных эмоций лежало представление о них как о силе, *управляемой* волей человека.

Результаты анализа концептуализации эмоций ненависти, зависти и ревности показывают, что в языковой картине мира данных эмоций представлено в основном отражение невербальных процессов: физиологических процессов, сопровождающих переживание эмоции (повышение температуры, кровяного давления, нарушение точности восприятия и др.), и сопряженных с ними физических проявлений эмоции (нарастание физической активности, выражения лица, жестика и пр.), т.е. вербальная концептуализация деструктивных эмоций представляет собой в первую очередь их знаковую соматическую фиксацию, которая связана как с лицом, так с другими частями тела человека.

Систематизация практического материала по репрезентации невербального выражения рассматриваемых эмоций позволила выявить их невербальные стереотипы (мимические, жестовые, пантомимические, проксемические и паралингвистические), которые являются отражением невербальной концептуализации деструктивных эмоций.

Отдельно были проанализированы отраженные в текстах условия актуализации деструктивного поведения человека в общении. За исключением вербального оскорбления в различных его ипостасях все они относятся к категории невербальных (высокая температура окружающей среды, страх

жертвы, влияние кино и телевидения (что относится к более общему фактору «заражения агрессией»), наличие оружия, а также пространственный фактор (вторжение на личную территорию индивида, ощущение тесноты)). Очевидно, что данный список не является полным, и существуют еще факторы эскалации деструктивного поведения, которые предстоит выявить в дальнейшем.

Задача рассмотрения реализации деструктивности в общении решалась, прежде всего, с позиции адресанта (говорящего), которая представлена в исследовании анализом коммуникативных типажей, репрезентирующих деструктивную коммуникативную личность. Деструктивная коммуникативная личность понимается в работе как коммуникативная личность, практикующая деструктивный тип общения, направленный на реализацию коммуникативной цели психологически травмировать собеседника. В диссертации проведен анализ ценностного, познавательного и поведенческого аспектов деструктивной коммуникативной личности. Ценностный план деструктивной коммуникативной личности имеет двойственную структуру: внешний ценностный план состоит в негативной оценке ее действий социумом, внутренний ценностный план — в нарушении моральных и утилитарных норм социума. Когнитивный (познавательный) аспект деструктивной коммуникативной личности включает знания когнитивных схем, соотносящиеся с существующими стереотипами поведения в ситуациях деструктивного общения в определенном социуме, а также эмоциональные концепты деструктивного общения, включая представления о невербальной концептуализации соответствующих эмоциональных состояний. Поведенческий аспект отражает конкретное проявление коммуникативной личности в ситуациях деструктивного общения различных типов, включая цели, стратегии и тактики реализации деструктивных намерений.

Коммуникативный типаж рассматривается как типичный представитель группы коммуникативных личностей, характеризуемый общими признаками коммуникативного поведения, проявляемыми вне зависимости от этнических и социальных характеристик. За основу классификации анализируемых

коммуникативных типажей был взят критерий формы реализации деструктивного поведения, в зависимости от которого были выделены: 1) коммуникативный типаж, ориентированный на открытое деструктивное поведение, — «хам»; 2) коммуникативный типаж, ориентированный на скрытое деструктивное поведение, — «завистник»; 3) коммуникативный типаж, практикующие различные виды деструктивного поведения, — «ревнивец».

В результате анализа специфики коммуникативного поведения данных типажей мы пришли к следующим выводам. Хам — это постоянная характеристика определенного типа конфликтно-агрессивной личности, индивид, отличающийся установкой на открытое оскорбительное поведение, а также осознанием безнаказанности своих действий. Аксиологическая характеристика хама представлена исключительно негативным восприятием его как деструктивного, конфликтного типа личности, причиняющего вред партнеру по общению и получающего от этого определенное моральное удовлетворение. В работе представлен прототипический сценарий коммуникативного поведения хама, а также возможные отклонения от него.

Завистник — индивид, которого отличает деструктивная линия поведения: желание обладать тем, что есть у другого, сопровождается отрицательными эмоциональными вербальными и невербальными проявлениями досады, раздражения, злобы и в конце концов ненависти. Последние два проявления относятся к активным деструктивным эмоциям и способны перевести пассивные эмоциональные состояния завистника в открытые деструктивные действия как вербального, так и невербального плана. Однако практический материал исследования показал, что в большинстве случаев завистник прибегает к косвенным и скрытым формам деструктивного поведения, что позволяет на настоящем этапе исследования отнести его к коммуникативным типажам, практикующим преимущественно скрытое деструктивное поведение. Аксиологическая характеристика завистника представлена восприятием его как деструктивного типа личности, негативно воздействующего не только на межличностные отношения, но и на собственное «Я». В результате анализа

афористических высказываний в концептуальной структуре зависти было выявлено наличие положительной оценки, что позволяет высказать предположение о том, что, несмотря на то, что коммуникативный типаж «завистник» является ярким проявлением деструктивной коммуникативной личности, его роль в социуме не может быть квалифицирована как однозначно отрицательная. Данное положение носит характер гипотезы, требует дальнейшего рассмотрения и может быть отнесено к ближайшим перспективам исследования.

Ревнивец — индивид, неуверенный в себе и в своем партнере, сомневающийся в его верности и способный на агрессивные действия как косвенного, так и прямого характера. Аксиологическая характеристика ревнивца однозначно отрицательная. Внутри данного коммуникативного типажа возможно выделение двух подтипов: активного и пассивного ревнивца. Первый подтип проявляется в агрессивных действиях преимущественно открытого типа. В его коммуникативном поведении было выделено два этапа: «этап скрытой агрессивности» и «этап открытой агрессивности». На первом этапе проявления агрессии носят косвенный и, как правило, невербальный характер, используется враждебная тактика эмоционального воздействия, которую можно назвать тактикой создания *эмоциональной напряженности*, или тактикой *эмоционального давления*. Далее поведение ревнивца приобретает открытый агрессивный характер, при этом как объект ревности, так и соперник могут стать объектами как вербальной, так и физической агрессии. В целом активный ревнивец реализует в общении стратегию унижения партнера посредством использования различных тактик манипулирования (упрек, прерывание контакта (молчание), эмоциональное давление, демонстрация обиды) и тактик вербальной и невербальной агрессии (угроза, оскорбление, возмущение, издевательство, злопожелание). Коммуникативное поведение пассивного ревнивца отличается отсутствием проявлений открытой агрессии, используется, например, прием «вопросов-ловушек». Как активная, так и пассивная ревность может привести к трагическим последствиям, а именно к

проявлениям открытой физической агрессии или к тяжелым соматическим расстройствам. В целом же коммуникативное поведение ревнивца направлено на унижение и зачастую на уничтожение партнера, что позволяет однозначно квалифицировать его как деструктивную коммуникативную личность.

Рассмотренный в рамках коммуникативного типажа «ревнивец», коммуникативный типаж «злая свекровь» является одним из вариантов лингвокультурного концепта «свекровь». «Злая свекровь» — это женщина, мать мужа, мотивационной основой коммуникативного поведения которой выступает эмоционально-когнитивный комплекс ревности, трансформирующийся в эмоционально-когнитивный комплекс ненависти. В общении с невесткой «злая свекровь» использует практически все существующие тактики вербальной и невербальной агрессии: манипулятивные тактики упрека, возмущения, отказа от общения, прерывания, давления, апелляции к чувствам сына; тактики вербальной агрессии — тактики оскорбления, возмущения, намека, критики, издевки, провокации. Также «злой свекровью» используются тактики дистанцирования и игнорирования, не относящиеся по определению к деструктивным, но в общем контексте негативно окрашенного эмоционального общения приобретающие деструктивный заряд. Таким образом, «злой свекровью» реализуется основная стратегия деструктивного общения — стратегия на унижение и моральное уничтожение невестки как «внутрисемейного врага», что позволяет квалифицировать общение «злая свекровь — сноха» как деструктивное и отнести типаж «злая свекровь» к деструктивному типу коммуникативной личности.

В рамках исследования коммуникативного поведения деструктивной коммуникативной личности были также проанализированы коммуникативные стратегии и тактики, выделены тактики, специфичные для деструктивного типа общения. Анализ практического материала показал, что генеральная когнитивная стратегия деструктивного общения есть стратегия, направленная на психоэмоциональное «уничтожение» противника, стратегия собственного



возвышения за счет унижения партнера по общению, и все коммуникативные действия в ситуациях деструктивного общения направлены на ее реализацию. С учетом вектора направленности на партнера по коммуникации (действия говорящего в деструктивном общении по определению направлены против собеседника) основная стратегическая линия коммуникации получила название конфронтационной. Вспомогательными стратегиями по отношению к основной выступают инвективная стратегия и стратегия манипулирования, каждая из которых обладает определенным набором тактик.

Тактиками, специфичными для деструктивной коммуникативной личности, признаны тактика хамства и тактика коммуникативного садизма. Коммуникативный садизм является сложной комбинированной тактикой деструктивного общения, включающей в себя приемы / тактики открытой (оскорбления, издевки, угрозы (в том числе физической расправы)) и скрытой (систематическое уничижительное давление без открытого проявления враждебных эмоций) вербальной агрессии, открытой и скрытой невербальной агрессии (молчание, отказ разговаривать, мимические и кинетические жесты, различные невербальные действия, за исключением физической атаки). Положительная эмоциональная реакция коммуникативного садиста оценивается исходя из невербальных проявлений испытываемых эмоций удовольствия и удовлетворения.

Хамство рассматривается не только как явление, широко распространенное в современном российском обществе, но и как эффективная тактика деструктивного общения, в которой главной коммуникативной целью выступают оскорбление и унижение адресата. Хамство представляет собой сложную комбинированную коммуникативную тактику, в которой задействованы приемы прямой и косвенной вербальной и невербальной агрессии (оскорбление, угроза, возмущение, злопожелание, игнорирование и др.).

Анализ деструктивного общения в аспекте новейшей отрасли языкознания —эмотивной лингвоэкологии — показал, что с позиции адресанта

как деструктивное общение может быть расценено как амбивалентно-экологичное, т.к., несмотря на общее негативное воздействие на личность субъекта общения, оно вызывает катарсис деструктивных эмоций, тем самым способствуя освобождению (реальному или воображаемому) от нервного напряжения и вызывая у субъекта чувство удовлетворения. Но для адресата деструктивность в коммуникации всегда неэкологична, так как в процессе деструктивного общения всячески умаляется личностная значимость коммуникативного партнера, что негативно сказывается на его психоэмоциональном здоровье.

В результате проведенного исследования удалось доказать основную гипотезу и решить поставленные задачи. Необходимо отметить, что вопросы, связанные с теорией и практикой деструктивной коммуникации, относятся к актуальным проблемам современной лингвистики и требуют дальнейшего изучения.

Перспективой проведенного исследования может стать изучение деструктивности в политическом, массмедийном, юридическом и других дискурсах, а также дальнейшее изучение языковых средств скрытого деструктивного общения. Интересным и социально значимым является изучение коммуникативных типажей, репрезентирующих деструктивную коммуникативную личность в различных типах дискурса.

Отдельная перспектива работы связана с дальнейшим, более детальным изучением метафоричности эмоциональных жестов, которая до настоящего времени не подвергалась систематическому исследованию.

Несомненный интерес представляет изучение деструктивного общения в лингвокультурологическом и сравнительно-сопоставительном аспектах.

Логичным продолжением данного исследования может стать дальнейшая разработка проблемы эмотивной (не)экологичности деструктивного общения, включая выработку практических рекомендаций по противодействию деструктивным коммуникативным тактикам.

## Библиография

1. Аверкиева, М.С. Семантическое и концептуальное пространства русского этикета: автореф. дис. ... канд. филол наук: 10.02.19 / Мария Сергеевна Аверкиева. — Екатеринбург, 2009. — 22 с.
2. Агрессия в языке и речи: сб. ст. / Рос. гос. гуманитарный ун-т, Ин-т лингвистики; сост. и отв. ред. И.А. Шаронов. — М.: РГГУ, 2004. — 281 с.
3. Алейникова, Т.В. Влечение к деструкции: норма или патология? биологические или психологические основы? возможные нейрофизиологические механизмы [Электронный ресурс] / Т.В. Алейникова. — Режим доступа: <http://psychoanalyse.narod.ru/aleyniko.htm>.
4. Александровская, Э.М. Психологическое сопровождение школьников: учебное пособие / Э.М. Александровская, Н.И. Кокуркина, Н.В. Куренкова. — Москва: Академия, 2002. — 208 с.
5. Алтыбаева, Е.В. Категория оптативности в современном русском языке: монография / Е.В. Алтыбаева. — М.: МГОУ, 2002, — 230 с.
6. Андреева, О. Музыкальные инструменты в русских сказках [Электронный ресурс] / О.Андреева. — Режим доступа: <http://coru-www.novsu.ac.ru/chelo/9/andreeva/skazki.htm>.
7. Андриянов, В.В. Сравнительная характеристика жестов русских и французов / В.В. Андриянов // Национально-культурная специфика речевого поведения. — М., 1977. — С. 260—268.
8. Анохин, П.К. Эмоции / П.К. Анохин // Психология эмоций. Тексты. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — С.172—177.
9. Антология концептов: сб. ст. / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 5. — Волгоград: Парадигма, 2007. — 332 с.
10. Антология концептов: сб. ст. / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 4. — Волгоград: Парадигма, 2006. — 357 с.
11. Антология концептов: сб. ст. / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 1. — Волгоград: Парадигма, 2005. — 348 с.

12. Ануфриев, А.Е. Характер конфликта в романе Ю. Олеши «Зависть» / А.Е. Ануфриев // Русский человек на изломе эпох в отечественной литературе : сб. ст. по материалам Междунар. лит.-образоват. форума, [17—19 мая 2007 г. / отв. ред.: К.С. Лицарева]. — Киров: Изд-во Вятского гос. гуманит. ун-та, 2007. — С. 37—40.
13. Апресян, В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. — 1993. — № 3. — С. 27—35.
14. Аристотель. Никомахова этика. [Электронный ресурс] / Аристотель. — Режим доступа: [http://www.philosophy.ru/library/aristotle/nic\\_ethic.html](http://www.philosophy.ru/library/aristotle/nic_ethic.html).
15. Аристотель. Поэтика / Аристотель // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. — Минск: Литература, 1998. — С. 1064—1112.
16. Арутюнова, Н.Д. Введение / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Ментальные действия. — М.: Наука, 1993. — С. 3—6.
17. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С.5—33.
18. Арутюнова, Н.Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры / Н.Д. Арутюнова // Res Philologica. — М., Л.: Наука, 1990. — С. 77—88.
19. Арутюнова, Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) / Н.Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. — М.: Наука, 1979. — С. 147—173.
20. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. — М.: Языки русской культуры, 1999. — I—XV. — 896 с.
21. Архангельский, Л.М. Социально-этические проблемы теории личности / Л. М. Архангельский. — М.: Мысль, 1974. — 221 с.
22. Архангородский, М. Хамство как феномен девиантной личности [Электронный ресурс] / М. Архангородский. — Режим доступа: <http://hpsy.ru/public/x5020.htm>.
23. Асмолов, А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии / А.Г. Асмолов. — М.: Смысл, 2002. — 480 с.

24. Аткинсон, Р.Л. Введение в психологию / Р.Л. Аткинсон., Р.С. Аткинсон, Э.Е. Смит, Д.Дж. Бем, С. Нолен-Хоэксема; под общ. ред. В.П. Зинченко. — 15е междунар. изд. — Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2007. — 816 с.
25. Бабенко, Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л.Г. Бабенко. — Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. — 184 с.
26. Бабушкин, А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А.П. Бабушкин. — Воронеж, 2001. — 86 с.
27. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. — 394 с.
28. Баранов, А.Н. Постулаты когнитивной семантики / А.Н. Баранов // Изв. РАН. Серия лит-ры и языка. — 1997. — № 1. — С. 11—21.
29. Барсукова, Е.В. Языковая личность как категория исторической культурологии (на материале «Архива князя Воронцова»): автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Елена Викторовна Барсукова. — М., 2007. — 22 с.
30. Барт, Р. Лингвистика текста / Р. Барт // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — Вып.8. — С. 442—449.
31. Бахтин, М.М. Торжество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. — М.: Художественная литература, 1965. — 528 с.
32. Беликов, А.П. Функциональное взаимодействие речи и жеста (инструментальное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Авенир Павлович Беликов. — М, 1991. — 16 с.
33. Белоус, Н.А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Наталья Анатольевна Белоус. — Краснодар, 2008. — 48 с.
34. Бельчиков, Ю.А. Инвективная лексика в контексте некоторых традиций в современной русской речевой коммуникации / Ю.А. Бельчиков // Филологические науки. — 2002. — № 4. — С. 66—77.

35. Бердяев, Н.А. О русской философии / Н.А. Бердяев; сост., вступ. ст. и примеч. Б.И. Емельянова, А.И. Новикова. — Ч. 1. — Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. — 288 с.
36. Беседы с Жаном Пиаже. Беседа шестая (Май-июнь, 1969): Знание и аффективность [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.psychology.ru/library/Jean\\_Piaget/conversations/06.stm](http://www.psychology.ru/library/Jean_Piaget/conversations/06.stm).
37. Беспмятнова, Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Галина Николаевна Беспмятнова. — Воронеж, 1994. — 19 с.
38. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры.— М.: Прогресс, 1990. — С.153—172.
39. Богин, Г.И. Типология понимания текста: учеб. пособие / Г.И. Богин. — Калинин: КГУ, 1986. — 87 с.
40. Богин, Г.И. Концепция языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Георгий Исаевич Богин. — Л., 1982. — 31 с.
41. Бодрийяр, Ж. Город и ненависть [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр. — 1997. — Режим доступа: [http://www.gumer.info/bogoslov\\_Buks/Philos/Bodr/Gor\\_Nas.php](http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bodr/Gor_Nas.php).
42. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 18—36.
43. Бондаренко, О.Р. Психологическое консультирование: зависть и психическое здоровье / О.Р. Бондаренко, У. Лукан // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2008. — № 2. — С. 265—273.
44. Борисова, И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / И.Н. Борисова // Русская разговорная речь как явление городской культуры; под. ред. Т.В. Матвеевой. — Екатеринбург: АРГО, 1996. — С.21—48.
45. Бороденко, М.В. «Языковая» личность / М.В. Бороденко // Культурно-историческая психология развития. — М., 2001. — С. 211—214.

46. Бринев, К.И. Проблема экспертной оценки оскорбления. Оскорбление в правосознании лингвиста. Оскорбление как речевой акт [Электронный ресурс] / К.И. Бринев // Мат. интернет-конференции «Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология» 2010. — Режим доступа: [http://konference.siberia-expert.com/publ/doklad\\_s\\_obsuzhdeniem\\_na\\_sajte/brinev\\_k\\_i\\_problema\\_ehksperтно\\_j\\_ocenki\\_oskorblenija\\_oskorblenie\\_v\\_pravosoznanii\\_lingvista\\_oskorblenie\\_kak\\_rechevoj\\_akt/2](http://konference.siberia-expert.com/publ/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/brinev_k_i_problema_ehksperтно_j_ocenki_oskorblenija_oskorblenie_v_pravosoznanii_lingvista_oskorblenie_kak_rechevoj_akt/2).
47. Буева, Л.П. Человек: деятельность и общение / Л.П. Буева. — М.: Мысль, 1978. — 216 с.
48. Бутовская, М.Л. Агрессия и примирение как проявление социальности у приматов и человека [Электронный ресурс] / М.Л. Бутовская // Общественные науки и современность. — 1998. — № 6. — Режим доступа: <http://ethology.ru/library/?id=42>.
49. Быдина, И.В. Движение эмотивной семантики поэтического слова (на материале поэзии А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Н. Матвеевой): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ирина Викторовна Быдина. — Волгоград, 1994. — 217 с.
50. Бэрн, Р. Агрессия / Р. Бэрн, Д. Ричардсон. — С.-Пб.: Питер, 1997. — 336 с.
51. Вайман, С.Т. Парасловесный диалог / С.Т. Вайман // Филологические науки. — 1980. — № 2. — С.37—44.
52. Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер; пер. с нем. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 232 с.
53. Василик, М.А. Основы теории коммуникации / М.А. Василик, М.С. Вершинин, В.А. Павлов [и др.]. — М.: Гардарики, 2006. — 615 с.
54. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева, под ред. Т.В. Булыгиной. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 780 с.
55. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — М.: Русские словари, 1996. — 416 с.

56. Вилюнас, В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций / В.К. Вилюнас // Психология эмоций. Тексты. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — С. 3—28.
57. Винарская, Е.Н. К проблеме базовых эмоциональных концептов / Е.Н. Винарская // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2001. — № 2. — С. 12—16.
58. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. — М.: Наука, 1980. — 358 с.
59. Витт, Н.В. Выражение эмоциональных состояний в речевой интонации: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Надежда Владимировна Витт. — М., 1965. — 19 с.
60. Владыкина, Т. Сейчас взорвусь! / Т. Владыкина // Российская газета. — 10.12.2013. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/12/10/portret.html>.
61. Вовк, Н.Н. Языковая метафора в разговорной речи (природа вторичной номинации) / Н.Н. Вовк. — Киев: Наукова Думка, 1986. — 140 с.
62. Волкова, О.С. Коммуникативная ситуация «конфликт»: стратегии развития и прагмалингвистические характеристики / О.С. Волкова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. — 2008. — №73. — С. 114—120.
63. Волошин Ю.К. Коммуникация и слэнг [Электронный ресурс] / Ю.К. Волошин // Электронный журнал «Педагогический университетский вестник Алтай». — № 4. — 2002. — Режим доступа: [http://www.uni-altai.ru/Journal/vestnik/ARNIW/N4\\_2002/1\\_sekz/voloschkin.pdf](http://www.uni-altai.ru/Journal/vestnik/ARNIW/N4_2002/1_sekz/voloschkin.pdf).
64. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. — М.: Наука, 1985. — 232 с.
65. Воркачев, С.Г. Безразличие vs презрение / С.Г. Воркачев // Вопр. языкознания. — 1992. — №1. — С. 79—86.
66. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64—72.



67. Воркачев, С.Г. Этносемантика паремии: сопоставительный анализ метафоризированных показателей безразличия в русском и испанском языках / С.Г. Воркачев // Языковая личность: культурные концепты. — Волгоград: Перемена, 1996. — С.16—25.
68. Ворожбитова, А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление: учебное пособие / А.А. Ворожбитова; 2-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 2005. — 367 с.
69. Воронцова, Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: автореф. ... дис. д-ра филол. наук: 10.02.19 / Татьяна Александровна Воронцова. — Челябинск, 2006. — 43 с.
70. Высокий уровень тестостерона не является причиной агрессии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feministki.livejournal.com/1204744.html>.
71. Вычужанина, А.Ю. Роль цветообозначений в передаче эмоциональных концептов поэтического когнитивного пространства: на материале произведений С.А. Есенина и Д.Г. Лоуренса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Анна Юрьевна Вычужанина. — Тюмень, 2009. — 249 с.
72. Гавел, В. Ненависть: обида на весь мир [Электронный ресурс] / В. Гавел. — Режим доступа: <http://www.aquarun.ru/psih/probl/probl18.html>.
73. Гак, В.Г. Метафора: универсальное и специфическое / В.Г. Гак // Метафора в языке и тексте. — М., 1988. — С. 11—26.
74. Галичев, А.И. Кинетический и проксемический компоненты речевого общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Александр Иванович Галичев. — М., 1987. — 22 с.
75. Ганина, В.В. Невербальные компоненты коммуникации, отражающие эмоциональные реакции человека: гендерный аспект (на материале англоязычных художественных текстов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Вера Владимировна Ганина. — Иваново, 2005. — 199 с.
76. Гелен, А.О систематики антропологии / А.О. Гелен // Проблема человека в западной философии. — М.: Прогресс, 1988. — С. 152—302.

77. Гильдебранд, Д. фон. Метафизика любви [Электронный ресурс] / Д. фон Гильдебранд. – Режим доступа: [http://krotov.info/library/04\\_g/il/debrand\\_12.htm](http://krotov.info/library/04_g/il/debrand_12.htm).
78. Глаголев, Н.В. Ситуация — фраза — жест / Н.В. Глаголев // Лингвистика и методика в высшей школе: сб. тр. — МГПИИЯ им. М.Тореза. — Вып. УП. — 1977. — С. 63—76.
79. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Электронный ресурс] / Т. Гоббс. — Режим доступа: <http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt>.
80. Голев, Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н.Д. Голев // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: межв. сб. научн. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. — С. 11—58.
81. Горбаневский, М.В. Словом можно убить, словом можно спасти / М.В. Горбаневский // Русская речь, 2003. — №6. — С.52—67.
82. Гордон, А. Нейробиологические механизмы агрессии [Электронный ресурс] / А. Гордон. — Режим доступа: <http://ralimurad.narod.ru/lib/gordon/neurobioagr/index.html>.
83. Горелов, И.Н. Невербальные компоненты коммуникации / И.Н. Горелов. — М.: Наука, 1980. — 104 с.
84. Горелов, И.Н. Паралингвистика: прикладной и концептуальный аспекты / И.Н. Горелов // Национально-культурная специфика речевого поведения. — М.: Наука, 1977. — С.96—114.
85. Горелов, И.Н. Соотношение невербального и вербального в коммуникативной деятельности / И.Н. Горелов // Исследование речевого мышления в психолингвистике. — М.: Наука. 1985. — С.116—150.
86. Гормон смеха [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/2008/01/14/cnews/313070>.
87. Городникова, М.Д. Эмоциональные кинемы и их номинации в тексте / М.Д. Городникова // II сб. науч. тр. МГПТТЯ. Вып. 141: Лингвистика текста. — М., 1979. — С. 85—95.

88. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / Д. Гоулман. — М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2008. — 478 с.
89. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. — М.: Прогресс, 1985. — Вып. 16. — С. 217—237.
90. Гришина, Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина; 2-е изд. — СПб.: Питер, 2008. — 544 с.
91. Гройсман, А.Л. Клиническая психология, психосоматика и психопрофилактика / А.Л. Гройсман. — М.: Магистр-пресс, 2002. — 452 с.
92. Гудков, Д.Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. — Изд-во URSS, 2007. — 288 с.
93. Гудков, Л.Д. Метафора и рациональность / Л.Д. Гудков. — М.: Русина, 1994. — 430 с.
94. Гуревич, Л.С. Метакоммуникативные предикаты через призму когнитивного пространства коммуниканта / Л.С. Гуревич // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2008. — № 2. — С. 32—38.
95. Гусейнов, А.А. Понятие насилия [Электронный ресурс] / А.А. Гусейнов // Философия, наука, цивилизация. — М., 1999. — Режим доступа: <http://guseinov.ru/publ/nasilie.html>.
96. Давыдов, М.В. Паралингвистические функции сверхсегментных средств английского языка в сопоставлении с русским: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.В. Давыдов. — М., 1965. — 18 с.
97. Даньковский, Х. Словесная агрессия / Х. Даньковский // Наука и жизнь. — 1995.—№ 6. — С. 34—57.
98. Дарвин, Ч. Выражение эмоций у человека и животных / Ч. Дарвин // Хрестоматия по психологии. — М., 1977. — С. 289—297.
99. Девкин, В.Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика / В.Д. Девкин. — Москва: «Международные отношения», 1979. — 257 с.
100. Дейк, Т.А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк; пер. с англ. — М.: Прогресс, 1989. — 312 с.

101. Дементьев, В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. — М.: Гнозис, 2006. — 376 с.
102. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопр. языкознания. — 1994. — № 4. — С. 17—34.
103. Джампольски, Дж.Д. Любовь побеждает страх / Дж.Д. Джампольски. — Москва: Профиздат, 1991. — 128 с.
104. Динсмор, Дж. Ментальные пространства с функциональной точки зрения / Дж. Динсмор // Язык и интеллект. — М.: Прогресс, 1995. — С. 385—411.
105. Дмитриева, О.А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Ольга Александровна Дмитриева. — Волгоград, 2007. — 374 с.
106. Добренъков, В.И. Психоаналитическая социология Эриха Фромма / В.И. Добренъков. — М.: Альфа-М, 2006. — 448 с.
107. Добрович, А.Б. До-сознательное и психопатология: очерки расстройств душевной жизни / А.Б. Добрович. — Самара Бахрах-М, 2010. — 415 с.
108. Добровольская, Е.В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Елена Валерьевна Добровольская. — Томск, 2005. — 24 с.
109. Довлатов, С.Д. Это неперебиваемое слово «хамство» [Электронный ресурс] / С.Д. Довлатов. — Режим доступа: <http://www.sergeidovlatov.com/books/etoneper.html>.
110. Доронина, С.В. Инвективная функция насмешки и проблема ее экспертной оценки / С.В. Доронина // Юрислингвистика—3: Проблемы юрислингвистической экспертизы. — Барнаул, 2002. — С. 75—85.
111. Достоевский, Ф.М. Дневник писателя: Избранные страницы / Ф.М. Достоевский; авт. вступ. ст. и коммент. Б.Н. Тарасов. — М.: Современник, 1989. — 557 с.

112. Дружинина, К.М. Языковое представление улыбки как компонента коммуникации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кира Михайловна Дружинина. — Ростов-на-Дону, 2011. — 213 с.
113. Дубровский, Д.В. Язык вражды в русскоязычном Интернете: материалы исследования по опознаванию текстов ненависти / Д.В. Дубровский, О.В. Карпенко, Е.Ю. Кольцова, Ф.И. Торчинский, Л.Л. Шпаковская. — Спб., 2003. — 72 с.
114. Дубровский, Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность / Д.И. Дубровский. — М.: Канон, 2002. — 368 с.
115. Дьюсбери, Д. Поведение животных. Сравнительные аспекты / Д. Дьюсбери. — М.: Мир, 1981. — 480 с.
116. Еремеева, Н.Ф. Концептуальное пространство английской народной сказки: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Наталья Федоровна Еремеева. — Черкассы, 1997. — 193 с.
117. Еремеева, О.А. О понятии «языковая личность» / О.А. Еремеева // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. — Харьков, 1991. — Вып. 1. — ч. 2. — С. 5—9.
118. Ефремов, В.А. Теория концепта и концептуальное пространство / В.А. Ефремов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2009. — № 104. — С. 96—106.
119. Железанова, Т.Т. Номинация паралингвистических явлений в современном немецком языке. дис. ... канд. филол. наук: / Татьяна Трифионовна Железанова. — М., 1982. — 176 с.
120. Жельвис, В.И. Брань в зеркале права: взгляд из Америки / В.И. Жельвис // Юрислингвистика—5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права; под ред. Н.Д. Голева. — Барнаул, 2004. — С. 5—18.
121. Жельвис, В.И. Инвективная стратегия как национально-специфическая характеристика / В.И. Жельвис // Этнопсихоллингвистика. — М.: Наука, 1988. — С. 98—108.

122. Жельвис, В.И. Некоторые эмоциогенные особенности инвективного общения / В.И. Жельвис // Язык и эмоции. — Волгоград: Перемена, 1995.— С. 15—24.
123. Жельвис, В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В.И. Жельвис. — М.: Ладомир, 2001. — 349 с.
124. Жельвис, В.И. Психолингвистическая интерпретация инвективного воздействия: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Владимир Ильич Жельвис. — М., 1991. — 352 с.
125. Жельвис, В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия / В.И. Жельвис // Юрислингвистика—2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. — Барнаул, 2000.. — С. 194—206.
126. Жинкин, Н.И. Развитие письменной речи учащихся III—VII классов / Н.И. Жинкин // Психология усвоения грамматики, орфографии и развития письменной речи; под ред. Д.Н. Богоявленского. — Известия АПН РСФСР. — Вып. 78. — М., 1956. — С. 141—256.
127. Залевская, А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды / А.А. Залевская. — М.: Гнозис, 2005. — 543 с.
128. Заложная, И.В. Имплицитная инвектива в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ирина Васильевна Заложная. — Ставрополь, 2011. — 216 с.
129. Захаров, А.И. Происхождение детских неврозов и психотерапия / А.И. Захаров. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. — 448 с.
130. Зеленина, О.Г. Способы вербализации концепта «ЗАВИСТЬ» в типологически дистантных языках [Электронный ресурс] / О.Г. Зеленина. — Режим доступа: [http://yaneuch.ru/cat\\_03/sposoby-verbalicii-koncepta-zavistv/43864.1280893.page1.html](http://yaneuch.ru/cat_03/sposoby-verbalicii-koncepta-zavistv/43864.1280893.page1.html).
131. Золотарёва, Ю.А. Языковые преступления в аспекте общенаучной, конкретно-научной и специальной методологии [Электронный ресурс] / Ю.А. Золотарева // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. — 2007. — № 45. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-prestupleniya-v-aspekte>

obschenauchnoy-konkretno-nauchnoy-i-spetsialnoy-metodologii.

132. Зыховская, Н.Л. Ольфакторная агрессия в художественном тексте / Н.Л. Зыховская // Речевая агрессия в современной культуре: Сб. науч. тр. — Челябинск, 2005. — С. 196—203.

133. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности / Е.В. Иванцова. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. — 312 с.

134. Игнатова, А.М. Роман Ю.К. Олеси «Зависть»: история создания: опыт научного комментария: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Айтен Мухтаровна Игнатова. — М., 2006. — 24 с.

135. Изард, К. Эмоции человека / К. Изард. — М.: Изд-во МГУ, 1980. — 440 с.

136. Ильин, Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. — С.-Пт: Питер, 2001. — 752 с.

137. Ильинова, Е.Ю. Эмоциональный интеллект и ироничный идиостиль как основа коммуникативной терапии / Е.Ю. Ильинова // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр.; науч. ред. проф. В.И. Шаховский. — Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. — С. 337—347.

138. Иоанн Златоуст. Беседы о статуях [Электронный ресурс] / Иоанн Златоуст. — Режим доступа: <http://www.ccel.org/contrib/ru/Zlat21/Statues15.htm> (а).

139. Иоанн Златоуст. О Зависти [Электронный ресурс] / Иоанн Златоуст. — Режим доступа: [http://azbyka.ru/otechnik/?Ioann\\_Zlatoust/vyborki=17](http://azbyka.ru/otechnik/?Ioann_Zlatoust/vyborki=17) (б).

140. Ионова, С.В. Признаки экологичности и проблема их выделения в лингвоэкологии / С.В. Ионова // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр.; науч. ред. проф. В.И. Шаховский. — Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. — С.89—97.

141. Ионова, С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Светлана Валентиновна Ионова. — Волгоград, 1998. — 14 с.

142. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с.
143. Каган, М.С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений / М.С. Каган. — М.: Политиздат, 1988. — 315 с.
144. Кадачиева, Х. М. Когнитивная структура эмоции гнева в английском и даргинском языках / Х.М. Кадачиева, П.М. Омарова // Вестник ЧЕЛГУ. — 2009. — № 34 (172). — Филология. Искусствоведение. — Вып. 36. — С. 52—60.
145. Калинина, Е. Роль вещей в романе Ю.Олеси «Зависть» / Е. Калинина // Актуальные проблемы литературоведения. — М., 1997. — Вып. 2. — С. 88—91.
146. Капанадзе, Л.А. Способы выражения оценки в устной речи / Л.А. Капанадзе // Разновидности городской устной речи. — М., 1988. — С. 151—156.
147. Каразия, Н.А. Лингвопрагматическое исследование конфликтного дискурса / Н.А. Каразия // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. — 2006. — №2. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/lingvopragmaticheskoe-issledovanie-konfliktного-diskursa>.
148. Кара-Мурза, Е.С. «Дева обида» политического дискурса: речевые преступления в парадигме лингвистической эмотиологии / Е.С. Кара-Мурза // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. — С. 253—272.
149. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. — М.: Эксмо, 2009. — 864 с.
150. Карасев, Л.В. Философия смеха / Л.В. Карасев. — М.: РГГУ, 1996. — 224 с.
151. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. — Волгоград: Перемена, 1996. — С. 3—16.
152. Карасик, В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. — Волгоград: Перемена, 2000. — С. 5—20.



153. Карасик, В.И. Постулаты коммуникативной лингвистики / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Межкультурная коммуникация: концепты и модели поведения. — Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. — С. 101—105.
154. Карасик, В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. — М., 1992. — 330 с.
155. Карасик, В.И. Языковая матрица культуры / В.И. Карасик. — Волгоград: Парадигма, 2012. — 448 с.
156. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002 — 477 с.
157. Карасик, В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. — Волгоград: Парадигма, 2007. — 520 с.
158. Карасик, В.И., Чудак как типаж английской лингвокультуры / В.И. Карасик, Е.А. Ярмахова // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения. — Волгоград, 2003. — С. 52—62.
159. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. / Ю.Н. Караулов. — М., 1987. — 263 с.
160. Карякин, А.В. Стратегемно-тактические способы реализации речевой агрессии в политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Александр Вячеславович Карякин. — Волгоград, 2010. — 163 с.
161. Катенева, И. Г. Механизмы и языковые средства манипуляции в текстах СМИ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ирина Геннадьевна Катенева. — Новосибирск, 2010. — 250 с.
162. Кахиани, С.Н. Экспрессивность лица человека / С.Н. Кахиани, З.Н. Кахиани, Д. Асатиани. — Тбилиси: Генатлеба, 1978. — 98 с.
163. Кашкин, В.Б. Введение в теорию коммуникации: учебное пособие / В.Б. Кашкин. — Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. — 175 с.
164. Кедрова, Е.Я. Вербальное обозначение жестов персонажей при передаче прямой речи в художественном тексте (на материале прозы А.П.Чехова):

- автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Елена Яковлевна Кедрова. — Ростов-на-Дону, 1980. — 29 с.
165. Кернберг, О. Агрессия при расстройствах личности и перверсиях / О. Кернберг. — М.: Независимая фирма «Класс», 1998. — 368 с.
166. Клюканов, И.Э. Языковая личность и интегральные смысловые образования / И.Э. Клюканов // Язык, дискурс и личность. — Тверь, 1990. — С. 69—73.
167. Кляйн, М. Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников / М. Кляйн. — СПб: Б.С.К., 1997. — 96 с.
168. Козинцев, А.Г. Человек и смех [Электронный ресурс] / А.Г. Козинцев. — Режим доступа: [http://www.krotov.info/lib\\_sec/11\\_k/koz/inzev\\_04.htm](http://www.krotov.info/lib_sec/11_k/koz/inzev_04.htm).
169. Кокина-Славина, Т. Хамите, парниша! Как не стать жертвой психологической агрессии и не превратиться в хама самому / Т. Кокина-Славина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kokina.ru/art2011-17.htm>.
170. Колосов, В. П. Невротическая депрессия как маска скрытой агрессии // История Сабуровой дачи. Успехи психиатрии, неврологии, нейрохирургии и наркологии / В.П. Колосов // Сборник научных работ Украинского НИИ клинической и экспериментальной неврологии и психиатрии и Харьковской городской клинической психиатрической больницы № 15 (Сабуровой дачи); под общ. ред. И.И. Кутько, П.Т. Петрюка. — Харьков, 1996. — Т. 3. — С. 226—228.
171. Колосов, С.А. Конструирование социальной ненависти в дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Сергей Александрович Колосов. — Тверь, 2004. — 156 с.
172. Колшанский, Г.В. Паралингвистика / Г.В. Колшанский. — М.: Наука, 1974. — 81 с.
173. Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. / Под ред. проф. Е.С. Кубряковой. — Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. — 492 с.
174. Королева, О.П. Прагматика инвективного общения в англоязычном

социуме: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ольга Петровна Королева. — Нижний Новгород, 2002. — 17 с.

175. Кошелев, А.Д. О сущности комического и природе смеха: когнитивный подход [Электронный ресурс] / А.Д. Кошелев. — Режим доступа: [http://www.ruslang.ru/doc/seminar\\_fateeva\\_koshelev2013.pdf](http://www.ruslang.ru/doc/seminar_fateeva_koshelev2013.pdf).

176. Красавский, Н.А. Семантика имен эмоций, функционирующих в разных типах текста / Н.А. Красавский // Язык и эмоции. — Волгоград: Перемена, 1995. — С.142—150.

177. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н.А. Красавский. — Волгоград: Перемена, 2001. — 493 с.

178. Красных, В.В. Свой среди чужих: миф или реальность? / В.В. Красных. — М.: Гнозис, 2003. — 375 с.

179. Красных, В.В. Структура коммуникации в свете лингвокогнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Виктория Владимировна Красных. — М., 1999. — 72 с.

180. Крейдлин, Г.Е. Дисфункции и эмоции / Г.Е. Крейдлин // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: Сборник научных трудов, посвященный 75-летию профессора В.И. Шаховского. — Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. — С. 37—47.

181. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 584 с.

182. Круглова, Т. В. Ревность как мотив совершения преступления и ее уголовно-правовое и криминологическое значение: автореф. дис. ... канд. юридич. наук: 12.00.08 / Татьяна Владимировна Круглова. — М., 2003. — 28 с.

183. Кружков, Г.М. Ностальгия обелисков: литературные мечтания / Г.М. Кружков. — Новое литературное обозрение, 2001. — 704 с.

184. Крысин, Л.П. Язык в современном обществе: книга для внеклассного чтения. VIII-X кл. / Л.П. Крысин. — М.: Просвещение, 1977. — 191 с.

185. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. — М.: Фил. фак-т МГУ, 1996. — 245 с.
186. Кубрякова, Е.С. Научные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопр. языкознания. — № 4. — 1994. — С. 34—47.
187. Кузина, С. Зависть — это не грех, а болезнь мозга [Электронный ресурс] / С. Кузина. — Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/25901/2859253/>.
188. Кузнецова, Д.А. Концепт «зависть» и языковая личность А.Б. Мариенгофа [Электронный ресурс] / Д.А. Кузнецова // Вестник ПГЛУ. — 2006. — № 4. — Режим доступа: [http://www.pglu.ru/media/vbook/vestnik/vestnik2006\\_4\\_08.php](http://www.pglu.ru/media/vbook/vestnik/vestnik2006_4_08.php).
189. Куницына, В.Н. Межличностное общение. Учебник для вузов / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша. — СПб.: Питер, 2001. — 544 с.
190. Курий, С. Свекровь — монстр? [Электронный ресурс] / С. Курий. — Режим доступа: <http://ulady.ru/content/view/1017/88888897/>.
191. Кусов, Г.В. Оскорбление как иллюкутивный лингвокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Геннадий Владимирович Кусов. — Волгоград, 2004. — 26 с.
192. Куттер, П. Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей / П. Куттер. — С-Птб.: Б.С.К, 1998. — 115 с.
193. Лабунская, В.А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности / В.А. Лабунская. — Ростов н/Д: Феникс, 2009. — 344 с.
194. Лабунская, В.А. Психология экспрессивного поведения / В.А. Лабунская. — М.: Знание, 1989. — 64 с.
195. Лакофф, Дж. Когнитивное моделирование / Дж. Лакофф // Язык и интеллект. — М.: Прогресс, 1995. — С. 143—184.
196. Лемехов, Ю. Хамство культурное и хамство психологическое [Электронный ресурс] / Ю. Лемехов. — Режим доступа:

<http://www.nevrozovnet.ru/stati-na-razli4nie-temi/xamstvo-kulturnoe-i-xamstvo-psixologicheskoe.html>.

197. Леонтович, О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография / О.А. Леонтович. — М.: Гнозис, 2005. — 352 с.
198. Леонтьев, А.А. Деятельность и общение / А.А. Леонтьев // Вопросы философии, 1979. — № 1. — С. 121—130.
199. Леонтьев, А.А. Психология общения / А.А. Леонтьев. — Тарту: ТГУ, 1974. — 220 с.
200. Лингвокультурные типажи: признаки, характеристики, ценности: коллективная монография / под. ред. О.А. Дмитриевой. — Волгоград: Парадигма, 2010. — 228 с.
201. Линчевский, Э.Э. Как быть с ревностью? [Электронный ресурс] / Э.Э. Линчевский. — Режим доступа: <http://bookre.org/reader?file=359170&pg=3>.
202. Литвак, М.Е. Психологическое айкидо / М.Е. Литвак. — Ростов н/Дону: Феникс, 2008. — 192 с.
203. Литвак, М.Е. Психотерапевтические этюды. Учебное пособие / М.Е. Литвак. — Ростов н/Д.: Изд-во «Пайк», 1996. — 224 с.
204. Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. — 1993. — Т. 52. — № 1. — С. 3—9.
205. Лихачев, Д.С. Экология культуры / Д.С. Лихачев // Прошлое — будущему. — СПб.: Наука, 1985. — С. 50—62.
206. Лоренц, К. Агрессия (так называемое зло); пер. с нем. / К. Лоренц. — М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. — 272 с.
207. Лоренц, К. Обратная сторона зеркала / К. Лоренц. — М.: Республика, 1998. — 497 с.
208. Лукьянова, Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики / Н.А. Лукьянова. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. — 230 с.

209. Лысак, И.В. Человек — разрушитель: деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен / И.В. Лысак. — Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1999. — 55 с.
210. Ляпин, С.Х. Концептология: к становлению подхода / С.Х. Ляпин // Концепты. Научные труды Центрконцепта. — Архангельск: Изд-во Поморского госуниверситета, 1997. — Вып. 1. — С. 11—35.
211. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. — М., 2003. — 280 с.
212. Макарова, Я.О. Семантическое поле биосоциальной подструктуры личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Яна Олеговна Макарова. — Москва, 2009. — 20 с.
213. Маслова, В.А. Онтологические и психолингвистические аспекты экспрессивности текста: дис... д-ра филол. наук / Валентина Авраамовна Маслова. — Минск, 1992. — 451 с.
214. Матвеева, Г.Г. Речевой выбор как прагмалингвистическая категория / Г.Г. Матвеева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 2011. — № 4. — С. 156—159.
215. Матьяш, О.И. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О.И. Матьяш, В.М. Погольша, Н.В. Казаринова, С. Биби, Ж.В. Зарицкая; под науч. ред. О.И. Матьяш. — СПб.: Речь, 2011. — 560 с.
216. Мейнерте, С.Я. Паралингвистические и коммуникативные особенности сценической речи: автореф. дис. ...канд. филол. наук / С.Я. Мейнерте. — М, 1986. — 17 с.
217. Мельниченко, Н. П. Концепт гнев в идиостиле Ф.М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Наталья Петровна Мельниченко. — Елец, 2009. — 213 с.
218. Мендельсон, Э.Д. Зависть [Электронный ресурс] / Э.Д. Мендельсон. — Режим доступа: [http://world.lib.ru/m/mendelxson\\_e\\_d/proshloeibudushee-4.shtml](http://world.lib.ru/m/mendelxson_e_d/proshloeibudushee-4.shtml).

219. Меннинг, О. Поведение животных. Вводный курс / О. Меннинг; пер. с англ. Зориной З.А., Полетаевой И.И.; под ред. и с предисл. Л.В. Крушинского. — М.: Мир, 1982. — 360 с.
220. Меркулова, А.Г. Языковая и концептуальная организация кубанских заговоров: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Анна Геннадьевна Меркулова. — Краснодар, 2006. — 22 с.
221. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. — М.: Энергия, 1979. — 152 с.
222. Мироненко, М.В. Шутник как коммуникативная личность: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Марина Валерьевна Мироненко. — Волгоград, 2005. — 211 с.
223. Москвин, В.П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация: учебное пособие к спецкурсу по стилистике / В.П. Москвин. — Волгоград: «Перемена», 1997. — 91 с.
224. Мудрая, О.В. Функции невербальных компонентов в системе языка (на материале сравнения русского языка с английским): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ольга Васильевна Мудрая. — М., 1995. — 195 с.
225. Муздыбаев, К. Психология зависти / Е. Муздыбаев // Психологический журнал. — М, 1997. — Т.18. — №6. — С. 7—20.
226. Накашидзе, Н.В. Кинесика и ее вербальное выражение в характеристике персонажей художественного произведения (на материале англо-американской прозы XX века): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Нино Валерьяновна Накашидзе. — М., 1981. — 156 с.
227. Налчаджян, А. Агрессивность человека / А. Налчаджян. — СПб.: Питер, 2007. — 736 с.
228. Насау, Д. Когда средний палец стал неприличным жестом [Электронный ресурс] / Д. Насау. — Режим доступа: [http://www.bbc.co.uk/russian/society/2012/02/120111\\_middle\\_finger\\_history.shtml](http://www.bbc.co.uk/russian/society/2012/02/120111_middle_finger_history.shtml).

229. Нейкурс, Л. Гнилое слово убивает не хуже рака [Электронный ресурс] / Л. Нейкурс. — Режим доступа: <http://neikurs.com/stati/gniloe-slovo-ubivaet-ne-huzhe-raka/>.
230. Немец, Г.И. Концептуальное пространство художественного текста: структура и способы представления: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Галина Ивановна Немец. — Краснодар, 2002. — 195 с.
231. Немчинова, А.Л. Понятие человеческой деструктивности: сущность метафизического подхода / А.Л. Немчинова // Вестник АГТУ. — 2005. — № 5 (28). — с.17—26.
232. Нерознак, В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод. — М., 1996. — С. 112—116.
233. Нерознак, В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В.П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. — С. 80—85.
234. Несветайлова, И.В. «Зависть» и «ревность» как эмоциональные концепты русской и английской лингвокультур: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Несветайлова Ирина Валентиновна. — Волгоград, 2010. — 24 с.
235. Никитина, К.В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ :на материале газет США: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ксения Валерьевна Никитина. — Уфа, 2006. — 197 с.
236. Никишина, И.В. Выражение концепта «гнев» в художественной литературе на английском языке / И.В. Никишина // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей; отв. ред. В.В. Красных, А.И. Иотов. — М.: МАКС пресс, 2006. — Вып. 33. — С. 88—96.
237. Никишина, И.В. Понятие концепта «гнев» в современном английском языке / И.В. Никишина // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей; отв. ред. В.В. Красных, А.И. Иотов. — М.: МАКС пресс, 2003. — Вып. 23. — С. 33—37.



238. Николаева, О. В. Теория взаимодействия концептуальных картин мира: языковая актуализация (на материале новозеландского варианта английского языка и языка маори): дис. ... доктора филол. наук: 10.02.20 / Ольга Васильевна Николаева. — Владивосток, 2011. — 451 с.
239. Николаева, Т.М. Языкознание и паралингвистика / Т.М. Николаева, Б.А. Успенский // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. — М.: Наука, 1966. — С.63—74.
240. Николаева, Ю. В. Значение и функции жестов-иллюстраторов в устной речи [Электронный ресурс] / Ю.В. Николаева. — Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/Nikolaeva/Nikolaeva.htm>.
241. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса: монография / А.В. Олянич. — М.: Гнозис, 2007. — 407 с.
242. Опарина, Е. О. Концептуальная метафора / Е.О. Опарина // Метафора в языке и тексте. — М., 1988. — С. 65—77.
243. Орлов, Ю.М. Стыд. Зависть / Ю.М. Орлов; сост. А.В. Ребенок. Серия: Исцеление размышлением, кн. 2. — М.: Слайдинг, 2005. — 96 с.
244. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С.68—81.
245. Ортони, А. Когнитивная структура эмоций / А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз // Язык и интеллект. — М.: Прогресс, 1995. — С. 314—384.
246. Осмоловский, А.В. Хамство. Определение понятия [Электронный ресурс] / А.В. Осмоловский. — Режим доступа: <http://osmolovskiy.livejournal.com/636.html>.
247. Пак, Е. В. Этимология концепта «Гнев» в английском языке / Е.В. Пак // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. — 2009. — №96. — С. 215—218.
248. Панченко, А.М. Смех как зрелище // Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко. Смех в Древней Руси. — Л., 1984. — С. 72—153.
249. Панченко, Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория: монография / Н.Н. Панченко. — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. — 322 с.

250. Папп, Ф. Паралингвистические факты. Этикет и язык // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс. — 1985. — Вып. ХУ. — С. 546—553.
251. Паремужашвили, Э.Э. Речевая агрессия в непрямо́й коммуникации: дис. ... канд филол. наук: 10.02.01 / Эка Элгуджевна Паремужашвили. — Москва, 2013. — 170 с.
252. Певнева, И.В. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Инна Владимировна Певнева. — Кемерово, 2008.— 206 с.
253. Пиз, А. Язык телодвижений / А. Пиз. — Нижний Новгород: «Ай Кью», 1992. — 262 с.
254. Пиотровская, Л.А. Лингвистическая природа эмотивных высказываний (на материале русского и чешского языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Лариса Александровна Пиотровская. — С.-Пб., 1995. — 510 с.
255. Пищальникова, В.А. Эмоциональная доминанта текста: переводческий аспект / В.А. Пищальникова // Эмотивный код языка и его реализация: кол. Монография. — ВГПУ. — Волгоград: Перемена, 2003. — С. 117—120.
256. Платон. Филеб. Государство. Тимей. Критий / Платон.— М. «Мысль», 1999. — 656 с.
257. Плеснер, Х. Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию [Электронный ресурс] / Х. Плеснер. — Режим доступа: <http://elenakosilova.narod.ru/studia/Plessner.htm>.
258. Плотникова, С.Н. Борьба против идентичности: ненависть в свете теории множественности миров / С.Н. Плотникова // Этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. — Иркутск: ИГЛУ, 2008. — С. 97—115.
259. Побегайло, Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними / Э.Ф. Побегайло. — Воронеж, 1965. — 95 с.
260. Позолотин, А.Д. Инвективное обозначение человека как лингвокультурный феномен: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Андрей

- Юрьевич Позолотин. — Волгоград, 2005. — 248 с.
261. Покровская (Волкова), Я.А. Отражение в языке агрессивных состояний челвоека (на материале англо- и русскоязычных художественных текстов: дис. ... канд.филол.наук: 10.02.20 / Яна Александровна Покровская (Волкова). — Волгоград, 1998. — 188 с.
262. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — АСТ, Восток-Запад, 2007. — 315 с.
263. Посадская, Л.А. «Зависть» Ю. Олеши: герои и автор / Л.А. Посадская // Изучение литературы в вузе. — Саратов, 2002. — Вып. 4. — С. 153—166.
264. Поцелуев, С.П. Вербальное насилие в разговорном политическом диалоге: к уточнению понятия / С.П. Поцелуев // Философия права. — 2008.— № 5. — С. 66—70.
265. Пузырев, А.В. Общество, язык, текст и языковая личность в аспекте субстратного подхода к языку / А.В. Пузырев // Общество, язык, личность. — М., 1996. — Вып. 1. — С. 20—23.
266. Пушкин, А.А. Способ организации дискурса и типология языковых личностей / А.А. Пушкин // Язык, дискурс и личность. — Тверь, 1990. — С. 50—60.
267. Райан, В.Ф. Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России / В.Ф. Райан. — М.: Новое литературное обозрение, 2006. — 720 с.
268. Раков, А. О жизнь, нечаянная радость [Электронный ресурс] / А. Раков. — Режим доступа: [http://www.library.pravpiter.ru/book\\_26/22.htm](http://www.library.pravpiter.ru/book_26/22.htm).
269. Раттер, М. Помощь трудным детям / М. Раттер. — М.: Прогресс, 1987. — 424 с.
270. Ревность по Богу // Духовные стороны Христианства – энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://azbyka.ru/tserkov/duhovnaya\\_zhizn/osnovy/pravoslavnaya\\_entsiklopediya\\_139-all.shtml](http://azbyka.ru/tserkov/duhovnaya_zhizn/osnovy/pravoslavnaya_entsiklopediya_139-all.shtml).
271. Ревность признали болезнью мозга [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.utro.ru/articles/2013/01/21/1096203.shtml>.

272. Рейковский, Я. Экспериментальная психология эмоций / Я. Рейковский. — М.: Прогресс, 1979. — 392 с.
273. Ренц, Т.Г. Романтическое общение в коммуникативно-семиотическом аспекте: монография / Т.Г. Ренц. — Волгоград: Изд-во ВОЛГУ, 2011. — 392 с.
274. Реформатский, А. А. Термин как член лексической системы языка / А.А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики. — М., 1967. — С. 103—125.
275. Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации / В. М. Амиров, Л. В. Енина, Н. А. Купина и др. — Екатеринбург: УрГУ, 1997. — 117 с.
276. Рима́н, Ф. Основные формы страха. Исследование в области глубинной психологии [Электронный ресурс] / Ф. Рима́н. — Режим доступа: [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Psihol/Riman/](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Riman/).
277. Романов, А.А. Соматикон: Аспекты невербальной семиотики / А.А. Романов, Ю.А. Сорокин. — М.: ИЯ РАН, ТвГУ, 2004. — 253 с.
278. Ромек, В.Г. Хамство непобедимо? [Электронный ресурс] / В.Г. Ромек // ЧФ: Социальный психолог. — Ярославль, 2004. — №1(7). — Режим доступа: <http://www.romek.ru>.
279. Рубинштейн, С.Л. Эмоции / С.Л. Рубинштейн // Психология эмоций. Тексты. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — С.152—161.
280. Рудкова, К.М. Концепт «оскорбление»: к проблеме взаимодействия юридического и естественных языков / К.М. Рудкова // Юрислингвистика—5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права; под ред. Н.Д. Голева. — Барнаул, 2004. — С. 226—233.
281. Румянцева, Т.Г. Агрессия: проблемы и поиски в западной философии и науке [Электронный ресурс] / Т.Г. Румянцева. — Режим доступа: <http://www.aquarun.ru/psih/agr/agr3.html>.
282. Рюмина, М.Т. Эстетика смеха: смех как виртуальная реальность / М.Т. Рюмина. — М.: Книжный дом «Либроком», 2010. — 320 с.

283. Рябцева, Н. К. Язык и естественный интеллект / Н.К. Рябцева. — РАН. Институт языкознания. — М.: Academia, 2005. — 640 с.
284. Самый оскорбительный новогодний подарок [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lady.mail.ru/article/112020-samyj-oskorbitelnyj-novogodnij-podarok/>.
285. Саржина, О.В. Русские инвективные имена лица: комплексный анализ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Оксана Владимировна Саржина. — Томск, 2005. — 209 с.
286. Сатыбалова, Е.В. Человеческая деструктивность: основания и формы проявления: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.13 / Елена Владимировна Сатыбалова. — Екатеринбург, 2002. — 17 с.
287. Светозарова, Н.Д. Интонация в художественном тексте / Н.Д. Светозарова. — Спб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2000. — 177 с.
288. Седов, К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К.Ф. Седов. — М.: Лабиринт, 2004. — 320 с.
289. Седов, К.Ф. Типы языковых личностей по способности к кооперации в речевом поведении / К.Ф. Седов // Проблемы речевой коммуникации. Межвузовский сборник научных трудов. — Саратов: изд-во Саратовского университета, 2000. — С. 6—12.
290. Сентенберг, И.В. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте / И.В. Сентенберг // Языковая личность: проблемы значения и смысла. — Волгоград, 1994. — С. 14—25.
291. Сидорова, Е.Ю. Вербальная агрессия как коммуникативно-прагматическое явление / Е.Ю. Сидорова // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. — № 319. — С. 8—31.
292. Симонов, П.В. Метод К.С. Станиславского и физиология эмоций / П.В. Симонов. — М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1962. — 138 с.
293. Симонов, П.В. Теория отражения и психофизиология эмоций / П.В. Симонов. — М.: Наука. 1970. — 140 с.

294. Симонов, П.В. Что такое эмоция? / П.В. Симонов. — М.: Наука, 1966. — 92 с.
295. Симонов, П.В. Эмоциональный мозг / П.В. Симонов. — М.: Наука, 1981. — 215 с.
296. Сиротинина, О.Б. Общая характеристика лексики разговорной речи / О.Б. Сиротинина // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. — Изд. 3-е, стереотип. — Саратов, 2009. — 253 с.
297. Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Скляревская. — Спб., 1993. — 152 с.
298. Сковородников, А.П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии / А.П. Сковородников // Риторика↔Лингвистика. — Вып. 5: сб. статей. — Смоленск: СГПУ, 2004. — С. 5—11.
299. Сковородников, А.П. Языковое насилие в современной российской прессе / А.П. Сковородников // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения : науч.-метод. бюл. Выпуск 2(2) / Краснояр. ун-т, Лаб. лингвоэкологии и речевой культуры СО Междунар. акад. наук высш. школы; отв.ред. А.П. Сковородников; Ачин. пед. колледж; науч.рук. Гос. ком. РФ по высш. образованию. — Красноярск — Ачинск: Краснояр. ун-т, 1997. — С. 10—15.
300. Скребцова, Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Т.Г. Скребцова; послесл. Н. Л. Сухачева. — СПб, 2000. — 204 с.
301. Скрипкина, Т.П. Доверие как социально-психологическое явление: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05 / Татьяна Петровна Скрипкина. — Ростов н/Д., 1998. — 45 с.
302. Смех без причины — не признак дурачины [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://top.rbc.ru/wildworld/19/04/2010/396243.shtml>.
303. Смех помогает справиться с проблемами [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.newsinfo.ru/news/2011-04-01/sdfsddf/750791/>.

304. Смирнова, Е.С. Высказывание-оскорбление: коммуникативно-функциональный аспект (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.С. Смирнова. — Киев, 1993. — 17 с.
305. Смирнова, Н.И. Невербальные аспекты коммуникации (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.И. Смирнова. — М., 1973. — 23 с.
306. Смирнова, Н.И. Сопоставительное описание элементов русской и английской кинесической коммуникации / Н.И. Смирнова // Национально-культурная специфика речевого поведения. — М.: Наука, 1977. — С. 219—247.
307. Соловьев, В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2 / В.С. Соловьев; общ. Ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева. — М.: Мысль, 1988. — 822 с.
308. Сорокин, В.А. Кинетические единицы и проблемы их передачи в тексте художественного перевода: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Владислав Александрович Сорокин. — М., 1993. — 254 с.
309. Спиноза, Б. О происхождении и природе аффектов / Б. Спиноза // Психология эмоций. Тексты. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — С.29—46.
310. Станиславский, К.С. Работа актера над собой / К.С. Станиславский. — М.: Искусство, 1985. — 479 с.
311. Стародубцева, А.В. Исследование концептуального пространства «эмоция» в тексте (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Александра Васильевна Стародубцева. — Барнаул, 2004. — 147 с.
312. Степанов, Г.В. Язык. Литература. Поэтика / Г.В. Степанов. — М.: Наука, 1988. — 382 с.
313. Степанов, Ю.С. В мире семиотики / Ю.С. Степанов // Семиотика: Антология. — М., 2001. — С. 5—42.
314. Степанов, Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю.С. Степанов. — М., 1985. — 335 с.

315. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 824 с.
316. Степанова, И.Б. Квалификация преступлений из ревности, совершенных в состоянии аффекта [Электронный ресурс] / И.Б. Степанова // Законность. — 1996. — № 10. — Режим доступа: [http://www.juristlib.ru/book\\_189.html](http://www.juristlib.ru/book_189.html).
317. Стернин, И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание / И.А. Стернин // С любовью к языку: Сб. науч. тр. — М.; Воронеж, 2002. — С. 44—51.
318. Стернин, И.А. Модель русского невербального коммуникативного поведения / И.А. Стернин // Русское и финское невербальное коммуникативное поведение. — СПб.: Изд-во РГПУ им А.И. Герцена, 2001. — Вып. 2. — С. 14—25.
319. Стернин, И.А. Функциональный компонент значения слова в языковом сознании [Электронный ресурс] / И.А. Стернин. — Режим доступа: <http://www.rusexpert.ru/index.php?idp=content&id=151>.
320. Стефанский, Е.Е. Эмоциональные концепты как фрагмент мифологической и современной языковых картин мира (на материале концептов, обозначающих негативные эмоции в русской, польской и чешской лингвокультурах): монография / Е.Е. Стефанский. — Самара: Самар. гуманитар. акад., 2008. — 316 с.
321. Сухих, С.А. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса Образ России: извне и изнутри: Сборник статей / С.А. Сухих, В.В. Зеленская; под ред. Е.Ф. Тарасова (отв.редактор), Н.В. Уфимцевой, Е.А. Аршавской. — Издание: Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 1998. — 160 с.
322. Сысоев, Д. Беседы о страстях. Зависть [Электронный ресурс] / Д. Сысоев. — Режим доступа: <http://russned.ru/hristianstvo/besedyi-o-strastyah-zavist>.
323. Тарасов, Е.Ф. Языковое сознание / Е.Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. — 2004. — № 2. — С. 34—47.



324. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. — М.: Наука, 1988. — С. 173—204.
325. Томэ, Х. Современный психоанализ. Т. 1. Теория / Х. Томэ, Х. Кэхеле; пер. с англ. / общ. ред. А.В. Казанской. — М.: Издательская группа «Прогресс» — «Литера», Издательство Агентства «Яхтсмен», 1996. — 576 с.
326. Третьякова, В. С. Конфликт глазами лингвиста / В.С. Третьякова // Юрислингвистика—2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. — Барнаул, 2000. — С. 127—140.
327. Тронева, Е.В. Эвфемистическая лексикализация концепта «гнев» в английской лингвокультуре / Е.В. Тронева // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей; отв. ред. В.В. Красных, А.И. Иотов. — М.: МАКС пресс, 2009. — Вып. 39. — С. 50—56.
328. Трубачев, О.Н. Этногенез и культура древнейших славян / О.Н. Трубачев. — М., Наука, 2003. — 272 с.
329. Трусов, В.П. Выражение эмоций на лице (по материалам работ П.Экмана) / В.П. Трусов // Вопр. психологии. — №5. — 1982. — С.144—147.
330. Ученые нашли в мозге зоны зависти [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.chuvstvnet.ru/publ/2-1-0-5>.
331. Ученые нашли связь между климатом и ростом насилия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.bbc.co.uk/russian/science/2013/08/130802\\_climate\\_violence\\_link.shtml](http://www.bbc.co.uk/russian/science/2013/08/130802_climate_violence_link.shtml).
332. Филимонова, О.Е. Категория эмотивности в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / Ольга Евгеньевна Филимонова. — СПб: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2001. — 44 с.
333. Филиппов, А.В. Звуковой язык и «язык» жестов / А.В. Филиппов // Лингвистический сборник. — Вып. 3. — М.:МОПИ, 1975. — С.14—33.

334. Филиппова, П.В. Язык цвета в романе Ю.К. Олеши «Зависть» / П.В. Филиппова // Филологический анализ текста. — Барнаул, 2004. — Вып. 5. — С. 77—86.
335. Флоренский, П.А. Столп и утверждение истины / П.А. Флоренский. — М.: «Правда», 1990. — 497 с.
336. Фомин, А. Г. Репрезентация тактик вербальной агрессии в языковом сознании россиян и американцев / А.Г. Фомин, Н.С. Якимова // Язык и культура. — 2012. — № 3. — С.41—50.
337. Фрейд, З. *Я и Оно* / З. Фрейд // Психология бессознательного. — М.: Просвещение, 1989. — С. 425—439.
338. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. — М.: «Республика», 1994. — 447 с.
339. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. — «Академический проект», 2008. — 256 с.
340. Хайдеггер, М. Бытие и время [Электронный ресурс] / М. Хайдеггер. — Режим доступа: [http://www.gumer.info/bogoslov\\_Buks/Philos/Haid\\_BtVr/index.php](http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Haid_BtVr/index.php).
341. Хлопкова, Е.В. Классификация манипулятивных стратегий и тактик в судебном состязательном дискурсе / Е.В. Хлопкова // Гуманитарные исследования. — 2010. — № 4 (36). — С. 152—158.
342. Хорни, К. Невротическая потребность в любви [Электронный ресурс] / К. Хорни. — Режим доступа: <http://www.reallove.ru/main/Biblio?id=184>.
343. Хохлова, Н.В. Способы и средства реализации коммуникативной категории угрозы в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Надежда Владимировна Хохлова. — Волгоград, 2004. — 19 с.
344. Целуйко, В.М. Психологические основы педагогического общения: [пособие для студентов и педагогов] / В.М. Целуйко. — М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007 — 295 с.
345. Цыбина, Л.В. Языковые и неязыковые средства актуализации эмоции «гнев» в кинематографическом дискурсе (гендерный аспект): на материале

английского языка.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: / Лариса Викторовна Цыбина. — Саранск, 2005. — 24 с.

346. Чанышева, З.З. Лексические средства обозначения паралингвистических компонентов речи в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / З.З. Чанышева. — М., 1979. — 223 с.

347. Чейф, У.Л. Память и вербализация прошлого опыт / У.Л. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Радуга, 1983. — Вып. XII. — С.35—73.

348. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. — М., 1992. — 280 с.

349. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. — М.: Наука, 1991. — 214 с.

350. Ченки, А. Современные когнитивные подходы в семантике: сходства и различия в теориях и целях / А. Ченки // Вопр. языкознания. — 1996. — № 2. — С. 68—78.

351. Черемисина-Ениколопова, Н.В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь / Н.В. Черемисина-Ениколопова. — Русский язык, 1989. — 240 с.

352. Чесноков, И.И. Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Иван Иванович Чесноков. — Волгоград, 2009. — 334 с.

353. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) / А.П. Чудинов. — Екатеринбург, 2001.— 238 с.

354. Шарифуллин, Б.Я. Инвектива: лингвистика vs. юриспруденция, или лингвистика atque юриспруденция / Б.Я. Шарифуллин // Вестник Красноярского ун-та. Гуманитарная серия. — Вып. 2. — Красноярск, 2000. — С. 93—96.

355. Шарифуллин, Б.Я. Общественная лексика: терминологические заметки / Б.Я. Шарифуллин // Речевое общение: Вестник Российской риторической

- ассоциации. № 1(9). — Красноярск, 2000а. — С. 108—111.
356. Шарифуллин, Б.Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблемы инвективы / Б.Я. Шарифуллин // Юрислингвистика—5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. — Барнаул, 2004. — С. 120—132.
357. Шарифуллин, Б.Я. Языковая экспансия, языковая агрессия и языковая демагогия / Б.Я. Шарифуллин // Проблемы развития речевой культуры педагога: Тез. регион. научно-практич. семинара. — Томск, 1997. — С. 18—21.
358. Шаховский, В.И. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности / В.И. Шаховский, В.В. Жура // Вопросы языкознания. — № 5. — 2002. — С. 38—56.
359. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. — 192 с.
360. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография / В.И. Шаховский. — М.: Гнозис, 2008. — 416 с.
361. Шаховский, В.И. Мат как коммуникативная «приправа» (в аспекте эмотивной лингвоэкологии) / В.И. Шаховский // Экология русского языка: Материалы 2(4)-ой Международной научной конференции. — Пенза: Издательство Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского, 2011. — С. 79—92.
362. Шаховский, В.И. Модус экологичности в эмоциональной коммуникации / В.И. Шаховский // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр.; науч. ред. проф. В.И. Шаховский. — Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. — С. 53—61.
363. Шаховский, В.И. Национально-культурная специфика эмоций в языке оригинала и ее отражение в языке перевода / В.И. Шаховский // Тетради переводчика: Научно-теоретический сборник. — Вып. 23. — М.: Высшая школа, 1989.— С. 75—83.

364. Шаховский, В.И. О лингвистике эмоций / В.И. Шаховский // Язык и эмоции. — Волгоград: Перемена, 1995. — С.3—15.
365. Шаховский, В.И. Общероссийский научно-теоретический семинар «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве» / В.И. Шаховский, Я.А. Волкова // Вопросы психолингвистики. — № 2 (16) — 2012. — С. 208—213.
366. Шаховский, В.И. Проблема зависимости модуса экологичности от амбивалентности оценочного знака эмоциональной коммуникации / В.И. Шаховский, Я.А. Волкова, Н.И. Коробкина, А.А. Штеба // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. «Филология. Искусствоведение». — Вып. 69.— № 23 (277). — Челябинск, 2012. — С. 128—136.
367. Шаховский, В.И. Экология эмоционального сознания / В.И. Шаховский // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XII Междунар. науч. Конф. (Ульяновск, 16–19 мая 2012); отв. ред. проф. А.В. Пузырев. — М.: Ин-т языкознания РАН; Ульяновск: Ульян. гос. ун-т, 2012. — С. 142—145.
368. Шаховский, В.И. Эмоции — мотивационная система человеческого сознания / В.И. Шаховский // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. — Вып.6. — Москва—Барнаул, 2003. — С. 215—222.
369. Шаховский, В.И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты / В.И. Шаховский // Языковая личность: культурные концепты. — Волгоград: Перемена, 1996. — С.80—96.
370. Шевченко, О.Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б.В. Заходера): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ольга Николаевна Шевченко. — Волгоград, 2005. — 22 с.
371. Шейгал, Е.И. Политические эмоции и их дискурсивное проявление // Е.И. Шейгал / Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты: Сб.

науч. тр. к юбилею В.И. Шаховского. — Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2009. — С. 175—183.

372. Шейнов, В.П. Скрытое управление человеком (Психология манипулирования) [Электронный ресурс] / В.П. Шейнов. — Режим доступа: [http://svitk.ru/004\\_book\\_book/7b/1616\\_hveynov-skritoe.php](http://svitk.ru/004_book_book/7b/1616_hveynov-skritoe.php).

373. Шёк, Г. Зависть: теория социального поведения / Г. Шёк. — М.: ИРИСЭН, 2008. — 544 с.

374. Шелер, М. Избранные произведения / М. Шелер. — М.: Гнозис, 1994. — 490 с.

375. Шибанова, Е.А. Концептуальное пространство брачных объявлений (на материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Елена Александровна Шибанова. — Пенза, 2004. — 172 с.

376. Шингаров, Г.Х. Эмоции и чувства как форма отражения действительности / Г.Х. Шингаров. — М.: Наука, 1971. — 223 с.

377. Школа правды: как распознать завистника [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.segodnya.ua/ukraine/shkola-pravdy-kak-raspoznat-zavistnika.html>.

378. Шовен, Р. Поведение животных / Р. Шовен; пер. с фр. Л.С. Бондарчука, З.А. Зориной. — Изд. 2-е. — М., 2009. — 487 с.

379. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление. Т.2 / А. Шопенгауэр. — Москва: «Наука», 1993. — С. 109 — 626 с.

380. Штеба, А.А. К проблеме языковой категоризации «смешанных чувств» (двумодусная экологичность эмоциональной коммуникации) / А.А. Штеба // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр.; науч. ред. проф. В.И. Шаховский. — Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. — С.401—415.

381. Шубина, В.П. О жестово-мимических фразеологизмах немецкого языка / В.П. Шубина // Фразеологическая система языка. — Вып. 4. — Челябинск, 1978. — С. 98—108.

382. Щербинина, Ю.В. Вербальная агрессия / Ю.В. Щербинина. — Изд. 2-е. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 360 с.
383. Эйчисон, Д. Лингвистическое отражение любви, гнева и страха: цепи, сети или контейнеры? / Д. Эйчисон // Язык и эмоции. — Волгоград: Перемена, 1995. — С.76—91.
384. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр.; науч. ред. проф. В.И. Шаховский. — Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. — 450 с.
385. Юрлов, В. Заметка о свадебных обрядах в Симбирской губернии. Записано в селениях Сенгилеевского уезда: Суровке, Чертановке, Хвостихе, Порецком, Собакине [Электронный ресурс] / В. Юрлов // Симбирские губернские ведомости. 1867 г. No 27—29—30. — 11—16—18 марта. (Перепечатано частично в сб.: Материалы из истории и статистики Симбирской губернии. Выпуск 4. Симбирск, 1907 г.). — Режим доступа: [http://ulfolk.ru/texty/Yurlov\\_Svadba.pdf](http://ulfolk.ru/texty/Yurlov_Svadba.pdf).
386. Якобсон, Р.О. Да и нет в мимике / Р.О. Якобсон // Язык и человек. — М.: Изд-во МГУ, 1970. — С.284—289.
387. Янелюкайте, С.С. Грамматические средства выражения эмотивности в тексте (современный немецкий язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С.С. Янелюкайте. — М., 1985. — 21 с.
388. Яровикова, Ю.В. Функционально-семантическая категория ANGER в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Юлия Владимировна Яровикова. — Белгород, 2013. — 20 с.
389. Aboudan, R. Cross-Cultural Similarities in Gestures: the Deep Relationship between Gestures and Speech which Transcends Language Barriers / R.Aboudan, G. Beattie // Semiotica. — 111. — 1996. — P. 269—294.
390. Aitchison, J. Chains, Nets or Boxes? The Linguistic Capture of Love, Anger and Fear / J. Aitchison // Anglistentag 1991. Düsseldorf. Proceedings.W.L.Busse (Ed.).— Tübingen: Niemeier, 1992. — P. 29—39.

391. Ankersmit, F.A. Metaphor in Political Theory / F.A. Ankersmit // Knowledge and Language 3. — Dordrecht, 1993. — P. 155—202.
392. Argyle, M. Bodily Communication / M. Argyle. — N.Y: International Univ. Press, Inc.,1977. — 403 p.
393. Argyle, M. Social Interaction / M. Argyle. — London: Methuen, CO Ltd, 1969. — 504 p.
394. Argyle, M. The Syntaxes of Bodily Communication / M. Argyle // The Body as a Medium of Expression. — London: Allen Lane, 1975. — P. 141—161.
395. Aspects of Face Processing (Ed. by Hadyn. D. Ellis) // Proceeding of the NATO Advanced Research Workshop on “Aspects of Face Processing”. Aberdeen, Scotland, UK, June 29—July 4, 1985. — Dordrecht, The Netherlands, 1985. — 516 p.
396. Bandura, A. Aggression: a Social Learning Analysis / A. Bandura. — Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, Inc., 1973. — 390 p.
397. Berbera, M.L. Metaphor in 19-th Century Medicine / M.L. Berbera // Knowledge and Language 3. — Dordrecht, 1993. — P.143—154.
398. Berkowitz, L. Aggression: a Social Psychological Analysis / L. Berkowitz. — New York, 1962. — 361 p.
399. Berkowitz, L. Aggressive Cues in Aggressive Behavior and Hostility Catharsis / L. Berkowitz. // Psychological Review 71. — No.2. — 1964. — P. 104—122.
400. Birdwhistell R. Introduction to Kinesics / R. Birdwhistell. — Univ. of Louisville, 1965. — 75 p.
401. Birdwhistell, R. Kinesics and Context: Essays on Body-Motion Communication / R. Birdwhistell. — Penguin Books, 1973. — 338 p.
402. Bonheim, H. Emotions in Literature / H. Bonheim // Anglistentag 1991. Düsseldorf. Proceedings.W.L.Busse (Ed.). — Tübingen: Niemeier, 1992. — P. 179—188.
403. Buchowski, M. Metaphor, Metonymy and Cross-Cultural Translation / M. Buchowski // Semiotica. — 110. — 1996. — P. 301—340.



404. Buck, R.A. Towards and Extended Theory of Face Action: Analyzing Dialogue in E.M.Forster's "A Passage to India" / R.A. Buck // *Journal of Pragmatics* 27. — 1997. — P. 83—106.
405. Buck, R. Nonverbal communication of affect in humans / R. Buck, V. Savin, R.E. Miller, and W.F. Caul // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 23. — 1972. — P. 362—371.
406. Burgen, S. Bloody hell, verdammt noch mal! Eine europäische Schimpfkunde / S. Burgen. — München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1998. — 251 S.
407. Buss, A. Aggression Pays / A. Buss // *The Control of Aggression and Violence*. — NY, London: Academic Press, 1971. — P. 7—18.
408. Chapman, R. The Treatment of Sound in Language and Literature / R. Chapman. — London: Basil Blackwell Publisher Ltd., 1984. — 262 p.
409. Chen, P. A Cognitive Study of "Anger" Metaphors in English and Chinese Idioms / P. Chen // *Asian Social Sciences*. — Vol. 6. — No. 8. — August 2010. — P. 73—76.
410. Components of Emotional Meaning. A Sourcebook / J.J.R. Fontaine, K.R. Scherer, C. Soriano (Eds.). — Oxford: Oxford University Press, 2013. — 650 p.
411. Cooper, D.E. Truth and Metaphor / D.E. Cooper // *Knowledge and Language* 3. — Dordrecht, 1993. — P. 37—47.
412. Critchley, M. Silent Language / M. Critchley. — London: Butterworths, 1975. — 231 p.
413. Crystal, D. Paralinguistics / D. Crystal // *The Body as a Medium of Expression*. — London: Allen Lane, 1975. — P.162—174.
414. Crystal, D. Systems of Prosodic and Paralinguistic Features in English / D. Crystal, R. Quirk. — London, The Hague, 1964. — 94 p.
415. Danto, A.C. Metaphor and Cognition / A.C. Danto // *Knowledge and Language* 3. — Dordrecht, 1993. — P. 21—35.
416. Darwin and Facial Expression: a Century of Research in Review / P. Ekman (Ed.). — New York and London: Academic Press, 1973. — 273 p.

417. Darwin, Ch. *The Expression of the Emotions in Man and Animals* / Ch. Darwin. — Univ.of Chicago Press, 1965. — 372 p.
418. Davies, E. *Beyond Dance: Laban's Legacy of Movement Analysis* / E. Davies. — Routledge, 2006. — 163 p.
419. Davitz, J. *The Communication of Emotional Meaning.* / J. Davitz. — New York, etc., 1964. — 214 p.
420. Efron, D. *Gesture, Race and Culture* / D. Efron. — Mouton, 1972. — 226 p.
421. Eibl-Eibesfeldt, I. *Love and Hate: the Natural History of Behavior Patterns* / I. Eibl-Eibesfeldt. — New York: Holt, Rinehart, 1972. — 276 p.
422. Eibl-Eibesfeldt, I. *The Biology of Peace and War: Men, Animals and Aggression* / I. Eibl-Eibesfeldt. — New York: The Viking Press, 1979. — 294 p.
423. Ekman, P. *Expression and the Nature of Emotion* / P. Ekman // *Approaches to Emotion.* K.Scherer and P.Ekman (Eds.). — New York, 1984. — P. 319—340.
424. Ekman, P. *Facial Action Coding System: A Technique for the Measurement of Facial Movement* / P. Ekman, W. Friesen. — Palo Alto: Consulting psychologists Press, 1978.
425. Ekman, P. *Facial Affect Scoring Techniques: A First Validity Study* / P. Ekman, W. Friesen, S.S. Tomkins. — *Semiotica.* — 1971. — V. 3. — P. 37—58.
426. Ekman, P. *Unmasking the Face: a Guide to Recognizing Emotions from Facial Expressions* / P. Ekman, W. Friesen. — Englewood Cliffs, New Jersey, 1975. — 211 p.
427. Ekman, P. *Emotion in the Human Face* / P. Ekman, W. Friesen, P. Ellsworth. — Pergamon Press, Inc., 1972. — 191 p.
428. Ekman, P. *Detecting deception from the body or face* / P. Ekman, W. Friesen // *Journal of Personality and Social Psychology,* 1974. — 29. — P. 288—298.
429. Fast, J. *Body Language* / J. Fast. — New York: Pocket Books, 1975. — 183 p.
430. Fast, J. *The Body Language of Sex, Power, and Aggression* / J. Fast. — New York: M.Evans and Company, Inc., 1977. — 192 p.

431. Fauconnier, G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language* / G. Fauconnier. — New York: Cambridge University Press, 1994. — 190 p.
432. Fisher, A. *Laughing and Smiling in the History of English* / A. Fisher // *Anglistentag* 1991. Düsseldorf. Proceedings.W.L.Busse (Ed.). — Tübingen: Niemeier, 1992. — P.51—62.
433. Foster, S.H. “Of Shoes and Ships and Sealing Wax”: *Nonverbal Communication and its Development* / S.H. Foster // *Semiotica*. — 55. — 1985. — P. 275—294.
434. Frois-Wittmann, J. *The Judgement of Facial Expression* / J. Frois-Wittmann // *Journal of Experimental Psychology* XIII. — No.2. — 1930. — P. 113—151.
435. Galda, L. *The Development of the Comprehension of Metaphor* / L. Galda // *Semiotica*. — 50. — 1984. — P. 83—95.
436. Gärdenfors, P. *Conceptual Spaces: The Geometry of Thought* / P. Gärdenfors. — The MIT Press, 2004. — 307 p.
437. Goddard, C. *Cross-Linguistic Research on Metaphor* / C. Goddard // *Language and Communication* 16. — 1996. — No. 2. — P. 143—151.
438. Graber, G.N. *Zur Psychoanalyse des Fluchens* / G.N. Graber // *Psychoanalytische Bewegung*. — 1991. — Nr 3. — S. 56—68.
439. Hall, E.T. *The Hidden Dimension* / E.T. Hall. — Anchor Books, New York, 1969. — 217 p.
440. Haugen, E. *The Ecology of Language* / E. Haugen // *The Ecolinguistic Reader: Language, Ecology and Environment* (eds. A. Fill, P. Mühlhäusler). — L., N.Y.: Continuum, 2006. — P. 57—66.
441. Izard, C. *Facial Expression, Emotion, and Motivation* / C. Izard // *Nonverbal Behavior: Applications and Cultural Implications*. — New York, etc.: Acad. Press., 1979. — P. 31—49.
442. Jacobs, P. *Aggressive behavior, mental sub-normality and the XYY male* / P. Jacobs, M. Brunton, M. Melville, R. Brittain, W. McClemont // *Nature*. — 1965. — Dec 25. — 208(5017). — P.1351—1352.

443. Jacobsen, E. Language and Emotion / E. Jacobsen // *Pragmalinguistics: Theory and Practice*. — The Hague: Mouton, 1979. — V.1. — P. 215—231.
444. Jacobs, P. A. Chromosome surveys in penal institutions and approved schools / P.A. Jacobs, W.H. Price, S. Richmond, R. Ratcliff // *Journal of Medicine Genetics*, 8. — No. 1. — 1971. — P. 49—58.
445. Kantor, M. *Passive Aggression: A Guide for the Therapist, the Patient and the Victim* / M. Kantor. — Praeger Publishers, 2002. — 226 p.
446. Kendon, A. *Gesture: Visible Action as Utterance* / A. Kendon. — Cambridge University Press, 2004. — 412 p.
447. Kendon, A. Some relationships between gestures and speech: An analysis of an example / A. Kendon // *Studies in dyadic communication*; A. Siegman, B. Pope eds. — Elmsford, N.Y.: Pergamon Press, 1972. — P. 177—210.
448. Key, M.R. A Half-Century of Paralanguage / M.R. Key // *Semiotica*. — 107. — 1995. — P. 377—394.
449. Key, M.R. *Paralanguage and Kinesics (Nonverbal Communication)* / M.R. Key. — New York: The Scarecrow Press, Inc., 1975. — 246 p.
450. Kiener, F. *Das Wort als Waffe. Zur Psychologie der verbalen Aggression* / F. Kiener. — Güttingen, 1983. — 304 S.
451. Klineberg, O. Emotional expression in Chinese literature / O. Klineberg // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. — Vol. 33 (4). — Oct. 1938. — P. 517—520.
452. Kneepkens, E.W.E.M. Emotions and Literary Text Comprehension / E.W.E.M. Kneepkens, R.A. Zwaan // *Poetics* 23. — 1994—1995. — P. 125—138.
453. Knoblich, G. Biological Correlates of Criminal Behavior [Electronic resource] / G Knoblich, R. King // *Facts, Frameworks, and Forecasts: Advances in Criminological Theory*; Joan McCord (Ed.). —1992. — V 3. — P. 1—21.— Mode of access: <https://www.ncjrs.gov/App/Publications/abstract.aspx?ID=136082>.
454. Korte, B. *Körpersprache in der Literatur: Theorie und Geschichte am Beispiel englischer Erzählprosa* / B. Korte. — Tübingen, 1993. — 313 S.

455. Korte, B. The Literary Body Language of Emotions: Some Notes on its History / B. Korte // Anglistentag 1991. Düsseldorf. Proceedings.W.L.Busse (Ed.). — Tübingen: Niemeier, 1992. — P. 205—216.
456. Kövecses, Z. Metaphor in Culture: Universality and Variation / Z. Kövecses. — Cambridge University Press, 2005. — 314 p.
457. Kövecses, Z. Metaphors of Anger, Pride and Love: A lexical approach to the structure of concepts / Z. Kövecses// Pragmatics and Beyond, VII:8. — Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1986. — 147 p.
458. Kövecses, Z. Emotion Concepts / Z. Kövecses. — New York: Springer-Verlag, 1990. — 230 p.
459. Lakoff, G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf / G. Lakoff // Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf; B. Hallet (ed.). — Spark M. Matsunaga Institute for Peace, University of Hawaii, 1991 — 119 p.
460. Lakoff, G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind / G. Lakoff. — Chicago and London: The Univ. of Chicago Press, 1987. — 614 p.
461. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago, London: The Univ. of Chicago Press, 1980. — 212 p.
462. Lamarche, J.-B. The verbalization of repressed intentions. A Socially instituted practice / J.-B. Lamarche // Language and Dialogue 2:1. — John Benjamins Publishing Company, 2012. — P. 174—189.
463. Leathers, D. Nonverbal Communication Systems / D. Leathers. — Boston: Allyn , Bacon, Inc., 1976. — 273 p.
464. Leathers, D. Successful Nonverbal Communication: principles and applications / D. Leathers. — Macmillan, 1986. — 300 p.
465. Levin, S. R. Poetry, Knowledge, and Metaphor / S.R. Levin // Knowledge and Language 3. — Dordrecht, 1993. — P. 81—93.
466. Lorenz, K. On Aggression / K. Lorenz. — Bantam Books, 1967. — 306 p.
467. Luginbühl, M. Conversational violence in political TV debates: Forms and functions / M. Luginbühl // Journal of Pragmatics. — V. 39. — Issue 8. — 2007. —

P. 1371—1387.

468. Maasen, S. Metaphors — Messengers of Meaning / S. Maasen, P. Weingart // *Science Communication* 17. — 1995. — No. 1. — P. 9—31.
469. McNeill, D. *Gestures and Thought* / D. McNeill. — Chicago: The University of Chicago Press, 2005. — 318 p.
470. McNeill, D. So you Think Gestures are Nonverbal? / D. McNeill // *Psychological Review* 92. — 1985. — P. 350—371.
471. McNeill, D. *Hand and mind: What gestures reveal about thought?* / D. McNeill. — Chicago Chicago Univ. Press, 1992. — 416 p.
472. McNeill, D. *Conceptual representation in Language and Gesture* / D. McNeill, E. Levy // R.J. Jarvella, W. Klein (eds.) *Speech, Place and Action*. — New York: John Wiley & Sons Ltd., 1982. — P. 271—295.
473. Mehrabian, A. *Nonverbal Communication* / A. Mehrabian. — Chicago, New York, 1972. — 226 p.
474. *Metaphor and Gesture* / Cienki, A. and C. Muller (eds). — Amsterdam / Philadelphia, PA: Benjamins, 2008. — 306 p.
475. Morris, D. *Manwatching: a Field Guide to Human Behavior* / D. Morris. — New York: Harry N. Abrams, Inc, 1977. — 320 p.
476. Morris, D. *Gestures: their Origin and Distribution* / D. Morris, P. Collett, P. Marsh. — London, 1979. — 296 p.
477. *Nonverbal Behavior: Applications and Cultural Implications* / Aaron Wolfgang (Ed.). — New York, etc.: Academic Press, 1979. — 225 p.
478. Page, N. *Speech in the English Novel* / N. Page. — London: Longmans, 1970. — 172 p.
479. Pen, J. *Economics and Language* / J. Pen // *Knowledge and Language* 3. — Dordrecht, 1993. — P.137—142.
480. Plutchik, R. *Emotions, Evaluation and Adaptive Processes* / R. Plutchik // *Feelings and Emotions. The Loyola Symposium* M. Arnold (Ed.). — New York , London, 1970. — P. 30—24.

481. Rosenthal, R. Sensitivity to Nonverbal Communications: The PONS Test / R. Rosenthal, J.A. Hall, M.R. DiMatteo, P.L. Rogers, D. Archer. — Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 1979. — 407 p.
482. Sanders, R.E. The Interpretation of Nonverbals / R.E. Sanders // *Semiotica*. — 55. — 1985. — P.195—216.
483. Schumann, H.B. Sprecherabsicht: Beschimpfung / H.B. Schumann // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und kommunikationsforschung*. — Nr. 43. — 1990. — S. 259—281.
484. Shaarani, A.S. Perception of Emotions from Static Postures / A.S Shaarani, D.M. Romano // *Affective Computing and Intelligent Interaction. Lecture Notes in Computer Science*. — V. 4738. — 2007. — P. 761—762.
485. Soriano, C. Types of anger in Spanish and Russian / C. Soriano, J.J.R. Fontaine, A. Ogarkova, C.M. Quijano, Y. Volkova, S. Ionova, V. Shakhovsky // *Components of Emotional Meaning*. — Oxford University Press, 2013. — P. 339—352.
486. Stokoe, W. C. Hands, Language, and Gestures / W.C. Stokoe // *Semiotica*. — 104. — 1995. — P. 217—223.
487. Taylor, Ch. Action as expression / Ch. Taylor // *Intention and Intentionality*. C. Diamond and J. Teichman (eds). — Brighton: The Harvester Press, 1979. — P. 73—90.
488. Waelder, R. Basic theory of psycho-analysis / R. Waelder. — International University Press, New York, 1960. — 213 p.
489. Wallbott, H.G. Bodily expression of emotion / H.G. Wallbot // *European Journal of Social Psychology*. — Vol. 28. — Issue 6. — 1998. — P. 879—896.
490. Wetzler, S. Living with the Passive-Aggressive Man: Coping with Hidden Aggression — From the Bedroom to the Boardroom. / S. Wetzler.— Touchstone; Reprint edition, 1993. — 208 p.
491. Why a row a day is good for teenagers [Electronic resource]. — Mode of access:  
<http://www.guardian.co.uk/lifeandstyle/2008/mar/16/familyandrelationships.uk>

492. Wierzbicka, A. Emotions / A. Wierzbicka // *Semantic Primitives*. — Frankfurt a.M., 1972. — P. 57—70.
493. Wierzbicka, A. Kisses, Handshakes, Bows: the Semantics of Nonverbal Communication / A. Wierzbicka // *Semiotica*. — 103. — 1995. — P. 207—252.
494. Wierzbicka, A. Emotions across languages and cultures: Diversity and Universals / A. Wierzbicka. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — 351 p.
495. Wierzbicka, A. English: Meaning and Culture / A. Wierzbicka. — Oxford: Oxford University Press, 2006. — 363 p.
496. Wollheim, R. Metaphor and Painting / R. Wollheim // *Knowledge and Language* 3. — Dordrecht, 1993. — P. 113—126.
497. Yu, N. Metaphorical Expressions of Anger and Happiness in English and Chinese / N. Yu // *Metaphor and Symbolic Activity*. — 10. — No. 1. — 1995. — P. 59—92.



## СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- БАС1 — Словарь современного русского литературного языка. Т. 7. — М.—Л.: Наука, АН СССР, 1958. — 752 с.
- БАС2 — Словарь современного русского литературного языка. Т. 8. — М.—Л.: Наука, АН СССР, 1959. — 924 с.
- БАС3 — Словарь современного русского литературного языка. Т. 12. — М.—Л.: Наука, АН СССР, 1961. — 846 с.
- БПС — Мещеряков Б. Большой психологический словарь [Электронный ресурс] / Б. Мещеряков, В. Зинченко. — Режим доступа: [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Psihol/dict/08.php/](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/08.php/)
- БСРП — Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. — 784 с.
- БТС — Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2008. — 1536 с.
- БЭС — Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vedu.ru/BigEncDic/744>.
- Даль, В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. — АСТ, Астрель, 2008. — 752 с.
- Душенко, К.В. Большая книга афоризмов / К.В. Душенко. — изд. 8-е, испр. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 1056 с.
- Зимин, В.И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь / В.И. Зимин, А.С. Спирин. — изд. 2-е, стереотипное. — Ростов н/Д: Феникс, Москва: Цитадель-трейд, 2005. — 544 с.
- ИЭС — Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. — 3-е изд, стереотип. — М.: Рус. яз., 1999. — Т. 1. — 624 с.
- КЭС — Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. — М.: Просвещение, 1971. — 542 с.

НОСС — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. — 2 изд. испр и доп.; под. общ. ред. Ю.Д. Апресяна. — М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. — 1487 с.

НТСС1 — Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой: в 2 т. — М.: Дрофа, Русский язык, 2000. — Т. 1. (А—О). — 1208 с.

НТСС2 — Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой: в 2 т. — М.: Дрофа, Русский язык, 2000. — Т. 2. (П—Я). — 1084 с.

РАС — Русский ассоциативный словарь: от стимула к реакции (около 7000 стимулов): В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева. — М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2002. — Т. 1. — 784 с.

СД1 — Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. — М.: Русский язык, 1978. — Т. 1 (А—З). — 699 с.

СД2 — Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. — М.: Русский язык, 1979. — Т. 2 (И—О). — 779 с.

СД3 — Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. — М.: Русский язык, 1980. — Т. 4 (Р—Я). — 683 с.

СО — Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. — под. ред. чл.-корр. АП СССР Н.Ю. Шведовой. — 19 изд., испр. — М.: Рус. яз., 1987. — 750 с.

СС — Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка. — М.: «Русский язык», 1975 — 600 с.

ССП — Лейбин, В.М. Словарь-справочник по психоанализу / В.М. Лейбин. — М.: АСТ, 2010. — 956 с.

СУ — Толковый словарь русского языка / Под. ред. Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/>.

СФ1 — Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. Т. 2 / М. Фасмер. — пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева; под. ред. и с предисл. Б.А. Ларина. — 3-е изд., стер. — СПб.: Терра — Азбука, 1996. — 672 с.

СФ2 — Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. Т. 3 / М. Фасмер. — пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева; под. ред. и с предисл. Б.А. Ларина. — 3-е изд., стер. — СПб.: Terra — Азбука, 1996. — 832 с.

СФ3 — Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. Т. 4 / М. Фасмер. — пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева; под. ред. и с предисл. Б.А. Ларина. — 3-е изд., стер. — СПб.: Terra — Азбука, 1996. — 864 с.

СЭ — Словарь эпитетов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://epithets.academic.ru/>.

ЭСК — Этимологический словарь Крылова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.slovopedia.com/25/209/1651866.html>.

ER&E — Encyclopedia of Religion and Ethics, Vol. 5 / Hastings, James, ed. [Electronic resource]. — New York and Edinburgh: Scribner/Clark, 1912. — Mode of access: <http://www.archive.org/details/encyclopaediaofr05hastuoft>.

## Источники примеров

Алданов, М.А. Девятое термидора [Электронный ресурс] / М.А. Алданов. — Режим доступа: [http://az.lib.ru/a/aldanow\\_m\\_a/text\\_0010.shtml](http://az.lib.ru/a/aldanow_m_a/text_0010.shtml).

Андреев, Л.Н. В темную даль [Электронный ресурс] / Л.Н. Андреев. — Режим доступа: [http://az.lib.ru/a/andreew\\_l\\_n/text\\_0130.shtml](http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/text_0130.shtml).

Брэдбери, Р. Прикосновение пламени [Электронный ресурс] / Р. Брэдбери // Тени грядущего зла: Роман, рассказы; пер. с англ. — Спб., Северо-Запад, 1992. — С. 543—555.

Булгаков М.А. Белая гвардия. Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. — Минск: «Юнаутва», 1988. — 270 с.

Варламов, А. Купавна [Электронный ресурс] / А. Варламов // Новый мир. — 2000. — № 10. — Режим доступа: [http://magazines.russ.ru/novyi\\_mi/2000/10/varla.html](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/10/varla.html)

Василенко, С. Дурочка [Электронный ресурс] / С. Василенко. — Новый мир. — 1998. — № 11. — Режим доступа: [http://magazines.russ.ru/novyi\\_mi/1998/11/wasil.html](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/11/wasil.html)

Володарский, Э.Я. Дневник самоубийцы / Э.Я. Володарский. — Вагриус, 1998. — 333 с.

Госинни, Р. Джджо [Электронный ресурс] / Р. Госинни; пер. с фр. О. Гринберг. — Режим доступа: [http://royallib.ru/read/gosinni\\_r/dgodgo.html#0](http://royallib.ru/read/gosinni_r/dgodgo.html#0)

Домбровский, Ю.О. Факультет ненужных вещей [Электронный ресурс] / Ю.О. Домбровский. — Режим доступа: <http://lib.ru/PROZA/DOMBROWSKIJ/faculty.txt>.

Дэлани, С.Р. Нова / С.Р. Дэлани // Другие тени Земли; пер. с англ. С. Монахова и И. Невструева. — Нижний Новгород, Фирма «Флокс», 1991. — С. 229—425.

Ефремов, И.А. Лезвие бритвы / И.А. Ефремов. — А.: РП общества «Китап», 1992. — 656 с.

Каверин, В.А. Два капитана / В.А. Каверин. — М.: Эксмо, 2010. — 768 с.

Каттнер, Г. Ярость / Г. Каттнер // Ярость: романы, рассказы; пер. с англ. — СПб., Северо-Запад, 1992. — С. 117—334.

Макбейн, Э. Головоломка [Электронный ресурс] / Э. Макбейн. — Режим доступа:

[http://www.ladylib.net/fb/php/makbein\\_yed\\_golovolomka/makbein\\_yed\\_golovolomka\\_GG\\_5.php](http://www.ladylib.net/fb/php/makbein_yed_golovolomka/makbein_yed_golovolomka_GG_5.php)

Манукян, Г.В. Без боя не сдамся [Электронный ресурс] / Г.В. Манукян. — Режим доступа: [http://samlib.ru/m/manukjan\\_g\\_w/bezbojanesdamsjach26glawa.shtml](http://samlib.ru/m/manukjan_g_w/bezbojanesdamsjach26glawa.shtml)

Марков, Г.М. Строговы [Электронный ресурс] / Г.М. Марков. — Режим доступа: [http://www.e-reading.co.uk/bookreader.php/37500/Markov\\_-\\_Strogovy.html](http://www.e-reading.co.uk/bookreader.php/37500/Markov_-_Strogovy.html).

Милле, К. [Электронный ресурс] / К.Милле Ревность; пер. с фр. М. Тайманова. — Режим доступа: <http://www.litmir.net/br/?b=169429>.

Набоков В.В. Лолита [Электронный ресурс] / В.В. Набоков. — Режим доступа: <http://lib.ru/NAVOKOW/lolita.txt>.

Нин, А. Соблазнение Минотавра / А. Нин. — СПб.: Амфора, 2002. — 319 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorgora.ru/>.

Новикова, О. Мне страшно или Третий роман [Электронный ресурс] / О. Новикова // Звезда. — 2003. — № 4. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/4/ivan.html>.

Олеша, Ю.К. Зависть [Электронный ресурс] / Ю.К. Олеша. — Режим доступа: [http://royallib.ru/read/olesha\\_yuriy/zavist\\_sbornik.html#0](http://royallib.ru/read/olesha_yuriy/zavist_sbornik.html#0).

Орлов, В. Камергерский переулочок [Электронный ресурс] / В. Орлов. — Режим доступа: [http://www.e-reading.biz/chapter.php/83062/20/Orlov\\_-\\_Kamergerskiii\\_pereulok.html](http://www.e-reading.biz/chapter.php/83062/20/Orlov_-_Kamergerskiii_pereulok.html).

Платонов А.П. Ювенильное море: Повести, роман / А.П. Платонов. — М.: Современник, 1988. — 560 с.

Публий Овидий Назон. Метаморфозы [Электронный ресурс] / Публий Овидий Назон. — Режим доступа: [http://lib.ru/POEEAST/OWIDIJ/ovidii2\\_2.txt](http://lib.ru/POEEAST/OWIDIJ/ovidii2_2.txt).

Самарка, А. Игры без чести [Электронный ресурс] / А. Самарка. — Режим доступа: <http://www.litmir.net/br/?b=182626&p=1>.

Симонов К.М. Живые и мертвые: Роман в трех книгах / К.М. Симонов. — М.: Художественная литература, 1989. — 1756 с.

Стругацкий, А., Стругацкий, Б. Попытка к бегству / А. Стругацкий, Б. Стругацкий // Сочинения в 3 т. — М.: Изд-во “Московский рабочий” с совместным советско-западногерманским предприятием “Вся Москва”, 1990. — С. 3—106.

Стругацкий, А., Стругацкий, Б. Хрошая судьба: Роман. Отягощенные злом, или Сорок лет спустя: Роман / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. — М.: Текст, ЭКСМО, 1997. — 479 с.

Толстой, А.Н. Хождение по мукам. Т.1 / А.Н. Толстой. — М.: Правда, 1974.— 592 с.

Толстой, А.Н. Хождение по мукам. Т.2 / А.Н. Толстой. — М.: Правда, 1974. — 384 с.

Толстой, Л.Н. Крейцера соната [Электронный ресурс] / Л.Н. Толстой. — Режим доступа: [http://az.lib.ru/t/tolstoj\\_lew\\_nikolaewich/text\\_0240.shtml](http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0240.shtml).

Фицджеральд, Ф.С. Изверг [Электронный ресурс] / Ф.С. Фицджеральд. — Режим доступа: <http://fitzgerald.narod.ru/taps/102r-izverg.html>.

Хайнлайн, Р. Ковентри [Электронный ресурс] / Р. Хайнлайн. — Режим доступа: <http://www.gramotey.com/books/40119477315981.htm>.

Шекспир, У. Тимон Афинский [Электронный ресурс] / У. Шекспир. — Режим доступа: [http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks\\_timon.txt](http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_timon.txt).

Шолохов, М.А. Тихий Дон / М.А. Шолохов. — Т.1. — М.: Известия, 1964. — 736 с.

Эккерман, И.П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни [Электронный ресурс] / И.П. Эккерман. — Режим доступа: <http://www.sky-art.com/goethe/ekkerman/ekkerman00.htm>